

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Взгляд молодых ученых

Сборник материалов
Международной молодежной
научной школы-конференции
(12–14 октября 2020 г.)

Министерство науки и высшего образования РФ
Новосибирский государственный университет
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Автономная некоммерческая организация поддержки и развития
гуманитарных исследований «Свободные науки»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник материалов
Международной молодежной научной школы-конференции
(12–14 октября 2020 г.)

Новосибирск
2020

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2P5)0
А 437

*Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Сборник издан при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-22019

Редколлегия:

канд. ист. наук Д. С. Бобров, В. В. Введенский, С. О. Вишневский,
канд. ист. наук С. О. Егоров, К. Л. Захарова, канд. ист. наук М. А. Гордеева,
канд. ист. наук М. В. Котляров, канд. ист. наук Т. И. Морозова (отв. редактор),
А. А. Речкалова, канд. ист. наук В. А. Слугина, Д. Ю. Хоменко,
И. С. Чернова (отв. секретарь), канд. ист. наук С. А. Шевченко.

Рецензенты:

д-р ист. наук А. В. Дмитриев,
д-р ист. наук В. Л. Портных,
д-р ист. наук О. Н. Шелегина.

А 437 Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции / редкол.: Т. И. Морозова (отв. ред.), И. С. Чернова (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-4437-1110-2

Сборник издан по результатам Международной молодежной научной школы-конференции, состоявшейся в Новосибирске 12–14 октября 2020 г. Опубликованные статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории с II века н. э. до наших дней. Статьи сгруппированы в шесть тематических блоков: вопросы отечественной и зарубежной историографии; проблемы источниковедения и методологии; общество и власть в мировой истории; социально-экономические процессы; история культуры; дипломатия и международные отношения. Авторы сборника — студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники не старше 35 лет из Барнаула, Владивостока, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Иркутска, Калининграда, Москвы, Нижневартовска, Новосибирска, Омска, Самары, Санкт-Петербурга, Томска, Улан-Удэ и Ярославля, а также пяти зарубежных стран. Издание рассчитано как на профессиональных исследователей, так и на всех, интересующихся отечественной и зарубежной историей.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2P5)0

© Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук, 2020
© Новосибирский государственный
университет, 2020
© АНО «СН», 2020

ISBN 978-5-4437-1110-2

От редколлегии

На протяжении последних 10 лет в Новосибирске ежегодно проводится молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». Мероприятие нацелено на установление конструктивного диалога между представителями различных научных школ и развитие актуальных исследовательских направлений исторической науки. В этом году школа-конференция состоялась 12–14 октября. Второй раз за свою историю она имела международный статус и впервые объединила участников из шести стран.

Всего в программу школы-конференции были включены 92 научных доклада, в том числе 87 индивидуальных и пять в соавторстве. Таким образом, только в качестве докладчиков в работе школы-конференции приняли участие почти сто студентов, аспирантов, преподавателей, научных сотрудников и независимых исследователей в возрасте не старше 35 лет из 24 городов России от Калининграда и Крыма до Магадана и Владивостока, а также из Донецка, Йены, Ташкента, Токио и Шанхая.

На основе 46 докладов были подготовлены научные статьи, опубликованные в настоящем сборнике. Они сгруппированы в шесть тематических блоков, отражающих основные направления работы конференции: вопросы отечественной и зарубежной историографии; проблемы источниковедения и методологии; общество и власть в мировой истории; социально-экономические процессы; история культуры; дипломатия и международные отношения. Включенные в сборник статьи являются самостоятельными исследованиями, характеризуются научной новизной и в целом отражают широкий спектр научных интересов молодых историков.

Наряду с секционными заседаниями в рамках школы-конференции была проведена научная школа «Историки и историческая наука в условиях изоляции: проблемы и пути их решения». С лекциями для молодых ученых выступили ведущие специалисты: президент Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) канд. ист. наук Г. А. Бордюгов, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского д-р ист. наук С. Б. Крих, профессор Тюменского государственного университета д-р ист. наук С. В. Кондратьев и доцент Сибирского института управления – филиала Российской ака-

демии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ канд. ист. наук Н. В. Палишева.

Заключительным научным событием конференции стал круглый стол «Научная коммуникация: цель, формы, методы, значение». В формате модерлируемой дискуссии участники обсудили, способны ли современные технологии вытеснить традиционные формы коммуникативного взаимодействия, влияет ли выбор форм и методов коммуникации на результат исследования и какую роль она играет в развитии исторической науки.

Основными организаторами школы-конференции стали Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет и Автономная некоммерческая организация поддержки и развития гуманитарных исследований «Свободные науки». Оргкомитет конференции искренне признателен Президиуму СО РАН, Совету научной молодежи СО РАН, Институту археологии и этнографии СО РАН, Пространству коллективной работы «Точка кипения» и редакции Всероссийского научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири» за организационную и информационную поддержку. Особую благодарность организаторы выражают Российскому фонду фундаментальных исследований, профинансировавшему проведение школы-конференции и издание сборника ее материалов.

**ВОПРОСЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

В. А. СЛУГИНА

*Институт истории СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

Вопросы политической инкорпорации народов Урала и Сибири в Российское государство в XVI–XVII вв.: новейшая отечественная историография

В статье рассматриваются современные исторические исследования, посвященные вопросам инкорпорации народов Урала, Поволжья, Сибири в состав Российского государства. На основе применения проблемно-тематического подхода выявлены и охарактеризованы два крупных историографических направления. Первое концентрируется на детализации раннего (начального) этапа взаимодействия русских с народами Урала и Сибири, второе – на изучении политических и экономических инструментов инкорпорации. В рамках второго направления выделяются следующие концептуальные позиции: модель инкорпорации (В. В. Трепавлов), евразийский подход (Т. Н. Очирова, Р. Павлинская, Л. И. Шерстова), рассматривающий процесс инкорпорации как часть процесса складывания евразийской империи; модель международно-правовых оснований включения территорий Сибири в состав Российского государства (М. О. Акишин).

Ключевые слова: историография, Сибирь, XVII в., инкорпорация, интеграция, русификация, евразийство, подданство, международные отношения.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–39–60006.

Проблемы изучения политики Российского государства в отношении народов Урала, Зауралья и Сибири в XVI–XVII вв. давно и плодотворно прорабатываются в исторической науке. Начиная с XVIII в., одновременно со становлением первых научных институций в Российской империи, благодаря трудам Г. Ф. Миллера¹ стало оформляться направление исторического сибиреведения. Исследователи XVIII–XIX вв. занима-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999–2005. Т. 1–3.

лись преимущественно восстановлением фактографии и последовательности событий «сибирского взятия», выявлением, публикацией и интерпретацией источников. Уделялось внимание и принципиальным вопросам о целях и задачах русского продвижения на Восток, о действующих силах колонизации: роли казаков и служилых людей, купечества, крестьянства. Сибиреведы описывали социально-экономическое положение русского населения и иноземцев, концентрировались на изучении функционирования отдельных городов, уездов и волостей региона². Однако на дореволюционном этапе историографии научный методологический инструментарий историков по понятным причинам не мог быть разнообразным: использовались классические герменевтические, историко-юридические позитивистские приемы прочтения источников, источниковедение как самостоятельная дисциплина находилось на этапе своего становления. Исходя из такой методологической гомогенности исторического сообщества проблематика включения народов Сибири поляризовалась скорее не на концептуальном уровне, а на уровне различий в *оценках и интерпретациях* (здесь и далее курсив авт. — В. С.) событий, фактов, явлений.

С началом советского периода тематики исторического сибиреведения стали рассматриваться в контексте национального вопроса и национальной политики Российской империи. Однако включение уральских и сибирских сюжетов в широкие предметные поля и принятый формационный подход в целом позволяли достаточно продуктивно прорабатывать поставленные еще в дореволюционное время отдельные сюжеты правового положения некоторых народов³, расширять источниковую базу, выявлять основные направления государственной политики, проводить историко-демографические, историко-экономические и этнографические исследования, зачастую «обходя» классовую составляющую социально-политических взаимоотношений русских и иноземцев в про-

² См., напр.: *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 631 с.; *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. 676 с.; *Небольсин П. И.* Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб., 1849. 112 с.; *Андреевич В. К.* История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1, 2; *Буцинский П. И.* Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1–2. Заключительным аккордом изучения темы в дореволюционной историографии стала серия исследований В. И. Огородникова, посвященная рассмотрению аборигенной политики государства и русско-аборигенным отношениям преимущественно в XVII в. См.: *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сборник трудов профессоров и преподавателей государственного Иркутского университета. Иркутск, 1921. С. 69–113; *Он же.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток, 1924. Ч. II. Вып. 1: Завоевание русскими Сибири. 108 с.

³ *Федоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI — начало XIX в.). Якутск, 1978. 207 с.

цессе формирования многонациональной Российской империи в XVI–XVII вв. Пожалуй, единственным вопросом, который с подачи советской правящей элиты вызвал дискуссии в научной среде и пересмотр достижений дореволюционной историографии, стала оценка характера присоединения Сибири, где крайними позициями были термины «завоевание» и «добровольное вхождение». Влияние советской государственной идеологии и политики на исторические исследования Сибири подробно и достаточно полно рассмотрено в ряде публикаций А. С. Зуева⁴. Тем не менее с точки зрения методологического инструментария этот этап историографии также не отличался разнообразием ввиду насаждения формационного подхода и поиска в действиях исторических акторов классовой подоплеки, а также фактической изоляции отечественной науки от зарубежных исследований. Это позволяет говорить об отсутствии реального (основанного на мировоззренческих, политических и методологических различиях) конкурентного плюрализма мнений и позиций историков. И в целом, несмотря на наличие общего методологического базиса, советская историография так и не смогла выработать какую-либо целостную модель российского продвижения на Восток.

Период с 1990-х годов по настоящее время является временем масштабной трансформации парадигмы социогуманитарного знания, что можно проследить не только на теоретико-методологическом, но и на конкретно-историческом (проблемно-хронологическом) уровне на материале сибиреведческих работ. Однако современные историографические публикации по проблемам интеграции Сибири оперируют скорее общими рассуждениями об использовании исследователями новых методик⁵ и предлагают лишь хронологически⁶ или институционально⁷ организованный

⁴ Зуев А. С. О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 36–39; Он же. «Присоединение» Сибири к России: к вопросу о терминах и понятиях // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2005. Т. 4. Вып. 2: История. С. 27–33; Он же. Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб. пособие. Новосибирск, 2007. С. 55–112.

⁵ См., напр.: Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. и др. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII — начало XX в.). Иркутск, 2017. С. 257–258.

⁶ См., напр.: Маслюженко Д. Н. Советская и современная историография // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань, 2018. С. 19–24.

⁷ См., напр.: Зиновьев В. П. Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете в конце 1980-х — 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 4–8; Андрущенко Б. К. Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета 40 лет // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2008. № 3 (4). С. 8–12; Митрофанов В. В. Я. Г. Солодкин и современное бахрушинове-

обзор работ, отказываясь от их какой-либо сравнительной, проблемно-методологической или концептуальной типологизации. Исключение составляет историографическое исследование А. Ю. Конева. Автор выделил в новейшей историографии актуальные проблемно-тематические и методологические блоки и рассмотрел современное состояние проработки нескольких вопросов: 1) специфика имперской системы России: дискуссии об адекватности применения терминов «метрополия» и «колония»; 2) место народов Сибири в социальной структуре Российского государства и общества: сословная парадигма в исследованиях; 3) термины «иноземцы» и «инородцы»: методология истории понятий⁸. В целом разделяя и наследуя апробированный тюменским историком проблемно-тематический подход, в настоящей статье ставится целью выявление в отечественной историографии последних 20 лет значимых направлений исследований, раскрывающих механизмы, практики, юридические и экономические аспекты включения народов Урала и Сибири в социально-политическую структуру Московского царства, и рассмотрение теоретико-методологических оснований, на базе которых осуществлена проработка этих вопросов исследователями. Исходя из поставленной цели, в настоящей статье мы реализуем обзор историографии по двум проблемно-тематическим направлениям.

Детализация раннего (начального) этапа взаимодействия русских с народами Урала и Сибири: факторы колонизации, новые датировки и пересмотр интерпретаций

Из-за ограниченности и фрагментарности источниковой базы, содержащей сведения о начальном этапе освоения русскими зауральских территорий, в изучении вопросов о целях и задачах колонизации, политической обстановке и характере взаимоотношений Московского царства с Казанским и Сибирскими ханствами, хронологии продвижения и освоения русскими «новых земель» остается немало белых пятен и противоречивых трактовок. Попытка разобраться с этими вопросами вынуждает историков вновь и вновь концентрироваться на детальном, критическом исследовании летописей и их многочисленных редакций, выявлении и сопоставлении разнородных документальных свидетельств конца XVI — начала XVII в.

дение // Вестник Тюменского государственного университета. Сер.: Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 2. С. 148–158.

⁸ Конев А. Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск, 2016. С. 135–144.

Проблемные вопросы первоначального этапа присоединения Сибири последовательно рассмотрены в работах А. Т. Шашкова. Ученый сосредоточил внимание на изучении хронологии и обстоятельств похода Ермака⁹, истории основания первых русских городов за Уралом¹⁰, анализе летописных свидетельств о контактах русских служилых людей с населением Югры¹¹. На основании подробной реконструкции последовательности событий с 1585 по 1596 г., выявления персоналий воевод и численности служилых людей в первых русских опорных городах А. Т. Шашков заключает, что на начальном этапе «колонизация Сибири носила ярко выраженный военно-служилый характер», однако при этом создавались предпосылки для крестьянского и промышленного освоения территории¹². С версиями событий и их датировками, предложенными А. Т. Шашковым, часто полемизирует Я. Г. Солодкин, работы которого посвящены идентичным вопросам¹³. Продолжая традицию отечественного источниковедения и летописеведения в их позитивистском варианте, Я. Г. Солодкин в своих исследованиях реализует сличение различных списков и редакций текстов группы сибирских летописей и сопоставляет их с документальными источниками для уточнения взаимодействия различных нарративных памятников друг на друга, выявления собственно «достоверных» и «недостоверных» сведений о событийной составляющей присоединения Сибири. Однако социально-политическая и культурно-идеологическая составляющая этого процесса в целом оста-

⁹ Шашков А. Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского университета. 1997. № 7. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 35–50; Он же. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 14–17, 26; Он же. Гибель Кучумова «царства». Еще раз о походе Ермака: новая версия // Родина. 2002. Спец. вып. «Тропою стран полуночных». С. 70–77.

¹⁰ Шашков А. Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История. Религия. Культура. Екатеринбург, 1997. С. 174–179; Он же. К истории основания Березова и Пельыма // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 250–253; Он же. «И нарекоша имя ему Тоболеск...» // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 7. Екатеринбург, 2007. С. 88–97.

¹¹ Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999. С. 168–171.

¹² Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 44.

¹³ Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения: монография. Нижневартовск, 2010. 170 с.; Он же. Вослед Савве Есипову. Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века: монография. Нижневартовск, 2011. 211 с.; Он же. К предыстории основания первых русских городов и острогов в Сибири // Вестник «Альянс-Архео». 2018. № 24. С. 45–56.

ются за пределами внимания автора. Существенным вкладом в проработку вопроса о методах подчинения иноземческого населения стали исследования Я. Г. Солодкина, посвященные разбору летописных свидетельств о приведении к присяге (шертовании) народов Сибири дружиной Ермака, в которых автору удалось доказать, что описание присяг и текст «шертной записи Ермака» являются поздними по отношению к описываемым событиям вставками летописцев¹⁴. К аналогичным выводам пришли А. С. Зуев и В. А. Слугина, сравнив «шертную запись Ермака» с документальными источниками конца XVI — начала XVII в.¹⁵

Исследовательский интерес к источниковедческому изучению летописей и критическому анализу достоверности содержащихся в них сведений прослеживается и на материале истории взаимоотношений Москвы с Казанским ханством. В работах А. В. Аксанова¹⁶ предпринимается попытка герменевтического анализа летописей, выявления «иносказательных элементов» в лексике книжников для реконструкции целей и идеологии московского правительства во взаимоотношениях с Казанью. Однако проведенные автором изыскания привели к достаточно скромным и уже известным в историографии выводам:

- 1) о гротескном описании московскими книжниками взятия Казани, сопоставлявшем это событие с ветхозаветными сюжетами;
- 2) о недостоверности конкретно-исторических сведений, содержащихся в летописных свидетельствах, и необходимости их соотнесения с независимыми источниками¹⁷.

Критические замечания к методологии указанных исследований представлены в рецензиях Б. Р. Рахимзянова¹⁸, и мы вынуждены согла-

¹⁴ Солодкин Я. Г. Существовала ли «шертовальная запись» сибирских «иноземцев» московскому государю в начале похода Ермака // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 487–492; Он же. Существовал ли архив Ермака? // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 3–8.

¹⁵ Зуев А. С., Слугина В. А. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 36–37.

¹⁶ Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань. 288 с.; Он же. Русские летописи о московско-казанских отношениях: опыт герменевтического исследования // Золотоордынское обозрение. 2017. № 1. С. 138–148.

¹⁷ Аксанов А. В. Русские летописи... С. 144–145. О религиозно-идеологической составляющей и информационной ограниченности в обзоре нарративных источников см., напр.: Хамидуллин Б. Л., Измайлов И. Л. Нарративные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. 2012. № 3. С. 114–129.

¹⁸ Рахимзянов Б. Р. Казанское ханство в русских летописях // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2018. № 3. С. 408–410; Он же. Москва и Казань в Средние века: герменевтика vs позитивизм // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 669–681.

ситься с рецензентом в том, что, несмотря на попытку герменевтическим подходом преодолеть позитивистские оценки русско-казанских отношений XV–XVI вв., автору не удалось целостно раскрыть систему символов и иносказаний, в которых «зашифровывались» политико-идеологические установки, определявшие отношение Москвы к Казанскому ханству.

Пересмотру и уточнению подвергаются также исторические свидетельства о начальном этапе взаимоотношений русских с коренными народами Урала и Сибири: башкирами¹⁹, хантами²⁰, тунгусами²¹, якутами²², бурятами²³. Ревизии в основном подвергаются крайние позиции в спектре оценок характера взаимоотношений русской стороны с этими этносоциумами — «завоевание» и «добровольное вхождение», выработанные предшествующей историографией²⁴. Успешно изучаются вопросы военной истории Сибири и военных факторов колонизации²⁵.

На основании новых источников, вводимых в научный оборот, исследователи формируют детализированную картину русско-аборигенных отношений, что приводит их к более взвешенным оценкам уровня конфликтности в Урало-Сибирском регионе.

¹⁹ См., напр.: Антонов И. В. К вопросу о раннем этапе русско-башкирского взаимодействия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 389–296; Самигулов Г. Х. Спорные вопросы истории вхождения тюрков Зауралья в состав Российского государства // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2019. № 2 (45). С. 5–13.

²⁰ См., напр.: Перевалова Е. В. О значении жалованных грамот остяцких князцов // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Омский гос. пед. ун-т. Тобольск; Омск, 1999. С. 156–161; Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце XVI–XVIII в. Историко-этнографический аспект колонизации Сибири // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 135–151.

²¹ См., напр.: Бродников А. А. Русско-тунгусские взаимоотношения на Ленском волоке и прилегающей территории в 30-е годы XVII века (до образования Якутского уезда) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (приложение 1). С. 12–19.

²² Иванов В. Н. Представители якутского народа на приеме у Русского царя (1676 год) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 6–30.

²³ См., напр.: Константинов М. В., Константинова Т. А. Начало русского освоения Забайкалья // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 11. С. 6–11.

²⁴ Современная историография проблемы характера присоединения Сибири проанализирована в работе Н. И. Никитина. См.: Никитин Н. И. О характере присоединения Сибири к России // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 53–70.

²⁵ См., напр.: Никитин Н. И. Военные факторы колонизации Сибири как объект специального изучения // Российская история. 2014. № 3. С. 72–90; Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: конец XVI–XVII вв. СПб., 2010. 431 с.

Актуализация проблематики подданства в Московском государстве и правовых инструментов его установления в отношении народов Урала, Поволжья, Сибири

В последнее двадцатилетие значительно возросло число работ, посвященных правовой стороне взаимоотношений российской власти с населением управляемых территорий. Актуализированными оказались вопросы происхождения инструментов фиксации правовой связи между населением и монархом в Древней Руси²⁶, Российском государстве и империи²⁷. Установление подданства, роль клятв верности и присяг в становлении института подданства на рубеже XVII–XVIII вв. получили проработку также в историко-юридической литературе²⁸, хотя в предшествующий период категория «подданство» рассматривалась историками права преимущественно на материале XVIII–XIX вв. В исследовании международной (внешней) политики Московского государства с политическими образованиями, возникшими после распада Золотой Орды, специалисты также стали делать акцент на правовой и процедурной составляющей посольских практик, обращать внимание на формы ведения переговоров русской стороны с мусульманами и другими ино-

²⁶ Стефанович П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь: сб. ст. М., 2004. Вып. 5. С. 86–113; Антонов Д. И. Правда и крест: проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 42–53; Мельникова Е. А. «Клятва мира» в скандинавских источниках и клятвы договоров с норманнами // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: материалы XXIV Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 71–73.

²⁷ Боков Ю. А. К вопросу об использовании понятий «гражданин» и «подданный» в правовых и научных источниках // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: www.science-education.ru/105-7280 (дата обращения: 14.08.2020); Фан И. Б. Политико-правовой статус личности эпохи Московского царства: архаика или современность? // Социум и власть. 2013. № 3. С. 31–35; Каменский А. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: к постановке проблемы // Ab Imperio. 2006. № 4. С. 59–99.

²⁸ Николаев В. Б. Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2008. 28 с.; Он же. Проблема подданства в Российской империи, этапы развития законодательной базы в отношении иностранцев (вторая половина XVII — начало XIX вв.) // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6. С. 136–140; Шауро И. Г. Присяга как один из способов вступления в русское подданство в XVI–XVII веках // Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 3. С. 158–161; Она же. Принципы русского подданства: проблема определения и общая характеристика // Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 4. С. 149–154; Она же. К вопросу о крещении в православие как способе принятия русского подданства в Московском государстве в XVI–XVII веках // Мир юридической науки. 2011. № 2. С. 49–54; Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М., 2011. Т. 1. 564 с.

верцами, рассматривать приемы и инструменты фиксации договорных отношений²⁹. Активно разрабатывается тематика происхождения и функций клятв, присяг и публичных деклараций от имени монарха («государево жалованное слово»)³⁰.

²⁹ *Арапов Д. Ю.* Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII в.: материалы III Международ. науч. конф. 19–21 окт. 2006 г. М., 2006. С. 56–61; *Великая Е. В.* Об особенностях присяг горцев северо-восточного Кавказа на верность России в начале XIX века // *European Social Science Journal*. 2013. № 6. С. 302–308; *Великая Н. Н., Клычников Ю. Ю.* Интересы России на Северном Кавказе в отражении горских присяг (XVI — начало XIX вв.) // Кавказский сборник. М., 2011. С. 26–38; *Зайцев И. В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Отечественная история. 2008. № 4. С. 3–9; *Давлетшин Г. М.* Клятва, договор, шертование в межгосударственных отношениях у тюрко-татар // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 153–155; *Исхаков Д.* Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами // Гасырлар Авазы / Эхо веков. Казань. 2007. № 1. С. 39–46. На материале русско-ногайских отношений см.: *Мусеев М. В.* Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 84–90. На материале русско-монгольских см.: *Почкаев Р. Ю.* Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений XVII в.) // *Studia culturae*. 2013. № 18. С. 83–91; *Чимитдоржиева Л. Ш.* Проблема шерты на русско-монгольских (алтан-хановских) переговорах в начале XVII века // Центральная Азия и Сибирь: Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда, 14 мая 2003 г. Барнаул, 2003. С. 37–39; *Она же.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. 156 с. На материале русско-калмыцких отношений, см.: *Цюрюмов А. В.* Начальный этап вхождения калмыков в состав Русского государства // Востокведные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Элиста, 2007. Вып. 2. С. 25–32; *Лиджеева Н. Г.* Принятие калмыками российского подданства: историко-правовой аспект // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2012. № 3. С. 45–48; *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерты 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 46–52; *Она же.* Русско-калмыцкие переговоры и шерты 1657 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 5–9.

³⁰ См.: *Федоров М. М.* История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII — начало XIX в.): учеб. пособие. Иркутск, 1991. 184 с.; *Конев А. Ю.* Правовые источники шертей-присяг сибирских иноземцев XVI–XVIII вв. // VI Конгресс этнографов и антропологов России (секция «Норма, обычай, право»). СПб., 2005. С. 244; *Она же.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177; *Акишин М. О.* Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, № 5: Археология и этнография. С. 233–241; *Слугина В. А.* Условия подданства сибирских «иноземцев» русскому государю в шертоприводных записях и делопроизводственных источниках XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2013. С. 80–86; *Она же.* Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 58–65; *Она же.* Процедуры шертования народов Сибири

В результате проработки этих и смежных с ними вопросов в отношении инкорпорации народов Урала, Поволжья и Сибири в современной историографии определилось несколько концептуальных позиций.

Пожалуй, наиболее обобщенную модель инкорпорации предложил В. В. Трепавлов. Он выделил ряд этапов интеграции новых территорий в состав Российского государства:

- 3) *присоединение* (иногда в виде завоевания), то есть установление российского подданства;
- 4) *постепенная инкорпорация* в структуру государства;
- 5) *ассимиляция*, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации.

Каждая стадия протекала в тесной связи с *унификацией* юридического статуса территорий и *русификацией*³¹. Объективными критериями подданства, применительно к периоду XVI–XVIII вв., по мнению В. В. Трепавлова, можно считать: 1) включенность территории (народа) в государственную символику; 2) установление системы налогообложения; 3) распространение на подданных норм общероссийского законодательства; 4) инкорпорированность в административно-управленческую структуру государства³². Формальными показателями установления подданных отношений В. В. Трепавлов считает употребление терминов «холоп», «сирота» в значении маркера зависимости субъекта от воли монарха и заключение шертных соглашений³³, которые изначально отражали протекторатные связи, а затем стали инструментом обращения

в XVII–XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2016. С. 5–11; *Она же*. Контингент сибирских иноземцев, присягнувших российскому монарху в XVII веке (по данным шертовальных книг) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16. № 8: История. С. 41–47; *Она же*. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: Шертовальные записи и процедура шертования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 19 с.; *Беляков А. В.* Сибирские шерты XVI века // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19. № 1: История. С. 125–131.

³¹ *Трепавлов В. В.* Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: программа фундаментального исследования Президиума РАН: в 2 кн. М., 2006. Кн. 2. С. 198.

³² Там же.

³³ Сомнения в том, что шертование было реальным политическим инструментом фиксации подданных отношений, высказывает П. С. Шаблей, он предлагает рассматривать его скорее как идеологический инструмент сакрализации власти монарха и приходит к заключению о несформированности института подданства в XVI–XVIII вв., о действительности лишь одного формального критерия — термина «государевы холопы». См.: *Шаблей П. С.* Подданство в азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 108–109.

в российское подданство³⁴. В целом разделяя модель В. В. Трепавлова, А. С. Зуев развивает проблемы осуществления собственно *инкорпорации* народов Сибири в Российское государство и выделяет в ней следующие процессы: символическое присвоение и легитимация власти российского монарха над народами и территориями Сибири; переформатирование социально-политического пространства новых земель, сопровождавшееся адаптационными изменениями со стороны местного населения³⁵; использование политико-правовых маркеров принадлежности к государству, выраженных в ясачной политике, дарообменных практиках и процедуре приведения в подданство (шертование)³⁶. На материале Среднего и Нижнего Поволжья динамику интеграционных этносоциальных и административных тактик русских властей подробно рассмотрел Д. А. Котляров, однако каких-либо модельных элементов автор не вывел, ограничившись заключением о влиянии степени противодействия местных народов на форму устанавливаемого русского господства: непокорство провоцировало военные столкновения, а уступки — получение льгот и сохранение институтов самоуправления³⁷.

Иные базовые принципы русско-аборигенных отношений, на основе которых осуществлялась инкорпорация народов Сибири, выделяются сторонникам евразийской теории Л. Н. Гумилева — Т. Н. Очировой, О. В. Бураевой, Р. Павлинской, Л. И. Шерстовой, С. А. Чернышевым и др. В контексте евразийского подхода определяющими факторами интеграции народов Поволжья, Урала и Сибири в состав России являлись этногенетические и этнокультурные процессы. Большое значение сторонниками евразийской теории отводится влиянию Золотой Орды как на менталь-

³⁴ *Трепавлов В. В.* Присоединение народов к России... С. 198.

³⁵ Адаптационные процессы и сценарии адаптации элиты обских угров и ненцев предметно изучены в ряде работ. См.: *Редин Д. А.* Обско-угорская знать и русское государство: сценарии адаптации (XVII — первая половина XVIII в.) // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште. Будапешт, 2012. Т. 2. С. 72–73; *Перевалова Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. На немаловажный вопрос адаптации собственно *русского* населения обращает внимание О. Н. Шелегина. См.: *Шелегина О. Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 1: Историко-этнографические аспекты XVII — начало XX вв. М., 2001. 183 с.; *Она же.* Русское население Сибири: этапы адаптации, адаптационные механизмы и практики в XVI — начале XX в. // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009. С. 266–273.

³⁶ *Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 434–438.

³⁷ *Котляров Д. А.* От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017. С. 299–230.

ность, культуру и мировоззрение русского населения³⁸, так и на системообразующие элементы московской государственности в целом³⁹. Этот общий евразийский базис между русским населением и народами колонизируемых территорий обеспечил *синтез* политических и потестарных систем⁴⁰, в результате которого было построено полиэтничное государство, являвшееся «генетическим наследием евразийской культуры»⁴¹. Таким образом, в отличие от построений В. В. Трепавлова, евразийский подход смещает акценты с оппозиций: «русское (православное) население — иноземческое население», «русская государственная модель управления — потестарные и этнотерриториальные модели управления у народов Поволжья, Урала, Сибири», выдвигая тезис о том, что как русские, так и автохтонные жители преимущественно действовали в соответствии с общими установками, заложенными евразийской культурой. В качестве базовых инструментов аборигенной политики, определявших инкорпорацию сибирского населения в состав Московского государства, Л. И. Шерстова выделяет шертование — в значении процедуры принесения «клятвы верности», которая сопровождалась дарообменными практиками; ясак — как административно-фискальную систему организации покоренного населения; аманатство — взятие заложников для получения гарантий действительности клятвы⁴². Все три этих политических средства, по мнению автора, были заимствованы русской стороной из золотоордынской модели управления, которая и так была знакома многим народам Западной и Южной Сибири⁴³.

Сильной стороной евразийского подхода к истории Сибири является смещение исследовательского фокуса от институциональных, экономиче-

³⁸ *Очирова Т. Н.* Продвижение русских на Восток (XV–XVII вв.) как концепция евразийского всеединства // Байкал. 1994. №1. С. 135; *Павлинская Л. Р.* Сибирь в контексте евразийской теории // Евразия: Этнос, ландшафт, культура. СПб., 2001. С. 9, 19, 37; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 63.

³⁹ *Шерстова Л. И.* Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: Евразийский (центральноазиатский) контекст // Сибирские исторические исследования. 2013. №1. С. 8; *Она же.* Тюрки и русские в Южной Сибири... С. 63, 90; *Павлинская Л. Р.* Сибирь в контексте евразийской теории... С. 9.

⁴⁰ *Шерстова Л. И.* Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. №365. С. 97.

⁴¹ *Павлинская Л. Р.* Сибирь в контексте евразийской теории... С. 9.

⁴² *Шерстова Л. И.* Аборигенная политика... С. 96.

⁴³ В части модели русско-башкирских отношений к аналогичному заключению приходит *Азнабаев Б. А.* См.: *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 33–34.

ских и прагматико-политических оснований, обуславливавших и сопровождавших колонизацию, — к основаниям этнокультурным, к динамике межнационального взаимодействия, в ходе которого переплетались различные тюрко-монгольские социальные и политико-экономические практики. Однако тезис о существенном влиянии политических институтов Золотой Орды на становление российских государственно-властных структур XVII в. подвергается серьезной критике⁴⁴. А. С. Зуев, оппонируя утверждениям о заимствовании русской стороной монгольских принципов управления, заключает, что сама методика доказательства наличия соответствующих заимствований и «взаимовлияний» ошибочна, а такие практики, как принесение клятвы, налогообложение и дарообмен, были известны и в домонгольский период⁴⁵.

Принципиально отличный от вышеуказанных методологических позиций ракурс рассмотрения политики Российского государства в отношении Поволжья, Урала и Сибири предлагает М. О. Акишин⁴⁶. Он развивает собственную концепцию международно-правовых оснований присоединения сибирских территорий и акцентирует внимание на сравнительном анализе договорных актов, заключенных с правителями Касимовского, Крымского, Казанского и Астраханского ханств, Ногайской орды, башкир, народов Северного Кавказа в XV–XVI вв., с шертовальными записями народов Сибири (автор настоящей статьи уже обращал внимание на методологические проблемы такого сравнения⁴⁷) для выявления общих положений и сопоставления их с нормами междуна-

⁴⁴ См., напр.: *Гальперин Ч.* Вымышленное родство: Московия не была наследницей Золотой Орды // *Родина*. 2003. № 12. С. 68–71; *Зуев А. С.* Присоединение Сибири Россией: ордынское наследие и исторические реалии // *Развитие территорий*. 2015. № 1. С. 92–104; *Моисеев М. В.* Рецензия на книгу: *Почакаев Р. Ю.* Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды // *Золотоордынское обозрение*. 2019. № 3. С. 593–602.

⁴⁵ *Зуев А. С.* Присоединение Сибири Россией... С. 102–103.

⁴⁶ *Акишин М. О.* Международно-правовые основы присоединения Сибири к России: постановка проблемы // *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*. 2013. № 3. С. 210–215; *Он же.* Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем в XVII веке // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2013. № 2. С. 13–20; *Он же.* Проблемы международной правосубъектности при присоединении Сибири к России // *Российский юридический журнал*. 2012. № 5. С. 220–227; *Он же.* Присоединение Сибири к России (XVI–XVII века): историко-правовое исследование. [Б. м.], 2017. 185 с.

⁴⁷ *Слугина В. А.* Интерпретация публично-частных актов XVII в.: границы историко-юридического и источниковедческого подхода // *Творческая лаборатория историка: горизонты возможного* (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого): Материалы Всерос. науч. конф. с международным участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.): в 2 ч. Ч. 2. Томск, 2019. С. 252.

родного права. Также М. О. Акишин проводит параллели между дипломатическими практиками, реализовавшимися русскими в Сибири, и принципами дипломатии, применявшимися во взаимоотношениях России с монгольскими ханствами и Китаем в XVI–XVII вв.⁴⁸ Однако, несмотря на отмечаемый в рецензиях высокий потенциал данного подхода⁴⁹, концепция М. О. Акишина на настоящий момент не сформировала пула сторонников, которые занимались бы ее детализацией, хотя отдельные выводы автора получили широкое распространение в современной историографии.

Проведенный выше историографический обзор современных работ, раскрывающих различные аспекты политической инкорпорации народов Урала и Сибири в Российское государство в XVI–XVII вв., конечно, не может претендовать на завершенность. В статье рассмотрены лишь крупные проблемно-методологические течения, внутри которых ряд частных вопросов, оценок и интерпретаций является дискуссионными. Тем не менее можно констатировать, что накопленный историографический базис и комплекс нарративных и документальных источников, введенных в научный оборот (притом что процесс поиска новых источников и их источниковедческого изучения еще далек от завершения), позволяет современным исследователям формулировать новые методологические подходы и оригинальные концептуальные модели в изучении процесса интеграции территорий Зауралья и Сибири в состав Российского государства. В отличие от советского этапа историографии современные подходы основываются на действительно различных мировоззренческих и методологических фундаментах, что говорит о формировании конкурентной, плюралистической среды в историческом сообществе. Указанное открывает широкие возможности для проведения сравнительных исследований исторических практик инкорпорации, различных в этническом, этнополитическом, экономическом и культурном планах народов Поволжья, Урала и Сибири, и позволит выработать более детализированное представление о процессах и принципах формирования многонациональной империи.

⁴⁸ Акишин М. О. Русское государство, международное право и присоединение Сибири: постановка вопроса // Вопросы правоведения. 2013. № 3. С. 435.

⁴⁹ Ранняя Д. В. Новая концепция присоединения Сибири к России // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2017. № 2. С. 73–76; Скобелев С. Г. Рецензия на книгу: Акишин М. О. Присоединение Сибири к России (XVI–XVII вв.): историко-правовые исследования. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2017. 192 с. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16. № 5: Археология и этнография. С. 90–93.

М. Янь

Фуданьский университет (Шанхай, Китай)

В. В. Горский и его вклад в изучение истории маньчжурской династии Цин

Статья посвящена исследованию вклада В. В. Горского в изучение китайской истории периода Цинской династии. Еще в начале XVIII в. члены Российской духовной миссии в Пекине приступили к сбору и анализу материалов по истории Китая. Одним из наиболее выдающихся исследователей в этой области среди членов миссии являлся Владимир Васильевич Горский. Автор статьи ставит своей целью всестороннее освещение научного вклада В. В. Горского в исследование истории Цинской династии и анализ актуальности его работ для современной историографии.

Ключевые слова: В. В. Горский, династия Цин, русская китаистика, Китай.

Еще в начале XVIII в. члены Российской духовной миссии в Пекине приступили к сбору материалов по истории китайских династий Ляо, Цзинь, Юань и правившей в Китае с середины XVII в. маньчжурской династии Цин. Наряду с этим они занимались переводами исторических источников с китайского, маньчжурского и монгольского языков, а также оригинальными научными исследованиями. Одним из наиболее выдающихся исследователей в их числе был Владимир Васильевич Горский.

В. В. Горский родился в 1819 г. в Костроме в семье священника. После окончания гимназии он поступил в Петербургскую духовную академию. В годы его студенчества как раз шла подготовка к отправке в Китай 12-й Пекинской духовной миссии Российской Церкви. 4 октября 1840 г. миссия отправилась в Китай во главе с архимандритом Поликарпом (в миру — Петр Андреевич Тугаринов, 1799–1868 гг.). После прибытия в Пекин В. В. Горский приступил к изучению китайского и маньчжурского языков. Впоследствии к ним добавились, с подачи о. Поликарпа, еще два: тибетский и монгольский. Для своих штудий В. В. Горский мог пользоваться богатыми фондами библиотеки Пекинской миссии, в которой в те годы временно хранилась огромная книжная коллекция португальских миссионеров, собиравшаяся в Китае более двухсот лет. Во время проживания в Пекине В. В. Горский особенно интересовался ранней

историей маньчжуров и династии Цин, посвятив этой теме несколько работ. В 1847 г. В. В. Горский умер в Пекине от туберкулеза и был похоронен на местном православном кладбище.

Вероятно, при жизни В. В. Горского была опубликована только одна его работа — «Два письма из Пекина». После смерти Владимира Васильевича по инициативе его друга архимандрита Палладия (в миру — Петр Иванович Кафаров, 1817–1878 гг.) были опубликованы впоследствии широко известные «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», в которые была включена и часть статей В. В. Горского.

Автор единственной найденной нами публикации, посвященной В. В. Горскому, — Е. И. Кычанов — перечислил все атрибутированные им исследования ученого¹. Согласно данной статье, от В. В. Горского остались следующие труды:

Печатные:

- 1) О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу.
- 2) Начало и первые дела маньчжурского дома.
- 3) Страница из истории Православной Русской миссии в Китае (Письма миссионера).
- 4) Два письма из Пекина.

Рукописные:

- 5) У Сань-гуй. Биографический очерк.
- 6) Изложение систем философских и религиозных, как принадлежащих, так и не принадлежащих к буддизму, или украшение суммеру учения Могущественного. Сочинение Пекинского хутухты Чжанцзя (Чжанчжа).
- 7) Мадьямики, или система, отвергающая существование самостоятельной природы.
- 8) Изложение Сиддант.
- 9) История династии Мин.
- 10) География и история Маньчжурии.
- 11) Указы военной палаты 1793, 1816 гг.

Как видно, работая и обучаясь в духовной миссии, В. В. Горский, помимо дежурных переводов, интересовался двумя темами: а) Маньчжурия, последние годы правления династии Мин и начальный период правления династии Цин; б) тибетский буддизм.

В своей статье Е. И. Кычанов также представил подробный обзор исследований по истории Цинской империи, проводившихся русскими пред-

¹ Кычанов Е. И. Владимир Васильевич Горский (1819–1847) // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 34–35.

шественниками В. В. Горского, в силу чего мы оставляем данный сюжет за рамками нашего исследования и переходим к обсуждению достижений непосредственно В. В. Горского. Особое внимание необходимо уделить двум статьям, опубликованным в первом томе «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине»: «О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу» и «Начало и первые дела маньчжурского дома». Эти две научные статьи не только позволяют нам увидеть результаты изучения В. В. Горским процесса формирования мифа о происхождении маньчжурского народа, но и его взгляд на раннюю историю Цинской династии, а также понять его научную методологию.

Статья «О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу» делится на две части. Первая касается проблемы исторического и общественного развития предков маньчжуров, проживавших в северо-восточном регионе Китая в V–XIII вв., — сушенов, илоу, шивэев, мохэ и чжурчжэней. Во второй части излагается история маньчжурской власти при ханах (императорах) Тайцзу (Нурхацци) и Тайцзун (Хун Тайчжи) с 1583 по 1644 г. Данная часть затрагивает объединение маньчжурских аймаков (родоплеменных объединений), отношения между маньчжурскими аймаками и Минской империей при Нурхацци, а также отношения маньчжуров с монгольскими аймаками, Минской империей и Корейским государством Чосон при Хун Тайчжи. В этой части В. В. Горский пишет о ранних отношениях маньчжурских аймаков с государством Мин до Нурхацци следующее: «Событие, столь важное в истории Маньчжуров, не могло не обратить на себя внимание Минского двора; по тысячелетней политике Китая, всякой иноплеменный вассал, провозгласивший себя независимым государем, явно нарушал законы Империи, считавшей своею неотъемлемою принадлежностью раздавать титулы и утверждать права князей и ханов»². Очевидно, В. В. Горский уже знал, что предки цинских императоров на протяжении долгого времени подчинялись Минскому правительству. С XIV по XVII в. маньчжурский (тогда называли «чжурчжэньский») народ делился на три части: цзяньчжоу, хайси и ежэнь. Предки Нурхацци были начальниками одного из цзяньчжоуских аймаков, соответственно, свой титул они получали от правителей династии Мин. По разным причинам цинские императоры избегали признавать неравноправные отношения своих предков с Минской империей, существовавшие в прошлом.

² Горский В. В. О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб., 1852. С. 55.

В связи с этим в исторических записках, созданных в цинский период, таких как «История династии Мин» (明史, Мин-ши), «Императорская хроника» (實錄, Ши-лу), «План основания государства» (開國方略, Кай-го-фан-люэ), «Общее описание восьми знамен» (八旗通志, Ба-ци-тун-чжи) и т. д., по возможности стремились подчеркнуть якобы имевшую место независимость цзяньчжоуского аймака от Минской империи, а также характер равноправных отношений между предками Айсинь-гёро и минскими императорами, между родом Нурхаци и Минским правящим домом. Во времена господства Цин ранняя история цзяньчжоуских аймаков и Айсинь-гёроского рода была темой, запрещенной для изучения и обсуждения кем бы то ни было в Маньчжурской империи. Таким образом, успешность исторических изысканий В. В. Горского напрямую зависела от поиска и изучения им новых исторических источников, о чем будет сказано далее.

Во второй статье «Начало и первые дела маньчжурского дома» В. В. Горский обсуждает проблему создания мифа о происхождении маньчжурского народа, а также этимологию слова «маньчжу» или «маньчжоу».

Рассматривая первую проблему, В. В. Горский сравнил различные варианты саг и преданий, записанных в упомянутых выше «Кай-го-фан-люэ», «Ба-ци-тун-чжи» и некоторых других официальных сочинениях. Он пришел к следующему выводу: «Сага первоначально не существовала в том виде, в каком она представляется в позднейших исторических сочинениях маньчжурской династии... мифический элемент предания не есть произвольное создание народной фантазии, но следствие постепенно развившейся в потомках Айжин-гиоро необходимости или самолюбивого желания»³.

Между тем В. В. Горский отмечал важную роль мифа в укреплении маньчжурской власти: «С началом правления Юнчжэн... открылась ожесточенная борьба сего Богдохана с его братьями; в армии маньчжурские знаменитости подавлены были славою китайского генерала Ио Чжунци (то есть Юэ Чжунци, 岳鍾琪. — М. Я.). <...> При таких обстоятельствах... родился вопрос: кто же маньчжуры, так сильно охватившие своим владычеством эту Империю? И вскоре во всем государстве стали появляться сочинения, направленные против новой династии. <...> Китайцы говорили, писали и печатали, что „маньчжуры варвары, дикари, не заслуживают человеческого имени...“, а некоторые даже обратились к Ио Чжунци с прямыми намеками, что отечество ожидает от него той минуты»⁴.

³ Горский В. В. Начало и первые дела маньчжурского дома // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб., 1852. С. 197–198.

⁴ Горский В. В. Начало и первые дела маньчжурского дома... С. 199.

В связи с этим Юнчжэн «решился сам опровергнуть их (слухи), и по всему государству обнародовано было сочинение „Выводить людей из заблуждения великой истиной“ (大義覺迷錄, Да-и-цзюэ-ми-лу), в котором, защищая честь династии и своего происхождения, <...> император сказал: „Основателем нашей династии был человек, рожденный самим небом и явившийся на горе Чан-бо-шан“»⁵. В. В. Горский отмечает по поводу данного фрагмента: «Это первое свидетельство, в котором Айжинь-гиоро достигает мифической высоты»⁶. В. В. Горский заметил, что Чан-бо-шан тоже занимает огромное место в истории династии Цзинь. В итоге он приходит к выводу о происхождении маньчжурской власти от потомков чжурчжэньской династии Цзинь, что соответствует сведениям Минских исторических записок.

Что касается этимологии слова «маньчжу» или «маньчжоу», то здесь стоит упомянуть заданный русским востоковедом Я. И. Шмидтом вопрос: «Не происходит ли слово мань-чжу от санскритского слова Маньчжушпри и следовательно не буддизм ли был источником, откуда нынешние повелители Китая заняли свое название?»⁷ Вопрос Я. И. Шмидта связан со случаем, когда Далай-лама и Банчэнь-эрдэни отправили совместное посольство в Мукден для поднесения хану титула «Манджушри — великий император» (文殊師利大皇帝, Маньчжушри-да-хуан-ди). По этому поводу В. В. Горский отмечал, что посольство было отправлено в 1642 г., а маньчжурский народ именовался «маньчжу» еще в 1636 г. Тем более «если смотреть на смысл слова, то оно будет значить Бодисатву-маньчжушри, если же только на звуки и соединить их между собою, то будет только Маньчжу-сэрэ, то есть маньчжурский»⁸. В. В. Горский полагает, что «этот титул — остроумная игра слов, которой тибетцы с одной стороны льстили императору, <...> с другой придавали ему самое обыкновенное и простое имя»⁹. Несомненно, В. В. Горский не согласился с тем, что имя маньчжуров имеет санскритское происхождение или связано с буддизмом.

Откуда же произошло название «маньчжу»? В. В. Горский обратил свое внимание на предка маньчжуров — древнюю нацию Мохэ. В «Истории северных династий» (北史, Бэй-ши) написано, что их главный правитель назывался «Да-мо-фу-мань-чу» (大莫拂滿朮). В. В. Горский полагает, что «„да“ есть маньчжурское „да“ и значит — главный, старший; „мофу“ — маньчжурское „мафа“, дед, предок; „маньчу“ тождественно с „маньчжу“.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 236.

⁸ Там же. С. 239–240.

⁹ Там же. С. 240.

<...> Что значило маньчу, это объясняется из текста истории „Бэй-ши“, которая „да-мо-фу-мань-чу“ переводит словом: главный начальник»¹⁰. Таким образом, В. В. Горский пришел к выводу, что маньчжурский народ получил свое имя от титула главы древнего народа — предков маньчжуров.

Относительно происхождения слова «Маньчжу» из титула Мохэ «маньчу» китайский историк Мэн Сэнь сделал аналогичное заключение¹¹. Стоит отметить, что оба ученых использовали похожий метод исследования. Относительно связи между словами «маньчу» и «манджуши» у китайского историка Мэн Сэня было другое мнение: он полагал, что во время династий Суй и Тан главы аймаков Мохэ исповедовали буддизм и приняли первую часть имени бодхисаттвы Манджушири, то есть «манджу», в качестве своего титула, то есть «маньчу». «Тем более в Цинском дворце слуги тоже звали императоров Фо-е (佛爺, Государем-Буддой)»¹². Таким образом, сложилась точка зрения о том, что «маньчжу» происходило от имени бодхисаттвы Манджушири.

В. В. Горский, несомненно, является одним из первых ученых, начавших исследовать раннюю историю Цинской династии. Естественно, как иностранец, В. В. Горский вряд ли был в курсе дворцовых тайн, а также вряд ли читал записки о дворцовой жизни, поэтому он не связал имя одного из бодхисаттв с титулом главы древней нации. Тем не менее это не помешало ему еще в середине XIX в. сделать другой вполне убедительный вывод по рассматриваемому вопросу. К сожалению, в Китае почти нет историков, которые знали бы о достижениях В. В. Горского.

Кроме классических исторических памятников — «Ши-цзи» и «Бэй-ши» — для создания упомянутых выше статей В. В. Горский использовал и другие исторические работы, которые он упомянул в текстах обеих статей.

Первые пять сочинений были составлены и опубликованы при Цинском дворе. Трактат «Да-и-цзюэ-ми-лу» был запрещен, отозван и уничтожен в начале царствования императора Цяньлуна. Поэтому «Да-и-цзюэ-ми-лу» едва ли сохранился до настоящего времени.

«Шэн-у-цзи», созданное цинским ученым Вэй Юанем (魏源, 1794–1857 гг.), впервые было опубликовано в 1842 г. и через два года переиздано. Российские китаеведы часто ссылаются на это сочинение, начиная со второй половины XIX в. В. В. Горский, по-видимому, является первым российским китаеведом, осознавшим ценность этого сочинения.

¹⁰ Горский В. В. Начало и первые дела маньчжурского дома... С. 242–243.

¹¹ См.: Мэн Сэнь. Мань-чжоу-мин-и-као [滿洲名義考]. Исследование названия «Маньчжуров» // Мин-цин-ши-лунь-чжу-ци-кань-сюй-бянь [明清史論著輯刊續編]. Сборник трактатов по истории династий Мин и Цин. Пекин, 1986. С. 1–3.

¹² Мэн Сэнь. Мань-чжоу-мин-и-као... С. 2.

После падения Минской империи некоторые ученые из чувства ностальгии посвящали ее истории свои монографии. Безусловно, эти сочинения были подвергнуты строгой цензуре по распоряжению цинского правительства. «Мин-ци-бэй-люэ» и его автор Цзи Люци (計六奇, 1622–1687 гг.) являются одним из примеров такой политики. Об этом авторе теперь мы уже мало знаем. Его сочинение — важный исторический источник, бесценный для исследователей истории Китая XVII в. Оно было создано в начале цинского периода, описывает историю крестьянского восстания на севере Китая и конфликта между минской и цинской властями, затрагивая проблему отношений Минского двора с предками Нурхацы. По причине строгой цензурной политики «Мин-ци-бэй-люэ» распространялось в народе в виде рукописи в течение около двухсот лет. После ослабления репрессивной политики Цинского двора это сочинение впервые было опубликовано в Пекине в 1840-х годах. Однако этот новый вариант не был замечен китайскими учеными. Только в конце XIX в. китайский ученый Ли Цымин (1830–1895 гг.) упомянул это сочинение в своих заметках. После Синьхайской революции 1911 г. китайские историки начали уделять больше внимания этому сочинению. Можно сказать, что В. В. Горский первым обнаружил его ценность для исследования истории Китая XVII в.

В статье «Начало и первые дела маньчжурского дома» В. В. Горский дал высокую оценку сочинению минского ученого: «При конце Минской династии издана была одна историческая книга под названием „Бо-у-дянь-хой“, сочинение Хуан Даочжоу, человека весьма знаменитого в свое время <...>, к сожалению, это весьма важное сочинение в настоящее время сделалось такою важною редкостью, что мы не могли иметь его под руками и должны ограничиться только несколькими отрывками, приведенными в „Кай-го-фан-люэ“»¹³. Хуан Даочжоу, минский каллиграф и чиновник, погиб в борьбе с маньчжурской армией после падения династии Мин в 1646 г. Его энциклопедическое сочинение «Бо-у-дянь-хой», опубликованное в 1635 г., включает главу «Ну-цю» (奴酋) о ранней истории маньчжурской власти. «Ну-цю», буквальный смысл которого — «вождь рабов», обозначает Нурхацы. В различных документах и сочинениях конца минского периода Нурхацы часто назывался «ну» (奴, рабом). Поэтому данное сочинение было запрещено, и его тираж почти весь уничтожен по приказу цинской власти. Очень мало его экземпляров сохранилось до наших дней. Этим объясняется то, почему В. В. Горский не мог приобрести данное сочинение.

¹³ Горский В. В. Начало и первые дела маньчжурского дома... С. 218.

Цитата, приведенная В. В. Горским в статье, описывает историю Цзяньчжоу и указывает на вассальный характер отношений цзяньчжоуских начальников и Минского двора. Мы уже отмечали, что в действительности императоры Цин избегали признавать факт подчинения своих предков Минскому правительству. Если рассуждать логически, в «Кай-го-фан-люэ» не могла попасть цитата из сочинения Хуан Даочжоу. В отличие от «Кай-го-фан-люэ»¹⁴ и «Бо-у-дянь-хой»¹⁵, очевидно, в цитату сочинения Хуан Даочжоу было внесено множество поправок с целью вызвать у цинских правителей восхищение заслугами своих предков. Несмотря на это, В. В. Горский все же уловил ценность цитаты для историков: «Как ни кратко сказание Хуан Даочжоу, но оно проливает свет на сагу»¹⁶.

Изучение истории предков маньчжуров (Сушен, Илоу и Мохэ) показывает, что В. В. Горский весьма глубоко ознакомился с парадигмой традиционной исторической науки Китая. Он проводил в этой области собственные изыскания, опираясь на классические исторические сочинения, в числе которых отметил в тексте «Ши-цзи» и «Бэй-ши». Рассматривая проблему ранней истории маньчжурской власти, В. В. Горский не только использовал цинские официальные сочинения, но и уделял внимание последним изданным книгам и редким в то время материалам: заметив их важность и ценность, он также использовал их в своих работах.

Кроме этого В. В. Горский отметил важность минских исторических сочинений и, более того, первым оценил ценность корейских (чосонских) летописей для исследования ранней истории маньчжурской власти: «По нашему мнению, можно только из летописей Кореи и Китая, двух государств, которые непосредственно могли и даже должны были наблюдать за жизнью соседственных с ними племен. Корейская история — еще зарытый клад, и ее богатства не известны»¹⁷. В связи с ограничивавшими его возможности условиями В. В. Горский не мог читать корейские исторические трактаты, однако его предсказание подтвердилось в работах более поздних ученых. С начала XX в. японские и китайские историки, как, например, Инаба Ивакити, Мэн Сэнь и У Хань, постепенно стали обращать внимание на ценность корейских исторических материалов.

¹⁴ Агуй. Кай-го-фан-люэ [開國方略]. План основания государства. Тайбэй, 1967. С. 53–55.

¹⁵ Хуан Даочжоу. Бо-у-дянь-хой [博物典彙]. Энциклопедический свод // Сюй-сю-сы-ку-цюань-шу [續修四庫全書]. Дополненное полное собрание книги по четырем разделам. Т. 1246. Шанхай, 1995.

¹⁶ Горский В. В. Начало и первые дела маньчжурского дома... С. 219.

¹⁷ Там же.

М. Т. НАКИШОВА

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

С. Н. Шубинский и история Санкт-Петербурга первой четверти XVIII в.

Данная статья посвящена рассмотрению исследовательской деятельности Сергея Николаевича Шубинского по изучению проблем, связанных с историей Санкт-Петербурга петровского времени. На основе анализа трудов С. Н. Шубинского и материалов личного фонда, сохранившегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, выделяются основные черты и принципы, присущие его творчеству в целом. Отдельно выявляются источники и исследования, которые С. Н. Шубинский использовал для написания своих трудов. В результате делается вывод о значимости и востребованности публикаций исследователя для изучения отдельных аспектов повседневной жизни и управления Санкт-Петербургом, а также об уникальности его историко-литературного подхода к работе с историческим материалом.

Ключевые слова: С. Н. Шубинский, Санкт-Петербург, генерал-полицмейстер, Петр I, А. М. Девиер, «Исторический вестник».

Финансовая поддержка: исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20–09–42022 («Ментальное государство» Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.»).

Имя Сергея Николаевича Шубинского (1834–1913 гг.) известно, пожалуй, каждому, кто хоть раз брал в руки тома «Исторического вестника». Именно он на протяжении многих лет, с 1879 по 1913 г., был бессменным редактором, руководителем и вдохновителем журнала, при этом не имея какого-либо специального исторического образования. Авторитет Шубинского как редактора, по признанию современников, действительно был огромен. В разные периоды с ним сотрудничало немало известных представителей исторической науки и беллетристики: К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Г. Брикнер, В. Е. Герье, Г. П. Данилевский, И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский, Е. П. Карнович, Н. И. Костомаров, Н. С. Лесков, Л. Н. Майков, О. Ф. Миллер, Д. Л. Мордовцев, С. М. Соловьев

и др. Многие ученики и коллеги восхищались эрудированностью, начитанностью и профессионализмом Шубинского, называли его настоящим специалистом по отечественной истории.

Неудивительно, что трудоемкая редакторская работа занимала большую часть времени С. Н. Шубинского, а его собственные научные изыскания оказались на втором плане даже в более поздних оценках биографов¹. Однако сборники очерков и отдельные тексты, вышедшие из-под пера Шубинского (согласно биографическому очерку, написанному Б. Б. Глинским, их насчитывается более 229 штук²), представляют значительный интерес, поскольку позволяют взглянуть на Сергея Николаевича не только как на редактора исторического журнала, но и как на самостоятельного ученого-историка. Более того, принципы исследовательского подхода, которых придерживался Шубинский в собственных работах, проливают свет на истоки строгих требований, предъявляемых им по отношению к сотрудникам при написании статей для журнала.

Относительно Шубинского-историка Б. Б. Глинский заключал: «не получив широкого и многостороннего образования, С. Н. Шубинский по выходе из полка, занявшись изучением судеб родной земли и по преимуществу, как уже сказано выше, XVIII века, тесно замкнулся в той области знаний и достиг в данном отношении блестящих результатов»³. Сам же Шубинский, со слов того же Глинского, был весьма скромного мнения о собственных исследовательских способностях. Он не раз повторял, что является лишь «популяризатором и компилятором по книгам»⁴. Обратимся к публикациям Шубинского, посвященным истории Санкт-Петербурга петровского времени, и посмотрим, какие источники он использовал для написания текстов и как с ними работал.

Для начала стоит отметить, что сюжеты из истории XVIII в. привлекали особое внимание С. Н. Шубинского. Так, в 1884 г. на почве исследовательских интересов случился небольшой конфликт с Д. И. Ило-

¹ Глинский Б. Б. Сергей Николаевич Шубинский, 1834–1913: (Биографический очерк) // Исторический вестник. 1913. Т. 132. № 6. С. 1–93; Он же. С. Н. Шубинский // Среди литераторов и ученых. СПб., 1914. С. 524–570; Корсаков Д. А. С. Н. Шубинский и «Древняя и Новая Россия» // Исторический вестник. 1914. Т. 136. № 6. С. 977–986; С. Н. Шубинский // Голос минувшего. 1913. № 10. С. 281–282; Фаресов А. И. Годовщина смерти С. Н. Шубинского // Исторический вестник. 1914. Т. 136. № 6. С. 951–976; Он же. С. Н. Шубинский как редактор журнала // Исторический вестник. 1913. Т. 133. № 7. С. 173–188; Полиновская Л. Д. «Рыцарь долга, труда и чести» // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. М., 1995. 228 с.

² Глинский Б. Б. Сергей Николаевич Шубинский, 1834–1913: (Биографический очерк) // Исторический вестник. 1913. Т. 132. № 6. С. 19–28.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 30.

вайским, который обращался к Шубинскому в письме: «Не знал я, что вы сделались так исключительны, что пустые анекдоты из XVIII столетия для вас по-прежнему выше вопроса о преподавании истории»⁵. Более того, за годы историко-литературной деятельности он собрал впечатляющую по объему библиотеку русских и иностранных сочинений (не менее 1500 названий), главным образом по истории XVIII в.⁶ Книги эти активно использовались владельцем: «Ввиду его широкой известности как знатока новой русской истории, к нему со всех сторон даже люди, совершенно незнакомые, обращались с разными запросами, желая от него получить надлежащие указания по поводу источников для их работ»⁷.

Как и в «Историческом вестнике», господствующим жанром публикаций С. Н. Шубинского был исторический (историко-литературный, историко-бытовой) очерк. Согласно общему обзору произведений Шубинского, к истории петровского времени относятся не более 20 работ из 229, в том числе три издания, посвященные интересующей нас истории Санкт-Петербурга: «Исторические очерки и рассказы» (1869, 1871, 1893, 1903, 1908, 1911 гг.); составленный совместно с П. Н. Петровым «Альбом двухсотлетнего юбилея Петра Великого» (1872 г.) и очерк в «Историческом вестнике», посвященный первому генерал-полицимейстеру Санкт-Петербурга А. М. Девиеру (1892 г.). Для большинства очерков и рассказов, включенных в первые два труда, характерна публикация без научно-справочного аппарата и ссылок на источники. Очерк же, напечатанный в «Историческом вестнике», напротив, оснащен небольшими примечаниями, где указаны публикации и исследования, использованные автором, однако без конкретного указания источника и степени заимствования.

Для всех трех упомянутых публикаций С. Н. Шубинского характерен единый подход к работе с историографией и источниками, а также характерный стиль изложения. Идеалом научного и писательского искусства Шубинский считал легкую, ясную, сжатую, без лишних деталей и отступлений форму исторического репортажа о том или ином «анекдоте» из жизни людей прошлого. По рассказам сотрудников «Исторического вестника», Сергей Николаевич любил рассуждать, что «признак талантливости в том, чтобы не говорить и не писать от разу всего, что

⁵ Фаресов А. И. Годовщина смерти С. Н. Шубинского // Исторический вестник. 1914. Т. 136. № 6. С. 971.

⁶ К сожалению, библиотека не сохранилась, хотя С. Н. Шубинский еще при жизни пытался ее продать целиком.

⁷ Глинский Б. Б. Сергей Николаевич Шубинский... С. 30.

знаешь, а только по вопросу»⁸. К тому же использование слова «анекдот» для названия научных и научно-популярных публикаций само по себе говорит о характерных особенностях языка и предмета произведений Шубинского: выразительно и захватывающе описать увлекательные страницы истории — вот, по его мнению, первая задача исследователя. В подобном подходе Шубинский, бесспорно, представлял больше популяризатором, чем ученым.

Литературность наиболее явно проявилась в сборнике «Исторические очерки и рассказы», который еще при жизни С. Н. Шубинского выдержал шесть редакций⁹. В первоначальном варианте 1869 г. он состоял из восьми очерков. С каждой редакцией добавлялись новые тексты таким образом, что к 1911 г. рассказов и очерков насчитывалось уже около 50. При этом стоит учитывать, что одни из них меняли название и дорабатывались, другие — представляли собой повторные публикации, ранее выходившие в ином месте. Например, очерк «П. А. Демидов, 1710–1786» к 1903 г. преобразился в рассказ с более литературным названием «Русский чужак XVIII столетия», а статья «Летний сад и летние петербургские увеселения при Петре Великом» еще в 1864 г. была опубликована в № 130 «Петербургских ведомостей».

К истории Санкт-Петербурга в данном сборнике¹⁰ относятся несколько статей: очерки «Императорский титул», «Первые балы в России», «Летний сад и летние петербургские увеселения при Петре Великом», «Свадьба карликов», посвященные различным праздникам и церемониям, проходившим в столице, а также «Первый петербургский генерал-полицмейстер». Отсутствие каких-либо ссылок на источники усложняет попытки определить, откуда С. Н. Шубинский заимствовал те или иные факты. Он, бесспорно, был знаком с ключевыми исследованиями, касающимися петровского правления в целом и истории Санкт-Петербурга в частности¹¹, а также опубликованными в различных журналах источниками (письмами, записками иностранцев и т. д.). В своей обширной библиотеке

⁸ Фаресов А. И. С. Н. Шубинский как редактор журнала // Исторический вестник. 1913. Т. 133. № 7. С. 175–176.

⁹ Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1869, 1871, 1893, 1903, 1908, 1911.

¹⁰ Перечень приводится по редакциям 1908 и 1911 гг.

¹¹ Известно, что он использовал «Историю России» и «Птенцы Петра Великого» С. М. Соловьева; «Историю Петербурга» П. Н. Петрова; «Петербургскую старину» П. П. Пекарского, материалы «Русского вестника», «Русского архива», «Русской старины», «Сборников Императорского Русского Исторического Общества» и т. д. Как редактор «Исторического вестника» он был в курсе книжных новинок и писал на них небольшие рецензии, напр.: Шубинский С. Н. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4 (1706). СПб., 1901 // Исторический вестник. 1901. Т. 84. № 4. С. 351.

Шубинский, помимо книг, имел коллекцию гравюр и журнальных вырезок с видами, портретами, сюжетами повседневной жизни, которые использовал для оформления¹². И хотя в личном фонде Шубинского, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, подобной коллекции обнаружить не удалось, там сохранился другой комплекс вырезок из газет «Ведомости С.-Петербургского градоначальства», «Санкт-Петербургские полицейские ведомости» и «Новое время», содержащих информацию о системе управления Санкт-Петербургом, организации строительных работ и истории отдельных зданий¹³.

Второй, но не менее важной задачей исследователя, по мнению С. Н. Шубинского, было следование фактам. Согласно Б. Б. Глинскому, «ценность работ С. Н. Шубинского в том-то именно и заключается, что всякое сведение, им преподанное читателю, строго проверено, обосновано фактическим материалом, не вызывает ни малейшего сомнения в своей достоверности. Наблюдая порою, как создавал покойный свои небольшие произведения, можно было удивляться тому кропотливому труду, который он сюда вкладывал»¹⁴. Откуда же Шубинский добывал эти факты? Необходимо понимать, что объективные факты для Шубинского заключались как в источниках, так и в исследованиях. Для него не было необходимости идти в архив, желая подвергнуть сомнению неуверительные факты в прочитанном исследовании или пытаясь обнаружить все доступные источники по теме: его очерк мог быть полностью построен на опубликованных материалах и трудах, авторитету авторов которых он, должно быть, доверял.

Таким способом был написан очерк о жизни и деятельности первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга А. М. Дивиера, появившийся в 1892 г. в журнале «Исторический вестник»¹⁵. Позднее аналогичный текст еще раз был опубликован С. Н. Шубинским в «Исторических очерках и рассказах» (5-я и 6-я редакции) и с небольшими изменениями включен в состав «Русского биографического словаря» в виде словарной статьи¹⁶. Важной особенностью статьи в «Историческом вестнике», как уже было сказано, является наличие списка использованной лите-

¹² Глинский Б. Б. Сергей Николаевич Шубинский... С. 53.

¹³ Так, среди вырезок содержатся статьи, относящиеся к столетию Гостинного двора, празднованию Первого мая в Екатерингофе, городскому управлению Санкт-Петербургом. См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 874. Оп. 2. Д. 170.

¹⁴ Глинский Б. Б. Сергей Николаевич Шубинский... С. 19.

¹⁵ Шубинский С. Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427–448.

¹⁶ Дивиеры // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 6. С. 370–376.

ратуры и источников, что позволяет судить о степени самостоятельности творчества Шубинского и объема заимствований или цитирований.

Согласно использованному списку, в основе очерка, посвященного А. М. Девиеру, лежало несколько работ, в том числе: «Словарь достопамятных людей» Д. Н. Бантыш-Каменского, «История Петербурга» П. Н. Петрова, очерки «Петербургская старина» П. П. Пекарского, «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева, публикация писем Девиера к князю А. Д. Меншикову в «Русском архиве», «Дневник камерюнкера Бергхольца» и т. д. Можно полагать, что С. Н. Шубинский был знаком и с другими источниками, например с материалами Полного собрания законов Российской Империи, которые он не упоминает в примечании, но активно использует в основном тексте¹⁷. В целом очерк Шубинского можно охарактеризовать как достаточно выверенный, подкрепленный данными и объемными цитатами из источников. Его достоинством является то, что он представляет собой первую в историографии попытку системно охарактеризовать различные стороны деятельности генерал-полицмейстера на протяжении всего его жизненного пути. Конечно, при привлечении известных современному исследователю архивных источников — материалов Полицмейстерской канцелярии, Канцелярии городских дел (с 1723 г. — Канцелярия от строений), Кабинета и эпистолярного наследия — картина деятельности Девиера наполнилась бы большими деталями, но для своего времени очерк Шубинского кажется более научным, чем популярным.

Более того, если оценивать вслед за самим Шубинским его работу как компиляцию, то в случае с очерком о Девиере она отличается от того слепого заимствования без какой-либо проработки и критики, которое обычно подразумевается под этим термином. Например, историк, выбирая между несколькими трактовками причин дела «Девиера — Толстого», отбросил весьма противоречивую версию Бантыш-Каменского, который, излишне доверяя запискам Г. Манштейна, утверждал, что заговор во главе с П. А. Толстым, А. М. Девиером, И. И. Бутурлиным и Г. Г. Скорняковым-Писаревым возник в 1726 г., когда они уговорили императрицу подписать указ об аресте А. Д. Меншикова по пути из Курляндии. Лишь благодаря вмешательству графа Г.-Ф. Бассевича этот план не реализовался, а Меншиков сразу после восшествия Петра II на престол решил отпла-

¹⁷ Так, упоминается указ Сената о назначении А. М. Девиера, указы Сената о личном составе полицмейстерской канцелярии, пожарной безопасности, мощении улиц и т. д. Примечательно, что авторами, на которых ссылается С. Н. Шубинский, эти материалы не используются или используются лишь частично. См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. V. 1713–1719 гг. СПб., 1830. 782 с.

тить той же монетой своим недругам¹⁸. Позиция Бантыш-Каменского заметно отличалась от материалов дела, сохранившегося в Российском государственном архиве древних актов¹⁹: согласно судебным материалам, «заговор» произошел в 1727 г., не был связан с курляндскими делами и являлся следствием сложных противоречий между представителями петровской элиты, вызванных матримониальными планами Меншикова. И хотя у нас нет оснований полагать, что Шубинский был знаком с самим архивным делом, в очерке он следует версии, сообразной его содержанию, — должно быть, опираясь на суждения С. М. Соловьева.

При анализе публикаций С. Н. Шубинского складывается мнение, что исследователь самостоятельно не работал с архивными источниками. Так, в «Альбоме двухсотлетнего юбилея императора Петра Великого» в главах за авторством Шубинского можно обнаружить ссылки на архивохранилища, но и данные ссылки представляют вставки, сделанные его соавтором П. Н. Петровым. Например, при описании последних дней Петра I упоминаются дела Адмиралтейской коллегии, сохранившиеся в Главном морском архиве (ныне Российский государственный архив Военно-Морского Флота)²⁰. В некоторых исследованиях Шубинский сам признавался, что отдельные комплексы документов предоставлены ему и редакции «Исторического вестника» другими исследователями²¹. Поэтому неудивительно, что в материалах личного фонда Шубинского сохранились комплексы архивных выписок, сделанные его помощниками и содержащие лишь небольшие комментарии Сергея Николаевича²². Большую часть фонда, относящуюся к петровскому времени, составляет входящая и исходящая корреспонденция кабинет-секретаря А. В. Макарова, в том числе письма к Ф. М. Апраксину, Я. Х. Бахмиотову, А. Б. Куракину, С. Т. Клокочеву, А. Д. Меншикову, П. А. Толстому и другим²³. В целом выписки сделаны выборочно, неравномерно по годам

¹⁸ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 2. С. 192.

¹⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 159.

²⁰ Главы, посвященные Санкт-Петербургу, в Альбоме написаны П. Н. Петровым, тогда как С. Н. Шубинский описывал военные кампании и лишь поверхностно затрагивал отдельные сюжеты из повседневной жизни столицы. См.: *Петров П. Н., Шубинский С. Н.* Альбом 200-летнего юбилея императора Петра Великого 1672–1872. СПб., 1872. С. 266.

²¹ *Шубинский С. Н.* Петр Великий в Дептфорде // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 11. С. 409.

²² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 874. Оп. 2. Д. 207, 208.

²³ Оригиналы писем обнаруживаются в фонде Кабинета Петра (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II), а также в личных канцеляриях государственных деятелей, например в канцелярии Меншикова (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737).

и корреспондентам, с сокращениями формы и содержания. При этом обнаружить, в каких публикациях Шубинский использовал письма Макарова, нам не удалось.

Таким образом, хотя история петровского Санкт-Петербурга занимает не первое место среди тем, интересовавших С. Н. Шубинского, отдельные наработки до сих пор востребованы в исторической науке. Если сюжеты, написанные им для «Исторических очерков и рассказов» и «Альбома двухсотлетнего юбилея императора Петра Великого», затерялись среди более подробных и наполненных архивными данными работ коллег по цеху, то очерк, посвященный деятельности А. М. Девиера, до сих пор активно цитируется в научной и научно-популярной литературе и неизменно упоминается как первая более или менее полная биография генерал-полицмейстера²⁴. Именно этот очерк демонстрирует умение Шубинского критически подходить к источникам, подвергать их сравнению и анализу.

Оценивая труды Шубинского, необходимо помнить о его изначальной установке на создание легких, популярных очерков, которые бы увлекали читателя, пробуждали интерес, а не напрягали его сухими фактами и цифрами. Отсюда литературный язык публикаций, отсутствие в ряде изданий ссылок на источники, что характерно для исследований XIX в. в целом, и увлечение остросюжетными аспектами из жизни и деятельности исторических героев. Однако литературность в случае с Шубинским не означала приверженность к бездумной компиляции. Анализ трудов и личного фонда историка показал, что в основе его метода лежало детальное изучение существовавших исследований, опубликованных источников и, в меньшей степени, архивного материала. Шубинский являлся человеком своего времени и своего круга людей, стремившихся вывести историю за рамки академических, университетских структур, работавших на стыке истории как науки и журналистики, но при этом не забывавших о ее научной значимости.

²⁴ Напр., очерк С. Н. Шубинского активно используется авторами: С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903. 590 с.; Сизиков М. И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 5–39; *Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand*. Aix-en-Provence, 2013. 109 p.; и др.

И. С. КАРАЧЕНЦЕВ

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет*

Российские университеты и государственная политика в сфере высшего образования XVIII — начала XX в.: отечественная историография

В статье представлен опыт историографической разработки проблемы формирования и развития университетского образования в России в XVIII — начале XX в. Выделены три периода в изучении образовательной политики — дореволюционный, советский и постсоветский, прослежены изменения в тематических и содержательных аспектах исследований. Показано, что дореволюционные авторы благотворно оценивали государственные преобразования в системе высшего образования; советские историки объясняли проведение университетских реформ исключительно революционным натиском. В качестве предварительных результатов изучения образовательной политики дореволюционной России в постсоветский период приведено суждение об отказе от «разрыва преемственности», что обеспечивает перспективы успешного решения различных по своей природе и масштабу эвристических задач.

Ключевые слова: историография университетского образования, образовательная политика в Российской империи.

Финансовая поддержка: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19–39–90049, аспиранты).

Историография образования в России, в частности образовательной политики в сфере высшего образования, изучение которой в последние десятилетия привлекает все большее внимание специалистов, наряду с объективными достижениями, имеет и явные уязвимые места. Главное из них, по мнению автора, крайне слабое освещение вопросов университетского образования. Можно назвать лишь несколько работ, которые обращаются к разработкам сюжетов российского обра-

зования¹. И только в последние годы появились первые исследования истории изучения университетского образования и его законодательного обеспечения². Обозначившаяся тенденция нуждается в продолжении: в качестве главной задачи данной публикации ставится выявление и историографический анализ отечественных научных трудов, освещающих процессы формирования и развития университетского образования в России.

Выход в свет самых ранних работ, в которых рассматриваются вопросы образовательной политики в России, относится к середине XIX в. В числе подобных нужно назвать исследование, опубликованное в 1844 г. в связи с 25-летием Санкт-Петербургского университета. Подписанное ректором П. А. Плетневым, это издание, скорее всего, подготовлено группой авторов. На основе доступных в то время, но неуказанных источников в историческом сочинении делается краткий экскурс в сферу высшего образования в столице — со времени открытия Российской академии и до создания педагогического института, преобразованного впоследствии в университет. В книге также представлены материалы об организации управления Петербургским университетом, об учебном процессе — учебных курсах, профессорах и подготовленных ими трудах. Стоит отметить, что в издании особо отмечается Университетский устав 1835 г., который существенно упорядочил университетскую систему и поэтому оценивался П. А. Плетневым как благотворное преобразование, доставлявшее университетам «все способы к прекрасной деятельности, утверждающий их права и преимущества и вполне обеспечивающий труды ученого университетского сословия»³. О каких-либо ограничениях, введенных документом, создатели книги, конечно же, не упомянули.

Серьезное научное произведение о состоянии высшего образования в России в первой половине XIX в. — «Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I» — было

¹ *Соскин В. Л.* Культурное строительство Сибири в 20–30-е годы // *Историография советской Сибири (1917–1945 гг.)* / отв. ред. Н. Я. Гуштин. Новосибирск, 1968. С. 144–192; *Историография культуры и интеллигенции советской Сибири* / отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск, 1978. 350 с.; *Зак Л. М.* Изучение истории культурного строительства в СССР // *Очерки истории исторической науки в СССР* / гл. ред. М. В. Нечкина. М., 1985. Т. 5. С. 568–587.

² *Посохов С. И.* Университетская реформа 1863 г. в ряду Великих реформ: историографический аспект // *Мир историка: историографический сборник*. Омск, 2014. Вып. 9. С. 81–103; *Он же.* Университеты Российской империи в советской историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер.: История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1238–1255.

³ *Плетнев П. А.* Первое 25-летие Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1844. С. 72.

подготовлено М. И. Сухомлиновым⁴. Автор, читавший курс источниковедения в Петербургском университете, при разработке вопроса опирался на подлинные исторические источники — законодательные акты, документы делопроизводства Министерства народного просвещения, периодическую печать, записки современников. Со знанием дела Михаил Иванович осветил деятельность комиссии 1786 г., которой императрица Екатерина II поручила разработать план создания университетов и гимназий для Российской империи, отметил влияние германской системы высшего образования на российскую. В центр внимания «Материалы...» ставят процессы формирования Министерства народного просвещения, знакомят читателя со специалистами, участвовавшими в реформировании системы образования при Александре I. Особое значение уделяется характеристике работ по подготовке и изданию первого в XIX в. Университетского устава: прослеживается опыт разработки аналогичных актов для вузов России, начиная с Московского университета⁵. Сам документ 1804 г. автор «Материалов...» признавал либеральным, считал, что он даровал учебным заведениям значительные свободы, способствовавшие процветанию российского образования.

Теме высшего образования в России посвящена работа киевского профессора истории В. С. Иконникова «Русские университеты в связи с ходом общественного образования»⁶. Опираясь на разнообразные источники (законодательные акты, документы делопроизводства), автор подробно рассмотрел государственную политику в сфере образования и просвещения в России с XVI в. по 1876 г., раскрыл условия издания университетских уставов 1804, 1835 и 1863 гг. Как и его предшественник в изучении вопроса, Владимир Степанович выделил периоды прогресса университетского образования и ограничения автономии университетов. При этом автор отметил, что «образовательная система стояла на первом плане в деятельности каждого нового правительства»⁷.

Большой интерес в изучении темы представляет работа П. И. Ферлюдина «Исторический обзор мер по высшему образованию в России», опубликованная в 1893 г. Павел Иванович охарактеризовал создание

⁴ Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1865. Ч. 128. С. 9–172 (пагинация 2).

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Иконников В. С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 9. С. 161–206. № 10. С. 492–550. № 11. С. 73–132.

⁷ Там же. № 11. С. 112–114.

и деятельность российских университетов, сравнивал их с высшими учебными заведениями Западной Европы. В качестве источниковой базы его изысканий выступили законы и постановления, опубликованные в Полном собрании законов Российской Империи, журнале Министерства народного просвещения и касавшиеся работы университетов как образовательных учреждений. Основная идея издания заключается в том, что поэтапное развитие русских вузов было обусловлено университетскими уставами, «по своему характеру резко отличающимися друг от друга и вносящими в университетскую жизнь новые начала». А чередование реакции и либерализма в отношении университетов, по мнению исследователя, отражало по большей части изменения внутренней и внешней политики Российской империи⁸.

В 1902 г., к 100-летию юбилею Министерства народного просвещения, петербургский историк С. В. Рождественский подготовил «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902». Книга стала официальным изданием, поэтому трудно ожидать от нее глубоких оценок образовательной политики правительства. Однако, будучи учеником видного русского историка С. Ф. Платонова, автор привлек к исследованию разнообразные архивные документы и создал, говоря словами Г. В. Вернадского, основательный труд⁹. С. В. Рождественский подробнейшим образом прописал разработку ключевых мер в отношении российских университетов, охарактеризовал наиболее значимые, с его точки зрения, законы и распоряжения, имевшие отношение к образовательной сфере, представил комиссии с перечислением всех работавших над университетскими уставами, изложил биографии российских императоров и министров народного просвещения, внесших тот или иной вклад в образовательную деятельность¹⁰. Сергей Васильевич обобщил и заметно расширил опыт своих предшественников, сформировав, по сути, новое направление изучения истории образования.

События революции 1917 г. обусловили существенные перемены в системе научного знания. В течение последующих десятилетий российское высшее образование и образовательная политика в стране в дореволюционный период находили определенное отражение в работах, посвященных истории отдельных вузов и студенческого движения

⁸ Ферлюдин П. И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1893. С. 22–164.

⁹ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 279.

¹⁰ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. 785 с.

в них¹¹. Опора на архивные документы, документальные публикации и периодику позволила авторам осветить становление высшего образования в Сибири, учебно-научную деятельность Московского и Томского университетов. Однако государственная образовательная политика дореволюционного периода на концептуальном уровне подвергалась разоблачительной критике и оценивалась исключительно негативно.

Тем не менее в конце 1970-х — начале 1980-х годов появились первые научные публикации, в которых с опорой на значительный корпус источников (в их числе законодательные акты) анализировалась деятельность правительственных комиссий по составлению проектов и принятию университетских уставов 1863 и 1884 гг. Монографии Г. И. Щетиной и Р. Г. Эймонтовой по сей день сохраняют свою значимость как комплексные исторические исследования образовательной политики, проведения университетских реформ в России¹². Однако эти издания очевидно придерживались укрепившегося в советской историографии стремления разоблачить реакционный курс царского правительства.

В связи с изменением социально-политического курса в начале 1990-х годов в историографии намечилось широкое обновление проблематики и методологии, появились работы, авторы которых стараются переосмыслить опыт развития образования и образовательной политики в имперской России¹³. Среди исследований, выполненных в рамках новой историографической традиции, стоит выделить четырехтомный труд Ф. А. Петрова, в издании рассматривается зарождение системы университетского образования в России. Подробнейшим образом с привлечением широкого круга архивных документов Федор Александрович

¹¹ Высшее образование // Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. [Новосибирск], 1929. Стб. 582–583; Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 40–110; История Московского университета: в 2 т. Т. 1: 1755–1917 / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1955. С. 11–546; Зайченко П. А. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 27–192; Матвеев М. И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966. С. 124–215; [Шамахов Ф. Ф.] Народное образование // История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. Новосибирск, 1968. С. 374–378; Томский университет. 1880–1980 / отв. ред. М. Е. Плотникова. Томск, 1980. С. 7–97.

¹² Щетина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. 229 с.; Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985. 350 с.; Она же. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. 272 с.

¹³ Кэссону С. Д. Университетский устав 1963 г.: новая точка зрения // Великие реформы России 1856–1874 гг. М., 1992. С. 319–320; Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995. 352 с.; Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. 579 с.

освещает подготовку и издание уставов 1804 и 1835 гг., тем самым продолжая работу предшественников. В целом ему удалось по-новому, без разоблачений и обвинений осмыслить характер изданных в XIX в. университетских уставов, раскрыть процессы их разработки и подчеркнуть конструктивные элементы, показывая механизмы влияния различных политических сил на университетское образование в дореволюционной России¹⁴. Отказ как от идеализации, так и от чрезмерного негативизма по отношению к действиям правительства в отношении высших учебных заведений обеспечивает высокую степень новизны и достоверности результатов изысканий Ф. А. Петрова.

Примечательно, что к изучению образовательной политики в России обращаются правоведаы и юристы. Прежде всего их интересуют университетские уставы, которые высоко оцениваются как достижения юридической мысли¹⁵. В работах, посвященных истории отдельных вузов, раскрывается реализация, освещаются достоинства и недостатки государственной политики в отношении университетов, показывается ее влияние на сами образовательные организации и студенчество¹⁶.

В завершение следует сказать, что историографическая традиция образовательной политики в России XVIII — начала XX в. преодолела три ключевых этапа. Первый из них — дореволюционный (или имперский) — характеризуется накоплением необходимой суммы знаний, публикацией первых трудов о взаимоотношении власти и высшего образования. На втором, советском, этапе вопрос об образовательной политике рассматривался исключительно с идеологических позиций, однако частичное использование опыта предшественников, введение в научный оборот ранее не использованных источников позволили некоторым

¹⁴ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. М., 2002–2003. Т. 1–4.

¹⁵ Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Становление университетского образования в России // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. С. 7–19; Они же. Создание системы университетского образования в России и устав 1804 г. // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. С. 15–22; Они же. Университеты России в преддверии «Эпохи Великих реформ» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 17–28; Зайцева Л. А. Общий устав императорских российских университетов 1835 г.: генезис «университетского» законодательства // Lex Russica. 2014. № 7. С. 862–875; Голованова В. Ф. Правовые аспекты университетского устава 1863 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 126–128.

¹⁶ Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: [б. и.], 1999. 416 с.; Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 29–132; Некрылов С. А. Томский университет — первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. — 1919 г.). Томск, 2010. Т. 1. С. 17–127; Бурлыклина М. И. Московский государственный университет: история музейного дела (1755–2015). М., 2015. С. 13–178.

авторам по-новому охарактеризовать исторические условия высшего образования в дореволюционной России как результат взаимодействия государства и общества. В постсоветский период интерес к развитию образования в Российской империи все более базируется на актуальных научных представлениях. Аккумулируя полуторавековой опыт изучения университетской образовательной политики, детально анализируя актовые документы, исследователи преодолевают «разрыв преемственности» и тем самым продвигаются в решении научной проблемы.

К. Б. КОРЖЕНЕВСКИЙ

Нижевартовский государственный университет

Историография национально-территориального размежевания Сибири с Казахстаном в 1917–1936 гг.

Статья посвящена исследованию отечественной и зарубежной историографии формирования границы между сибирскими территориями РСФСР и Казахстаном в 1917–1936 гг. Выделены два периода изучения темы: советский (1920–1991 гг.) и современный (российская и казахстанская историография с 1992 г. по 2010-е годы). В публикации нашли отражение характеристики трудов основных специалистов в области национальной политики большевиков, национально-территориального строительства РСФСР и СССР, административного и экономического районирования Советского государства, проблематики размежевания России и Казахстана на отдельных участках границы. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения вопросов формирования сибирско-казахстанской границы в первые два десятилетия Советской власти.

Ключевые слова: национальная политика, государственная граница, административно-территориальная система, районирование, Сибирь, Урал, Казахстан.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–39–90002.

Размежевание и формирование границы Казахской республики с Сибирью является неотъемлемым проявлением административной и национальной политики Советского государства. При изучении условий становления национально-территориальной системы молодой Советской России крайне важным является территориальный вопрос и определение точных границ субъектов, в том числе в Сибирском регионе¹.

¹ Корженевский К. Б. Формирование разграничительной линии между Казахстаном и Сибирью в 1920-х — начале 1930-х годов (на примере Черлакского района) // Научный диалог. 2020. № 2. С. 369–370.

Под термином «Сибирь» в данной статье понимается регион, в который к моменту начала революционных преобразований в конце 1917 г. входили Алтайская и Томская губернии, южные уезды Тобольской губернии; с августа 1919 г. по декабрь 1925 г. подконтрольный Сибирскому революционному комитету; с мая 1925 г. по июль 1930 г. именовавшийся Сибирским краем; с августа 1930 г. по декабрь 1934 г. состоявший из Западно-Сибирского края, а с декабря 1934 г. по 1936 г. из Западно-Сибирского края и Омской области. Под Казахстаном мы подразумеваем территорию, с декабря 1917 г. по март 1920 г. входившую в состав непризнанной Алашской автономии; с июля 1919 г. по август 1920 г. находившуюся под контролем Киргизского революционного комитета, специального органа, созданного большевистской властью для управления обширными областями проживания казахского степного народа; а с августа 1920 г. по 1936 г. объединенную в составе автономного образования.

Согласно декрету ВЦИК и СНК от 26 августа 1920 г. была создана Казахская республика с четкими границами и определенной самостоятельностью. Это имело судьбоносное значение для Казахстана, став отправной точкой в дальнейшем складывании его государственности. Изучение факторов и условий, в которых происходило формирование рубежей между национальной автономией казахского народа и Сибирью, представляет несомненный научный интерес.

Большое значение в исследовании вопросов национально-территориального размежевания Сибири с Казахстаном, несомненно, имеет анализ историографии, направленный на поиск и раскрытие различных мнений относительно складывания сибирско-казахской границы, разрешение конфликтных ситуаций вокруг нее, а также обозначение специфики национально-государственного строительства Советского государства. Это дает возможность выявить особенности становления и эволюции исторической науки современного Казахстана, определить круг проблем, по которым между российскими и казахстанскими учеными наметились расхождения, а также в перспективе установить обусловившие эти разногласия причины.

На сегодняшний день существует ряд историографических работ по истории Казахстана первой трети XX в., которые в той или иной мере касаются вопросов существования и развития республики в системе социалистических преобразований. Так, в монографии Р. Ж. Кадысовой представлен анализ специальной литературы, посвященной модернизационным процессам Советской власти на казахской территории в 1917–1940 гг., с упором на экономическую и социально-политическую проблематику, в то же время сюжет формирования границ Казахской автоно-

мии не нашел отражения в данном исследовании². В статье А. А. Кульшановой кратко рассматривается определенный круг научных трудов современных казахских историков в области национальной политики большевиков в Казахстане в 1920-х — 1930-х годах³. Однако, в силу малого объема и сжатости материала, данную публикацию нельзя охарактеризовать как полноценный историографический обзор. Таким образом, существующие исследовательские опыты по историографии истории Казахстана первой трети XX в. не раскрывают степени разработанности проблематики границ.

Проблема формирования российско-казахстанских рубежей нашла отражение в трудах обобщающего характера, посвященных вопросам создания и становления Советского государства, а также в ряде специальных исследований — брошюр, статей, монографий, диссертаций, раскрывающих отдельные аспекты темы.

Историю разработки проблемы можно разделить на два периода:

- 1) советская историография, охватывающая время с начала создания Казахской автономии в 1920 г. до распада Советского государства в 1991 г.;
- 2) российская и казахстанская историография с 1992 г. по 2010-е годы.

В советский период специальных исследований по обозначенной нами теме не проводилось. Внимание ученых было сосредоточено на изучении административно-территориального устройства СССР. Кроме того, публиковались работы по административно-территориальному и административно-хозяйственному делению отдельных регионов Урала, Сибири, Казахстана.

Начиная с 1920-х годов стали появляться труды, в которых затрагивались некоторые аспекты районирования. Авторами, которые, как правило, являлись участниками процессов формирования административно-территориальной системы СССР, освещалось содержание экономических и политических преобразований в Сибири и Казахской республике по проекту Госплана, давалось описание изменения границ Казахской автономии.

Вопросам административных изменений посвящены публикации И. Г. Александрова⁴. Автор утверждал, что новое районирование на основе

² *Кадысова Р. Ж.* Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.): историография проблемы. Алматы, 2004. 288 с.

³ *Кульшанова А. А.* Концептуальные подходы казахстанской историографии периода независимости по национальной политике в Казахстане в 20-е гг. XX в. // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 12. С. 47–50.

⁴ *Александров И. Г.* Экономическое районирование России. М., 1921. 15 с.; *Он же.* Основы хозяйственного районирования СССР. М.; Л., 1924. 44 с.

метода хозяйственного тяготения должно было стать базой для построения экономики Советской России. При этом, по мнению ученого, следовало обязательно соблюдать интересы автономий и согласовывать с представителями территориальных единиц любые изменения границ.

М. Великанов в своей статье затронул экономическое районирование Казахской республики⁵. Автор утверждал, что по сравнению с другими областями изменение границ автономии проводилось по национальному, а не по экономическому принципу; указывал на существование спорных пограничных территорий, таких как Букеевская орда, которая тяготела к Поволжью, Петропавловский уезд, имевший более тесные связи с Сибирским регионом, чем с Казахстаном. По мнению М. Великанова, к середине 1920-х годов границы должны были сильно измениться под давлением экономических факторов в процессе реализации проекта Госплана по районированию на местах, однако этот вопрос был весьма сложным и требовал детальной проработки на всех уровнях власти.

Консультант административной комиссии ВЦИК С. И. Сулькевич в своих работах освещал проведение территориальных преобразований Советского государства в 1920-х годах⁶. Одним из первых он выделил основные этапы административно-территориального строительства, рассмотрел процесс создания автономий в РСФСР. Автор указывал на необходимость массового разукрупнения волостей в 1917–1919 гг. в условиях гражданской войны, когда обстановка нестабильности требовала особенного напряжения сил, для чего и создавалась волостная власть, проводившая директивы советского руководства на местах.

С 1950-х годов начали публиковаться научные труды, в которых переосмысливался весь опыт административных и национальных преобразований большевиков в 1920-х годах. В исследованиях находили отражение различные аспекты формирования административно-территориальной системы Советского Союза.

Н. Н. Колосовским были подняты вопросы экономического районирования в 1920-х годах, рассматривалась деятельность ГОЭЛРО, Госплана⁷. По мнению автора, в условиях, когда решение основных экономических задач СССР требовало использования новых сырьевых и энергетических

⁵ Великанов М. Районирование Кирреспублики // Бюллетени Госплана. М., 1923. № 8–9. С. 180–181.

⁶ Сулькевич С. И. Административно-политическое строение Союза ССР: (Материалы о территориальных преобразованиях с 1917 г. по 1 июля 1925 г.). Л., 1926. 300 с.; Он же. Административно-политическое строение Союза ССР. Дополнительная часть: материалы о территориальных преобразованиях с июля 1925 по 1 января 1927 гг. М.; Л., 1927. 115 с.

⁷ Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. М., 1958. 200 с.

ресурсов во всевозрастающих объемах, значимость административно-территориальных изменений увеличивалась многократно. Районирование дало три новых территориальных образования: область, округ и район. Н. Н. Колосовский утверждал, что район стал совершенно новой административной единицей, которая в полной мере соответствовала экономическим задачам советского строительства.

Складывание административно-территориальной системы СССР рассматривалось в монографии Р. С. Павловского и М. А. Шафира⁸. По мнению авторов, административно-территориальное устройство являлось составной частью советской государственной организации, важным публично-правовым институтом, и в условиях социализма, где политическая и хозяйственная системы работали в едином русле, оно не могло строиться без учета перспектив развития как всей страны, так и ее отдельных районов.

А. В. Лужин попытался выяснить, каким образом совмещались экономические и управленческие аспекты формирования административно-территориальной структуры Советского Союза в 1920-х годах⁹. Автор обратил внимание на сложность и большое количество звеньев данной системы, указал на важность разрешения трудностей административно-территориального устройства с учетом советской национальной политики в соответствии с принципами самоопределения народов, их равноправия и свободного выбора форм национальной государственности.

С 1970-х годов по 1991 г. появился ряд исследований отдельных аспектов образования и развития Казахской республики. В научных трудах нашли отражение вопросы национального и экономического становления государства, формирования границ с сопредельными административными образованиями.

Территориальное планирование в Казахстане в тесной связи с районированием рассмотрел Т. А. Абдразаков¹⁰. Главной задачей Казахской автономии в сфере экономики автор считал восстановление народного хозяйства. Проведенные административные изменения и создание разветвленной сети органов управления позволили в дальнейшем успешно разрабатывать перспективные проекты развития производственного комплекса республики с учетом специфических особенностей

⁸ Павловский Р. С., Шафир М. А. Административно-территориальное устройство СССР. М., 1961. 127 с.

⁹ Лужин А. В. Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1969. 172 с.

¹⁰ Абдразаков Т. А. Закономерности построения социалистической экономики в национальных районах СССР: (на материалах КазССР). Алма-Ата, 1975. 271 с.

Казахстана. Однако, по мнению автора, Казахская ССР была наименее изученной территорией СССР, что сказалось на специфике районирования, которое в значительной мере было направлено на сбор и обработку необходимых материалов.

В диссертационном исследовании Т. А. Агдарбекова раскрыты проблемы формирования границ Казахской автономии с Сибирью и Туркестаном¹¹. Автор считает, что ядром национально-государственного строительства в Казахстане стало соби́рание и объединение казахских земель в составе автономии, завершившееся к середине 1920-х годов. Становление же правового статуса республики шло тернистым путем, в борьбе двух направлений-тенденций: трансформации автономии в рядовую административно-территориальную единицу и наделении Казахстана государственной самостоятельностью в решении внутренних вопросов.

В целом же в советский период необходимости детального изучения особенностей разграничения союзных республик в первые десятилетия существования СССР не было. Советские граждане воспитывались в духе единения, в основе которого лежали постулаты равенства и братства всех народов, закрепленные в одном из первых официальных документов большевиков — «Декларации прав народов России»¹². В связи с этим изыскания в области территориальных преобразований находились в тени исследовательского фокуса, поскольку потенциально могли послужить поводом для развития в Советском Союзе националистических идей и сепаратистских движений.

С распадом СССР произошло резкое увеличение интереса к ретроспективному опыту национально-территориального строительства и размежевания бывших советских республик. Как следствие, вопрос исторической правомерности установленных между РСФСР и Казахской АССР границ приобрел особую актуальность. Прекращение существования СССР дало толчок к обострению различных проблем национального характера, которые в советское время не затрагивались или изучались в идеологическом русле. В 1990-х годах аспектами становления Казахской автономии стали заниматься ученые уже суверенных России и Казахстана, ими проводились исследования в области формирования российско-казахстанской границы в 1920-х — 1930-х годах,

¹¹ Агдарбеков Т. А. Основные проблемы национально-государственного строительства в Казахской автономной республике: 1920–1936 гг.: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Алма-Ата, 1990. 32 с.

¹² Декларация прав народов России // Образование СССР: сб. док., 1917–1924. М.; Л., 1949. С. 19–20.

национальной политики большевиков в Казахстане в первые десятилетия Советской власти.

В историческом очерке «Границы России» освещен вопрос проведения и корректировки разграничительной линии между Россией и Казахстаном в 1920-х годах¹³. Н. А. Дьяковой и М. А. Чепелкиным утверждается, что малая плотность населения на огромных пространствах степи, его кочевой образ жизни препятствовали точному определению границ территории проживания казахов. Присоединение к Казахстану Оренбургской губернии, северных пограничных уездов Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей, по мнению авторов, объяснялось несколькими причинами. Во-первых, стремлением к сплочению всех наций и народностей, вследствие чего вопрос о границах между союзными и автономными республиками не имел принципиального значения для центральной власти. Во-вторых, лишение Казахстана наиболее развитых в промышленно-сельскохозяйственном и культурном отношении территорий затормозило бы переход к социализму, осложнив управление регионом.

В диссертации Д. А. Аманжоловой большое внимание уделено движению «Алаш» и его влиянию на формирование казахской государственности в 1920-х годах¹⁴. По мнению автора, образованная на II Всеказахском съезде в Оренбурге территориально-национальная автономия, в состав которой вошли районы с преобладавшим казахским населением, положила начало становлению Казахского государства. Историк отметила последовательность лидеров Алаш-Орды в проведении национальной политики в казахской степи, не стремившихся отстраниться от центральных властей и искавших различные пути решения национального вопроса.

Более подробно национальную политику Советского государства в Казахстане осветил С. Ш. Казиев¹⁵. Он обозначил важность решения этнических проблем путем проведения центральными властями коренизации. Казахстан, по мнению автора, являлся одним из самых сложных регионов СССР для регулирования межэтнических процессов, в результате чего национальная политика советского руководства во второй половине 1920-х годов стала этнически нейтральной,

¹³ Дьякова Н. А., Чепелкин М. А. Границы России в XVII–XX веках. Приложение к истории России. М., 1995. 236 с.

¹⁴ Аманжолова Д. А. Россия и Казахский автономизм: История движения Алаш, 1905–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 653 с.

¹⁵ Казиев С. Ш. Национально-политические процессы и межнациональные отношения в Казахстане: 1920–1995 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 255 с.

направленной на радикальную социальную трансформацию всех народов СССР.

В 2000-х годах казахстанские ученые продолжили изыскания в области административного строительства в рассматриваемом нами регионе. Территориально-государственному размежеванию Туркестанской республики посвящена диссертация М. А. Малдыбековой¹⁶. Автором проанализированы процессы политико-географического размежевания в Средней Азии в 1924–1925 гг., в результате которых Туркестанская автономия была разделена на союзные республики и автономные области; отмечена важность этого этапа для политической жизни Казахстана, так как автономия получила экономически развитые области — Жетысуйскую и Сырдарьинскую, сохранив национальную целостность казахского народа.

Процессы национально-территориального размежевания сибирских территорий РСФСР с Казахской АССР в 1920-х годах освещены Е. Б. Садыковым¹⁷. В своей статье он, не отрицая важности советской национальной политики в вопросе формирования и укрепления границ автономной республики, отмечает стойкость руководителей Степного края в вопросе возвращения «исконных» земель, таких как Акмолинская и Семипалатинская области. Историк делает вывод, что административно-территориальные изменения между Сибирью и Казахской АССР в 1920-х годах были лишь инструментом в деле создания большевиками жестко централизованного государства.

Е. Б. Касенов, проанализировав государственное управление в Казахстане, приходит к выводу, что проблема единения всегда занимала особое место в историческом развитии казахов¹⁸. Особенно актуальным это стало в XIX в., когда «на защиту... от колониальной политики центра встал весь казахский народ»¹⁹. События 1917 г., по мнению автора, дали возможность открыто заявить об идее единения казахского народа вокруг партии «Алаш», а само это понятие стало для казахов сакральным, содержащим в себе историческую память народа «о свободе и духе государственности»²⁰.

¹⁶ Малдыбекова М. А. Размежевание Туркестанской Республики и проблемы территориальной целостности Казахской АССР: дис. ... канд. ист. наук. Туркестан, 2002. 146 с.

¹⁷ Садыков Е. Б. Государственно-территориальное размежевание Казахстана и Сибирская в контексте национальной политики 1920-х годов // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч. конф. Вып. 8. Барнаул, 2011. С. 64–66.

¹⁸ Касенов Е. Б. К проблеме эволюции государственного управления в Казахстане: от основания Казахского ханства до приобретения независимости // Вестник Карагандинского университета. Сер.: История. Философия. 2015. № 3 (79). С. 32–39.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же.

Исследования казахстанских ученых посвящены различным сюжетам национальной истории, которые в той или иной мере затрагивают и административно-территориальные изменения. В условиях нарастающей среди научной, культурной и политической элиты Казахстана националистической атмосферы, ставящей на повестку дня вопрос о поиске национальных героев, возвеличивается историческое прошлое казахского народа, особую важность приобретает провозглашение независимости, к которой казахский народ шел многие века²¹. Поэтому советская национальная политика в области становления и укрепления Казахской республики остается на периферии внимания специалистов, хотя ее значимость и не оспаривается никем из исследователей²².

В 2000-х годах в отечественной историографии также появились работы, авторы которых затрагивали тот или иной аспект размежевания России и Казахстана на основе всестороннего изучения ранее не введенных в научный оборот исторических источников.

Н. И. Разгон, исследуя процесс формирования границ Алтайской губернии с Казахстаном, пришла к выводу, что основным принципом, на котором изначально строилась политика по разграничению алтайской и казахской территорий в условиях революционных преобразований, было волеизъявление населения²³. В дальнейшем размежевание стало подчиняться задачам национальной политики советского руководства, в силу чего Казахской автономии для укрепления ее экономических возможностей был передан ряд территорий Алтайской губернии с преобладанием русского населения.

В 2004 г. защищена диссертация Е. В. Мухиной по истории формирования границ РСФСР на Южном Урале²⁴. Автором впервые исследован комплекс мероприятий по административно-территориальному размежеванию Южно-Уральского региона с сопредельными территориями Казахстана в 1917–1936 гг. По мнению историка, национально-государственные трансформации в Средней Азии, вследствие которых к Казахской автономии были присоединены Сырдарьинская и Семиреченская области, повлекли за собой смену политического и экономического центра Казахстана, отодвинувшую Оренбург на периферию;

²¹ Асылбеков М. Х. Об эволюции политических взглядов лидера движения Алаш Алихана Букейхана // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 89; Касенов Е. Б. К проблеме эволюции... С. 37.

²² См., напр.: Садыков Е. Б. Государственно-территориальное размежевание... С. 66.

²³ Разгон Н. И. Образование Алтайской губернии и ее разграничение с Казахстаном: 1917–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 329 с.

²⁴ Мухина Е. В. Формирование административно-территориальных границ РСФСР на Южном Урале: 1917–1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 273 с.

в свою очередь, выделение Оренбургской губернии из состава Казахской автономии обострило обоюдные территориальные претензии в Уральском регионе.

В монографии С. В. Голунова проанализированы проблемы безопасности и сотрудничества на российско-казахстанском пограничье, а также пути их решения официальными структурами²⁵. Рассматривая размежевание Алтая с Семипалатинской губернией, автор отмечал, что статус Коростелевской степи с 1921 по 1924 г. оставался недостаточно определенным, создавая тем самым конфликтную ситуацию. С. В. Голунов пришел к выводу, что большинство процедур оформления границ завершилось к 1925 г., а последующие изменения, вплоть до развала Советского государства, носили локальный характер и обуславливались соображениями экономической целесообразности.

Истории советского межреспубликанского и межобластного деления юго-восточных областей России посвящена большая часть монографии В. А. Кокшарова и Е. В. Тихановой²⁶. Авторами рассмотрены некоторые спорные вопросы административно-территориального размежевания Казахстана с Уралом, Сибирью и Алтаем и на этом фоне выявлен характер российско-казахстанских конфликтов, выделены экономические и идеологические обоснования произошедших изменений, подчеркнута значимость юридического оформления пограничной линии с сопредельными странами как одной из первоочередных задач по укреплению суверенитета любого, в том числе Российского государства.

На сегодняшний день проведены некоторые научные изыскания по изучению размежевания Урала и Западного Казахстана, Алтая и восточно-казахстанского пограничья. Казахские ученые акцентируют внимание на том, что современная казахстанская государственность и ее границы являются результатом вековой борьбы народа против национального угнетения и порабощения, а инициатором и своеобразным двигателем этого процесса являлось движение «Алаш». Российская историография увязывает административно-территориальное размежевание с поиском советским руководством оптимальных форм государственного устройства, в рамках которых можно было бы успешно решать задачи социалистического строительства.

Несмотря на довольно широкий интерес ученых к становлению казахской государственности и формированию ее внешней границы,

²⁵ Голунов С. В. Российско-казахстанская граница. Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград, 2005. 422 с.

²⁶ Кокшаров В. А. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию. Екатеринбург, 2012. 259 с.

комплексных трудов, посвященных разграничению Западной Сибири и Казахстана, до сих пор не создано. Кроме того, в этой теме по-прежнему сохраняются некоторые пробелы и нерешенные вопросы. В частности, пока что не выявлена специфика проведения административно-территориального районирования в пограничных сибирских и казахских губерниях в 1920-х — 1930-х годах, остается неизученным ряд территориальных изменений в ходе корректировки границы во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х годов и т. д. Поэтому важной задачей является дальнейшее рассмотрение проблемы становления национально-территориальных рубежей между сибирскими территориями РСФСР и Казахстаном, что дает возможность практического использования будущих результатов для анализа современных межгосударственных отношений как в Центральной Азии, так и в мире, а также для проведения эффективных мер по формированию безопасных рубежей.

К. А. БЕСПАЛОВА

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Деятельность Французской коммунистической группы РКП(б): историография проблемы

В статье рассмотрено состояние зарубежной и отечественной историографии по вопросам зарождения, функционирования и роспуска Французской коммунистической группы (ФКГ) в 1918–1920 гг. Автор выделяет два хронологических этапа исследований по истории группы и демонстрирует, как менялся интерес к изучению организации. Акцентировав внимание на тех сюжетах, которые нашли отражение в работах историков, автор делает вывод, что на первом этапе исследования носили формальный характер и не отражали всей полноты истории ФКГ. Изучение второго этапа выявило, что со сменой исследовательской парадигмы историков стали привлекать судьбы людей, входивших в состав группы, а история ФКГ ушла на второй план. Автор заключает, что в историографии отсутствует полноценное исследование истории данной группы, что актуализирует необходимость дальнейшего изучения темы.

Ключевые слова: Французская коммунистическая группа РКП(б), пропаганда, коммунизм, Русская революция.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–39–90025 «Деятельность Французской коммунистической группы в Москве: пропаганда идей большевизма и эволюция взглядов ее участников (1917 – середина 1930-х годов)».

Октябрьская революция 1917 г. имела невероятное воздействие на умы современников. Это событие нашло отклик и среди многочисленных иностранцев, проживавших в то время в России. Многие из них были вдохновлены революцией и готовы целиком посвятить себя ее служению. Центральный комитет Российской коммунистической партии большевиков (ЦК РКП(б)) воспользовался этим порывом и в 1918 г. организовал в Москве Федерацию иностранных групп. Феде-

рация состояла из нескольких союзов (немецкий, англо-американский, итальянский, венгерский и др.) и объединяла их в единую организацию при РКП(б).

Среди созданных объединений была и Французская коммунистическая группа (ФКГ). Она начала свою деятельность с 24 августа 1918 г. и просуществовала до 1920 г. В ее состав вошли эмигранты (Жанна Лябурб, Розали Барбере, Сюзанна Жиро, Анри Гильбо) и французские военные (Жак Садуль, Пьер Паскаль, Марсель Боди, Робер Пти). Организация имела подразделения в Москве, Петрограде, Киеве, Одессе, где через периодическую печать, распространение листовок и брошюр, участие в митингах и собраниях осуществляла пропаганду среди французских граждан, проживающих в России. Наиболее эффективный результат агитация имела в англо-французских войсках на юге России. Группа содействовала большевикам и в организации Первого и Второго конгрессов Коминтерна. Эти усилия были направлены на привлечение французского пролетариата в Третий интернационал и создание во Франции коммунистической партии.

После революции характер дипломатических отношений Советской России и Франции неоднократно менялся. Сотрудничество во Второй мировой войне сблизило правительства двух стран, благодаря чему на историю ФКГ, как на одну из важных страниц истории русско-французских и советско-французских отношений, обратили внимание ученые и деятели культуры. Появились первые обобщающие энциклопедические статьи о деятельности членов ФКГ, в частности о Ж. Лябурб¹. В 1966 г. на киноэкраны даже вышел фильм «Эскадра уходит на запад», повествующий о подпольной работе Ж. Лябурб в Одессе и трагической смерти этой революционерки, которую она приняла ради того, чтобы французские моряки не участвовали в военных действиях против Советской республики.

Одним из первых отечественных историков, обратившихся к изучению ФКГ, была специалист по истории Гражданской войны и интервенции в России Людмила Марковна Зак. Ее статьи, написанные на основе архивных материалов, и сегодня можно назвать наиболее полно отражающими историю создания и деятельности группы. Внимание автора было сосредоточено на трех сюжетах. Первый сюжет касался издания коллективом группы газеты «Третий Интернационал». Исследователь подробно описала содержание постоянных рубрик этой газеты. Второй сюжет был связан с героической деятельностью лучших представите-

¹ См., напр.: Большая Советская Энциклопедия: второе издание / под ред. Б. А. Введенского и др. М., 1954. С. 576.

лей группы: павшей от рук врагов революционерки Ж. Лябурб² и перешедшего на сторону большевиков французского капитана Ж. Садуля³. На некоторые детали биографий этих людей автор намеренно обращала внимание читателя, стремясь подчеркнуть их мужество и героизм. Это, к сожалению, привело и к ряду фактологических ошибок. Так, например, Л. М. Зак ошибочно сообщила о трижды вынесенном заочном смертном приговоре Ж. Садулю за переход на сторону большевиков⁴, тогда как приговор был вынесен только единожды⁵. Любопытно, что вслед за этим автором ряд других исследователей подхватили этот миф⁶. Третий сюжет — это агитационная работа среди французских солдат на юге России. В целом вывод, который сделала Л. М. Зак, был следующим: при поддержке и помощи В. И. Ленина группа проделала немалую работу, являясь посредником между советским и французским рабочими движениями. Интересно, что период деятельности организации после Первого конгресса Коминтерна (1919 г.) был назван «теоретически-агитационно-пропагандистской работой внутри группы»⁷. Именно так историк квалифицировала период тяжелейших ссор и разногласий среди членов группы, которые запятнали репутацию, оклеветав друг друга. За этим последовали допросы сотрудников организации членами ЦК РКП(б), дальнейшая реорганизация объединения в январе 1920 г. и его распад после Второго конгресса Коминтерна (лето 1920 г.). Но о допросах и истинных причинах распада группы Л. М. Зак умалчивает, очевидно, чтобы не бросать тень на славные страницы истории французской группы.

Истории ФКГ касались также ученые, занимавшиеся изучением деятельности иностранных групп в России в целом. Французские исследователи Анни Кригель (Annie Kriegel) и Жорж С. Опт (Georges S. Haut), опираясь преимущественно на советскую литературу, отметили, что в целом деятельность иностранных организаций не дала ожидаемого

² Зак Л. М. Подвиг Жанны Лябурб // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 135–144.

³ Зак Л. М. Деятельность французской коммунистической группы РКП(б) в 1918–1919 годах // Вопросы истории. 1960. № 2. С. 156.

⁴ Там же; Зак Л. М. Славные традиции солидарности: борьба французского народа против интервенции в Советскую Россию в 1918–1920 гг. М., 1962. С. 32.

⁵ Service historique de la Défense, Terre, 7 №№ 2013. Р. 201.

⁶ Вильдер М. Французские интернационалисты в защиту Великой октябрьской социалистической революции // Французский ежегодник. 1977. С. 40; Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1918 / предисл. и коммент. Г. М. Ивановой. М., 1990. С. 6.; Краева Т. В. Французские левые в русской революции: 1917–1921 гг. // Французский ежегодник. 2009. С. 192.

⁷ Зак Л. М. Деятельность французской коммунистической группы РКП(б) в 1918–1919 годах. С. 164–166.

советскими властями эффекта, а сами иностранцы находились во власти иллюзий насчет тех идей, которые они пропагандировали⁸. Несколько позднее, в год празднования 50-летия революции 1917 г., в СССР была издана коллективная монография под редакцией А. Я. Манусевича⁹, посвященная интернациональному движению и иностранным группам в России. Раздел монографии об истории создания Федерации иностранных групп подготовил советский историк Б. Б. Медведев. Он коснулся организационной структуры, целей и задач, которые ставились перед иностранцами в этой организации. Также в монографии есть параграф, посвященный французской группе, автором которого является уже упомянутая нами Л. М. Зак. Но этот параграф — скорее итог предшествующих работ автора и практически полностью повторяет уже изученные ею сюжеты по истории ФКГ.

Юбилейные 1967, 1977 и 1987 гг. оказались богаты на исследования, посвященные изучению французских левых интеллектуалов. В этот период внимание историков привлекали сюжеты о том, как французы восприняли революцию в России и как переходили на сторону большевиков¹⁰. Исследователи упоминали в том числе и членов ФКГ, но лишь как пример «увлеченных творческими усилиями по созданию государства рабочих и крестьян» и «решительно оторвавшихся от старого социал-демократического реформизма»¹¹. В этих публикациях упоминались лишь некоторые члены группы, как, например, Ж. Садуль (в связи с откликами французской общественности на публикацию его писем¹²) или П. Паскаль и А. Гильбо, которых упоминали как ренегатов за их отречение от коммунизма¹³. Деятельность других членов ФКГ исследователей интересовала мало, так же как и проблемы создания или распада группы. Они лишь упоминали о публикаторской активно-

⁸ *Kriegel A., C. Haupt G. Les groupes communistes étrangers en Russie et la révolution mondiale (1917–1919). État des travaux // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1963. Т. 10. № 4. Р. 300.*

⁹ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967. 615 с.

¹⁰ *Кузнецова Н. Советская Россия и Франция (ноябрь 1917 — ноябрь 1918 г.) // Французский ежегодник, 1977. С. 30.*

¹¹ *Langevin L., Cogniot G. Les premiers intellectuels communistes français // La Pensée. 1967. № 136. Р. 10.*

¹² Прибыв в Россию в качестве политического наблюдателя в 1917 г., Ж. Садуль сообщал об увиденном в письмах министру вооружений Франции А. Тома и некоторым своим друзьям. Сборник писем под названием «Notes sur la révolution bolchevique» был опубликован в 1919 г. в Париже.

¹³ *Ланжевен Л. Французская интеллигенция и Октябрьская революция // Французский ежегодник. 1967. С. 21–22.*

сти французских коммунистов в Москве и Киеве¹⁴ или об их участии в Первом конгрессе Коминтерна и сопровождении французских делегатов по приволжским городам¹⁵ в период Второго конгресса Коминтерна (об этом писал французский исследователь Доминик Лежен (Dominique Lejeune))¹⁶.

В 1980-х годах вышли энциклопедии по истории Гражданской войны и Октябрьской революции, в которых были публикации о ФКГ, основных событиях ее деятельности и ключевых членах организации¹⁷. Отметим, что содержание статей в энциклопедиях и других обобщающих трудах, посвященных социальным и политическим темам, а также действовавшим государственным деятелям, строго выдерживались в соответствии с текущей политической ситуацией и советскими принципами.

В 1990-х годах с распадом Советского Союза и радикальной смелой государственной идеологии произошли кардинальные изменения и в сфере общественных наук. Активно пересматривались устоявшиеся исторические концепции, основанные на марксистском мировоззрении. Исследователи получили свободный доступ к закрытым ранее архивным фондам, возможность работы в зарубежных архивах и заново переосмыслить советское прошлое. В России и за рубежом стали активно публиковаться сборники документов и мемуары. Так появились воспоминания членов ФКГ П. Паскаля, М. Боди, Ж. Садуля, изучение их историй сместило исследовательский интерес от анализа организации в целом к исследованию персонального повествования. Историков стали привлекать судьбы и мысли членов группы. Так, например, проанализировав дневники П. Паскаля, французский исследователь Франсуа Фюре продемонстрировал, как очарованный революцией интеллеktуал в конечном итоге разочаровался и отрекся от нее. В поле зрения исследователя попал и Ж. Садуль, совместно с которым П. Паскаль организовал коммунистическую ячейку (имеется в виду французская группа). Фюре заключил, что группировка играла роль посредника во время переговоров о вступлении в Третий интернационал между частями распадавшейся на социалистов и коммунистов Французской секции Рабочего интернационала (СФИО) и боль-

¹⁴ Виллар К. Первое знакомство французского рабочего класса с Октябрьской революцией (1918–1919) // Французский ежегодник. 1977. С. 11.

¹⁵ Ими были члены Социалистической партии Франции Л.-О. Фроссар и М. Кашен.

¹⁶ Lejeune D. Les mission de la SFIO dans la Russie de 1917 // Revue Historique. 1987. Octobre – décembre. P. 384–385.

¹⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР / С. С. Хромов и др. М., 1985. С. 630; Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия / под ред. П. А. Голуба и др. М., 1987. С. 562.

шевиками¹⁸. Но в сущности, исследователя интересовал скорее сам П. Паскаль, его судьба и окружение, нежели его реальное участие в ФКГ и существование самой этой организации.

Истории создания ФКГ и ее деятельности также кратко коснулись в своих исследованиях ученые Уральского государственного университета (УрГУ им. А. М. Горького). Однако и они не стали концентрировать внимание на самой организации. Изучая влияние революции 1917 г. на французских левых, историки выдвинули тезис о «попутничестве» большевикам многих иностранцев, в том числе сотрудников французской группы. Л. М. Слуцкая, занимаясь некоторыми членами организации как отрекшимися от Французской военной миссии, пришла к выводу об их временном увлечении большевизмом и о принятии его с оговорками¹⁹. Т. В. Краева рассматривала эволюцию идейно-политических взглядов французских левых после соприкосновения с российскими реалиями²⁰. Эволюция мировоззрения П. Паскаля была проанализирована в одной из статей В. А. Бабинцева²¹.

Как уже было отмечено, публикация воспоминаний иностранцев-очевидцев о событиях Октябрьской революции способствовала тому, что внимание историков оказалось привлечено к изучению их судеб. В последние годы стали появляться обзорные работы, основанные на мемуарах²², и новые исследования, посвященные отдельным членам организации. Среди них — книги о героически павшей в Одессе революционерке Ж. Лябурб²³ и типографском работнике М. Боди из провинциального Лиможа, ставшем секретарем А. Коллонтай в Норвегии²⁴, статья об отражении советской действительности в мемуарах А. Гильбо²⁵. Авторы этих публикаций, как правило, уделяли внимание судьбам

¹⁸ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 2001. С. 130–132.

¹⁹ Слуцкая Л. В. Французские попутчики большевизма: интернационализм или сюрнационализм? // Европа в контексте диалога Запада и Востока в новое и новейшее время. Материалы межвуз. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 135.

²⁰ Краева Т. В. Французские левые в русской революции: 1917–1921 гг. С. 203.

²¹ Бабинцев В. А. Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // Французский ежегодник. 2009. С. 208–220.

²² Aunoble E. La Révolution russe, une histoire française. Lectures et représentations depuis 1917. Paris, 2016. 261 p.

²³ Van der Motte F. Jeanne Labourb. Première communiste française héroïne de la révolution d'Octobre, assassinée à Odessa le 2 mars 1919. Paris, 2009. 79 p.

²⁴ Виане Б. Марсель Боди: типографский рабочий из Франции, ставший советским дипломатом // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 73–85.

²⁵ Слуцкая Л. В. «Из Кремля в Шерш-Миди»: неизвестные мемуары левого интеллектуала // Постигение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / отв. ред. Е. Д. Гальцова. М., 2015. С. 790–797.

отдельных личностей, рассматривая их членство в группе только как небольшой жизненный этап.

В то же время истории ФКГ нашлось заслуженное место в монографии А. А. Вершинина, посвященной становлению Французской коммунистической партии (ФКП). По его мнению, после Первого конгресса Коминтерна ФКГ, представляя первоначально все французское рабочее движение, отошла на второй план и стала лишь дополнительным каналом связи между Москвой и Парижем. Историк также кратко остановился на конфликтах внутри группы. Именно изучение этого сюжета особенно выделяет работу А. А. Вершинина среди других публикаций. Автор сделал вывод о том, что причина раздора была связана с личными качествами некоторых сотрудников группы. В частности, желание двух ярких персонажей — Ж. Садуля и А. Гильбо — играть важную роль среди остальных членов группы стало предтечей раздоров²⁶.

Особого внимания заслуживают исследования французского историка Софи Кёрэ (Sophie Coeuré). Изучение ФКГ не являлось приоритетной задачей в исследованиях историка, и поэтому она только кратко обозначила основные направления деятельности этой организации²⁷. Но автор сделала интересное наблюдение: она заметила, что «группа» представляла собой скорее лингвистическое объединение, нежели национальное²⁸. Эта деталь, справедливо подмеченная С. Кёрэ, точно характеризует сотрудников группы, потому как знание французского языка еще не определяло их приверженность Франции как стране. Исследователь обратилась к причинам распада группы и подробно остановилась на конфликтах внутри самой организации²⁹. Историк заключила, что конфликты возникали в том числе и на почве голода, холода и даже воровства³⁰. Это позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения внутри группы как замкнутого, но, в сущности, не разнородного социума.

Историографический анализ научных трудов показал, что исследователи затрагивали актуальные для своего периода аспекты данной темы. От исторической эпохи зависела степень упоминания тех или иных сюжетов в исследованиях. Интерес к деятельности ФКГ и первые заметки появились в 1950-х годах, в период улучшения советско-французских отношений. В дальнейшем публикационная активность

²⁶ Вершинин А. А. *Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923). К истокам французского коммунистического движения.* М., 2012. С 55–56.

²⁷ Coeuré S. Pierre Pascal. *La Russie entre christianisme et communism.* Paris, 2014. P. 91.

²⁸ Ibid. P. 86.

²⁹ Ibid. P. 95–99.

³⁰ Ibid. P. 88.

традиционно возрастала к юбилейным датам Октябрьской революции 1917 г. Нередко излюбленным сюжетом становились мифологемы о прозревших французах, которые примкнули к большевикам и стали активными борцами за коммунистические идеалы. Исследования советских историков и лояльных к советской власти зарубежных исследователей были фундаментальны, но под влиянием идеологического пресса они носили зачастую формальный характер и не позволяли объективно оценить деятельность группы, причины ее распада, степень вовлеченности ее сотрудников в становление Третьего интернационала.

Распад Советского Союза, отказ от монополии на историческую истину, стремление к научной объективности и плюрализму мнений, а также доступ к закрытым ранее архивным фондам позволили историкам продвинуться в изучении истории ФКГ. Вместе с общим падением увлечения коммунистическим движением отметим и смену вектора в изучении ФКГ: от вопросов создания и деятельности группы интерес стал смещаться к судьбам ее членов. Сейчас исследователи ставят следующие вопросы: что стало причиной перехода сотрудников группы на сторону большевиков? что послужило причиной их отречения от коммунизма? в чем мотив распада французской группы с точки зрения ее членов? Однако фундаментального труда, в котором освещались бы история создания ФКГ, ее деятельность и причины роспуска, до сих пор не создано.

Е. Н. БЕНЕВАЛЕНСКАЯ

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

Местное историописание и конструирование региональной памяти в Алтайском крае в 1945–1985 гг.

В статье представлены итоги изучения краеведческих практик на Алтае в период с послевоенных лет до перестройки. Научные результаты получены в ходе реализованного грантового проекта и основаны на большом массиве разнородных исторических источников. В работе рассматриваются каналы, стратегии и направления создания и трансляции памяти о прошлом локальных сообществ, определены социальные функции краеведческой деятельности в контексте динамики трансформаций коммеморации в условиях советской идеологической системы. Обоснована существенная роль историко-краеведческих изысканий в выявлении и сохранении объектов местного наследия, формировании уважительного отношения к ключевым событиям прошлого страны и края, самоидентификации регионального социума.

Ключевые слова: историческая память, краеведение, новая локальная история, идентичность, Алтайский край.

Финансовая поддержка: работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18–39–00047 «Историческое краеведение в региональном социокультурном ландшафте второй половины XX в.».

Актуальной темой современных научных исторических исследований является изучение явлений и процессов, связанных с формированием общегосударственной, национальной и региональной идентичности, исторической памяти и консолидации российского общества. Для осмысления этих проблем и разработки национальной и региональной политики в нашей стране важно учитывать роль исторического сознания и коллективных представлений о прошлом у различных групп населения. Заметное место в формировании исторических взглядов и представлений, образов и стереотипов восприятия прошлого принадлежит краеведам, работы которых востребованы среди широкой

читательской аудитории. Отечественная¹ и зарубежная историографии² в целом сходятся во мнении, что креативные идеи местных исследователей, их инициативы и начинания в культурно-образовательной сфере регионов являлись и на сегодняшний день остаются важным ресурсом сохранения историко-культурного наследия.

В отличие от «традиционной» истории, которая основное внимание уделяет выдающимся событиям и явлениям, в настоящее время исследователи уходят от интерпретации прошлого исключительно с позиций научной ортодоксии и анализируют разноуровневые интеллектуальные процессы. Согласно новейшим подходам интеллектуальной истории историческое познание рассматривается как диалог научно ориентированной историографической культуры и социально направленного историописания. По разделяемой нами типологии исторического знания научно-педагогической школы источниковедения краеведение нацелено на конструирование региональной памяти социума, общенациональной и локальной идентичности³.

В статье представлены результаты научного проекта, реализованного в 2018–2020 гг. Его итогом стало издание монографии по истории краеведения на Алтае во второй половине XX в.⁴ и создание электронной библиографической базы данных краеведов-исследователей Алтайского края⁵. В ходе работы были выявлены и введены в научный оборот не опубликованные ранее архивные материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного исторического архива, Государственных архивов Алтайского края и Новосибирской области, Научного архива Сибирского отделения Российской академии наук, Государственного архива социально-правовой документации Республики Алтай, Российского этнографического музея, Алтай-

¹ Краеведы Москвы: в 3 вып. / сост.: Л. В. Иванова, С. О. Шмидт и др. М., 1991–1997; *Виле П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994; Антология омского краеведения / под ред. П. П. Виле. Омск, 2015. Т. 2: Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках.

² *Epic revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda* / Kevin M. F. Platt and David Brandenberger ed. London; Wis., 2006; *Donovan V.* Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia. Ithaca; N. Y.; London, 2019.

³ *Маловичко С. И.* Интеллектуальная история России: курс лекций / С. И. Маловичко, А. А. Мухутдинов, С. И. Реснянский. М., 2018. С. 126–129.

⁴ *Беневаленская Е. Н., Демин М. А.* Историческое краеведение в культурно-образовательном пространстве Алтайского края (вторая половина 1940-х — середина 1980-х гг.). Барнаул, 2020. 336 с.

⁵ Электронная библиографическая база данных краеведов-исследователей истории Алтайского края. URL: <http://histbase.altspu.ru>.

ского государственного краеведческого музея, Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина, Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова, Новосибирской государственной областной научной библиотеки и других учреждений⁶.

Полевые исследования, анкетирования сельских и городских краеведов, поиск материалов в районных музеях и архивах, обработка данных периодической печати позволили выявить в муниципальных историко-краеведческих музеях и архивах Алтайского края документальное наследие сельских краеведов второй половины XX в. Оно содержит как биографические сведения о персоналиях, так и рукописи работ, которые до настоящего времени остаются малоизученными, нередко неизвестными для широкого круга ученых и общественности.

В исследовании использованы нормативно-правовые акты (постановления высших органов власти и документы Коммунистической партии Советского Союза в сфере культуры и образования, приказы, решения, постановления местных государственных и партийных инстанций, регулировавшие краеведческую работу); делопроизводственная документация (ведомственные отчетные, информационные, учетные документы, деловая переписка архивных и музейных учреждений, библиотек и школ, протоколы деятельности общественных организаций); учебно-методические и местные просветительские издания, публикации по локальной истории и проблемам ее изучения в периодической печати. Особую группу источников составили материалы личного происхождения: мемуары, эпистолярное наследие, рукописи работ краеведов Алтая.

Во второй половине 1940-х — первой половине 1980-х годов на местное историописание оказали влияние изменения в историографии, инфраструктуре научного и культурно-образовательного пространства региона. Развитие исторического краеведения на Алтае в этот период в значительной мере определялось личностным фактором.

Сельские краеведы Алтайского края стояли у истоков изучения ретроспективы локальных сообществ, впервые на местных материалах обратились к ряду ключевых проблем и знаковым событиям прошлого. Процессам заселения и развития своих сел и районов посвящены работы П. Ф. Рыженко (Яминский, ныне — Целинный район), М. Т. Коновалова (Залесовский район), В. В. Волкова (Косихинский район), Г. Е. Иванова (Мамонтовский район), В. А. Ремизова (Кытмановский район), А. И. Гончаровой (Поспелихинский район) и других. Собирали информацию

⁶ Беневаденская Е. Н., Демин М. А. Историческое краеведение... С. 20–28.

и публиковали труды по революционной тематике, о местных событиях в годы Гражданской и Великой Отечественной войн В. М. Комаров (Волчихинский район), Е. С. Назаров и М. М. Токарев (Заринский район), Г. Н. Блинов (Косихинский район), Р. М. Попов (Троицкий район), Б. П. Гуков (Ключевский район), П. А. Пименов (Залесовский и Советский районы) и другие⁷.

Историческое краеведение как явление социокультурной жизни Алтая развивалось под влиянием трансформаций государственного управления, общественно-политических и экономических изменений. Общесоюзные процессы наряду с региональными факторами определили особенности местного историописания в послевоенное десятилетие, эпоху оттепели и в период середины 1960-х — первой половины 1980-х годов.

Поддержка властными инстанциями краеведения была во многом связана с актуализацией в коллективной памяти исторических событий и деятелей, призванных обеспечить индоктринацию и социальную солидарность населения. В послевоенный период партийные и государственные структуры на Алтае, руководствуясь главным образом необходимостью решения задач идеологического характера, предприняли ряд мер по активизации изучения прошлого региона и пропаганде исторических знаний. Краеведческая работа начала приобретать более целенаправленный характер. Определенный импульс для пробуждения интереса общества к ретроспективному опыту был получен благодаря археологическим экспедициям под руководством М. П. Грязнова в Верхнем Приобье и С. И. Руденко в Горном Алтае.

Центром объединения краеведческих сил во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов стал Алтайский краевой краеведческий музей (АККМ). Под его эгидой регулярно собирался краеведческий совет, в который входили сотрудники различных региональных учреждений и организаций, а его члены Н. Я. Савельев, Н. А. Камбалов, Н. Г. Ерошкевич и А. П. Уманский подготовили инструкции и методические рекомендации по изучению истории городов и сел, культуры и быта населения края.

Однако в трудных экономических условиях послевоенного времени развитие краеведческого движения оставалось слабым. Краеведы, ориентировавшиеся на традиции своих предшественников, стремились к поиску и сохранению в качестве оснований идентичности значимых для прошлого Алтая событий и персоналий дореволюционной и совет-

⁷ Залесовский районный краеведческий музей. Фонд М. Т. Коновалова; Косихинский районный краеведческий музей. Фонд Г. Н. Блинова; личный архив автора. Материалы анкетирования учителей-краеведов школ Алтайского края за 2018–2020 гг.

ской эпох. В соответствии с классовым подходом ключевыми темами изысканий являлись крестьянское движение, эксплуатация рабочих людей, борьба оппозиционных сил против царской администрации. Исключительное внимание уделялось революционной тематике, истории Гражданской войны и вопросам социалистического строительства. Кампании по борьбе против «космополитизма» и «буржуазного национализма», насаждение догматизма в общественных науках и распространение культа личности И. В. Сталина также накладывали свой отпечаток на содержание и формы краеведческой работы⁸.

В качестве примера, иллюстрирующего необходимость соблюдения классового подхода к освещению исторических событий в послевоенное десятилетие, можно привести статью заведующего отделом советской истории АККМ Н. Г. Ерошкевича «Патриотический подъем на Алтае в Отечественную войну 1812 г.»⁹. Изначально автор планировал опубликовать материалы по этой теме в газете «Сталинская смена» (в дальнейшем — «Молодежь Алтая»). Однако направленная им в редакцию рукопись под заглавием «Алтай в период Отечественной войны 1812 г.» получила отрицательную оценку рецензентов — заведующего отделом дореволюционной истории АККМ Н. Я. Савельева и руководителя лекторской группы крайкома КПСС П. И. Иващенко. Главный недостаток работы рецензенты видели в том, что Ерошкевич дает «неверную... оценку русскому патриотизму», так как для автора «не существует различия между народом и правящей верхушкой»¹⁰. В новом варианте, изданном Н. Г. Ерошкевичем в сборнике музея, был показан сбор средств на нужды российской армии исключительно трудовым населением округа — приписными крестьянами и мастеровыми, а о пожертвованиях «правлящих классов» умалчивалось.

Либерализация внутривосточного курса в период оттепели стала импульсом оживления краеведческого движения в стране. Важным фактором повышения научного уровня местных исторических исследований явилось создание Отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (с 1966 г. — Института истории, филологии и философии) Сибирского отделения Академии наук СССР, достаточно быстро превратившегося в научный

⁸ Беневаденская Е. Н., Демин М. А. Историческое краеведение... С. 85–86.

⁹ Ерошкевич Н. Патриотический подъем на Алтае в Отечественную войну 1812 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1956. Вып. 1. С. 144–155.

¹⁰ Письмо из редакции газеты «Сталинская смена» заведующему отделом советской истории АККМ Н. Г. Ерошкевичу от 8 декабря 1952 г. // Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ. 19617. Л. 34.

координационный центр изучения прошлого Сибири. В Алтайском крае сложился круг энтузиастов-краеведов, которые в условиях обновления общественно-политической жизни смогли ярче проявить свой организаторский и исследовательский талант и внесли большой вклад в возрождение и развитие краеведческих традиций. Практика изучения региональной истории приобрела более разносторонний характер, чем в предшествующее десятилетие. Активизировалась работа архивистов по выявлению, обработке и изданию документальных материалов. Возобновились экспедиции музеев Алтая по сбору исторических источников, расширилось комплектование фондов, оживилась подготовка новых экспозиций, методическая и просветительская деятельность музейных сотрудников. Алтайская краевая библиотека начала систематически выпускать справочно-библиографические указатели краеведческой литературы. Организация всесоюзных экспедиций по изучению родного края и издание учебно-методических пособий по историческому краеведению стимулировали развитие поисковой исследовательской деятельности школьников. Усилиями общественности вновь стал функционировать Алтайский отдел Географического общества СССР¹¹.

Расширилась тематика краеведческих изысканий по местной истории. Однако политика памяти по-прежнему оставалась под жестким контролем власти. Это наглядно демонстрирует практика введения в оборот и использования архивных документов. Исследователям приходилось подбирать источники, вписывавшиеся в схему официальной концепции истории революции и Гражданской войны, сохранялись многочисленные цензурные ограничения на публикацию материалов¹². Так, выход сборника «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917–1920 гг.)» совпал с празднованием 40-летнего юбилея Октябрьской революции. В условиях частичной демократизации общественной жизни это инициировало широкое обсуждение вопросов увековечения памяти о событиях и героях первых лет большевистского режима. В Алтайский крайком КПСС поступали рецензии и замечания бывших партизан и представителей подполья¹³. Серьезным упущением издания адресанты считали отсутствие в нем меморатов участников событий, способных раскрыть подробности революционной повседневности и стать «лучшим памятником героям, павшим в борьбе за власть

¹¹ Беневаленская Е. Н., Демин М. А. Историческое краеведение... С. 154–155.

¹² Записка Главлита при Совете Министров СССР в Министерство культуры СССР. 2 июня 1959 г. // Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: документы. М., 1998. С. 95–97.

¹³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-5876. Оп. 1. Д. 316. Л. 20–31.

советов»¹⁴. Т. С. Мухачев по этому поводу отмечал: «Сколько конкретных и важных деталей могли бы внести воспоминания старых большевиков, наполнив сухую, лишенную конкретности историко-партийную литературу ароматом эпохи и духом живой жизни»¹⁵.

Приоритетное внимание во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов уделялось пропаганде национально-государственных символов советской идентичности: революционного и партизанского движения, достижений народного хозяйства, коллективизации и индустриализации, вклада жителей края в победу в Великой Отечественной войне, освоения целины и космоса. При этом партийные и государственные инстанции не ослабляли контроль за деятельностью местных историков, чтобы отражение многообразия и специфики историко-культурного наследия в региональных изданиях оставалось в намеченных официальной идеологией границах.

В середине 1960-х — первой половине 1980-х годов в результате усилий краеведов по поиску и сохранению исторических реликвий стали создаваться новые оригинальные экспозиции в музеях края. Важную роль в консолидации краеведческих сил и укреплении контактов с академическими учреждениями и вузами Сибири и Алтая начали играть объединявшие специалистов различных отраслей общественные организации, такие как Алтайское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), общество «Знание», филиал Географического общества СССР. Члены региональных отделений этих структур проводили системную работу по выявлению, исследованию и учету объектов историко-культурного наследия. В результате удалось поставить на государственную охрану десятки памятников археологии, архитектуры, горнопромышленного производства, а также связанных с эпохой революции и Гражданской войны монументов¹⁶.

Со второй половины 1960-х годов активизировалась публикация работ по городоведческой и памятнико-охранительной тематике, истории революционного и партизанского движения на Алтае. Совершенствовались и усложнялись формы просветительской работы краеведов: исторические знания пропагандировались в ходе цикловых лекций и экскурсий, культурно-образовательных программ для различных социальных и возрастных групп населения. Транслировавшееся властными инстанциями

¹⁴ ГААК. Ф. П-5876. Оп. 1. Д. 316. Л. 20.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Демин М. А., Беневаденская Е. Н. Проблема сохранения историко-культурного наследия в практиках общественных организаций Алтайского края (середина 1960-х — 1991 годы) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19. № 1: История. С. 112–117.

видение некоторых сторон прошлого по-прежнему вступало в противоречие с индивидуальными воспоминаниями участников исторических событий. Так, в письмах бывших партизан в партийные органы и научные учреждения Алтая и Сибири в 1970-х годах выражалось несогласие с несправедливым забвением имен руководителей партизанских отрядов наряду с увековечением большевистских лидеров в пантеоне героев революции. Отдельные обращения содержали просьбы пересмотреть негативную оценку роли Г. Ф. Рогова в Гражданской войне¹⁷.

В 1970-х — первой половине 1980-х годов своеобразными культурно-просветительскими центрами сел и местами удовлетворения познавательных и творческих интересов не только учеников, но и всего местного населения стали школьные музеи. В 1971 г. в с. Волчиха усилиями учителя истории местной средней школы В. М. Комарова был открыт краеведческий музей¹⁸. На протяжении ряда лет под руководством педагога учащиеся во время летних каникул выезжали в экспедиции по районам Алтайского края, разыскивали потенциальные экспонаты и записывали рассказы старожилов об основании населенных пунктов и исторических событиях, свидетелями которых являлись местные жители. Фиксации подвергались мемораты раскулаченных крестьян, бывших военнопленных и трудармейцев, сведения о репрессированных¹⁹. Результаты этой деятельности были опубликованы В. М. Комаровым в многочисленных статьях в краевой и районной прессе, опыт поисково-исследовательской и музейной работы со школьниками обобщен в центральных изданиях. По истории Волчихинского района о фронтовиках, тружениках тыла и детях войны краеведом изданы сборники очерков и рассказов: «Герои остаются с нами» (1968, 1975, 1999 гг.), «Мы помним вас, земляки» (1989 г.), «Такой запомнилась война» (2004 г.), «Родная земля» (2010 г.).

Таким образом, в период с послевоенных лет до перестройки работы краеведов Алтая должны были подтверждать на местном материале ключевые положения официальной историографии. Невзирая на идеологические ограничения и финансовые сложности, подвижничество и преданность краеведческому движению исследователей истории региона сыграли существенную роль в выявлении ранее не доступных специа-

¹⁷ ГААК. Ф. П-5876. Оп. 4. Д. 119. Л. 13; Оп. 9. Д. 100. Л. 146; Косихинский районный краеведческий музей. Фонд Г. Н. Блинова. Письма бывшего командира разведки 2-го батальона отряда Г. Ф. Рогова Г. М. Батурина краеведу Г. Н. Блинову от 4 января 1976 г., 2 декабря 1976 г., 15 августа 1977 г.

¹⁸ Районный историко-краеведческий музей им. В. М. Комарова. Автобиография В. М. Комарова. 5 июля 1988 г.

¹⁹ Муравлев А. Чтобы помнили: Директору Волчихинского музея В. Комарову — 80 лет // Алтайская правда. 2004. 30 сент.

листам источников, формировании у населения чувств сопричастности и уважения к своему прошлому и укреплении патриотических настроений. Перспективными направлениями продолжения наших изысканий является дальнейшая реконструкция творческих биографий исследователей истории края, научное изучение и обобщение краеведческих практик современного этапа и анализ аспектов исторической преемственности в формах и содержании мемориализации на Алтае, вопросов эффективности их использования.

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
И МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Е. В. НОЛЕВ

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ)*

Хроники династии Цин об установлении и восприятии маньчжурского правления в политической культуре монгольских народов XVII в.

Статья посвящена исследованию установления и восприятия маньчжурского правления в политической культуре монгольских народов XVII в. на основе изучения сведений исторических памятников «Маньвэнь лао дан» («Старый архив на маньчжурском языке») и «Дайчин улсын монголын магад хууль» («Правдивые записи о монголах Цинской империи»). С одной стороны, проанализированы воззрения императоров Нурхацы (Тайцзу), Хун-тайджи (Тайцзун), Фулинь (Шицзу), Канси (Сюань Е) по вопросам геополитики в отношении монгольских народов. С другой стороны, на основе династических хроник рассмотрена репрезентация отношения монголов к династии Цин. Большое внимание уделено анализу описания способов легитимации и сакрализации власти маньчжурских императоров.

Ключевые слова: Цин ши лу, Маньвэнь лао дан, империя Цин, монголы, маньчжуры.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–59–94006 «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника „Правдивые записи о монголах Цинской империи“)».

За неполное столетие маньчжуро-монгольских отношений со времени установления первых дипломатических контактов в 1594 г. и до Долоннорского съезда князей в 1691 г. народы Южной и Северной Монголии вошли в состав Цинского государства. Интеграция монгольских народов в состав чжурчжэньского государства Поздняя Цзинь (а позднее — империя Цин), покорившей Минский Китай, происходила при первых четырех правителях маньчжурской династии: Нурхацы (Тайцзу), Хун-тайджи (Тайцзун), также именуемый в отечественной востоко-

ведческой традиции Абахаем, Фулинь (Шицзу), Канси (Сюань Е). Анализ эволюции представлений о власти маньчжурских правителей в политической культуре монгольских народов XVII в. способствует более глубокому пониманию содержания маньчжуро-монгольских взаимоотношений, во многом определивших вектор политического развития Внутренней Азии вплоть до начала XX в.

История монгольских народов в период установления господства Цинской династии представляет собой актуальное направление как в мировой ориенталистике, так и отечественном востоковедении. Огромную важность в изучении указанной темы имеют сведения исторических сочинений «Маньвэн лао дан» («Старый архив на маньчжурском языке») и «Цин ши лу» («Правдивые записи о династии Цин»), представляющие собой официальные хроники правления маньчжурской династии в Китае. «Старый архив на маньчжурском языке», охватывающий тридцатилетний период с 1607 по 1637 г., состоит из подневных записей, содержащих сведения о военных делах, записи административного характера, описание внутренних секретов дворца¹. Издание «Маньвэн лао дан» на русском языке, перевод которого осуществлен Л. В. Тюрюминой, было опубликовано в 2013 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН. «Правдивые записи о династии Цин» считаются одним из наиболее объективных исторических памятников эпохи, поскольку главное назначение его состояло в аккумуляции политической мудрости и обучении государственному правлению будущих императоров.

Поскольку доступ к указанным историческим сочинениям в период правления Цинской династии был разрешен ограниченному кругу лиц, включая членов императорской семьи и высших сановников, возможность изучения этих уникальных памятников появилась только с падением маньчжурской династии в начале XX в. В 1933 г. с целью обеспечения исторической легитимности прояпонского государства Маньчжоу-го Сигэмура Юдзо и Ло Чжэньюй по поручению японского правительства издали сочинение под названием «Три предисловия к черновой рукописи „Правдивые записи о правлении Нурхаци“» («Цин Тай-цзу хуанди ши лу гаобэнь сань чжун сюй»), основанные на фотокопиях экземпляров свода хроник «Цин ши лу» из шэньянского императорского архива². Ввод «Правдивых записей династии Цин» в научный оборот западной ориенталистики состоялся после публикации статьи американского уче-

¹ Маньвэн лао дан: Старый архив на маньчжурском языке. Новосибирск, 2013. С. 17–18.

² Базаров Б. В., Сундуева Е. В., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В. «Открылось то, что хранится в золотом сундуке...»: к вопросу об источниках и назначении «Правдивых записей о династии Цин» // Вестник архивиста. 2018. №1. С. 14.

ного К. Биггерстаффа в 1938 г.³ В 1969 г. Г. В. Мелиховым была опубликована обзорная статья, посвященная «Цин ши лу»⁴. Материалы «Правдивых записей» активно использовались как отечественными исследователями при реконструкции взаимоотношений монгольских княжеств и маньчжурской династии⁵, изучении установления и развития отношений между Русским царством и династией Цин⁶, исследовании китайской историографии⁷, так и зарубежными учеными. При этом если в советской историографии на основе сведений «Цин ши лу» подчеркивали агрессивность «военно-феодального» маньчжурского государства, ставшую определяющим признаком его внешней политики на долгие годы⁸, то в современной зарубежной историографии в источнике находят подтверждения гибкости маньчжурской политики в отношении монгольских народов⁹.

Несмотря на то что в отечественном и зарубежном востоковедении сведения «Цин ши лу» используются довольно часто, лишь введение в научный оборот перевода текста памятника позволяет реконструировать и проанализировать категории монгольской и маньчжурской политической культуры XVII в., что позволит осмыслить содержание ранних монголо-маньчжурских отношений. В 2013 г. Исследовательский центр по своду древних письменных памятников малочисленных народов АРВМ КНР в Хух-Хото опубликовал исторический труд под названием «Дайчин улсын монголын магад хууль» («Правдивые записи о монголах Цинской империи») в шести томах на старописьменном монгольском языке. Основой для этого произведения стала монгольская версия «Цин ши лу». В 2019 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН был издан русскоязычный перевод «Дайчин улсын

³ *Biggerstaff K.* Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu // *Harvard Journal of Asiatic studies.* 1938. № 3. С. 296–297.

⁴ *Мелихов Г. В.* «Да Цин личао шилу» как исторический источник // *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики)*. М., 1969. С. 68–79.

⁵ *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. 196 с.; *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М., 1980. 132 с.; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 2002. 216 с.

⁶ *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. 312 с.

⁷ *Доронин Б. Г.* Китай XVII–XVIII вв.: проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988. 173 с.

⁸ *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии... С. 7.

⁹ *Di Cosma N.* Nurhaci's Gambit: Sovereignty as Concept and Praxis in the Rise of the Manchus // *The Scaffolding of Sovereignty: Global and Aesthetic Perspectives on the History of a Concept*, 2017. P. 118.

монголын магад хууль» о деяниях первых трех маньчжурских правителей под названием «Правдивые записи о монголах Цинской империи. Том 1. Правление Тайцзу, Тайцзуна и Шицзу». В настоящее время сотрудниками ИМБТ СО РАН продолжается перевод текста памятника, посвященного правлению императора Канси. Автор исследования выражает глубокую признательность доктору филологических наук Е. В. Сундуевой за возможность использования фрагментов текста неопубликованного перевода.

Чрезвычайно важным для понимания маньчжуро-монгольских отношений является вопрос титулования маньчжурских правителей монгольскими аристократами в системе политической культуры кочевых политий XVII столетия. По сведениям «Правдивых записей», в 1606 г. Энгэдэртайджи вместе с послами нойонов монгольских пяти халхаских отуков присвоили Нурхаци титул хундэлэн-хана¹⁰. В данном фрагменте летописи, во-первых, подтверждается дата посольства — 1606 г., тогда как в историографии, как правило, фигурирует 1607 г.¹¹ Во-вторых, определяется титул «хундэлэн-хан», или «самый уважаемый правитель»¹². И. С. Ермаченко и Е. И. Кычанов используют китайскую интерпретацию данного титула «мудрый и воинственный император»¹³. В-третьих, проясняется смысл присвоения данного титула Нурхаци монгольскими князьями, который, по версии «Правдивых записей», заключался в поклонении хану. По мнению Николы Ди Космо, несмотря на номинальное значение этого дипломатического приема для установления добрососедских отношений, не отражающего признания монголами подданства по отношению к маньчжурам, именно с этого момента начинается исторический процесс, завершившийся созданием «Внутренней Монголии»¹⁴.

В 1616 г. при основании нового государства — Поздняя Цзинь — Нурхаци объявляет девиз правления «Тянь-мин» («Получивший Мандат Неба»), легитимируя тем самым свой правящий статус в рамках устоявшейся сакральной традиции. В «Маньвэнь лао дан» приведены слова аристократов, обосновывающие начало новой династии: «Наше государство, живя без хана, чрезвычайно страдало, поэтому, быть может,

¹⁰ Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 1: Правление Тайцзу, Тайцзуна и Шицзу. Иркутск, 2019. С. 24–25.

¹¹ Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома // Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине. Т. I. Пекин. 1909. С. 31; Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977. С. 129.

¹² Di Cosma N. Nurhaci's Gambit... P. 186.

¹³ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии... С. 24; Кычанов Е. И. Кочевые государства... С. 217.

¹⁴ Di Cosma N. Nurhaci's Gambit... P. 186.

Небо и произвело его на свет со словами: „Пусть он заставит благоденствовать наше государство!“¹⁵. По мере укрепления правления Нурхаци в легитимации его геополитических действий, наряду с сакральными мотивами мандата Неба, формируется концепция исторической преемственности на основании древних законов империи Цзинь, державы Чингис-хана, династий Юань и Мин¹⁶.

Укрепление политического влияния и представлений о власти маньчжурского императора среди монгольских народов происходит во время правления Хун-тайджи (Абахая). В. В. Горский, описывая политическую ситуацию в Южной Монголии, характеризовавшуюся раздробленностью племен, отмечал стремление чахарских правителей утвердить свою власть в монгольской степи посредством истребления «ослушных вассалов» и обеспечения безусловной покорности. Такая стратегия Лигдан-хана не могла найти положительного отклика среди привыкших к независимости князей, которые готовы были или погибнуть, или признать чужое владычество, только «чтобы избегнуть подданства ненавистному им Хану»¹⁷. В условиях нараставшего противостояния между Линданем (Лигдан-ханом), поддерживаемым пекинским двором, и Тай-цзуном (Хун-тайджи) многие монгольские владельцы демонстрировали преданность и покорность новому маньчжурскому правителю¹⁸.

В характеристиках статуса «добровольно присоединившихся» монгольских феодалов исследователями акцентируется внимание на отсутствии в тексте соответствующих клятв упоминания о каких-либо конкретных обязательствах с их стороны по отношению к маньчжурскому государству. На основании этого наблюдения предложен вывод о том, что подобные отношения более соответствуют внешнеполитическим союзам, нежели чем отношениям подданства¹⁹. Если считать данное предположение справедливым по отношению к политическим ожиданиям монгольских феодалов, беспрекословное соблюдение военных обязанностей монголами, отраженных в тексте Указа Хун-тайджи 1629 г.²⁰, не согласуется с концепцией союза на паритетных основаниях и заставляет переосмыслить изначальный характер присоединения к маньчжурскому государству. И. С. Ермаченко указывает на очень важную деталь политической культуры монгольского социума, способство-

¹⁵ Маньвэнь лао дан: старый архив на маньчжурском языке. Новосибирск, 2013. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Горский В. Начало и первые дела... С. 58.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии... С. 43.

²⁰ Там же. С. 48.

вавшей утверждению власти маньчжурских правителей: с гибелью Лигдан-хана и сдачей в плен его сына Эджэ титул «Всеомгонгольского хана» оказался без его носителя²¹.

В 1635 г. Хун-тайджи издал указ об упразднении различий между старыми и новыми маньчжурами, монголами и китайцами²². С целью усиления инкорпорации монгольских народов в маньчжурское государство наряду с должностью главы и китайского управляющего были учреждены должности монгольских управляющих при образовании шести министерств в 1631 г. На указанную должность в министерстве чинов был назначен Манджушири, в министерстве финансов — Басхан, в министерстве церемоний — Буяндай, в военном министерстве — Суна, в министерстве общественных работ — Наннуг²³. Таким образом, формируется административное измерение восприятия политической власти маньчжурского императора монгольскими подданными.

Обретение Хун-тайджи нефритовой печати династии Юань воспринималось подданными как знак проявления воли Неба. В 1636 г. 49 нойонов из 16 племен Внешней Монголии прибыли для пожалования хану почетного титула. Затем аристократы маньчжурского государства обратились к хану: «Нойоны, сановники, военные и гражданские чиновники, а также нойоны внешних племен, возвещаем. Благодаря милости Неба хан-правитель обрел великую славу. Он создал великое государство, приняв под свою власть многие народы. Когда же во всем мире наступили смутные времена, по воле Неба, он силой подавил сопротивлявшихся, мудростью присоединил добровольно сдавшихся. Когда слава о его великой милости разнеслась повсеместно, [хан] присоединил корейское государство, объединил монгольские племена и стал обладателем яшмовой печати, являющейся верным знаком обретения власти. Если он вверх поднимется, к нему благосклонно Небо, если вниз спустится, его уважают люди. Мы, сановники, уверенные в вечном процветании великого государства, жалуем высший титул»²⁴. Очень важно, что в тексте этой грамоты роль Хун-тайджи выступает не только как создатель государства, но и как объединитель монгольских племен. Хун-тайджи был присвоен титул Ахуда-оружиегчи-найрамдагу-хаган (Всемиловейший миролюбивый Богдо-хан)²⁵. Маньчжурское государство стало именоваться Великой Цинской империей.

²¹ *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии... С. 68.

²² *Правдивые записи о монголах...* С. 199.

²³ Там же. С. 100–101.

²⁴ Там же. С. 224.

²⁵ Там же. С. 224–225.

В период правления императора Фулиня политика Цинского двора была преимущественно подчинена окончательному подчинению Китая в составе Цинской империи. При этом в цинской политике по отношению к Халхе произошли события, ускорившие интеграцию Северной Монголии с Цинской империей, а стратегия, сформулированная Фулинем, предполагала «объединение дальних земель и установление мира во всем мире»²⁶. В 1646 г. состоялся цинский военный поход в Халху. В 1656 г. в Пекин прибыло посольство из Восточной Халхи с письмом, в котором было выражено желание принести присягу маньчжурскому императору.

В 1691 г. в окрестностях озера Долон-нор состоялся съезд князей Северной Монголии (Халхи) с участием правителя Цинской империи Канси (Сюань Е), ставший поворотным событием в истории монгольских народов Халхи, принявших маньчжурское подданство и утративших политическую независимость на 220 лет. В «Цин ши лу» приводится письмо канцлера Исанги, где говорится, что халхасские феодалы «с искренним сердцем признали себя вассалами». По мнению канцлера, в этом заключался наивысший результат метода привлечения монгольских народов на свою сторону добрым отношением²⁷. Понимание собственной миссии Канси в судьбе народов Халхи отражено в послании Галдан-хану: «Управляя целым государством, я стремлюсь к тому, чтобы все народы жили в благополучии. Каким бы далеким ни было племя, я непременно принимаю его на содержание. Когда халха, потерпев от тебя поражение, изъявили мне свою покорность, я принял их, поскольку люди всей вселенной находятся под моим покровительством. Важной задачей императора является поддержка тех, кто нуждается в его помощи. В целом у меня не было намерения захватить земли семи халхасских хошунов. Мое желание соединять разрозненное и восстанавливать разрушенное распространяется не только на халха. Если любой народ, попавший в безвыходное положение, придет ко мне, я точно так же окажу ему милость»²⁸. Комментируя сведения монгольской летописи «Эрдэни эрихе» о Долон-норском съезде, А. М. Позднеев, основываясь на китайских источниках, отмечает одну очень важную деталь, характеризующую процесс присоединения Халхи к Цинскому Китаю: «Халхасы, непривычные к этим церемониям, <...> нетерпеливо ожидали великих милостей богдохана. Едва только прибыл он на место, как халхасы приступили к нему с[о]

²⁶ Правдивые записи о монголах... С. 509.

²⁷ *Daiqing ulus-un mongyul-un mayad qauli* [True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian]. Hohhot. 2013. P. 627.

²⁸ *Ibid.* P. 607.

своими просьбами и умоляли об удовлетворении своих нужд»²⁹. При этом академик Б. Я. Владимирцов подчеркивал разницу статуса маньчжурского императора в политических представлениях китайцев, для которых он являлся повелителем — хуанди, и «монгольских сеньоров», видевших в цинском правителе своего феодального сюзерена, получившего права от великих ханов старшей линии дома Чингис-хана³⁰.

Таким образом, анализ представлений о власти маньчжурских правителей, бытовавших в монгольской политической культуре XVII в., сведения о которых содержатся в аутентичных маньчжурских источниках, позволяет переосмыслить содержание монголо-маньчжурских отношений. Конечно, свидетельства официальных хроник династии Цин не могут не исказить исторической действительности в угоду интересам правящей династии, однако само их практическое назначение, заключенное в использовании при управлении государством, значительно повышает степень их объективности. Документы, содержащиеся в «Маньвэн лао дан» и «Цин ши лу», исключают однозначную интерпретацию содержания взаимоотношений монгольских княжеств и маньчжурской державы в категориях «агрессивная экспансия» или «завоевание», позволяя более объективно рассматривать сложный и многофакторный процесс интеграции монгольских ханств в состав Цинской империи.

²⁹ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ». Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883. С. 221.

³⁰ Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 486.

А. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Мемуарные свидетельства о негосударственном обучении иностранным языкам в российских столицах в XVIII в.

Статья посвящена анализу мемуарных свидетельств о негосударственном преподавании иностранных языков в Москве и Санкт-Петербурге в XVIII в. Автором выявлено 13 опубликованных источников, содержащих сведения о данном феномене. Установлены характеристики источникового корпуса, отражающие общие тенденции развития российской мемуаристики: позднее происхождение документов, посвященных XVIII в., и преобладание среди авторов представителей дворянства. Превалирование в кругу мемуаристов дворян отражает ошутимую вестернизацию этого сословия в XVIII в. Выделены особенности репрезентации в мемуарных текстах овладения иностранными языками и показано, что основное внимание их авторы уделяли характеристикам учителей, составу предметов и методикам обучения.

Ключевые слова: российская мемуаристика, XVIII в., Москва, Санкт-Петербург, негосударственное образование, преподавание иностранных языков.

XVIII в. стал временем интенсивной вестернизации России. В это время в число важнейших учебных предметов вошли иностранные языки, обучение которым получило отражение в источниках различных видов, от нормативных актов до эго-документов. Последние играют особую роль в исследовании негосударственного образования, слабо освещенного в официальном дискурсе. Среди эго-документов, отразивших те или иные аспекты негосударственного преподавания иностранных языков, важное место занимают мемуары. Выдающийся литературовед В. Э. Вацуру, говоря о значении этой разновидности исторических источников, писал: «Мы обязаны помнить, что мемуары подвержены всем случайностям человеческой памяти, допускающей невольные ошибки, — подчас путаются лица, даты, смещается

последовательность событий. Все это — органическая принадлежность мемуаров, особенность их как источника. „Верить“ им до конца было бы ошибкой, но отвергать их, найдя в них противоречия или несоответствия современному нам взгляду, — двойная ошибка. Они удерживают сведения, которых не содержат никакие другие документы»¹. Эти слова вполне применимы и к воспоминаниям о негосударственном преподавании иностранных языков в России XVIII в., в которых сохранились редкие сведения о формах и методах обучения, характеристики учителей и другая информация, не попавшая в официальную документацию. Последнее обстоятельство ставит задачу выявления корпуса мемуарных источников по избранной теме и анализа его информационного потенциала. В представленной статье на основе сведений опубликованных мемуарных текстов будут рассмотрены практики изучения иностранных языков в XVIII в. как на дому, так и в частных пансионах в пределах Москвы и Санкт-Петербурга.

Несмотря на значительную эвристическую значимость мемуарной информации о негосударственном преподавании иностранных языков в российских столицах, эта проблематика пока не получила должного освещения в историографии. Одна из очевидных причин кроется в том, что само явление негосударственного обучения стало попадать в поле зрения историков педагогики лишь в конце XX — начале XXI в. До этого времени под историей образования понималась в первую очередь история школьных учреждений. Среди немногочисленных исключений, связанных с рассмотрением опыта негосударственного образования в историко-педагогических работах, следует выделить труд профессора И. В. Чувашева о дошкольном воспитании в дореволюционной России. В данной монографии он обратил внимание на сведения о негосударственном образовании в мемуарных текстах второй четверти XVIII в.²

Рассмотрение аспектов негосударственного образования, в частности мемуаров о частном и домашнем обучении иностранным языкам в российских столицах в XVIII в., долгое время оставалось попутным сюжетом в исследованиях, посвященных иным вопросам. Наиболее активное привлечение мемуаров как источников по негосударственному обучению иностранным языкам в указанный период связано с именем Н. Д. Чечу-

¹ Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. I. С. 5.

² Чувашев И. В. Очерки по истории дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1955. С. 10.

лина, написавшего в начале 1920-х годов фундаментальную работу «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века»³.

Возрастание интереса к истории негосударственного образования в России XVIII в. и появление специальных работ по этой теме началось в постсоветский период. Среди исследований, вышедших в начале XXI в., следует выделить статьи и монографии В. Ржеуцкого, О. Ю. Солодянкиной и О. П. Суриной, посвященные проблемам преподавания иностранных языков и педагогической деятельности иностранцев в России XVIII в.⁴ Однако мемуарные свидетельства привлекались этими авторами лишь эпизодически, целостное описание соответствующего источникового корпуса в историографии до сих пор отсутствует.

Изучая публикации воспоминаний, сохранивших сведения о России XVIII в., мы выявили 82 мемуарных текста, содержащих информацию об обучении детей на дому и в частных пансионах. В 13 из них присутствуют упоминания о преподавании иностранных языков в Москве и Санкт-Петербурге. Характерной чертой этих свидетельств является их хронологическая неравномерность. К первой трети XVIII в. относятся только два фрагмента, один из которых присутствует в мемуарах, созданных во второй половине столетия, а другой — в семейной хронике, записанной в XIX в. Ко второй трети XVIII в. относятся четыре свидетельства, отложившиеся в документах личного происхождения, написанных в конце XVIII — первой половине XIX в. К последней трети XVIII в. относится семь упоминаний. Все они сохранились в воспоминаниях, созданных в XIX в.

Такая неравномерность связана как с развитием практики мемуаротворчества, проявившейся в росте числа мемуарных произведений во второй половине XVIII в., так и с изменениями в содержании самих мемуаров, постепенно переходивших от описания службы мемуариста к характеристике его внутреннего духовного мира⁵. Известный специалист по истории отечественной мемуаристики А. Г. Тартаковский связывал начало этой эволюции с 1760-ми годами⁶. Поскольку образование (в особенности за пределами казенных учебных заведений) не явля-

³ Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 565.

⁴ Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). М., 2007. 512 с.; Сурина О. П. Иностранные языки в системе образования России XVIII в. // Педагогическое образование в России. 2008. № 3. С. 74–83; Ржеуцкий В. Французские гувернеры в России XVIII в. // Французский ежегодник. 2011. М., 2011. С. 58–80.

⁵ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. С. 220.

⁶ Там же.

лось фактом служебной биографии, негосударственное обучение иностранным языкам в российских столицах до 1760-х годов практически не попадало в поле зрения авторов воспоминаний.

Самое раннее свидетельство о негосударственном обучении иностранным языкам, выявленное нами в мемуарах, содержится в записках географа и краеведа П. И. Рычкова (1712–1777 гг.), написанных в 1761–1771 гг. Будучи выходцем из купеческой семьи, он в 1720 г. был отдан на обучение директору полотняных фабрик И. П. Тамесу в Москве, под руководством которого освоил немецкий язык⁷. Высокий образовательный уровень купечества являлся характерной чертой российского общества XVII — первой четверти XVIII в.⁸ Это упоминание является единственным мемуарным свидетельством о негосударственном обучении иностранным языкам представителя недворянского сословия в XVIII в.

Еще одним мемуарным текстом, содержащим информацию о домашнем преподавании иностранных языков в первой трети XVIII в., являются «Рассказы бабушки», принадлежащие перу Д. Д. Благово (в 1882 г. принявшего монашество с именем Пимен). В 1850-х годах он записал воспоминания своей бабушки по материнской линии Е. П. Яньковой (1768–1861 гг.). Дмитрий Дмитриевич отмечал, что бабушка «живо помнила все предания семейства, восходившие до времен Петра I, и рассказывала с удивительной подробностью, помня иногда года и числа: кто был на ком женат, у кого было сколько детей, словом сказать, она была живою летописью всего XVIII столетия и половины XIX»⁹. В частности, Елизавета Петровна упоминала об образовании своего свекра — А. Д. Янькова (1720–1766 гг.), приходившегося внуком польскому шляхтичу, перешедшему в конце XVII в. на русскую службу. Александр Данилович получил достойное домашнее образование в Москве в 1720-х — 1730-х годах: «он прекрасно говорил и писал по-французски и по-немецки, учился итальянскому языку и португальскому»¹⁰.

Подробные воспоминания об изучении иностранных языков в петербургском пансионе в 1740-х годах оставил агроном и писатель А. Т. Болотов (1738–1833 гг.). В десятилетнем возрасте он был отдан в пансион преподавателя Сухопутного кадетского корпуса Ферре в Санкт-Петербурге¹¹, где находился более года. Мемуарист очень положительно отзывался

⁷ Рычков П. И. Записки // Русский архив. 1905. № 11. С. 298–299.

⁸ Перхавко В. Б. История русского купечества. М., 2008. С. 222–230.

⁹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Д. Благово. Л., 1989. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1. СПб., 1870. Стб. 104.

о содержателе пансиона и его супруге: «Учитель мой был человек старый, тихий и весьма добрый; он и жена его, такая же старушка, любили меня»¹². Андрей Тимофеевич отмечал, что основным из числа преподававшихся предметов был французский язык, а характеризуя методику обучения, применявшуюся в пансионе, писал: «Учение наше состояло наиболее в переводах с русского на французский язык Езоповых басен и газет русских; и метода сия недурна: мы через самое то спознакомливались от часу больше с французским языком, а перевода газеты, и с политическим и историческим штилем, и с званиями государств и городов в свете»¹³.

Одно из редких упоминаний об обучении девочек иностранным языкам содержится в «Записках» Е. Р. Дашковой (1743–1810 гг.), происходившей из аристократического рода Воронцовых. Екатерина Романовна рано потеряла мать и с четырех лет воспитывалась в семье дяди, канцлера М. И. Воронцова: «Мой дядя не жалел денег на учителей, и мы — по своему времени — получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским... некий статский советник преподавал нам итальянский язык»¹⁴.

Под влиянием Е. Р. Дашковой приступил к написанию своих записок и ее брат — государственный деятель и дипломат граф Александр Романович Воронцов (1741–1805 гг.). Так же, как и сестра, он воспитывался в семье дяди Михаила Илларионовича. По словам автора воспоминаний, М. И. Воронцов прислал из Берлина лучшую гувернантку, которая много занималась с детьми, и к пяти-шести годам «они незаметным образом научились французскому языку»¹⁵.

Следующее по времени упоминание об обучении иностранным языкам принадлежит графине Н. Н. Мордвиновой (1789–1882 гг.), которая в мемуарах, посвященных отцу — флотоводцу и государственному деятелю адмиралу Н. С. Мордвинову (1754–1845 гг.), писала, что он «брал уроки французского языка в пансионе, бывшем в то время единственным в Петербурге. Содержатель этого пансиона был итальянец Вентурини, а помощник его, француз, отставной сержант»¹⁶.

Еще одним представителем аристократии, оставившим воспоминания об обучении иностранным языкам, был князь И. М. Долгоруков (1764–

¹² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1. СПб., 1870. Стб. 106.

¹³ Там же. Стб. 107.

¹⁴ Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 33.

¹⁵ Воронцов А. Р. Записки // Русский архив. 1885. Вып. 2. С. 231.

¹⁶ Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. СПб., 1873. С. 343.

1823 г.), который провел детство в Москве. В его записках приводится программа домашнего образования, составленная его отцом и включавшая преподавание латинского, немецкого и французского. Первым учителем французского была «бонна» мадам Констан (Constante), учившая не только будущего мемуариста, но и его сестру Прасковью. В 1776 г. для преподавания французского, а также латыни был принят иезуит француз Совере, о котором Иван Михайлович отзывался положительно: «человек был умный, сведущий и крайне осторожный; сердце имел доброе и благородное»¹⁷. Содержащиеся в этих мемуарах сведения об изучении латыни носят уникальный характер, так как в XVIII в. в дворянских семьях делался упор на изучение живых языков.

Сын сибирского писателя П. П. Сумарокова (1765–1814 гг.) Петр Панкратьевич (использовавший псевдоним А. Сумароков) оставил воспоминания об обучении своего отца в доме тайного советника И. И. Юшкова в Москве. Владевший огромным состоянием Юшков являлся дальним родственником Сумарокова. Панкратий обучался в доме Юшковых с 12 до 18 лет и за это время получил достойное светское образование¹⁸. Сумароков занимался вместе с сыном Юшкова у французского гувернера Перло (m-r Perlo). По словам мемуариста, это был образованный, серьезный и умный человек, в совершенстве знавший французский и немецкий языки, хорошо игравший на фортепиано. Господин Перло был добросовестным наставником, сам следил за всем курсом образования. Кроме него в дом Юшкова ездили и другие учителя, но автор их не называл.

Граф Ф. П. Толстой (1783–1873 гг.) в своих мемуарах вспоминал об обучении французскому языку в доме отца, графа П. А. Толстого, в Санкт-Петербурге. Будущего мемуариста учил языку камердинер дяди, француз Булонь (Boulogne). По словам автора, читать и писать по-французски он уже умел с прописей. Методика преподавания заключалась в ежедневном прочтении нескольких страниц из французских книг, которых юный Федор не понимал, затем следовало списать этот текст в тетрадку, без объяснений и толкований со стороны учителя¹⁹.

Орловский помещик Н. Г. Левшин (1788–1845 гг.), выросший в знатной дворянской семье, получал домашнее образование в Москве в последней четверти XVIII в. вместе с братьями и сестрами. В доме сменилось

¹⁷ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. Т. 1. СПб., 2004. С. 36–37.

¹⁸ Сумароков А. Записки отжившего человека // Вестник Европы. 1871. Кн. 8. С. 712.

¹⁹ Толстой Ф. П. Записки. М., 2001. С. 59.

восемь разных иностранных учителей (французы, немец, итальянец и голландец), которые наряду с прочими предметами обучали детей языку. Характеризуя своих наставников, Левшин описывал их личные качества и способы преподавания. Например, вспоминая своего пятого учителя — господина Пине, он писал: «г-н Пине... был в русской статской службе, имел чин 14-го класса, — по той единственно причине выведен был в чин, что женился на г-же Адамовичевой, Александре Степановне, дочери генерала Адамовича, в Смоленске. Пине был француз из простого звания, говорил изрядно, а грамматики и прочих [наук] не ведал. Он же учил нас и рисовать пером. Не зная нисколько правил искусства, заставлял нас чертить по бумаге, клетки городить»²⁰.

Известный издатель и публицист Н. И. Греч (1787–1867 гг.) вспоминал, что в 1797 г. в семью его отца, обер-секретаря Сената И. И. Греча, проживавшего в Санкт-Петербурге, был приглашен французский гувернер Деларгард (Delagarde), который должен был обучать Николая Ивановича и его брата Александра. По словам мемуариста, это был человек средних лет, умный, любезный, образованный, но неопытный и несведущий в деле воспитания и обучения. Греч вспоминал: «Он одевался и пудрился со вкусом, называл меня *monsieur Nicolas* и заставлял читать из азбуки, поправляя произношение. Тем уроки оканчивались. Механическое чтение надоедало мне. На третьей странице я начинал зевать и закрывал книгу... Вскоре, однако, увидели, что такое ученье не ведет ни к чему. У него с батюшкой была крупная экспликация (разборка), но потом он заболел от простуды и умер. Вместо него был взят другой француз, de Morencourt, уже обжившийся в России, тяжелый, ленивый, склонный к пьянству и порядочный невежда. Все уроки ограничивались механическим чтением и письмом; о языке и грамматике ни слова. Он как-то повздорил с батюшкой и получил увольнение»²¹.

Таврический губернатор М. М. Муромцев (1790–1879 гг.) вспоминал, что их дом в Москве, в Немецкой слободе в 1790-х годах был полон иностранцев: французский язык детям преподавала мадам Комб, специально выписанная из Франции. Но при этом немецкому языку учил дядька немец Вельц, который одновременно был кузнецом, и ему часто поручали лудить посуду, подковывать лошадей. В доме жили учителя француз Дюкре и итальянец Жульяни²².

²⁰ Левшин Н. Г. Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина. 1788–1804 // Русская старина. 1873. № 12. С. 831–832.

²¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 96.

²² Муромцев М. М. Воспоминания // Русский архив. 1890. № 1. С. 61.

Практику обучения иностранным языкам в столичных пансионах, содержащихся французами, иллюстрируют «Записки» писателя, литератора Ф. Ф. Вигеля (1786–1856 гг.). В 1798 г. он находился в пансионе госпожи Форсевиль в Москве. Ее супруг, по словам Вигеля, был «больше похож на мастерового, чем на грамотного человека». Автор мемуаров особо остановился на личных отношениях с Форсевилем и на собственных способностях к овладению языками: «На природном языке говорил он как простолюдин, зато уверял, что весьма хорошо знает английский, и взялся два раза в неделю учить меня оному. Недостаток ли в его знании или в моих способностях был причиною, что я никаких успехов не сделал»²³. Созданное Вигелем описание пансиона Форсевила является последним по времени упоминанием негосударственного преподавания иностранных языков в российских столицах в XVIII в.

Говоря о рассмотренных мемуарных свидетельствах, следует отметить, что авторство принадлежит либо самим бывшим ученикам, либо их потомкам, документы отражают процесс обучения глазами взрослого человека, рефлексирующего над своим детством. Все эти воспоминания создавались по прошествии десятилетий после описываемых событий. Вместе с тем содержащаяся в них информация дает относительно подробные примеры учебных практик XVIII в. и после проведения критического анализа может быть использована в исследовательских целях. Основная часть сведений посвящена тем явлениям, которые оставили наибольшее впечатление в детской психике будущих мемуаристов: личностям учителей, составу предметов и методикам преподавания. Напротив, формальные аспекты организации обучения (условия найма учителей, юридический статус пансионов и т. п.) почти не отразились в текстах.

Следует отметить неравномерность информации о негосударственном преподавании иностранных языков в различных мемуарах. Наиболее подробные описания присутствуют в воспоминаниях А. Т. Болотова, Ф. Ф. Вигеля (у которых они связаны с обучением в частных пансионах), Н. И. Греча, И. М. Долгорукова и А. Сумарокова (записки которых отражают обучение на дому). У других авторов сведения по данной теме ограничиваются короткими упоминаниями. Однако в целом все рассмотренные свидетельства дают схожую картину обучения иностранным языкам в крупнейших городах России XVIII в.: оно велось непрофессиональными педагогами, в основном иностранцами, осевшими в России; ученики изучали в первую очередь французский, реже

²³ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 25–27.

велось преподавание итальянского, немецкого и других языков; методика образования обычно сводилась к простому заучиванию и переписыванию словарей и грамматик.

В целом социальное происхождение учеников, чье обучение попало на страницы мемуарных произведений, подчеркивает элитарный статус иностранных языков, владение которыми в российском обществе XVIII–XIX вв. являлось одним из главных признаков благородного человека. Среди авторов текстов налицо доминирование дворян, однако представлены далеко не все категории этого сословия. Пять сочинений заключают в себе информацию об изучении иностранных языков представителями относительно небогатого, но знатного столбового дворянства (воспоминания А. Т. Болотова, Н. Н. Мордвиновой, А. Сумарокова, Н. Г. Левшина и М. М. Муромцева). Четыре документа в той или иной степени посвящены образованию детей аристократов, а три текста так или иначе отражают овладение языками представителей дворянских родов, имевших иностранные корни («Рассказы бабушки» Д. Д. Благово, записки Ф. Ф. Вигеля и Н. И. Греча). Мемуары об обучении иностранным языкам в столичных домах и пансионах детей военного дворянства нами не выявлены. Данная картина указывает на существенную роль дворянства в вестернизации российского общества XVIII в. и косвенно свидетельствует в пользу того, что верхушка этого сословия занимала передовое место в этом процессе.

О. А. ПЛЕХ

Институт российской истории РАН (Москва)

**«Милостивый государь
Михайло Матвеевич...»:
письма к первенствующему
директору Российско-американской
компании М. М. Булдакову
в первой четверти XIX в.**

В статье рассматривается комплекс эпистолярных источников, обнаруженных в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1605). Письма адресованы первенствующему директору Российско-американской компании (РАК) устюжскому купцу М. М. Булдакову. Они относятся к периоду, когда Булдаков непосредственно руководил компанией (1799–1818 гг.). Просьбы и предложения адресантов отражают проблемы, с которыми сталкивались предприниматели в ходе осуществления своей деятельности, и в определенной степени очерчивают круг вопросов, требовавших внимания руководителя крупного торгово-промышленного предприятия в первой четверти XIX в. Письма свидетельствуют о том, что должность первенствующего директора РАК позволяла пользоваться значительным влиянием, причем не только в торгово-купеческой, но и в чиновничьей среде.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, документы личного происхождения, купечество, торговля, промышленная деятельность, М. М. Булдаков, Российско-американская компания.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00193 «Эпистолярное наследие великоустюжской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX в.: тексты и исследования. Вып. 2 (Документы из фондов РГАДА)».

Письма — весьма любопытный и содержательный исторический источник, благодаря которому мы можем судить о событиях, не находивших отражения в официальной документации. Эпистоляр-

ное наследие позволяет лучше понять формальные и неформальные связи, природу взаимоотношений и степень влияния той или иной личности на ретроспективные процессы. Опубликованная на сегодняшний день переписка в основном относится к выдающимся писателям, общественным и государственным деятелям. В гораздо меньшей степени известны документы представителей торгово-промышленного капитала (как, впрочем, и выходцев из непривилегированных слоев населения)¹.

Письма, о которых пойдет речь в настоящей статье², адресованы первенствующему директору Российско-американской компании (РАК) устюгскому купцу М. М. Булдакову³. Они сохранились в фонде 1605 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и являются частью коллекции, некогда принадлежавшей известному библиофилу и собирателю рукописей Г. В. Юдину⁴. Эта корреспонденция интересна тем, что адресанты обращались к Булдакову как к главному должностному лицу компании. Содержание посланий (просьбы и предложения) позволяет увидеть проблемы, с которыми сталкивались предприниматели в ходе осуществления своей деятельности, и в определенной степени очертить круг вопросов, требовавших внимания руководителя крупного торгово-промышленного предприятия в первой четверти XIX в. Цель данной статьи — представить некоторый информационный потенциал источника и возможности его использования в научных исследованиях.

Всего в фонде 1605 РГАДА насчитывается 373 письма, адресованные Булдакову. Все они, за исключением трех, представлены оригиналами. Для настоящего исследования отобрано 140 писем, датированных 1799–1818 гг.⁵ и непосредственно касающихся вопросов,

¹ *Комлева Е. В.* Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1: Письма конца XVIII — первой трети XIX в. Новосибирск, 2016. 323 с.; *Новохатко О. В.* Частная переписка XVII века. М., 2018. 663 с.; Эпистолярное наследие устюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII — первой четверти XIX века: тексты и исследования / под ред. Ф. Я. Коновалова. Вологда, 2018. 416 с.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190, 191, 192, 194, 197, 201, 202, 204, 212, 215, 216, 220, 221, 225, 229, 231, 238, 239, 240, 241, 242, 244, 248, 251, 252, 258, 260, 261, 263, 265, 268, 269, 270, 272, 273.

³ Михаил Матвеевич Булдаков (1768–1830) — купец, уроженец Устюгского уезда Вологодской губернии. Более 27 лет, с 1799 по 1827 г., занимал должность первенствующего директора РАК. Подробнее о нем см.: Эпистолярное наследие... С. 250–272.

⁴ В РГАДА хранится лишь часть писем, принадлежавших семье Булдаковых. Юдин приобрел эти рукописи на рубеже XIX–XX вв.

⁵ РАК была учреждена в июле 1799 г., когда Павел I утвердил статус компании и принял ее под «высочайшее» покровительство. После перенесенного осенью 1818 г. «паралич-

связанных с деятельностью Булдакова на посту первенствующего директора⁶. Адресантами выступают самые разные лица: от членов совета директоров РАК и компаньонов до комиссионеров, поверенных и простых приказчиков. География переписки отражает и сложную структуру РАК, включавшую, помимо главного правления, сеть контор и комиссионерств (Москва, Казань, Иркутск, Якутск, Охотск, Кяхта, Томск, Тюмень, Камчатка)⁷, и торгово-промышленные интересы компании (Олёкминск, Витимская слобода, о. Кадык, Новоархангельск и др.), и личные связи предпринимателей (Архангельск, Вологда, Великий Устюг, Рыльск и др.).

В первой четверти XIX в. в условиях огромной территории империи при слаборазвитой системе путей сообщения доставка корреспонденции требовала значительного времени. Имеющиеся в нашем распоряжении письма, как правило, содержат указание на то, где и какого числа они были написаны, а также дату их получения (отметки, сделанные Булдаковым). В 1799–1800 гг. главное правление и первенствующий директор находились в Иркутске. Это, с одной стороны, позволяло более или менее оперативно реагировать на новости, поступавшие от подчиненных лиц и из промысловых и торговых точек, в том числе из Америки и портов (Охотска и Петропавловска), но с другой — была затруднена связь с Центральной Россией. К примеру, из Кяхты послания доходили в среднем за 10 дней, из Якутска — 30–40, из Охотска — 50–60, из столиц — 40–50, из Великого Устюга — не менее 60 дней.

В 1801 г. главное правление было переведено в Санкт-Петербург, что, конечно, приближало руководство компании к центральному правительству и предоставляло больше возможностей для защиты интересов капитала в министерских кабинетах. Но переезд отдалил дирек-

ного удара» Булдаков фактически отошел от дел, хотя формально сохраняя за собой должность первенствующего директора. См.: *Ермолаев А. Н.* Первенствующий директор М. М. Булдаков и становление Российско-американской компании // Вологжане в истории Русской Америки. Вологда, 2012. С. 68, 77.

⁶ Остальные письма или относятся ко времени до учреждения РАК, или отражают семейные дела, касаются личной собственности Булдакова, его общественной деятельности и взаимоотношений со столичными и вологодскими чиновниками.

⁷ Конторы и комиссионерства учреждались либо в крупных торговых городах страны, либо на узловых транзитных пунктах. В частности, конторы функционировали в Москве, Иркутске, Якутске, Охотске и Кяхте, комиссионерства — в Казани, Тюмени, Томске, на Камчатке и в Гижиге. Подробнее см.: *Ермолаев А. Н.* Из истории деятельности Томского комиссионерства Российско-американской компании // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 79; *Окунь С. Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939. С. 48, 58.

цию от восточных территорий и соответствующим образом отразился на времени доставки корреспонденции. Так, из Москвы и Вологды письма шли до 10 дней, из Казани — до 16, из Великого Устюга — до 20, из Тюмени — до 30, из Иркутска — до 50, из Якутска — до трех месяцев, из Охотска — до пяти, с Камчатки — до восьми, из Русской Америки — до 10 месяцев. Эти сроки могли значительно сокращаться, если послание отправляли с нарочным или с попутчиком, и, соответственно, могли увеличиваться по объективным причинам. Кроме того, в первой четверти XIX в. еще не было налажено регулярное почтовое сообщение с отдаленными восточными городами. Так, служащий Охотской конторы купец Стефан Захаров отмечал в своем письме, что приходится подолгу ждать отправления почты, поскольку оно «обыкновенно снаряжается по неделе и более»⁸.

По информационной наполненности письма весьма разнообразны: есть совсем краткие послания с конкретным вопросом или просьбой, есть более подробные с описанием существующей проблемы и соответствующими предложениями, а есть очень пространные, характеризующие сложившуюся ситуацию и сопутствующие сложности в деятельности компании. Попытаемся выделить основные вопросы, с которыми обращались к первенствующему директору.

В каждом третьем письме встречаются сведения о торговой и промысловой деятельности компании. Среди них достаточно много донесений с просьбами о поставке пушнины и прочих товаров, с сообщениями о том, удалось или не удалось добиться выгодного «промена», получилось ли найти необходимую продукцию, по какой цене осуществлялся «промен» и продажа, на что был спрос и т. д.⁹ Обсуждались вопросы покупки/продажи акций компании, выставление счетов на оплату, долги и их взыскание¹⁰.

Некоторые адресанты высказывали предложения по развитию промысловой деятельности, торговле и стратегии продаж¹¹. В 1804 г. член совета директоров РАК Е. И. Деларов выражал крайнюю обеспокоенность возможной конкуренцией со стороны других купеческих объединений, планировавших снаряжать «промысловые артели» на острова близ Камчатки. В связи с чем предлагал Булдакову обратиться к «благодетельство-

⁸ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 201. Л. 4.

⁹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 191. Л. 3–4 об.; Д. 212. Л. 17 об.; Д. 216. Л. 1–2; Д. 229. Л. 5–6 об.; Д. 240. Л. 3–4; Д. 242. Л. 1–2; Д. 244. Л. 1–3; Д. 251. Л. 1–4 об., 15, 19, 23 об., 25, 30–30 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 202. Л. 4–6, 10; Д. 236. Л. 1–2 об.; Д. 251. Л. 15–15 об., 17–18, 21–21 об., 27–29, 31–33, 35–38, 43–43 об., 48–49, 53–57, 59–61 об.; Д. 265. Л. 1; Д. 268. Л. 1–2, 5–10; Д. 272. Л. 4.

¹¹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 251. Л. 7–12, 30–30 об., 33 об. — 34, 46–47, 48 об.

вавшим» РАК министру коммерции Н. П. Румянцеву и морскому министру П. В. Чичагову за защитой коммерческих интересов, дабы пресечь попытки получить одобрение правительства на «описание земель и прииск новых... островов и народов»¹². В 1812 г. правитель Охотской конторы РАК В. И. Колобов, рассуждая о перспективах промысла, полагал, что выгоднее ресурсы направлять в Америку, а не на Сахалин. Он считал, что освоение острова только в первый год потребует по меньшей мере до 100 тыс. руб. да «нужно каждый год подкреплять людьми и всем потребным». И неизвестно, чем все это «вознаградится», так как «там нет ни бобров, ни котов...»¹³. В 1812 г. Николай Шемелин, сын купца, участвовавшего в кругосветном плавании 1803–1806 гг. в качестве торгового представителя РАК¹⁴, прислал Булдакову перевод «Кантонского прейскуранта»¹⁵ с ценами на привозные и вывозные товары (он был оформлен в таблицу, в которой каждая позиция сначала написана по-английски, затем приведены транскрипция русскими буквами и перевод¹⁶). Компания намеревалась наладить поставку товаров в Кантон, где в основном использовался английский язык, а многие служащие РАК им практически не владели. По мнению Шемелиных (и сына, и отца), в таком виде прейскурнт был весьма полезен приказчикам, которые «не имели случая научиться по-англински»¹⁷. В 1817 г. правитель Иркутской конторы РАК В. П. Кузнецов, в связи с разрешением «вновь иностранной торговли в Адеском порте», усматривал «значительную» выгоду от торговли «транзитным сукном» и предлагал компании рассмотреть возможность закупки в Одессе «таковых сукон» для доставки в Кяхту¹⁸.

Представленный в письмах Булдакову фактический материал дополняет имеющиеся в литературе сведения о деятельности РАК. В частности, послания из Охотска и Петропавловской гавани содержат информацию о состоянии «компанейских» кораблей, о прибывавших и готовившихся к отплытию суднах, о транспортировке грузов¹⁹. Встре-

¹² РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 194. Л. 5–5 об.

¹³ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 212. Л. 12 об.

¹⁴ Матханова Н. П., Комлева Е. В. Купец Ф. И. Шемелин и его «Журнал» // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2018. № 52. С. 121.

¹⁵ Шемелин Ф. И. Журнал первого путешествия россиян во круг земаго шара, сочиненный под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером московским купцом Федором Шемелиным. Ч. 2. СПб., 1818. С. 393–396.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 269. Л. 3–8 об.

¹⁷ Там же. Л. 1 об. — 2.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 220. Л. 10–11 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 194. Л. 9–9 об.; Д. 201. Л. 8 об., 10 об., 15 об.; Д. 212. Л. 1–2 об., 4–4 об., 10–10 об., 12–14 об., 17–17 об., 21–27 об.; Д. 229. Л. 1; Д. 272. Л. 7–8.

чаются описания происшествий на море и кораблекрушений, что в первые десятилетия XIX в. не было редкостью, приводило к человеческим жертвам, приносило компании ощутимые убытки и потери²⁰. При этом РАК, опасавшаяся обесценивания своих акций, стремилась не афишировать подобные инциденты. При изучении многих из них у исследователей по сей день возникают вопросы. Так, в письме Колобова из Охотска содержатся упоминания о том, как в августе 1812 г. в последний путь снаряжался знаменитый шлюп «Нева»²¹. Эти свидетельства подтверждают мысль, что главной причиной катастрофы, произошедшей 9 января 1813 г., являлись действия командира судна Я. Н. Подушкина, вызвавшие напряженное эмоциональное состояние членов экипажа²². В письмах также упоминается российско-японский конфликт 1811–1813 гг. («Инцидент Головнина»)²³. В Охотске ожидали, что он перерастет в вооруженное столкновение, а служащие РАК опасались, что будут задействованы ресурсы компании и, как следствие, возможны убытки²⁴. Между тем капитан-лейтенант П. И. Рикорд, появившийся в Охотске в конце лета 1811 г. и намеревавшийся отправиться в столицу, пытался заручиться поддержкой лиц, которые могли бы оказать помощь в спасательной экспедиции, в том числе познакомиться с Буддаковым²⁵. Не менее любопытны письма главных правителей Русской Америки А. А. Баранова и Л. А. Гагемейстера²⁶, в которых затрагиваются многие социально-экономические сюжеты (состояние промысла, освоение земель, деятельность в колониях, особенности жизни русских людей и их взаимоотношения с туземцами, нехватка продовольствия и прочих необходимых товаров, проблемы с транспортом и доставкой грузов, «военная контрабанда» американских корабельщиков и т. п.).

Помимо вопросов, связанных с торговой и промысловой деятельностью, письма иллюстрируют кадровые проблемы компании, что в особенности касалось отдаленных восточных регионов, где условия службы были не самыми привлекательными. Честные и добросовестные лица,

²⁰ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 212. Л. 23–24, 25–26 об.; Д. 272. Л. 3.

²¹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 212. Л. 22 об. — 23, 24.

²² Норченко А. Н. Гибель «Невы» // Русская Америка. Вып. 7. Вологда, 1996. С. 11–13.

²³ Подробнее об этих событиях см.: Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Ч. 1. СПб., 1816; Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816.

²⁴ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 212. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 1.

²⁶ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–5 об.; Д. 273. Л. 7–8 об.

обладавшие знаниями и опытом коммерции, не стремились попасть туда на рядовые должности; из тех же, кто проявлял инициативу, далеко не все радели за интересы компании, а больше надеялись «поправить свое состояние», воспользовавшись службой вдали от главного правления. Кроме того, правители контор и комиссионеры не упускали возможности помочь «своим» людям занять «прибыльные» руководящие должности на местах. К примеру, в 1812 г. П. Макарьин жаловался Булдакову на действия правителя Охотской конторы Колобова, который «отправил» на место начальника Атхинского отдела Д. И. Куликалова. Между тем ревизоры, бывшие в Якутске по делам компании, назначили на ту должность Макарьина. Последний, следуя договоренности, оставил Якутскую контору, «накупил» необходимых для жизни в Америке вещей, прибыл в Охотск и там вынужден был «прозимовать», ожидая так и не состоявшейся отправки на Атху. Когда Макарьин узнал о назначении Куликалова, выяснилось, что Колобов еще и приказал написать от имени атхинских «промышленных» бумагу «ко одобрению Куликалова и ко обнесению меня (Макарьина. — О. П.)»²⁷.

Весьма ограничены были возможности компании в регулярном пополнении круга так называемых промышленных, то есть промысловых рабочих. В Сибири, на Дальнем Востоке и в колониях сложно было подыскать опытных и способных письмоводителей. Так, в 1800 г. правитель Якутской конторы РАК М. Н. Лопатин «усерднейше» просил Булдакова «прислать знающего порядок компанейских дел благонадежного человека» для письмоводства, при этом отмечая, «ежели ж в Иркутске трезвостью и достоинством не отыщется» таковой и никто не будет специально назначен, то «по делам компанейским должна последовать оставка»²⁸.

Во многом трудности формирования корпуса служащих в первой четверти XIX в. обуславливало отсутствие свободы передвижения по империи в этот период. Желаящим работать вне местожительства требовалось получить паспорт (то есть разрешение на временную отлучку). Когда его срок подходил к концу, необходимо было либо вернуться на родину, либо ходатайствовать о выдаче нового документа. Последнее хотя и допускалось в заочном порядке, но требовало определенных усилий, в том числе со стороны руководства РАК. Так, в 1800 г. родственник Булдакова Ф. Л. Мургин в письме из Великого Устюга отмечал: «Г[осподин] Стефан Захаров (служивший в Охотской конторе устюгский купец. — О. П.) писал ко мне о присылке ему пашпорта трех годового,

²⁷ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 202. Л. 14–15.

²⁸ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 225. Л. 5.

но как ныне заошнные пашпорты повелено давать как только на один год с платежом пошлины по пяти рублей, по сему обстоятельству с великою усильчивостью в казначействе едва я мог достать на два года, которой... прошу к нему доставить»²⁹. Просьбы помочь с получением и присылкой паспортов встречаются во многих посланиях к Булдакову³⁰.

В письмах нашли отражение также и взаимоотношения работников компании. Пожалуй, именно в этом контексте анализируемые источники приобретают особую ценность для исследователей и в то же время требуют критического осмысления. С одной стороны, адресанты описывали порядки, царившие внутри «конторских стен», уделяли внимание характеристике рабочей атмосферы и сослуживцев, рассказывали об интригах и стремлении «нажиться» в ущерб интересам компании, что позволяет получить некоторое представление о тех аспектах служебной деятельности на местах, которые не нашли освещения в официальных документах³¹, но с другой — эти сюжеты получали яркую эмоциональную окраску, преломлялись через восприятие рассказчика, что в первую очередь было связано со стремлением выслужиться перед начальством, угодить, а в некоторых случаях — и снять с себя ответственность за убытки, растраты и беспорядки в делопроизводстве³².

Успех в деятельности компании во многом зависел и от отношений с чиновничеством. Судя по письмам, представителям РАК, как правило, удавалось наладить взаимовыгодное сотрудничество с местным начальством³³ (в основном «приплачивая» ему³⁴). В частности, в 1807 г. Н. П. Резанов, прибыв в Иркутск, был искренне удивлен гостеприимством и благосклонным отношением генерал-губернатора И. Б. Пестеля, который обещал оказывать любую помощь, поскольку министр коммерции Румянцев «поручил ему компанию покровительствовать»³⁵.

Однако встречались случаи и конфронтации, и откровенного вымогательства (главным образом в Охотске и на Камчатке). В таких ситуа-

²⁹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 234. Л. 3.

³⁰ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 201. Л. 15; Д. 234. Л. 3–4; Д. 258. Л. 2–4; Д. 272. Л. 5 об.

³¹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190. Л. 2 об.; Д. 194. Л. 9 об.; Д. 212. Л. 4 об. — 9 об., 13–14 об., 16–16 об.; Д. 231. Л. 2–3; Д. 272. Л. 3–4 об., 10–10 об.; Д. 273. Л. 7–8 об.

³² РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 201. Л. 1–10 об.; Д. 212. Л. 6–7 об., 11–11 об., 21–21 об.; Д. 225. Л. 8; Д. 229. Л. 1–1 об.

³³ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 212. Л. 15–15 об.; Д. 216. Л. 3; Д. 272. Л. 1 об.

³⁴ К примеру, из писем иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина можно установить, что он получал неофициальное «жалованье» от Иркутской конторы РАК. Подробнее см.: *Гаращенко А. Н.* Некоторые аспекты взаимоотношений иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина с местным купечеством // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 15 (100). С. 362.

³⁵ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 273. Л. 1 об.

циях многое зависело от опытности и дальновидности служащих компании, которым приходилось лавировать между коммерческими интересами и требованиями представителей власти. В частности, в 1804 г. Деларов выражал крайнюю обеспокоенность действиями правителя Камчатской области П. И. Кошелева и просил Булдакова приложить все усилия, чтобы центральное правительство «оттол» его отозвало³⁶. Однако новый глава области И. А. Петровский вызывал еще большее недовольство своими «неблагодарными» распоряжениями и стремлением «набить карманы»³⁷.

В начале XIX в. тяжело складывались отношения представителей РАК с управляющими Охотским портом (в то время являвшимся центром формирования промышленных экспедиций). Особенно обременительным для компании было взаимодействие с И. Н. Бухариным, начальствовавшим в 1800–1808 гг. В этот период служащие Охотской конторы были вынуждены участвовать в его довольно сомнительных финансовых операциях, давать деньги и брать невыгодные для РАК казенные кредиты («векселя») ³⁸. Правитель конторы Колобов писал, что пришедший на смену Бухарину начальник порта М. И. Минацкий намерен «кантору принудить плясать по своей дудке», отмечая при этом: «Вот будет новая пляска, только не знаем, по какой песне. Беда, если не по знакомой»³⁹. В скором времени выяснилось, что Минацкий также стремился навязывать конторе кредиты под высокие проценты. И в этом, как и в платеже процентов «по бухаринским векселям», ему было трудно отказать, поскольку в противном случае едва ли можно было рассчитывать на привилегии и помощь от казны, когда это действительно требовалось⁴⁰.

Почти треть писем Булдакову включает личные просьбы адресантов. В основном они касались финансовых вопросов. Просили дать отсрочку в уплате долга, помочь деньгами либо посодействовать взысканию долгов с третьих лиц, оказать покровительство, в том числе в связи с тяжелым материальным положением, судебным преследованием, клеветой («хитроначертания ко отягощению») и пр.⁴¹ Обращались к Булда-

³⁶ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 194. Л. 6.

³⁷ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 261. Л. 1 об.

³⁸ *Болгурицев Б. Н.* Взлеты и падения командира Охотского порта (конец XVIII — начало XIX в.) // *Россия и АТР.* 2002. № 4. С. 94–95.

³⁹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 212. Л. 8 об.

⁴⁰ Там же. Л. 8–8 об., 11–11 об., 13, 17.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–2; Д. 201. Л. 12, 15–15 об.; Д. 202. Л. 1, 3, 9, 11–12 об., 14–16; Д. 220. Л. 10–12 об.; Д. 221. Л. 5–5 об.; Д. 225. Л. 2–5 об.; Д. 231. Л. 1; Д. 234. Л. 1–3; Д. 239. Л. 3–6; Д. 252. Л. 1–2 об.; Д. 270. Л. 2; Д. 272. Л. 9 об.; Д. 273. Л. 3–3 об.

кову с просьбами стать посредником в расчетах и от их лица совершить платежи и иные финансовые операции⁴². Обращались и тогда, когда нужно было передать посылки, документы, письма, выслать необходимые вещи, книги и газеты, а также помочь с переездом семьи к месту службы (если это предусматривалось контрактом)⁴³. Просили поспособствовать поступлению детей в учебные заведения, принять на службу в компанию знакомых и родственников⁴⁴.

Представленные письма к Булдакову, являясь частью полуофициальной переписки, иллюстрируют особенности деятельности РАК в первые десятилетия ее существования. Обращаясь к первенствующему директору, в большинстве случаев адресанты ожидали получить либо конкретный ответ на поставленный вопрос и пояснения относительно действий в сложившейся ситуации, либо отклик на свои просьбы. В первой четверти XIX в. руководитель крупного предприятия занимался не только вопросами, предопределявшими перспективы развития торгово-промышленной деятельности. Ему приходилось уделять внимание многочисленным личным просьбам сотрудников компании, которые нельзя было игнорировать, так как, во-первых, в формировании коллектива большую роль играли родственные и дружественные связи, а работа во многом строилась на доверии, во-вторых, трудно было найти добросовестных и способных кандидатов, готовых жить и трудиться на восточных окраинах империи и в колониях. Помимо внутрикомпанийских дел и взаимодействия сотрудников, письма позволяют увидеть и внешние связи РАК, в том числе раскрывают неформальные отношения с государственными служащими и свидетельствуют о том, что должность первенствующего директора позволяла пользоваться значительным влиянием, причем не только в торгово-купеческой, но и в чиновничьей среде.

⁴² РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190. Л. 3 об. — 4; Д. 194. Л. 1–4; Д. 201. Л. 12–12 об., 15–15 об.; Д. 225. Л. 3–7; Д. 229. Л. 1–2 об.; Д. 272. Л. 5.

⁴³ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 201. Л. 4, 11–11 об., 15; Д. 202. Л. 13–13 об.; Д. 215. Л. 2; Д. 216. Л. 4; Д. 234. Л. 5–5 об.; Д. 258. Л. 3; Д. 272. Л. 5–5 об.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 201. Л. 6 об. — 7, 10; Д. 202. Л. 17а — 18 об.; Д. 220. Л. 1, 6–7; Д. 251. Л. 63; Д. 260. Л. 1–1 об.; Д. 263. Л. 3–3 об.; Д. 265. Л. 2.

С. А. ЮСУПОВА

*Государственный академический университет
гуманитарных наук (Москва)*

«Туркестанские ведомости» как источник изучения деятельности городского самоуправления на рубеже XIX–XX вв.

В первые годы после образования новой административно-территориальной единицы в составе Российской империи – Туркестанского генерал-губернаторства – на местах было не только произведено реформирование системы властных структур, но и положено начало местной периодической печати. Автор настоящей статьи поставил перед собой задачу изучить газету «Туркестанские ведомости», на страницах которой публиковалась делопроизводственная документация городских дум и управ Ташкента и Верного. При помощи внутренней критики содержания данного периодического издания, статистических и количественных методов обработки опубликованных материалов были выявлены сведения по истории становления и практической деятельности городского самоуправления в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство, «Туркестанские ведомости», дореволюционная печать, городское самоуправление, городская управа, городская дума, гласные, источниковедение.

Финансовая поддержка: статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020–0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Период в истории Туркестана, связанный с вхождением этого региона в состав Российской империи, представляет огромный интерес прежде всего потому, что в этот исторический отрезок времени в Центральной Азии происходили события, которые изменили уклад региона

на 180 градусов¹. Для того чтобы разобраться в происходивших событиях и переменах того времени, необходимо, на наш взгляд, привлечение широкого круга источников. Одной из составляющих источниковой базы является периодическая печать.

Материалы местной печати обладают большим информационным потенциалом, и введение их в научный оборот позволяет полно и объективно оценить события второй половины XIX — начала XX в. Также публикации в периодической печати иногда являются важным, а порой единственным источником, в случае если документ был утрачен или доступ к нему ограничен. Не исключены и трудности работы с таким видом источника, которые обусловлены отсутствием отдельных номеров.

На современном этапе исследователи городского самоуправления дореволюционной России все чаще обращаются к такому виду источников, и в том числе к газете «Губернские ведомости». Именно во второй половине XIX в. через «Губернские ведомости» городские управы доводили до широкой общественности сведения о предстоящих выборах в городские думы, списки городских избирателей, объявления о найме на городскую службу, различного рода заметки о деятельности или о постановлениях городской думы. Обращение к этой газете в основном было связано с пристальным вниманием к изучению региональной истории, однако применительно к Туркестанскому генерал-губернаторству эта тема специально не рассматривалась.

Указ об издании во всех губерниях местной печатной газеты «Губернские ведомости» был «высочайше» утвержден Николаем I в 1837 г., а курирование этой газеты было возложено на губернатора, что придавало ей официальный статус. В каждой губернии она носила название местности, где издавалась, и имела типологическую специфику. Структура «Губернских ведомостей» состояла из двух частей: официальной, неофициальной и приложения. Все блоки имели одинаковые заглавные части. Официальная часть была поделена на два отдела: «общий» и «местный». В них размещалась соответствующая информация: распоряжения и предписания правительства и местного начальства. В неофициальной части печатались географические, статистические, исторические, этнографические материалы и статьи, объявления и заметки. Главным требованием к такому роду известий являлось предоставление читательской аудитории качественного информационного продукта. В Туркестанском генерал-губернаторстве

¹ Мухамедов Ш. Б. История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века [Электронный ресурс] // Метаморфозы истории. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-russkogo-turkestana-pravda-i-vymysel-vzglyad-istorika-iz-xxi-veka> (дата обращения: 05.05.2020).

неофициальная часть служила одновременно главным полем по изучению недавно присоединенного края, способствующим развитию интереса у читателей из европейской части империи к местному богатому историко-культурному наследию края. Помимо частных подписчиков, стабильной аудиторией газеты являлись чиновники и специалисты органов местной власти, поскольку в законе было определено, что «статьи официальной части „Губернских ведомостей“ и прибавлений к ним имеют для всех присутственных мест и должностных лиц своей губернии, к коей они касаются, а также для всех прочих губернских и областных правлений равную силу с указами и сообщениями губернского правления, посему, в случае упущений, никакое из сих мест и лиц не может отговариваться неведением того, что объявлено официально чрез “Губернские ведомости”»².

О необходимости такого местного печатного издания в крае, которое публиковало бы административные указания, постановления правительства и местные новости, заявил генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман, и с 28 апреля 1870 г. в Ташкенте начала выходить газета «Туркестанские ведомости». До 1883 г. газета издавалась на русском языке, а приложение к ней на сартском наречии. С 30 января 1883 г. это приложение стало самостоятельным периодическим изданием под названием «Туркестанская туземная газета».

Периодичность газеты была разной. В Туркестанском крае до 1893 г. газета выходила еженедельно, затем — все чаще: два раза в неделю до 1903 г., три раза — до 1904 г., четыре раза — до июля 1907 г. и ежедневно до конца 1917 г. Данные показатели говорят о наращивании темпов в типографическом деле, спросе читателей и о количестве проводимых исследований по истории, этнографии и географии края. Последний номер газеты «Туркестанские ведомости» (№ 6406) вышел в свет 15 декабря 1917 г., и после этой даты газета больше не выпускалась.

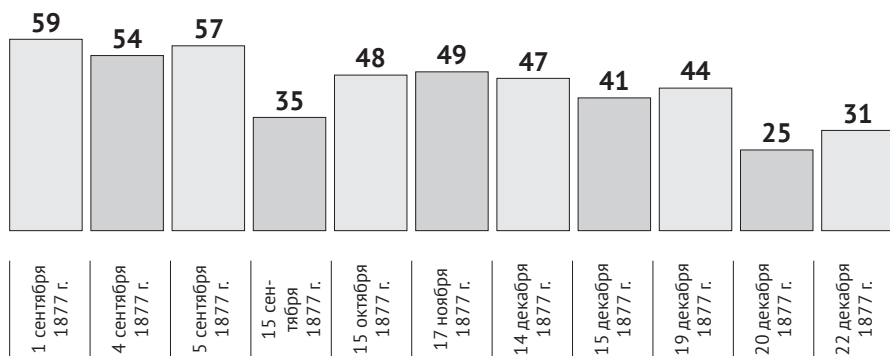
Для того чтобы иметь представление об информационном потенциале данного источника, раскрывающего деятельность городского самоуправления, автором был проанализирован годовой комплект подшивки газеты «Туркестанские ведомости» за 1878 г. В изученных номерах в том числе публиковались делопроизводственные документы, раскрывающие первые шаги работы нового органа общественного управления с осени 1877 г. по 1878 г.

В «Туркестанских ведомостях» с большим интересом, живо и эмоционально описывалось важное событие в жизни городов Туркестана, полу-

² Лепилкина О. И. Губернские ведомости как тип издания XIX века [Электронный ресурс] // Наука. Инновации. Технологии. 2005. № 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gubernskie-vedomosti-kak-tip-izdaniya-xix-veka> (дата обращения: 07.04.2020).

Диаграмма 1

Количество гласных на заседаниях Ташкентской городской думы,
сентябрь — декабрь 1877 г. (чел.) *

* Составлена по: Туркестанские ведомости. 1878. № 22, 30, 31.

чивших право введения «Городового положения» 1870 г.: «Из наиболее выдающихся административных распоряжений минувшего 1877 года отметим следующие: <...> для городов Ташкента и Верного истекший 1877 год ознаменовался важным шагом вперед: в обоих городах введено городское самоуправление на началах Высочайше утвержденных 16 июня 1870 г.»³.

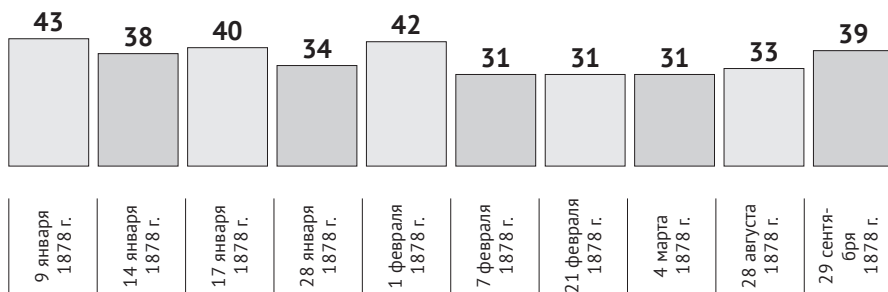
Для введения «Городского положения» 1870 г. в указанных городах были образованы временные комиссии. В Ташкенте городским головой был назначен начальник города М. П. Пукалов, а членами городской управы — К. А. Максимович, С. Батыршин, Ф. Д. Зуев, М. Р. Келлер, А. И. Розенфельдт и мулла Юлчи Тойчибаев. Стоит отметить тот факт, что, в отличие от введенного «Городского положения» 1870 г. в европейской части России, городской голова не избирался гласными. Именно назначение на эту должность, а не его выборность являлось одним из условий введения «Городского положения» в Ташкенте. 30 августа 1877 г. Ташкентская городская дума была открыта генерал-губернатором, который в обращении к избранным гласным указал на главные нужды города, рассмотрением которых предстояло прежде всего заняться думе.

6 и 9 ноября 1877 г. прошли выборы гласных и головы Верненской городской думы. Городским головой был избран П. М. Зенков, а чле-

³ Туркестанские ведомости. 1878. № 7.

Диаграмма 2

Количество гласных на заседаниях Ташкентской городской думы,
январь — сентябрь 1878 г. (чел.) *

* Составлена по: Туркестанские ведомости. 1878. № 1–51.

нами управы — П. А. Затиньщиков и И. Д. Лутманов. 17 ноября избранное городское самоуправление собралось на первое свое заседание.

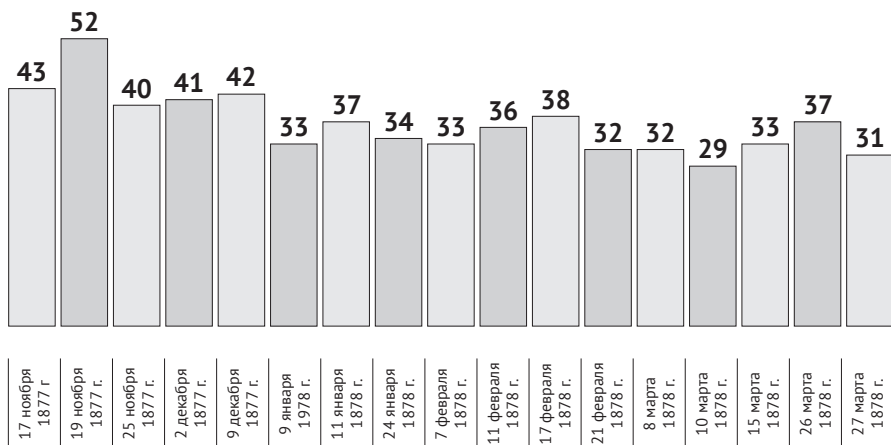
Для надзора за деятельностью городского самоуправления согласно «Городовому положению» в каждой губернии учреждался особый орган — губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора, в Туркестанском генерал-губернаторстве под председательством военных губернаторов Сырдарьинской и Семиреченской областей соответственно.

Опубликованные в газете «Туркестанские ведомости» выдержки из журналов заседаний городских дум, как правило, содержали информацию о дате заседания, количестве присутствовавших гласных и наиболее значимых решениях. Всего в газете за 1878 г. была напечатана 21 выдержка из журналов Ташкентской городской думы и 37 — из журналов Верненской городской думы.

Несмотря на то что городская дума была распорядительным органом и работала не на постоянной основе, как городская управа, ее деятельность регламентировалась. Согласно закону заседания городских дум должны были назначаться не менее четырех и не более 24 раз в год. В месяц гласные заседали в среднем по два-три раза, в установленном порядке. В конце года обязательным являлось заседание для рассмотрения отчета по исполнению городской росписи доходов и расходов, а также других отчетов управы за минувший год, а в ноябре — для обсуждения сметы доходов и расходов города на предстоящий год, поэтому количество заседаний в конце года было больше (диагр. 1–4). В Ташкент-

Диаграмма 3

Количество гласных на заседаниях Верненской городской думы,
ноябрь 1877 — март 1878 г. (чел.) *

* Составлена по: Туркестанские ведомости. 1878. № 17.

ской городской думе состоялись как минимум пять заседаний в конце года, а в Верненской городской думе в месяц проводилось максимально возможное количество.

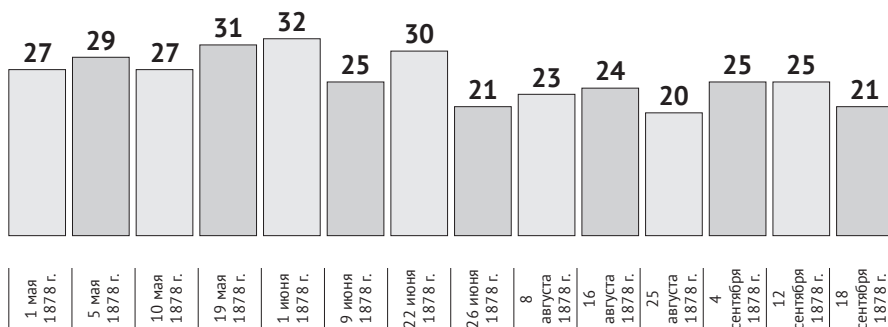
При этом необходимо отметить, что деятельность гласных была неоплачиваемой, поэтому можно было надеяться только на их исполнительность и рвение за общее дело. Однако посещение заседаний в установленном порядке предусматривалось законом, и неисполнение этого обязательства влекло наказание.

Анализ выдержек из журналов заседаний Ташкентской городской думы позволил проследить посещение гласными заседаний (диагр. 1–4). Динамика посещения в рассматриваемый период была положительной, большинство гласных с полной ответственностью подходили к своей работе. Для кворума было достаточно присутствия в думе $\frac{1}{3}$ от общего состава, но если количество на заседании не составляло $\frac{1}{3}$, то заседание считалось несостоявшимся и переносилось.

Из опубликованных материалов можно определить также приоритетные направления работы городского самоуправления, избранного на первое четырехлетие (1877–1881 гг.). Так, первые заседания были посвящены организационной составляющей работы городского само-

Диаграмма 4

Количество гласных на заседаниях Верненской городской думы,
май — сентябрь 1878 г. (чел.)*

* Составлена по: Туркестанские ведомости. 1878. № 1–51.

управления, решению в большей степени кадровых проблем. В 1877 г. на повестках заседаний стояли вопросы, доставшиеся «в наследство» от предыдущего хозяйственного управления. Уже ко второй половине первого года работы городского самоуправления наметилась постепенная нормализация процесса городского хозяйствования.

Вниманию горожан были представлены сметы городского бюджета, с росписью каждой статьи доходов и расходов. За рассматриваемый период городским головой и гласными были приняты две сметы: с начала открытия городского самоуправления осенью 1877 г. и до конца текущего года и на 1878 г. (см. табл. 1).

Несмотря на то что городской бюджет в Ташкенте был в четыре раза выше, чем в Верном, дефицит бюджета оказался отмечен именно там. Конечно, недостаточная финансовая база городских бюджетов была не только виной местных органов самоуправления, но и бедой городских дум и управ на всей территории Российской империи, поскольку городские доходы были недостаточны даже для удовлетворения текущих нужд городского хозяйства, не говоря уже о капиталоемких предприятиях (прокладка водопровода, канализации и т. д.)⁴.

⁴ Юсупова С. А. Финансовые основы Псковского городского самоуправления во второй половине XIX — начала XX вв. [Электронный ресурс] // Материалы XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017» (Москва, 10–14 апреля 2017 г.). URL: http://conf.fa.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10893/uid105480_report.pdf (дата обращения: 27.05.2020).

Таблица 1

**Бюджет по сметам городских самоуправлений
Туркестанского генерал-губернаторства, 1877–1878 гг. (в руб.) ***

период	доход	расход	дефицит/профицит
ТАШКЕНТСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА			
1877 г.**	13751,57	32332,32	18580,75
1878 г.	131578,77	201834,34	70255,57
ВЕРНЕНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА			
1877 г.***	5792,51	2610,10	3182,41
1878 г.	35432,00	21544,34	13887,66

* Составлена по: Туркестанские ведомости. 1878. № 17, 43, 45.

** С 01.09 по 31.12.1877 г.

*** С 11.11 по 31.12.1877 г.

Газета «Туркестанские ведомости» как источник представляет различные по содержанию сведения для изучения деятельности городского самоуправления. Так, материалы, связанные с выборами в городские думы и кадровыми вопросами городской управы, позволяют выяснить состав органов городского самоуправления и их количество. Опубликованные сметы доходов и расходов помогают определить финансовое положение городов. Журналы заседания, постановления, доклады дум и управ раскрывают основные направления их практической деятельности. Вместе с тем в газете публиковалась лишь небольшая часть делопроизводственной документации органов городского самоуправления, что требует привлечения к исследованию других исторических источников, но и отраженные в данном периодическом издании они представляют научно-исследовательский интерес. Не вызывает вопроса достоверность сведений в газете «Туркестанские ведомости»: поскольку она являлась официальным органом печати краевой администрации, в ней публиковались официальные документы, необходимые для обнародования или для исполнения местными чиновниками. Все это предопределяет значение «Туркестанских ведомостей» как ценного исторического источника для изучения истории городского самоуправления Туркестанского края.

В. Б. РОМАНОВА

*Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королева*

**Журнал «Иллюстрированная Россия»
как источник изучения жизни
российских эмигрантов «первой волны»
в 1917–1939 гг.**

В середине 1920-х годов в столице российской эмиграции Париже выходили русскоязычные газеты и журналы, которые стали формой связи эмиграции в разных странах. Журнал «Иллюстрированная Россия» выходил в Париже с 1924 по 1939 г., то есть почти 15 лет, что позволяет проследить жизнь эмиграции на протяжении почти всего ее существования. В издании сообщалось о событиях в СССР и мире, а также о повседневной жизни русских эмигрантов «первой волны» в странах «русского рассеяния». Сделан вывод, что журнал «Иллюстрированная Россия» является информативным источником о повседневной жизни российской эмиграции не только во Франции, но и в других странах, содержит ценные сведения о бытовых, социальных и культурных проблемах эмиграции, а также о политических процессах, протекавших в этой среде.

Ключевые слова: русская эмиграция «первой волны», периодическая печать, журнал «Иллюстрированная Россия».

В 1920-х годах в Париже так же, как Берлине, Праге и других центрах российской эмиграции «первой волны», выходили русскоязычные газеты и журналы, ставшие одной из форм связи между эмигрантами. Эти периодические издания являются богатым источником, позволяющим воссоздать картину повседневной жизни русской колонии во Франции и других странах «русского рассеяния». Они содержат информацию не только о бытовой стороне жизни российских эмигрантов, но и об их политических предпочтениях, в том числе об отношении к СССР, а также позволяют выявить существовавшие в эмигрантской среде социальные проблемы.

В СССР эмиграция «первой волны» изучалась лишь попутно, в рамках истории революционного движения. В целом в советской истории-

графии создавался образ эмиграции как антисоветской контрреволюционной силы. Соответственно, такая узкая тема, как периодическая печать эмиграции, и вовсе не затрагивалась. Первые исследования, посвященные эмиграции «первой волны», стали появляться только в конце 1990-х годов. В XXI в. внимание исследователей привлекла история культуры российской эмиграции, в рамках которой изучалась в том числе и периодическая печать¹, а также появились публикации, представляющие собой общий источниковедческий анализ русскоязычной эмигрантской периодики². Однако роль газет и журналов в изучении повседневной жизни русских эмигрантов «первой волны» до сих пор раскрыта недостаточно³.

Во Франции в конце 1920-х годов существовало 56 русскоязычных периодических журналов и 26 газет⁴. Читателями этих изданий были около 100 тыс. человек⁵.

Журнал «Иллюстрированная Россия» стал издаваться в 1924 г. благодаря стараниям журналиста М. П. Миронова. В создании журнала приняли участие многие художники-эмигранты, например И. Я. Билибин⁶, а образцом послужил дореволюционный журнал «Нива». Сначала «Иллюстрированная Россия» выходила один раз в две недели, а с 1926 г. — раз в неделю. Есть основания полагать, что к этому времени журнал приобрел широкий круг постоянных читателей и подписчиков, а также имел достаточное материальное обеспечение. Издание было внепартийным. В юбилейном, 100-м номере главный редактор поместил письмо, в котором объяснил данную позицию так: «Политики утверждают, что переживаемый момент требует дифференциации эмигрантской массы. Однако мы, не ставящие политическую партийность во главу угла, избрали иной путь. Мы старались в каждом из прошедших номеров — служить нуждам всей эмиграции, освещая ее жизнь и быт, откликаясь, по возможности, полнее на ее радости и скорби»⁷.

¹ *Ефременко В. В.* Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–1939 годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 284 с.

² См., напр.: *Кутаренкова Т. С.* Русская периодическая печать во Франции в 1920-х гг.: типология и проблемы развития // Вестник РГГУ. 2012. № 13 (93). С. 117–129.

³ *Юниверг Л. И.* «Иллюстрированная Россия» как зеркало эмигрантской жизни 20–30 гг.: Евреи в культуре русского зарубежья: сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 2: 1919–1939 гг. Иерусалим, 1993. С. 202–220; *Перхин В. В.* Художественная позиция журнала «Иллюстрированная Россия» (1926–1939) // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 1 (18). С. 76–82.

⁴ *Ефременко В. В.* Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–1939 годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 146.

⁵ *Кутаренкова Т. С.* Русская периодическая печать во Франции... С. 118.

⁶ *Перхин В. В.* Художественная позиция журнала «Иллюстрированная Россия»... С. 76.

⁷ *Миронов М. П.* Сто номеров // Иллюстрированная Россия. 1927. 9 апр. С. 1.

Нейтральная политическая позиция потребовала от журнала некой «всеядности» в вопросе отбора материала для публикации, чтобы удовлетворить разнообразные вкусы эмиграции и иметь постоянного читателя. Для ценителей искусства существовали рубрики «Театр и искусство», «Русское искусство за рубежом», для любителей читать — рубрика «Книжная полка», для женщин созданы рубрики «Парижские моды» и «Женская страничка». Для маленьких читателей в журнале также был свой уголок — «Страничка для детей», где помещались иллюстрированные истории и рассказы. В журнале публиковались кроссворды и различного рода головоломки. В рубрике «Вечера у Деда Всеведа» читателям предлагались различные загадки. Позднее появились рубрики «Русские в эмиграции», где сообщалось о повседневной жизни русских эмигрантов во Франции, а также в других странах. Так, в номере от 7 июля 1928 г. был помещен небольшой очерк о читальне кружка русской молодежи: «Как бы ни была тяжела обстановка, как бы ни трудна была борьба за существование в условиях изнуряющей физической работы — русская эмигрантская молодежь организуется, читает, устраивает лекции и собрания»⁸. В номере от 3 марта 1934 г. помещен очерк главного редактора о русской больнице в пригороде Парижа и о бескорыстных русских врачах — профессоре И. П. Алексинском и докторе А. О. Маршаке⁹. Все рубрики в соответствии с названиями сопровождалась фотографиями и иллюстрациями.

Имея внепартийный курс, «Иллюстрированная Россия» не могла тем не менее игнорировать события как среди эмиграции, так и в СССР. Но публикуя такого рода информацию, издание, как правило, воздерживалось от ее политической оценки. Например, в номере от 10 апреля 1926 г. были напечатаны лишь две фотографии с одного из заседаний Российского зарубежного съезда 1926 г.¹⁰, в то время как другие издания уделяли данному событию значительный объем своих номеров и остро полемизировали по этому поводу друг с другом. Так, газета «Возрождение» 4 апреля 1926 г. опубликовала программу съезда¹¹ и развернутые отчеты о заседаниях, в номере за 12 апреля того же года поместила полный список делегатов съезда¹², а на следующий день подвела итоги заседаний зарубежного съезда¹³. На страницах «Возрождения» зарубежный

⁸ Читальня кружка русской молодежи // Иллюстрированная Россия. 1928. 7 июля. С. 18.

⁹ Миронов М. П. Русские врачи в эмиграции. Русский госпиталь в Париже // Иллюстрированная Россия. 1934. 3 марта. С. 12–13.

¹⁰ Зарубежный съезд // Иллюстрированная Россия. 1926. 10 апр. С. 1.

¹¹ Зарубежный съезд // Возрождение. 1926. 4 апр. С. 1.

¹² Общий список делегатов зарубежного съезда // Возрождение. 1926. 12 апр. С. 2–3.

¹³ За неделю // Возрождение. 1926. 13 апр. С. 1.

съезд получил сугубо положительную оценку, тогда как «Последние новости» были настроены в отношении этого форума весьма скептически. Например, 8 апреля 1926 г. в этой газете была помещена заметка об участниках съезда под названием «Живые мертвецы»¹⁴, а 12 апреля 1926 г. — статья «Похороны зарубежного съезда», посвященная его закрытию¹⁵.

Ориентируясь на интерес читателей к событиям в СССР, редакция «Иллюстрированной России» публиковала фотографии из Советского Союза, которые доставала не только с трудом, но и зачастую нелегально¹⁶. В номере от 7 июня 1928 г. были помещены две заметки из СССР: о новом способе почтовой связи и о параде спортивных организаций в Москве¹⁷. Однако стоит отметить, что иногда в отношении информации, поступавшей из СССР, журнал не был столь нейтрален, как это заявлялось. Можно перечислить некоторые фоторепортажи, наглядно демонстрирующие отношение издания к событиям в Стране Советов: «Гримасы советского быта»¹⁸, «Издательство над наукой»¹⁹, «Палач на отдыхе»²⁰. Кроме того, существовала рубрика «Советский юмор», в которой публиковались карикатуры и рассказы, посвященные событиям в СССР.

Интересно, что в журнале печатались произведения советских писателей и фельетонистов. Например, в номере от 15 марта 1930 г. был помещен рассказ А. Яковлева «Волчья ночь», аннотация к которому гласила: «Как ревниво ни скрывают большевики истинный смысл происходящих в русской деревне событий — правда прорывается то тут, то там в произведениях советских же беллетристов. Рассказ рисует жуткую картину звериной жизни, которой живут русские крестьяне на 12-й год „пролетарской революции“»²¹. Факт появления советских писателей на страницах эмигрантского журнала уже говорит о пристальном внимании эмигрантов к советской литературе.

При посредничестве журнала читатель мог даже найти друга по переписке. Эмигранты оказались разбросаны по всему земному шару и остро ощущали свое одиночество. Нередко они нуждались в человеке, которому можно было высказаться, рассказать о своих печалях и проблемах. Этой цели служила рубрика «Почтовый ящик»: «Русский, живущий тяже-

¹⁴ Живые мертвецы // Последние новости. 1926. 8 апр. С. 2.

¹⁵ Похороны зарубежного съезда // Последние новости. 1926. 12 апр. С. 1.

¹⁶ Юниверг Л. И. «Иллюстрированная Россия» как зеркало эмигрантской жизни... С. 212.

¹⁷ Новая почта в Москве // Иллюстрированная Россия. 1928. 7 июля. С. 7; Спортивный праздник в Москве // Иллюстрированная Россия. 1928. 7 июля. С. 15.

¹⁸ Гримасы советского быта // Иллюстрированная Россия. 1930. 15 марта. С. 5.

¹⁹ Издательство над наукой // Иллюстрированная Россия. 1930. 29 марта. С. 2.

²⁰ Палач на отдыхе // Иллюстрированная Россия. 1930. 5 апр. С. 4.

²¹ Яковлев А. С. Волчья ночь // Иллюстрированная Россия. 1930. 15 марта. С. 1–10.

лым физическим трудом и не имеющий ни семьи, ни друзей, ни знакомых — просит написать ему. Хочет обменяться с кем-нибудь своими мыслями и переживаниями»²².

С 1929 г. редакция приступила к выпуску приложения «Библиотека лучших русских и иностранных писателей» (по 24 книги в год), что свидетельствует о достаточно прочном материальном положении журнала. С этого же года журнал стал организатором конкурса красоты «Мисс Россия» в Париже, а также при поддержке парижского дома *Les parfums de Mury* проводил конкурс «Самая красивая читательница „Иллюстрированной России“».

Периодические печатные издания «первой волны» эмиграции, в том числе журнал «Иллюстрированная Россия», являются информативным источником о повседневной жизни российских эмигрантов «первой волны». Анализ материалов журнала «Иллюстрированная Россия» и их сопоставление с содержанием других эмигрантских периодических журналов позволяют составить весьма информативную картину бытовой жизни российских эмигрантов не только во Франции, но и в других странах. Этот источник позволяет проследить отношение российской эмиграции к СССР, которое не всегда было резко отрицательным, а менялось на протяжении всего существования эмиграции «первой волны» в зависимости от международной ситуации и положения в самом Советском Союзе. Наличие журналов с различной политической позицией, а также внепартийных (таких, как «Иллюстрированная Россия») при должном изучении позволит выявить политическую дифференциацию в среде эмиграции. Учитывая впечатляющий объем эмигрантской прессы, которая еще ждет своего исследователя, в будущем представляется возможным решить обозначенные выше проблемы и реконструировать всю обширную палитру повседневной жизни разнородной эмиграции из России в первой половине XX в., рассеявшейся по всему миру.

²² Одинокий из Сен-Мишеля // Иллюстрированная Россия. 1930. 29 марта. С. 18.

М. Ю. ШМАТОВ

Новосибирский государственный университет

Конформизм как форма восприятия гражданами массовых политических кампаний в Западной Сибири (1936–1937 гг.): источники и подходы к изучению

В исследовании анализируется проблематика конформизма как специфической формы восприятия населением массовых политических кампаний мобилизационного типа в Западной Сибири во второй половине 1930-х годов. Конформизм рассматривается как масштабный и противоречивый стереотип поведения на индивидуальном и групповом уровнях. Установлен корпус источников для выявления показателей и проявлений конформного поведения, его основных причин. Представлен комплекс подходов к междисциплинарному изучению феномена конформизма на нескольких уровнях: от общесоюзного до локального и индивидуального; обозначены возможности анализа дискурса для выделения и реконструкции проявлений конформизма в реалиях эпохи. Сделан вывод о многообразии возможных причин и форм конформизма в советском социуме.

Ключевые слова: конформизм, массовые политические кампании, источниковедение, контент-анализ, дискурс-анализ, интент-анализ.

Во второй половине 1930-х годов партийно-государственное руководство СССР осуществило комплекс массовых политических кампаний, крупнейшими из которых по числу вовлеченных граждан Советского Союза и других стран стали «всенародное изучение и обсуждение» проекта «сталинской» Конституции СССР (июнь — декабрь 1936 г.) и подготовка и проведение первых выборов в Верховный Совет СССР (июль — декабрь 1937 г.). Эти мобилизационные акции должны были стать важнейшим элементом легитимации большевистской власти после утверждения в СССР персоналистской диктатуры И. В. Сталина¹. В связи с этим политическая логика кампаний требовала вовлечения

¹ Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 113–115.

в них как можно большего количества участников, активность которых должна была обеспечить «всенародный характер» проводимых акций и их агентов — от функционеров на местах (рядовых пропагандистов, агитаторов, инструкторов партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций) до Политбюро ЦК ВКП(б), инициировавшего данные мероприятия.

Проблема причин и динамики участия (и неучастия) целевой аудитории, то есть самых разных по социальной и этнической принадлежности групп советских граждан, в мобилизационных политических событиях остро стояла перед партийным государством, стремившимся сделать «всенародные» кампании близкими по масштабу к своему декларируемому статусу². Эти вопросы актуальны и в современной советологии, поскольку позволяют судить как о социальной природе сталинизма (каналах и группах его поддержки, а также оппозиционности), так и о степени легитимности политического режима СССР в 1930-х годах.

Характер восприятия социумом массовых кампаний и отдельных мероприятий в их рамках, а также работы функционеров, как правило, выступает сферой интереса социологии, политологии, социальной психологии, тогда как для историков эта категория операционально освоена слабо. К числу успешных усилий применения термина «восприятие» для обозначения фундаментальной характеристики общественных настроений в раннесоветскую эпоху относятся исследования историка из США О. Великановой, по массовым источникам изучившей политические взгляды и позиции граждан СССР в период «военной тревоги» 1927 г.³ и «всенародного обсуждения» проекта «сталинской» Конституции⁴. Общественным настроениям, отразившимся в прессе и отчетах партийных и советских органов, посвящена монография другого американского автора С. Дэвис⁵, а также книга российского историка и социального философа А. Н. Медушевского, рассматривающего общественную активность в рамках «конституционных циклов» советской истории⁶. Феномен конформизма в контексте форм социально-политического поведения интеллигенции в условиях сталинского режима изучал С. А. Кра-

² Великанова О. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017. С. 13–19, 33.

³ Там же. С. 8–27.

⁴ Velikanova O. Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, 2018. 260 p.

⁵ Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М., 2011. 229 с.

⁶ Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. 656 с.

сильников⁷, а Д. Хоффман исследовал массовую публичную активность в СССР как часть модернизации традиционного российского социума⁸.

Поведение граждан из числа целевой аудитории в рамках официальных мероприятий было различным, однако далеко не все вовлеченные в кампании «трудящиеся» проявляли активность в ходе массовых акций; многие граждане вели себя пассивно и даже скрытно. В социологии, политологии и социальной психологии такое поведение именуется конформизмом или конформным поведением⁹. Политический конформизм в массовых советских кампаниях периода сталинизма в Западной Сибири — объект данного исследования, его предмет — источники и подходы к изучению конформизма как распространенной и специфической формы индивидуального и коллективного «ответа» граждан на политические акции.

Рассматривая проявления политической активности советского населения, исследователи обращают мало внимания на безмолвие огромного множества формальных участников мобилизационных процессов (общих собраний, митингов или электоральных процедур). Соблюдая официозный ритуал, многие граждане тем не менее напрямую не проявляли ни лояльности, ни оппозиционности, что ставит вопрос об их реальном отношении к происходившему и способах его демонстрации или сокрытия (в то время как агенты кампаний прилагали немало усилий к искусственному «вызыванию» индивидуальной политической активности). Попытка решения этой непростой научной задачи дана в фундаментальном труде исследователя позднесоветской эпохи А. В. Юрчака, который ввел термин «внеаходимость» для обозначения сознательного уклонения советских граждан от реального участия в мобилизационных акциях при формальном присутствии на них¹⁰. Рабочая гипотеза данной статьи состоит в допустимости рассмотрения «внеаходимости» как стратегии поведения и черты мировоззрения советских людей, вовлеченных в кампании 1930-х годов. При этом необходимы эвристика комплекса источников для выявления прецедентов и причин конформизма, установление подходов к анализу материалов методами исторической, социологической, психологической и других наук. Поиск таких документов и методологических оснований в территориальных рамках Западно-

⁷ Красильников С. А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 8. С. 81–85.

⁸ Хоффман Д. Возращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. 424 с.

⁹ Кон И. С. Конформизм // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. С. 276–277.

¹⁰ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 57, 103–109.

Сибирского края (с 28 сентября 1937 г. — Новосибирской области и Алтайского края) с его сложной социальной и дисперсной этнической структурой позволяет сформировать социально-психологический образ конформного поведения как варианта восприятия мобилизационных акций.

Конформизм как политическое безмолвие — преобладающая форма поведения граждан в ходе массовых мероприятий второй половины 1930-х годов: при декларируемом «всенародном воодушевлении» партийные, государственные и комсомольские функционеры сетовали на низкую активность и желание большинства участников собраний «отсидеться» и «помолчать» во время обсуждения конституционного проекта и внесения предложений по его корректировке¹¹. Одобрявшийся руководством всех уровней вариант образа действий в мобилизационных событиях — активизм (публичное проявление лояльности, активное участие в акции) массово фиксировался и транслировался в делопроизводственных отчетах и сводках, в публицистических материалах советской общесоюзной и региональной периодики¹². Однако объективная реальность свидетельствовала, что количество выступавших было минимально по отношению к общему числу участников. Целый комплекс источников разных видов позволяет установить подавляющее количество прецедентов безмолвия — то есть проявлений конформизма: факт явки на массовое мероприятие (общее собрание, выборы в Верховный Совет или заседание кружка по изучению очередного советского законопроекта или закона) свидетельствует о нежелании граждан демонстрировать протест (даже в пассивной форме); при этом молчание на фоне ожидаемой и поощряемой активности означает сознательный уход от политического участия; причины чего весьма разнообразны, выяснить их с абсолютной точностью проблематично.

К числу указанных источников в первую очередь относятся делопроизводственные материалы: отчеты функционеров о ходе массовых собраний по внесению предложений в проекты законов, выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР¹³ и формированию избирательных комиссий на местах; сводки в краевые/областные и общесоюзные партийные и государственные институции о выполнении мероприятий кампаний¹⁴; спецсводки управления НКВД¹⁵. В таких

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 2; Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5, 39.

¹² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 1–3.

¹³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 1–10; Д. 3003. Л. 1–14.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 43.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 37.

документах в большинстве случаев зафиксировано количество как присутствовавших, так и выступлений с указанием фамилий и социального статуса активистов (не только лояльных, но и оппозиционных — «контрреволюционных»). Следовательно, можно установить число участников акций, хранивших молчание в социальном пространстве сельских собраний, мероприятий в цехах промышленных предприятий, в учреждениях науки, культуры и структурах управления.

Другая группа источников позволяет исследовать отношение к конформизму и взгляды на его причины со стороны партийно-государственного руководства. Это инструктивные и директивные письма из Москвы, Новосибирска и районных центров, содержащие призыв «вовлечь как можно больше трудящихся» в политические акции¹⁶. Особенно четко соответствующее устремление отразилось в директивах, организовавших внесение предложений к проекту Конституции и кандидатурам будущих депутатов Верховного Совета¹⁷. Партийное государство осуществляло идеолого-пропагандистскую мобилизацию и проводило в ее рамках, используя современную терминологию, масштабное социологическое исследование отношения граждан к сложившейся системе политического устройства, поэтому конформизм рассматривался едва ли не в одной плоскости с «контрреволюционностью».

Советская публицистика (как публикуемая в периодической печати, так и издаваемая в формате многотиражных книг и брошюр) также либо осуждала, либо отрицала конформизм, в официальном нарративе называвшийся «безучастностью», «халатностью», «мещанской праздностью» и иными вербальными конструкциями с негативной тональностью¹⁸. В агитационно-пропагандистском сборнике, содержащем коррективы «трудящихся» Западной Сибири к проекту Конституции, указывалось, что «большинство советских людей внесли свои предложения»¹⁹ (практика массовых мероприятий, отразившаяся в служебных отчетах, показывает, что это не так), а в пособиях агитаторам содержался совет «мобилизовать всех до единого трудящихся на наше общее дело»²⁰.

Причины конформизма, помимо официозных и ничего не говорящих публицистических обвинений в «безучастности» и «праздности»,

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 3–7.

¹⁷ Там же. Л. 36–37.

¹⁸ Собрание партактива Новосибирска // Правда. 1936. 17 июня; Советская Сибирь. 1937. 10 нояб.

¹⁹ Головачев М. Н. Предложения трудящихся Западной Сибири к проекту Сталинской Конституции СССР. Новосибирск, 1936. С. 5.

²⁰ О конституциях буржуазных стран. В помощь пропагандисту и агитатору. Саратов, 1936. С. 4, 6.

нашли определенное отражение в делопроизводственной документации, значительная часть которой была засекречена. Взгляды на природу возникновения конформного поведения разнятся в зависимости от происхождения источников: местные функционеры в своих отчетах винили «контрреволюционные элементы» (сектантов, «религиозников», «кулаков») в том, что они «разуверили трудящихся в правильности наших дел» (то есть курса на преобразования в духе «социалистического строительства») ²¹, а данные ряда проверок из Новосибирска и Москвы, инициированных ВЦИК в конце 1937 г., свидетельствуют о непрофессионализме агитаторов как главном факторе незаинтересованности целевой аудитории ²². Следует признать справедливым тезис историка К. Шлёгеля о неготовности местных функционеров к кампаниям нового типа ²³ — впоследствии высшее руководство СССР использовало эту некомпетентность как один из поводов для «чисток».

Значимый корпус источников, раскрывающих причины конформизма, представляет эмигрантская периодика. Различные политические силы русского зарубежья воспринимали Сибирь как пространство грандиозных социально-экономических преобразований и столь же масштабных репрессий. Сочувствующие политике большевиков корреспонденты считали, что отсутствие интереса населения к «реформам» И. В. Сталина было вызвано архаичностью советского социума ²⁴, а националистические издания, например выпускавшаяся И. Л. Солоневичем газета «Голос России», позиционировали «безучастие» как «способ ухода» свободно мыслящих социальных субъектов (духовенства, верующих) от вредных и бессмысленных политических акций ²⁵.

Источники личного происхождения: письма (в меньшей степени — формализованные «письма во власть»), дневники и мемуары — позволяют зафиксировать персональные взгляды граждан на масштаб и причины конформизма. Однако в условиях Западной Сибири с ее преимущественно малограмотным крестьянским населением такие эго-документы весьма немногочисленны (в большом количестве они не создавались либо не сохранились), выявить данные, связанные с конформизмом, в них непросто. Тем не менее дискурс «внезаходимости», самоустранения фиксируется в источниках личного происхождения: в частности, в авторских и анонимных письмах (которые в конечном счете

²¹ ГА РФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 61; ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

²² ГА РФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 106–111.

²³ Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 446.

²⁴ Младоросское слово. 1937. 1 окт.

²⁵ На БАМе // Голос России. 1936. 2 июля.

не были опубликованы в печати) верующих в редакцию газеты «Советская Сибирь» в связи с ликвидацией церкви в ряде сел и небольших городов Западно-Сибирского края. Адресанты сообщают, что большинство их соседей, а также представители районного исполнительного комитета (РИК) «отмолчались» при обсуждении положений конституционного проекта о свободе совести и «предпочли до поры не говорить о своем мнении» (таким образом, верующие указывали на противоречие «демократической» конституционной реформы и кампании по ликвидации церкви в 1936 г.)²⁶.

Сложное, охватившее множество советских граждан явление конформизма требует применения к исследованию его причин, форм и динамики комплекса междисциплинарных подходов. Каждый из них следует использовать на определенном уровне исторического анализа.

На макроуровне изучения реалий СССР и мирового сообщества 1930-х годов применим системный подход к рассмотрению социально-экономических и социально-политических факторов. Социально-экономические условия СССР 1936–1937 гг. оставались крайне сложными, и, по версии исследователей, существовала угроза повторения голода в масштабах начала десятилетия²⁷. Хронологически кампании проводились в летне-осенний период, наибольшее количество мероприятий приходилось на сентябрь и октябрь 1936 и 1937 гг., то есть на время активных сельскохозяйственных работ. Поскольку преобладающая часть населения Западной Сибири проживала в сельской местности, конформизм большинства формальных участников акций мог быть вызван нехваткой времени, физическим и моральным истощением после тяжелой работы. Политический подход позволяет добавить к этим факторам осторожность граждан в выражении собственных взглядов в условиях репрессий, постоянных сообщений о войнах (текущих и возможных) и общей социальной напряженности. Традиционный народный принцип «молчание — золото» обретал максимальную актуальность.

На мезоуровне изучения советской системы, в сфере взаимодействий институтов партийно-государственной власти и групп населения применим психологический подход, использованный классиком социальной конфликтологии Л. Козером и объясняющий конформизм в методологическом поле мобилизации и конфликтности. Интересы локальных рядовых функционеров — агентов кампаний, призванных мобилизовать «массы» для политического участия, часто ценой создания искусственного конфликта, сталкивались с индивидуальной и груп-

²⁶ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 101, 145–146.

²⁷ Шлегель К. Террор и мечта... С. 227.

повой психологией целевой аудитории. Многие граждане не желали ни предаваться мобилизационному радикализму, ни отвечать на него протестом — молчание или стилистически и идеологически нейтральные действия были формой одновременно как ухода от конфликта, так и способом его разрешения²⁸. Культуролог и философ Й. Хейзинга считал такую поведенческую модель принятием и исполнением правил социальной игры²⁹, в советских реалиях это являлось скорее формальностью. Таким же формальным было и поведение функционеров, которые физически не могли в сжатые сроки мобилизовать все или хотя бы большую часть населения.

Индивидуальный микроуровень личностного мира граждан предполагает культурно-мировоззренческий и психологический подходы. Недостаток образования, общей культуры, неуверенность в себе, незаинтересованность не позволяли многим рабочим и крестьянам, едва обучившимся грамоте, участвовать в обсуждении сложных политических проектов. Вместе с тем мобилизационный тип формировавшейся «сверху» политической культуры, стремительное и во многом принудительное «политпросвещение» были призваны активизировать все или абсолютное большинство населения в рамках кампаний, требовавших внешней солидарности и единомыслия. В ответ не искушенные в сложностях политики, но имевшие значительный опыт выживания и социальной мимикрии в бурных событиях первых десятилетий XX в. граждане предпочитали «отмолчаться», не понимая сути и истинных целей декларируемых преобразований или не веря в их реальность. Усталость от потока политических мероприятий, охватывавших население в течение многих месяцев, приводила к спаду активности, который фиксировался агитаторами и контролировавшими их работу инструкторами³⁰. В то же время уровень образования и культурный опыт обусловили конформизм ряда интеллигентов, осознававших фиктивность и даже провокационность проводившихся мероприятий³¹.

Для исследования конформного поведения как части социальной реальности и мировоззренческого конструкта необходима работа с дискурсом эпохи. Официозный нарратив не содержал термина «конформизм», однако неоднократно подменял его уже упоминавшимися синонимами, поиск которых обеспечивается методом контент-анализа — изучения количества тех или иных смысловых единиц в текстах доку-

²⁸ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 17, 43.

²⁹ Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 23–30.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 33. Л. 1, 4.

³¹ Красильников С. А. Феномен и природа конформизма... С. 82.

ментов. Дискурс-анализ дает возможность изучения содержательного и семиотического наполнения в контексте эпохи текстовых массивов делопроизводства, публицистики, а также визуальных источников (плакаты, карикатуры, фотографии, произведения изобразительного искусства, агитационные и мобилизующие художественные фильмы, в числе которых «Цирк» режиссера Г. Александрова), позволяет выявить и проанализировать образы коллектива, который предстает как активное сообщество. Подразумевающее субъектность слово «граждане» или фраза «советские люди» в периоды массовых кампаний встречались чаще, чем безликое «массы»³². Визуальные материалы более дискуссионны: в стилистике советских плакатов и картин образ коллективного сообщества сочетается с фигурой «вождя» — личности, которая ведет массу за собой, ограничивая ее субъектность³³. Дискурс-анализ открывает возможности введения в научный оборот новых источников (от информационных сводок и публицистики до визуальных образов) и постановки вопросов к их содержанию и репрезентативности: о бытовании символов индивидуального и коллективного в реалиях эпохи, об одобряемых и третируемых формах активности, отношении официального нарратива к «безучастности», «молчанию» и иным синонимичным конформизму формам поведения.

В рамках социально-психологического подхода важен метод интен-анализа текстов — изучение причин и смысла создания нарративов. Так, ряд предложений к проекту Конституции носил подчеркнуто нейтральный характер. Многие колхозники ограничивали свои высказывания идеями о переименовании столицы или пожеланиями «общего благополучия»³⁴, а школьный учитель из Дзержинского района Новосибирска вместо славословий партии и «вождю» пространно рассказал об успехах учеников, не хваля за это Советскую власть, но и не отвергая ее конструктивную роль³⁵. Цель создания такого рода нарратива — обеспечение как выполнения требований власти мобилизоваться, так

³² Подсчитано по материалам газет «Правда», «Советская Сибирь», «Большевистская смена», «Алтайская правда» (июнь 1936 г. — декабрь 1937 г.). В периоды массовых кампаний (лето — зима 1936 г. и лето — зима 1937 г.) в дискурсе коллектива преобладали лексемы «советские граждане/люди». В период между массовыми политическими кампаниями (зима — весна 1937 г.) количество упоминаний слова «масса» и производных от него увеличилось, дискурс «гражданства» приобретал характер редкоупотребительного.

³³ См., напр.: плакат «Да здравствует вождь народов великий Сталин — творец Конституции победившего социализма и подлинного демократизма!». Худ. Н. Денисов. 1936.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 2.

³⁵ *Титов А. П.* Радостный труд // *Давидюк А. М., Галин Б. А., Ушкеренко Я. М.* Советский народ о Сталинской конституции. М., 1936. С. 252–253.

и сохранения собственной, не сервильной, но и не протестной позиции. Такие прецеденты позволяют поставить вопрос о существовании пассивных и активных вариантов конформного поведения, об отделении конформизма от эскапизма, с одной стороны, и лоялизма — с другой.

Итак, несмотря на то, что политический конформизм в общественном сознании, как правило (но не всегда), тождественен безмолвию, сохранился целый корпус источников, на основе которых возможно изучение его количественных показателей, а также форм и мотивов. Междисциплинарные подходы к верификации, анализу и синтезу данных позволяют рассматривать конформизм в ходе мобилизационных кампаний как сложный, комплексный феномен: индивидуальный и коллективный, психологический, культурный, политический и даже хозяйственно-экономический. Методы работы с текстовыми и визуальными образами коллективного действия или бездействия в советскую эпоху дают возможность раскрыть сущность и динамику конформного поведения, установить его хотя бы примерные границы, социальные рамки и общественно-политические последствия. Представленный источниковедческий и методологический анализ подтверждает гипотезу о возможности применения категории «внеаходимость» в исследованиях сталинских мобилизационных процедур в отдаленном, но стратегически важном для Центра регионе страны и создает «инструментарий» изучения феномена конформизма.

Т. К. ХОЛМАТОВ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Эвристические возможности источниковедения историографии в реконструкции интеллектуальной биографии С. Б. Веселовского (1876–1952 гг.)

В статье рассматриваются эвристические возможности источниковедения историографии при реконструкции интеллектуальной биографии российского и советского историка Степана Борисовича Веселовского (1876–1952 гг.). Проиллюстрирована принципиальная зависимость результатов анализа историографического источника от корректного определения его видовой принадлежности, рассмотрены этапы исследовательской работы, дающие возможность комбинировать источниковедение историографии с другими методологическими подходами и методическими процедурами для раскрытия «лаборатории историка». В заключительной части предложено определение интеллектуальной биографии как выявления форм интеллектуальной деятельности в динамике, позволяющее проследить эволюцию научных взглядов ученого.

Ключевые слова: интеллектуальная история, источниковедение историографии, С. Б. Веселовский, интеллектуальная биография, новая биографика, историографический источник, метод.

Финансовая поддержка: исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20–39–90015 «Интеллектуальная биография С. Б. Веселовского (1876–1952 гг.)».

Интеллектуальная история, с конца XX в. постоянно находящаяся в поиске новых исследовательских пространств, и новая биографика существенно обновили стратегии специалистов в изучении историографии. С одной стороны, ученые стали больше концентрироваться на личности биографируемого, его мировоззрении, мотивах, пере-

живаниях, идеалах и других особенностях внутреннего мира, а с другой — его идеях, научных текстах. В этом «движении» многим авторам нередко свойственны крайности, когда в попытке следования одному подходу игнорируются преимущества другого. В историографии эти два направления получили названия «антропологической» и «концептуалистской» парадигм¹. Как отметили С. Б. Крих и О. В. Метель, исследователи, с одной стороны, следуя «антропологической» парадигме, анализируют личность, но могут упустить из внимания специфику профессиональной деятельности, а с другой, опираясь на «концептуалистскую», испытывают трудности в анализе самих идей.

Таким образом, актуальной задачей современной истории исторической науки является формирование метода (как совокупности исследовательских процедур и практик), соединяющего преимущества обеих эвристических стратегий. Решение видится через реконструкцию интеллектуальной биографии ученого. В отличие от традиционной биографии, в которой основное внимание уделяется действиям индивидуума в историческом контексте², интеллектуальная биография предполагает рассмотрение произведений историка как биографических фактов, адекватное видение изучения которых в контексте исторической культуры дает источниковедение историографии.

Хоть термин «источниковедение историографии» был предложен еще в советской исторической науке в 1960-х — 1970-х годах в трудах М. В. Нечкиной³ (1901–1985 гг.) и С. О. Шмидта⁴ (1922–2013 гг.), в качестве последовательного отрефлексированного подхода он стал разрабатываться лишь в последние годы представителями научно-педагогической школы источниковедения, в особенности М. Ф. Румянцевой и С. И. Маловичко. Они рассматривают источниковедение историографии как *«предметное поле актуального исторического знания»* (курсив мой. — Т. Х.), *«востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной*

¹ Крих С. Б., Метель О. В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

² В историографии названия таких биографий складываются по принципу «историк и его время».

³ Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР: сб. ст. М., 1965. С. 6–26.

⁴ Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1965. Т. 22. С. 3–49; Он же. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 119–129.

истории»⁵. Отсюда вытекает как теоретическая, так и методологическая направленность источниковедения историографии. В данном случае теория рассматривается как неотъемлемая предпосылка формирования метода: ввиду того что источниковедение историографии включает в себя ряд последовательных методологических процедур (то есть предлагает исследовательскую схему, схожую с источниковедением)⁶, способствующих достижению базовой цели — изучению историографического источника как феномена интеллектуальной культуры⁷.

В основе изысканий представителей научно-педагогической школы источниковедения лежит разработка классификации историографических источников, что позволяет, исходя из определения типов и видов последних, выделять и воссоздавать форму человеческой деятельности, принятую в интеллектуальной культуре, в которой возник авторский текст⁸. В статье данный принцип взят за основу при реконструкции интеллектуальной биографии одного из крупнейших российских и советских историков — С. Б. Веселовского (1876–1952 гг.).

В историографии нередко встречаются неточности в определении видовой специфики историографических источников, авторство которых принадлежит Степану Борисовичу. Например, А. Л. Корзинин в вводной части диссертации о Государевом дворе в доопричный период неверно счел сборник трудов «Исследования по истории опричнины»⁹ монографией¹⁰. Несмотря на то что в отношении этого научного сочинения Веселовского трудно однозначно утверждать, планировал ли автор соединить разрозненные произведения в единое крупное исследование или все же это несколько самостоятельных очерков и статей, объединенных темой опричнины. Ввиду посмертной публикации (подборка была подготовлена членами комиссии по изданию работ С. Б. Веселовского, а не самим историком) этот сборник по своей

⁵ Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11. Омск, 2017. С. 79.

⁶ Как метод источниковедение историографии рассматривается в одной из глав учебного пособия по источниковедению («Источниковедческий подход к изучению историографических источников», автор раздела С. И. Маловичко). См.: Источниковедение: учеб. пособие. М., 2019. С. 592–609.

⁷ О значении понятия «интеллектуальная культура» см.: Репина Л. П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 5–15.

⁸ Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Источниковедение историографии... С. 77–99.

⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1965. 539 с.

¹⁰ Корзинин А. Л. Государев двор в доопричный период (1550–1565 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. С. 26.

сути представляет совокупность историографических источников, а не отдельный вид таковых.

Несмотря на присутствие в «Исследованиях» некоторых черт монографии¹¹, в них все же отсутствует, пожалуй, главный признак этого вида публикаций — репрезентативность источниковой базы. Необходимость отражения последней обусловлена тем, что монография направлена на максимально глубокое изучение научной темы, в связи с чем историку следует обосновывать причины привлечения тех или иных типов/видов источников для решения поставленной цели и задач. К тому же сборник трудов С. Б. Веселовского не имеет четкой последовательной структуры, которая присуща монографии, он представляет собой совокупность трудов, посвященных разным вопросам и объединенных лишь темой опричнины Ивана Грозного.

В противоположность этому монография чаще всего сконцентрирована на одной проблеме, которую автор стремится последовательно решить на страницах книги. В текущем свете другая работа Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»¹², также опубликованная посмертно, имеет все черты монографии: строгая архитектура текста и, главное, обоснование репрезентативного корпуса источников (в обстоятельном разделе «Характеристика источников»). Стремясь проиллюстрировать складывание служилых землевладельцев как класса и роль, которую они играли в формировании Московского государства, Веселовский проследил их непосредственное участие в социально-политических процессах. В итоге базовая идея монографии была отрефлексирована советским историком, чего, как правило, не наблюдается в сборниках трудов. Для сравнения: в «Исследованиях по истории опричнины» просматривается осмысленная идея (заложенная автором) в отношении каждой отдельно взятой работы, а не их совокупности.

Следующий шаг подводит нас к анализу происхождения и содержания, историографической деконструкции (изучение риторических/дискурсивных, теоретико-методологических «смыслов» источника). Источниковедческий подход важен тем, что хоть он и сконцентрирован в большей степени на работе с историографическими источниками, но все же не исключает привлечение материалов других видов. В этом

¹¹ Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия — историк (к юбилею Л. П. Репиной). М., 2017. С. 337–354.

¹² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582 с.

ракурсе исследование происхождения предполагает изучение личности автора, социально-политических условий и обстоятельств создания историографического источника. Соответствующие методические процедуры крайне трудно выполнить без документов личного происхождения и эго-документов (причем не только самого историка), которые позволяют раскрыть круг научного общения/взаимодействия ученого, детальнее воссоздать интеллектуальный контекст эпохи, на которую приходится его «труды и дни», проанализировать его личные качества, которые хоть и не равноценны профессиональным навыкам, но тесно связаны с ними¹³. Таким образом, открывается возможность синтезировать источниковедение историографии с новой биографикой, которая пристальное внимание уделяет, во-первых, социокультурному контексту, а во-вторых, привлекает широкий круг источников для реконструкции биографии. В нашем случае это позволяет проанализировать личные мотивы вхождения Веселовского в науку, факторы выбора направления исследований в самом начале пути как историка, причины, побудившие сменить вектор изысканий после 1917 г., и т. д.

Вышеприведенные процедуры направлены на изучение отдельно взятого историографического источника, а для реконструкции интеллектуальной биографии требуется выявить связь между трудами ученого. Наиболее рациональный выход из данной ситуации видится в следующем. Ранее уже упоминалось, что тот или иной вид историографических источников отражает форму интеллектуальной деятельности историка, а выявление этих форм в динамике и есть его интеллектуальная биография. Эта мысль может быть пояснена на примере дореволюционного научного творчества Веселовского. Его крупнейшее двухтомное исследование о сошном письме было опубликовано в 1915–1916 гг.¹⁴, однако анализ фундаментального труда без учета предыдущих изысканий позволяет рассматривать работу в качестве отдельного интеллектуального продукта. Например, книга «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича»¹⁵ может считаться не просто промежуточным результатом многолетних изысканий (о чем, к слову, Веселовский сам написал в предисловии), а попыткой разобраться прежде всего в истории кос-

¹³ Herman P. What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires // *History and Theory*. 2014. № 53. P. 348–371.

¹⁴ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915. 442 с.; Т. 2. М., 1916. 716 с.

¹⁵ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. 233 с.

венных налогов Московского государства XVII в. до перехода к сошному письму, установить связь между ними. Таким образом, поиск общих линий между более ранними работами Веселовского и двухтомным исследованием, помимо всего прочего, позволяет представить целостную картину дореволюционного научного творчества автора, а не только отдельные сюжеты.

В предложенном подходе отражена идея необходимости концентрации на эволюции взглядов биографируемого, изменении его мировосприятия, с учетом того, что интеллектуальная биография направлена прежде всего на изучение самого процесса создания интеллектуального продукта. Динамичный характер интеллектуальной биографии позволяет также избежать анализа идеи без контекста, о котором в том числе писал К. Скиннер в 1969 г. в журнале *History and Theory*: «Написание интеллектуальной биографии (как и носящих более обзорный характер очерков интеллектуальной истории, которые построены по той же модели) чревато той очевидной опасностью, что буквальное значение основополагающих терминов изменчиво с течением времени, поэтому автор мог вкладывать в свои слова совсем другой смысл и оттенок, нежели тот, что воспримет читатель»¹⁶.

Безусловно, связь между трудами ученого прослеживается далеко не всегда. Однако сам по себе потенциальный разрыв с предыдущими изысканиями либо появление нового исследовательского интереса, так или иначе, поднимают вопрос о причинах подобных трансформаций. Так, после 1917 г. сменился вектор научных изысканий Веселовского как тематически, так и хронологически. По словам Л. В. Черепнина, Степан Борисович «переходил от истории тягла и фискальной политики правительства к истории землевладения, вотчинного режима, крестьянского закрепощения, а хронологически он от XVII в. все более спускался в глубь веков, в XVI, XV, XIV столетия»¹⁷. Такой ретроспективный взгляд, вероятно, был обусловлен идеологическими соображениями. Веселовский мог предполагать, что проблематика налогообложения вызовет негативное отношение со стороны новой власти, например, из-за преемственности идей историков, имевших либеральные политические взгляды, в частности А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова. Также двухтомник о сошном письме мог рассматриваться как логиче-

¹⁶ Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 88.

¹⁷ Черепнин Л. В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 24.

ский итог многолетних исследований, поэтому ученый и решил обратиться к новому направлению.

Как отмечено выше, источниковедение историографии позволяет проследить два, пожалуй, ключевых вопроса относительно историографического источника: *что* и *как* создано. Концентрируясь лишь на них, мы упускаем из вида аспекты, связанные с восприятием трудов ученых в научной и/или общественной сферах. Учет этих обстоятельств открывает возможность понять механизмы функционирования историографического источника в исторической культуре¹⁸. На взгляд автора, посмертную публикацию трудов историка целесообразно рассматривать как часть его интеллектуальной биографии. Особенно это относится к творческому наследию Веселовского, значительная часть которого была опубликована после кончины автора.

В итоге источниковедение историографии дает возможность максимально широко раскрыть «лабораторию историка» не только благодаря существенному методологическому и методическому арсеналу, но и ввиду своей вариативности, возможности эффективного сочетания с другими подходами и методами. Помимо уже упоминавшейся новой биографики, к таковым можно отнести и *сетевой анализ*, который предполагает изучение взаимодействий ученого со своими наставниками, современниками, последователями, ведь «лаборатория историка» не формируется одним исследователем (исключением в данном случае не является и Веселовский): на его идеи, теоретико-методологические взгляды, способ выстраивания текста, стиль дискурса так или иначе влияют коллеги из других областей знания. Тем не менее источниковедение историографии важно прежде всего тем, что выявление форм деятельности, принятых в интеллектуальной культуре времени, в динамике, по сути, и есть интеллектуальная биография, которая, в свою очередь, подразумевает анализ трансформаций личности. Такой подход позволяет доказательно изучить эволюционную динамику научных взглядов/интересов ученого.

¹⁸ Под «исторической культурой» подразумевается явление «интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включающем и теоретическое, и идеологическое, и быденное сознание». См.: *Репина Л. П.* Введение. Историческая культура как предмет исследования // *История и память: историческая культура Европы начала Нового времени.* М., 2006. С. 9.

**ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ
В МИРОВОЙ
ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

И. А. Дороненко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Преторианская гвардия на полях сражений II в. н. э.

Статья посвящена участию императорских подразделений в войнах II в. н. э. С конца I в. н. э. телохранители императора стали играть все большую роль во внешних войнах, которые вела Римская империя. В походах Домициана 80-х годов I в. н. э. принимала участие преторианская гвардия. С приходом к власти Антонинов произошли изменения и в элитных частях римской армии, что было связано с созданием корпуса *equites singulares Augusti*. Две Дакийские войны и Парфянская кампания, которые вела Римская империя в правление Траяна, отличились задействованием императорских подразделений. Его преемники также использовали своих телохранителей как полноценную боевую единицу. Целью нашего исследования является анализ опыта использования преторианской гвардии и *equites singulares Augusti* в войнах, которые вела Римская империя в II в. н. э.

Ключевые слова: Римская империя, преторианская гвардия, когорты, Антонины, Дакийские войны, Маркоманская война, Траян, Марк Аврелий.

В II в. Римская империя вела множество войн — как оборонительных, так и завоевательных. При Траяне границы империи достигли своего максимума, а его преемники были вынуждены отражать натиск германских племен, их союзников, а также парфянскую угрозу. Однако не только легионы и ауксилы были призваны реагировать на внешнеполитические вызовы, которые Рим получал от своих основных соперников. В II в. все активнее на полях сражений участвовала преторианская гвардия и другие подразделения, охранявшие принцепса. Причина в том, что императоры стали в большей степени лично руководить военными кампаниями. Другим объяснением является размывание особого статуса преторианской гвардии как исключительно столичного корпуса. Впрочем, такая тенденция наблюдалась и ранее. Ограниченные контингенты принимали участие в войнах, которые вели Юлии-Клавдии. А при последнем императоре из династии Флавиев, Домициане, гвардейские когорты приняли участие в походе против хаттов

в 83 г. и в Дакийской войне 86–89 гг. Целью нашего исследования является анализ опыта использования подразделений, выполнявших функции охраны императора и исполнения особых поручений, — преторианской гвардии и *equites singulares Augusti* — в войнах, которые вела Римская империя в II в. н. э.

Историография вопроса участия преторианской гвардии в войнах времен Антонинов не столь обширна. Специфика данной темы состоит в том, что античная историография почти не предоставляет сведений по участию гвардии в войнах. Следовательно, основными нашими источниками по задействованию подразделений римской армии в этих кампаниях являются изобразительные источники, на которых и сфокусировано внимание историков. Мы можем выделить исследования Дж. Коулстона, М. Чарльза и М. Бекманна, в которых содержится анализ Колонн Траяна и Марка Аврелия, а также Великого фриза. Краткий обзор военной роли гвардии был дан в монографиях А. Пассерини и С. Бингхэм. Но специального исследования о роли преторианцев во внешних войнах нет¹. Мы же постараемся использовать рельефы как источник не только по истории экипировки и организации подразделений, как это делали наши предшественники. Для нас важно учитывать военно-политический контекст, в котором существовали преторианцы и всадники Августа. Поэтому имеющиеся изображения мы намерены анализировать как многогранный источник не только по материальной культуре, чему преимущественно были посвящены исследования названных авторов, но и по репрезентации военного аспекта императорской власти, использования данных частей в войнах. Также мы будем использовать сочинения римских авторов как для дополнения и уточнения имеющихся данных, так и для восстановления тех эпизодов военной истории, которые не нашли своего отражения в дошедших до нас изображениях.

Письменные источники (прежде всего «Римская история» Диона Кассия и «Истории Августов») предоставляют крайне фрагментарные сведения об участии гвардии в войнах, которые вел Рим. Эпиграфика практически не дает свидетельств о преторианцах на границах империи.

¹ См.: *Richmond I. A. Trajan's Army on Trajan's Column // Papers of the British School at Rome. 1935. Vol. 13. P. 1–40; Passerini A. Le coorti pretorie. Roma, 1939. 362 p.; Coulston J. C. N. Trajan's Column: The Sculpting and Relief content of a Roman propaganda monument: Ph.D. thesis. Newcastle University, 1988. 395 p.; Charles M. Further thoughts on the Flavio-Trajanic miles: Unarmoured guardsmen on the column? // Latomus. 2005. Vol. 64 (4). P. 959–968; Beckmann M. The column of Marcus Aurelius: The genesis and meaning of a Roman imperial monument. Chapel Hill: UNC Press Books, 2011. 248 p.; Bingham S. The Praetorian Guard: a history of Rome's elite special forces. London: I. B. Tauris, 2013. 240 p.*

В II в. изображения гвардии практически не присутствуют на монетах. Прежде всего мы рассмотрим Колонны Траяна и Марка Аврелия, а также Великий Траянов фриз.

Правление второго императора из династии Антонинов, Марка Ульпия Нервы Траяна, ознаменовалось для Рима двумя Дакийскими войнами и завоевательным походом на Восток. В первый поход против даков Траян отправился 25 марта 101 г. (CIL VI 2074=32371). К сожалению, нарративные источники не оставили подробного описания этих военных кампаний, однако в нашем распоряжении есть изображения с Колонны Траяна и Трофея. Мы точно знаем, что преторианская гвардия участвовала в Дакийских войнах, так как император лично командовал войсками. Наверняка префект претория Тиберий Юлий Аквилин Кастриций Сатурнин Клавдий Ливиниан (CIL VI 1604) присутствовал в Дакии не только в начале войны (Dio. LXVIII. 9, 1–3). Вероятно, его мы можем увидеть на Колонне Траяна². Но никаких других свидетельств участия гвардии в дошедших до нас нарративных источниках нет. Впрочем, аналогичная ситуация и с войнами, которые вел Домициан в конце I в. н. э.

Поэтому следует обратиться к Колонне Траяна и Великому фризу, на которых были изображены сюжеты, раскрывающие ход двух Дакийских войн. На рельефах были запечатлены передвижения римских войск, сражения с даками и их союзниками, инженерные работы и церемонии. Несомненно, оба памятника свидетельствуют о том, что преторианцы выступили из Рима вместе с Траяном. В то же время Дж. Коулстон выражает сомнение, что всегда можно однозначно дифференцировать преторианцев и легионеров на Колонне Траяна³. Мы склонны согласиться с этой точкой зрения, приняв во внимание несколько признаков, которые могут позволить с высокой вероятностью идентифицировать воинов на Колонне как гвардейцев.

Во-первых, следует обратить внимание на преторианские знамена, которых на Колонне изображено больше, чем когорт принимало участие в двух войнах⁴. Воспроизведены они с высокой точностью, так как скульпторы в Риме брали за образец сигнумы и аквилы, использовавшиеся в когортах. Во-вторых, следует обратить внимание на отличительные особенности экипировки преторианцев, которые являются точными атрибутами: львиные шкуры у сигниферов, овальные скутумы и изображения полумесяцев на некоторых щитах. Также на Колонне

² *Richmond I. A. Trajan's Army on Trajan's Column... P. 10.*

³ *Coulston J. C. N. Trajan's Column... P. 41–42.*

⁴ *Richmond I. A. Trajan's Army on Trajan's Column... P. 38.*

Траяна можно встретить изображения *equites singulares Augusti*, сопровождающих императора. Идентифицировать их можно по отсутствию доспехов и близкому размещению к императору на фризах. Характерно, что на Колонне преторианцы неотличимы от основной солдатской массы, кроме знаменосцев, при этом в нескольких сценах мы все же можем идентифицировать колонну гвардейцев. Тогда как всадники Августа наверняка сознательно выделены. Траян подчеркивал тот факт, что преторианская гвардия является пусть и элитной, но частью римской армии, которой отведено свое место в императорском замысле. А постоянное сопровождение императора возложено на кавалеристов-провинциалов.

Однако тезис о переформатировании роли когорт несколько не опровергается Великим фризом, на котором Траян особенно чествовал гвардию⁵. На нем изображены из римских солдат исключительно преторианцы: обычные пехотинцы, сигниферы, буцинаторы (но последние не отличаются от изображений на Колонне). Экипировка не усреднена, как это было сделано на предыдущем источнике. Императора же сопровождают не всадники Августа, а кавалеристы с гексагональными щитами, которые были в составе преторианских когорт⁶. Таким образом, Дакия была завоевана при участии преторианцев. Тем не менее их количество мы вычислить не можем, так как сигнумы когорт изображены без привязки к конкретным когортам.

О преторианцах во время Парфянского похода Траяна известно гораздо меньше. Письменные источники нам сообщают о том, что во время осады Хатры принцепс оставил в лагере всадников Августа, чтобы не быть узанным защитниками крепости (Dio. LXVIII. 31, 3). Адриан, который в августе 117 г. был в Антиохии, наверняка сопровождался преторианцами (Ibid. LXIX. 2, 1). И вместе с умирающим Траяном в Селине Киликийской были префекты претория Аттиан и Симилис (Ibid. LXVIII. 33, 3). Но есть и изобразительный источник, который подтверждает участие гвардии в Парфянском походе. Существуют изображения гвардейцев с рельефа, который датируется правлением Траяна. К сожалению, нам не удалось найти более подробную информацию об этом фризе. Но в нашем распоряжении были прорисовки, на которых видны несколько воинов в лорике хамате, длинной тунике. Как минимум один шлем можно идентифицировать как аттический⁷. Также на этом фризе

⁵ Coulston J. C. N. Trajan's Column... P. 356.

⁶ Cowan R. Roman guardsman 62 BC — AD324. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2014. P. 38.

⁷ D'Amato R., Sumner G. Arms and armour of the Imperial Roman Soldier. From Marius to Commodus, 112 BC — AD192. London: Frontline Books, 2009. P. 110.

изображен всадник Августа, почти идентичный кавалеристам, которых мы видели на Колонне Траяна.

Про участие гвардейцев в немногочисленных походах Адриана на Дунае и в Британии никакой информации нет. Но, исходя из функции гвардии сопровождать императора, можно утверждать о присутствии преторианцев на театрах военных действий. Спокойное правление Антонина Пия вновь вернуло гвардейцев и всадников Августа в казармы. Ситуация кардинально изменилась при его наследниках — Луции Вере и Марке Аврелии. Уже в 162 г. Луций Вер вместе с префектом претория Фурием Викторином и частью преторианской гвардии отправился на Восток, чтобы отразить нападение парфян под предводительством царя Вологеза (Dio. LXXI. 2, 2). Тем не менее начальнику преторианцев командные полномочия, как это было в 86 г. во время Дакийской войны при Домициане, не были даны⁸. Возвращавшиеся в Рим гвардейцы принесли с собой в Италию чуму.

Вскоре началась новая война — только теперь уже с германскими племенами и их союзниками. Летом 166 г. войско под предводительством префекта претория Фурия Викторина было отправлено против маркоманов. Его коллегой в то время был Флавий Констант, судьба которого прослеживается лишь по нескольким спорным надписям⁹. Военные действия велись уже на территории Италии, так как германцы прорвали римскую оборонительную линию. Битва с германцами состоялась. Но преторианцы потерпели поражение, а префект претория погиб (SHA Marc. XIV. 5). Префектура стала вакантной. На эту должность к 169 г. были назначены Макриний Виндекс и Марк Бассей Руф. Осенью 168 г. Марк Аврелий вместе с Луцием Вером отправился на театр военных действий; наверняка с ним прибыли дополнительные преторианские когорты. Преторианцы под предводительством уже одного императора (Луций Вер скончался в начале 169 г.) и префектов к 174–175 гг. разгромили маркоманов и языгов.

Германский и сарматский триумфы принцепса были запечатлены точно так же, как и при Траяне. Колонна Марка Аврелия, вероятно всего, была возведена в 176 г. — еще при жизни императора¹⁰. Может ли она дополнить наше знание об участии преторианцев в Маркоманской войне? Для начала необходимо обратиться к проблеме изображения всех солдат на Колонне. Традиционно выделялось разделение солдат по типу доспеха: преторианцы в чешуйчатых доспехах, легио-

⁸ Bingham S. The Praetorian Guard... P. 41.

⁹ Passerini A. Le coorti pretorie... P. 302.

¹⁰ Beckmann M. The column of Marcus Aurelius... P. 22, 36.

неры в сегментированных, а ауксиларии в кольчуге¹¹. Впрочем, не все исследователи согласны ограничиться лишь этим признаком¹². Нет никаких свидетельств, что экипировка преторианцев (кроме щитов и в некоторых случаях шлемов) отличалась от экипировки остальных солдат. Однако этот памятник является даже менее точным источником, чем Колонна Траяна, что затрудняет идентификацию преторианцев на ней¹³. Рельефы очень сильно повреждены, что осложняет восстановление контекста нахождения солдат на некоторых сценах. В свою очередь, любые попытки идентифицировать воинов на рельефах как преторианцев будут вызывать вопросов не меньше, а то и больше, чем подобная операция с Колонной Траяна. Однако все же можно попытаться применить уже испробованный нами на Колонне Траяна и Великом фризе метод.

На рельефах логика создания сцен не претерпела серьезных изменений. Мы видим те же основные формы участия воинов на Колонне: марш войск, сражение, *adlocutio* (церемония воззвания императора к войскам), взятие крепостей. На ряде рельефов солдаты изображены рядом с Марком, но это не свидетельство однозначной принадлежности к гвардейцам. Что же нам сообщают изображения экипировки? Все скутумы (кроме сцены, на которой воины построились в *testudo* — «черепашу») на Колонне изображены овальными. Изображения на них также не являются признаком принадлежности к гвардии. Тип доспеха является более надежным признаком того, что облаченный в него воин является преторианцем¹⁴. Однако мы видим воинов с аттическими шлемами, которые уж точно не носили легионеры и ауксиларии, но облачены они в лорики сегментаты¹⁵. Очевидно, что это преторианцы, так как изобразительные источники не фиксируют ношение аттического шлема солдатами провинциальных войск. Изображены также воины в кольчугах и с овальными щитами, но на головах у них шлемы с плюмажами, с которыми ауксилариев на монументальных сооружениях не изображали¹⁶. Есть вероятность, что это легионеры. В то же время и они не были облачены в кольчуги на рельефах. Может быть, что это преторианцы-кавалеристы, так как всадники очень часто изображались именно с этим типом доспехов.

¹¹ Beckmann M. The column of Marcus Aurelius... P. 152.

¹² D'Amato R., Sumner G. Arms and armour of the Imperial Roman Soldier... P. 106.

¹³ Beckmann M. The column of Marcus Aurelius... P. 155.

¹⁴ Petersen E. Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. München, 1896. Taf. 26 B.

¹⁵ Ibid. Taf. 5 A–B; 9 A–B.

¹⁶ Ibid. Taf. 22 A–B; 38 A.

Относительно точно мы можем апеллировать к фигурам знаменосцев и корнищенов. Некоторые музыканты и сигниферы поверх доспехов носят львиные шкуры, которые могли быть и у легионных аквилиферов, однако орлы в руках у этих воинов замечены не были¹⁷. Достаточно спорной является интерпретация воина в лорике мускулате как преторианского офицера. На Колонне Траяна предположительное изображение префекта претория не отличается от других высокопоставленных офицеров. На одном из рельефов можно также встретить достаточно странную фигуру воина в лорике хамате, с аттическим шлемом, копьем, но с круглым щитом, совершенно не характерным для римского оборонительного комплекса. Изображен он один вне сцены марша, процессии или же сражения. Можно было бы допустить, что это германец, но он изображен в спокойной позе у римского лагеря, будто бы исполняет обязанности караульного. Мы можем лишь предположить, что этот воин является преторианцем. Возвращаясь к вопросу о кавалеристах, отметим, что на рельефах встречаются всадники с гексагональными щитами и в лориках скваматах¹⁸. Вспоминая изображения с Великого фриза, можем прийти к выводу, что это тоже конные преторианцы. *Equites singulares Augusti* также отмечены на Колонне¹⁹. Как и на памятнике времен Траяна, они изображены без доспехов, скачущими рядом с императором. Однако есть как минимум одна сцена, где мы видим *equites singulares* в стандартном кавалерийском облачении²⁰.

После смерти Марка Аврелия в Виндобонне в 180 г. его сын Коммод принял бразды правления. Вскоре после заключения мира с германцами он вернулся в Рим, где получил титулы Германского и Сарматского (Dio. LXXIII. 2, 2). С ним же театр военных действий покинули и преторианцы, столь долго сражавшиеся бок о бок с легионерами и ауксилариями. Правление Коммода не было отмечено военными походами, которые бы возглавлял император. Преторианцы, насколько мы можем судить, находились в это время преимущественно в Риме. Новая история гвардии началась в 193 г., когда «старые» когорты были распущены Септимием Севером, после чего преторианцы еще неоднократно проявили себя во внешних войнах вплоть до 312 г., когда корпус был окончательно расформирован.

¹⁷ Petersen E. Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. München, 1896. Taf. 11 A–B.

¹⁸ Ibid. Taf. 48 A.

¹⁹ Ibid. Taf. 40 B.

²⁰ См.: Cowan R. Roman guardsman... Однако тип доспеха у всадников на переднем плане не виден.

Постараемся подытожить наши наблюдения о роли преторианцев и *equites singulares Augusti* на полях сражений II в. Относительно спокойный для Рима век Антонинов, из которого исключается Коммод, отметился постоянными вторжениями «варваров». Но предварялись они активным расширением границ, которое проводил Траян. При нем империя достигла своих максимальных территориальных размеров. Эти процессы привели к трансформации роли гвардии. Конечно, еще Домициан стал активно задействовать преторианцев во внешних войнах. Хотя это были лишь эпизоды, а количество гвардейцев на театрах военных действий было ограниченным. Теперь же преторианская гвардия постоянно воевала за пределами Рима. Безусловно, тактика использования когорт отличалась от легионов и ауксилиев. Преторианская гвардия была скорее мобильным подразделением, которое хотя преимущественно и сражалось бок о бок с императором, но в большей степени стало действовать автономно. Префекты претория становились основными командирами на театре военных действий, как это было в 86 г. в случае с Корнелием Фуском. Отметим, что в правление Марка Аврелия силы империи были крайне напряжены. Этим и обусловлено столь частое, в сравнении с Траяном, использование преторианской гвардии — готового военного подразделения. Имеющиеся источники не позволяют нам сделать вывод о количестве задействованных преторианцев. Можем лишь предположить, что в войнах с германцами их было задействовано больше, так как битвы велись в том числе на территории Италии.

Письменная традиция сообщает нам лишь о деятельности префектов претория. Изобразительные источники демонстрируют нам участие рядовых преторианцев, но в то же время вызывают множество вопросов к тому, что мы на них можем увидеть. Различие в отображаемой преторианской экипировке на Колоннах является свидетельством не эволюции в оборонительном комплексе, а изменением в изобразительной традиции. Аргументом в пользу этой точки зрения является Великий Траянов фриз, на котором видим лорику сквамату, аттический шлем и гексагональный щит. Однако необходимо учитывать стилизацию, упрощения и ошибки скульпторов. Тем более что Колонна Аврелия менее точна в отображении реалий римского вооружения. Тем не менее можно выделить общую тенденцию — преторианская гвардия практически сливалась с легионами. Теперь статус особых телохранителей скорее принадлежал *equites singulares Augusti*, чем преторианцам. Таким образом, преторианская гвардия стала полноценным участником внешних войн в II в., но статус особого корпуса был несколько нивелирован.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. VI. Parts I. URL: <https://arachne.dainst.org/entity/2244313> (дата обращения: 05.05.2020).
- Dio. – Луций Клавдий Кассий Дион Кокцеан. Римская история. Рус. пер.: Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с. (Fontes scripti antiqui).
- SHA – Scriptores Historiae Augustae. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/sha/index.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

Г. В. Усков

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Роль *praefecti gentis* в системе взаимоотношений римлян и североафриканских племен (II в. н. э.)

В эпоху принципата в римских провинциях Северной Африки существовала практика назначения *praefecti gentis*. Эти префекты отвечали за контроль над племенами, жившими по соседству с определенными городами. Функции префектов и их происхождение являются предметом дискуссий. В частности, согласно одной из точек зрения, *praefecti gentis* были только римлянами по происхождению и их следует рассматривать как императорских чиновников. Согласно другой позиции, префектами первоначально являлись римские военные, но, по мере романизации племени, они могли назначаться из числа уроженцев Африки. Проанализировав данные эпиграфики, автор поддерживает и аргументирует вторую точку зрения и полагает, что назначение префектов-африканцев было эффективным средством выстраивания отношений между римскими властями и племенами.

Ключевые слова: Римская империя, провинции, Северная Африка, берберы, управление, межкультурный диалог.

Финансовая поддержка: статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19–39–90030 «Межкультурный диалог в эпоху Античности (на примере североафриканских провинций Римской империи II в. н. э.)». The reported study was funded by RFBR, project number 19–39–90030.

Римская империя в период принципата управлялась не только военным принуждением и указами императоров. Более того, отсутствие большого числа чиновников, как и довольно умеренная численность вооруженных сил, приводили к тому, что власти вынуждены были искать другие пути для управления огромным государством, объединявшим множество народов, находившихся на разных уровнях развития. Конечно, II в. н. э. являлся временем развития

императорской бюрократии¹. Именно в период правления Антонинов римское общество (в первую очередь его высшие слои) приняло монархическую власть принцепсов, практически исчезла сенатская оппозиция, опиравшаяся на политические идеалы времен республики. Роль местного самоуправления постепенно снижалась и в провинциях, а власть все больше концентрировалась в руках императорских наместников. На наш взгляд, именно правление Антонинов можно рассматривать как начало долгого переходного периода трансформации Римской империи от системы, выстроенной Августом, к системе, выстроенной Диоклетианом и Константином. При этом усиление монархических начал проходило во взаимосвязи с процессом активного экономического и политического развития провинций. Если еще в I в. н. э. в политической элите империи доминировала италийская знать, то уже к концу правления Антонинов провинциальная знать на равных боролась за высшую власть. Нельзя не принимать во внимание и физическую невозможность для римских властей регулировать каждый аспект жизни провинций. Тем более что некоторые из провинций были населены кочевниками, контролировать которых было сложнее, чем оседлое население. Одним из регионов с большим количеством кочевого или полукочевого населения являлась Северная Африка.

Как известно, к 42 г. н. э. был установлен римский контроль над территорией Мавретании; ранее римские территории в Африке включали в себя Нумидию, Проконсульскую Африку (включая Триполитанию), Киренаику и Египет. Под римской Северной Африкой понимаются территории, на которых в период принципата Антонинов располагались провинции Проконсульская Африка, Мавретания Цезарейская и Мавретания Тингитанская. Помимо городов со статусом римских колоний или муниципиев, выполнявших функцию административных, военных, экономических и культурных центров, в регионе проживало большое количество населения берберского происхождения. Это население могло вести оседлый образ жизни и даже проживать в городах, но часто речь шла о племенах или союзах племен, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни. Вряд ли можно составить полный список племен, проживавших в североафриканских провинциях к началу II в. н. э. Плиний Старший писал о 516 народах и племенах только в Проконсульской Африке (Plin. Nat. hist. V. 4.29). В эпитафических памятниках II в. н. э. упоминаются племена и племенные конфедерации, известные в I в. н. э.,

¹ *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей: в 2 т. Харьков, 2016. Т. 2: Государственное устройство Римской империи в эпоху принципата. С. 31.

например племенной союз мусуламиев, участвовавший в восстании Такфарината (CIL VIII. 00270 = CIL VIII. 11451 = CIL VIII. 23246 = AE1907. 00017). Отмечается также существование довольно крупных племенных союзов суббурбуров, нибгениев, мазиков, бакватов и макенитов (CIL VIII. 22787; AE1942/43. 00068; CIL VIII. 21826). Организация управления этим населением виделась императорам одной из главнейших задач при выстраивании системы контроля над североафриканскими провинциями². В связи с этим особый интерес вызывают методы, при помощи которых римская администрация выстраивала отношения с местным населением. Одним из таких методов являлось назначение префектов племени (*praefecti gentis*).

В исследовательской литературе существует несколько дискуссионных вопросов относительно этих префектов:

- 1) Статус префектов и их функции. Были ли префекты военными или гражданскими людьми? Каковы были полномочия префектов?
- 2) Вопрос о происхождении *praefecti gentis*. Являлись ли они римлянами, происходили из романизованной городской знати или могли быть выходцами непосредственно из племени, управлять которым назначались?
- 3) Существует ли какая-либо закономерность в практике назначения таких лиц для контроля тех или иных племен?

Т. Моммзен отмечал, что племена берберов могли в некоторых случаях подчиняться префектам из числа римских военных либо своим собственным вождям, которые получали титул *princeps gentis*³. Р. Канья акцентировал внимание на военных функциях префектов. По его мнению, префекты назначались для сбора вспомогательных войск из вверенных племен и командования этими войсками в случае военной угрозы провинциям⁴. Ш.-А. Жюльен полагал, что префектами и принцепсами племен являлись берберские вожди⁵. Ф. Лево считал, что первоначально *praefecti gentis* были военными, но по мере романизации племени и его замирения префект заменялся на *princeps gentis* из числа племенной аристократии. Французский антиковед допускал, что некоторые из префектов могли быть членами племени, террито-

² Whittaker C. R. Tribal territories // The Cambridge Ancient History. Cambridge, 2008. Vol. XI. P. 526.

³ Моммзен Т. История Рима. М., 1995. Т. V: Провинции от Цезаря до Константина. С. 474.

⁴ Cagnat R. L'armee romain d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. Paris, 1909. P. 263–267.

⁵ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. С древнейшего времени до арабского завоевания. М., 1961. С. 192.

рию которых они контролировали⁶. С этой точкой зрения не согласился немецкий исследователь А. Вайсс, который рассматривал префектов как членов римской администрации. По мнению Вайсса, если префекты и не были римлянами по происхождению, то точно не являлись выходцами из племен берберов. Впрочем, специалист не отрицал возможности назначения префектами представителей городской романизированной знати⁷. Близких к позиции Лево взглядов придерживался Ч. Р. Уиттекер, который не исключал для членов племени возможности стать *praefecti gentis*⁸. В пользу того, что префекты могли быть африканцами по происхождению, высказывался и К. Бембай⁹. Следует упомянуть также весьма обстоятельную диссертацию итальянского специалиста С. Бакколини. В ней был собран и проанализирован весь имеющийся в распоряжении эпиграфический материал по Африке и другим провинциям. На его основании Бакколини пришел к выводу, что префекты I–II вв. н. э. являлись или римскими военными, или хорошо знакомыми с обстановкой романизированными жителями городов. Сама практика назначения на должность префекта члена племени имела место, но она была характерна для более поздних времен¹⁰.

Термин «префект» употреблялся римлянами задолго до установления принципата. Префектами называли назначенного администратора или военного командира, отвечающего за определенную сферу деятельности. Еще во времена царей была создана должность «страж города» (*custos urbis*) (Lydus. *De magistr.* I. 34, 38). Во времена республики последний покинувший Рим магистрат с империей назначал префекта города¹¹. В эпоху принципата префект города назначался императором (Suet. *Aug.* 37). Существовали префект анноны, префект лагеря, префект претория, префект флота, префект союзников (здесь видим сходство с префектами племени) и другие. Грекоязычные авторы называли пре-

⁶ *Leveau P.* L'aile II des Thraces, la tribu des Mazices et les praefecti gentis en Afrique du Nord // *Antiquités africaines.* 1973. № 7. P. 181; *Ibid.* P. 186.

⁷ *Weiss A.* Das Amt des praefectus gentis in den kaiserzeitlichen nordafrikanischen Provinzen // *Antiquités africaines.* 2006. № 42. S. 111; *Ibid.* S. 114.

⁸ *Whittaker C. R.* Ethnic discourses on the frontiers of Roman Africa // *Ethnic constructs in Antiquity. The role of power and tradition.* Amsterdam, 2009. P. 197.

⁹ *Бембай К.* Римская политика в Африке в I–III вв. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2017. С. 139–142.

¹⁰ *Baccolini S.* Le forme istituzionali (praefectus gentis, princeps gentis, praefectus nationis) nell' ambito del controllo politico militare delle popolazioni indigene non romanizzate. Parma, 2007. P. 217–260.

¹¹ *Деметтьева В. В.* Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004. С. 116.

фектов термином «эпарх» (οὐκέτι οὐδὲ ἐν τοῖς ἐξελεθέροις, ὥσπερ οὐδὲ ἐν τοῖς ἐπάρχοις. Cass. Dio. LXVII. 14. 4)¹². К сожалению, в нарративной традиции отсутствуют упоминания о *praefecti gentis* в Африке II в. н. э. Основным источником информации для нас будут являться эпиграфические памятники. В них есть сведения о семи префектах, которые несли службу в Африке в интересующий нас период:

1) Тиберий Клавдий Полион

Soli, Luna | Apollini, Dianae, | *Ti(berius) Claudius | Pollio* | proc(urator) Aug(ustus) | vigesima hereditatum | proc(urator) Alpium | Graiarum | flamen Carmentalis | [*pr*]aef(ectus) gentium in Africa | [*pr*]aef(ectus) alae Flaviae milliari[ae] (CIL VI. 03720 = 31032 = ILS, 1418).

2) Тит Флавий Макер

T(ito) Flavio T(iti) f(ilio) Quir(ina tribu) Macro | *Ilviro, flamini per|petuo Ammaedarensium* | *praef(ecto) gentis Musulamiorum*, curatorum frumenti | comparandi in annona[m] | Urbis facta a divo Nerva Traiano, proc(uratori) Aug(usti) praediorum | saltus [Hip]poniensis et Thevestini | proc(uratori) Aug(usti) provinciae Siciliae, | municip[es] municipi (CIL VIII. 05351 = ILSAlg-01. 00285 = AE1922. 00019).

T(ito) Flavio T(iti) f(ilio) Quir(ina) Macro | *Ilvir(o) flamini perp(etuo) Am|maederensium praef(ecto) gentis* | *Musulamiorum* | curatorum frumen[ti] comparandi in | annona urbis facta a divo Nerva | Traian(o) Aug(usto) | proc(uratori) Aug(usti) a[d pra]edia saltus Hipponi[en(sis)] | et Theve[st]ini proc(uratori) provinc[i]ae Sic[ic]iliae collegium Larum Caesaris n(ostri) | et liberti et familia itemconductores qui in regione Hipponi[ens]i | consistent (ILAlg-01. 03992 = AE1922. 00019).

3) Публилий Мемориал

Publilio L(uci) f(ilio) Fa[l(erna)] | Memoriali | [*p*]raef(ecto) fabr(um) praef(ecto) coh(ortis) III | [C]yreneicae sagittarior(um) | [*tr*]ib(uno) milit(um) leg(ionis) X Fretensis | [*pra*]ef(ecto) gentis Numidar(um) dilictat(ori) | [*tr*]onum ex Numidia lecto[r(um)] | [*leg*(ionis)] Aug(ustae) in Africa item [---] | [---] E item ferrar[iarum] | [(CIL XI. 07554 = AE1896. 00010 = AE1952. 00034).

4) Луций Эгнатулей Сабин

L(ucio) Egnatuleio P(ublii) f(ilio) Gal(eria tribu) Sabino pontific(i) | Palatuali proc(uratori) Aug(usti) quadragesima Galliarum, | proc(uratori) Aug(usti) ad epistrategian Thebaidos, | proc(uratori) Aug(usti) ad census accipiendos | Macedoniae, *praef(ecto) gentis Cinithiorum* | trib(uno) leg(ionis) IIII Scythicae | [*leg*(ionis) ---] | Geminae, *flam(ini) Aug(usti) c[ol](oniae) Thisdritanae* |

¹² (Не полагался в обеспечении своей безопасности) ни на вольноотпущенников, ни даже на префектов (пер. А. В. Махлаюка).

Egnatuleia P(ublii) f(ilia) Sabina f[ratri ---] | L(ucius) Egnatuleius Sabinus t[utori---] Calidius Proculus avoncu[lo (CIL 08. 10500).

5) Префект с неизвестным именем

[praefect]o | [ala]e Thra[cum et gen]tis Mazi[cum ob de]bita virtu[te et indus]tria resp[ublica] | Oppidon[o]uensium [pa]l[ro]no (AntAfr-1973-153 = AE1973. 00654).

6) Префект с неизвестным именем

--- | II vir flam(en) perp(etuus) co]lon(iae) *praef[ectus] gentium | Musulamioru]m et Musuniorum regionorum | summas honor(arias)] rei p[ublicae] intulerunt [idemq(ue) templum | Saturni Aug(usti) st]atua argentea [exornaverunt] (AE1992. 01766 = AE1993. 01733 = AE2000. 01690).*

7) Алезией Рогат

[D(is) M(anibus) s(acrum)] *Alezeiuei Rogati | [--- praef]f[ecti] g[entis] Nabuxor(um) v(ixit) a(nnis) XXXVIII | [--- a(nno) p(rovinciae)] CLVII (BCH-1987/89-269 = AE1992. 01909).*

Как видим, назначение префектов племени имело место на территориях Проконсульской Африки (в большей степени) и Мавретании Цезарейской. Нет никаких сведений о наличии *praefecti gentis* на территории Тингитанской Мавретании. По меньшей мере двое из семи префектов были назначены для контроля над мусулами. Известно, что это племя в I в. участвовало в восстании Такфарината (Тас. Ann. II. 52). В II в. н. э. мусулами были переселены в район Аммедары и Тевесты (CIL VIII. 00270 = CIL VIII. 11451 = CIL VIII. 23246 = AE1907. 00017). По всей видимости, для контроля над ними и был назначен префект. В связи с этим неудивительно, что на должность префекта был назначен уроженец Аммедары Тит Флавий Макер. То же самое можно сказать о кинитях, поддержавших Такфарината, и назначении туда выходца из Фисдра (Тас. Ann. 52). Возможно, префекты назначались в племена, бывшие в недавнем прошлом враждебными, но на момент назначения считавшиеся замиренными. Этим можно объяснить отсутствие префектов в наименее романизированной и наиболее опасной части североафриканских провинций — Тингитанской Мавретании. Судя по имеющемуся в наличии материалу, здесь римляне предпочитали полагаться на назначение вождей племен принцепсами племени, а функция контроля над племенами была возложена напрямую на наместника провинции в ранге прокуратора. Известно, что между 140–145 гг. прокуратором Тингитанской Мавретании был сенатор Уттедий Гонорат. Назначение сенатора на прокураторскую должность было необычным шагом. Впрочем, это можно объяснить необходимостью заключения договора с племенем бакватов и пожалованием вождю Элию Туккуде римского гражданства и титула

Таблица 1

Известные *praefecti gentis* североафриканских провинций во II в. н. э.*

Имя префекта	Приблизительные годы службы	Провинция	Племя или племена	Происхождение
Тиберий Клавдий Полион	До 98 г. н. э.	Проконсульская Африка	Неизвестно	Италийское
Тит Флавий Магер	В пределах 98–138 гг. н. э. Скорее всего, в период правления Траяна	Проконсульская Африка	Мусулами	Африканское. Вероятно, из города Аммедары (совр. Хайдра)
Публилий Мемориал	II в. н. э. Скорее всего, в период правления Траяна	Проконсульская Африка	Группа племен в Нумидии	Италийское
Луций Эгнатулей Сабин	Между 117 и 193 гг. н. э.	Проконсульская Африка	Кинитии	Африканское. Вероятно, из города Фисдра
Неизвестно	Неизвестно	Мавретания Цезарейская	Мазики	Неизвестно. Вероятно, италийское
Неизвестно	Между 170 и 180 гг. н. э.	Проконсульская Африка	Мусулами и мусуны	Неизвестно. Вероятно, африканское
Алезий Рогат	197 г. н. э.	Мавретания Цезарейская	Набуксы	Неизвестно

* Таблица составлена по данным: *Baccolini S. Le forme istituzionali (praefectus gentis, princeps gentis, praefectus nationis) nell' ambito del controllo politico militare delle popolazioni indigene non romanizzate. Parma, 2007. P. 43, 204–205.* Добавлена также информация о префекте, несшем службу в конце I в. н. э.

princeps gentis Baquatium (IAM-02-02. 00376 = IAM-S. 00376). Назначение сенатора на традиционно всадническую должность могло быть проявлением того значения, которое Рим придавал договору с бакватами¹³. Также благодаря так называемой *Tabula Banasitana* известно о пожало-

¹³ *Spaul J. Governors of Tingitana // Antiquités africaines. 1994. № 30. P. 242.*

вании вождям и семьям вождей племени зегренсов с титулом *princeps gentis* римского гражданства в 168 и 177 гг. Просьба предоставить гражданство передавалась императору через прокуратора провинции¹⁴.

Судя по имеющейся информации, четверо из семи упомянутых префектов, так или иначе, имели отношение к военной службе. Явно ограниченные данные для второго неизвестного префекта и Алезиея Рогата допускают возможность того, что и они были военными. В случае же с Титом Флавием Макером, по всей видимости, знание местных условий было более предпочтительным, чем военный опыт. Следует учитывать и то, что в Римской империи в период принципата Антонинов не существовало четкого деления должностей на военные и гражданские. Минимум двое из семи префектов имели африканское происхождение. Но они являлись выходцами из романизованной городской знати. В то же время у нас нет достаточных сведений, чтобы утверждать факт происхождения кого-либо из префектов II в. н. э. непосредственно из племен. Впрочем, такая практика, скорее всего, существовала в III в. Косвенно на это могут указывать встречающиеся посвящения местным богам (*diis Mauricis*) со стороны префектов, а также когномены берберского происхождения (*Marcus Aurelius Imten*)¹⁵.

Итак, *praefecti gentis* являлись лицами, назначаемыми с целью надзора за определенным племенем или группой племен. Они встречались в Проконсульской Африке и Цезарейской Мавретании. Для Тингитанской Мавретании эта должность была нехарактерна. В этой провинции существовала система с прямым контролем над племенами со стороны прокуратора провинции. Префекты назначались в относительно спокойные, но конфликтовавшие с римлянами в прошлом племена. *Praefecti* должны были иметь военный опыт, но в некоторых случаях это условие не выполнялось. Они могли собирать налоги, набирать вспомогательные войска (*dilictatori tironum*) и командовать ими в случае боевых действий. Разумеется, успешное выполнение префектом своих функций было невозможно без знания условий конкретного региона. Назначенный на эту должность человек должен был тесно взаимодействовать с племенными вождями и знатью. В связи с этим в II в. н. э. появляется практика назначения префектов африканского происхождения.

¹⁴ Елецкий Л. А. Новые эпиграфические данные (Tabula Banasitana и эдикт Каракаллы о римском гражданстве) // Вестник древней истории. 1980. № 1 (151). С. 165.

¹⁵ Baccolini S. Le forme istituzionali (praefectus gentis, princeps gentis, praefectus nationis) nell' ambito del controllo politico militare delle popolazioni indigene non romanizzate. Parma, 2007. P. 51–60.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Cass. Dio. – Кассий Дион. Римская история

Lydus. De magistr. – Иоанн Лид. О магистратах римского государства

Plin. Nat. hist. – Плиний Старший. Естественная история

AE – L'Année épigraphique

AntAfr – Antiquités africaines

BCTH – Bulletin Archeologique du Comite des Travaux Historiques et Scientifiques

IAM – Inscriptions antiques du Maroc

ILAlg – Inscriptions latines de l'Algérie

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae

CIL – Corpus inscriptionum latinarum

Е. М. ПОПОВА

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)*

Следственная процедура в Великом Новгороде начала XVII в.: опыт изучения некоторых отписок воевод

Статья посвящена рассмотрению следственного процесса в Новгородской земле в 1616 г. на основе отписок местных воевод, хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (СПБНИИ РАН). Автор освещает информационный потенциал отписок воевод как разновидности исторического источника, что является актуальным и значимым для изучения событий Смуты в Великом Новгороде, поскольку большинство судебных документов этого периода не сохранилось. В ходе анализа материалов установлено, что отношение русско-шведской администрации к положению дел в Великом Новгороде к концу оккупационного режима не изменилось. Показано, что отписки дают информацию о преступлениях, личностях подозреваемых и дальнейших инструкциях властей. Отмечается, что, несмотря на понимание русско-шведской администрацией шаткости своего положения, судебная система продолжала функционировать.

Ключевые слова: шведская оккупация, Великий Новгород, следственный процесс, грабеж, Якоб Деллагарди.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19–18–00183.

В начале XVII в. началось Смутное время в России, которое на долгие годы дестабилизировало ситуацию в стране. На местах ослабевали позиции центральной власти, что приводило к приходу к власти самозванцев¹ или созданию неподконтрольных Москве администраций. Одним из обособившихся центров стал Великий Новгород и Новгородская земля, которые были оккупированы шведским военным корпусом во главе с Якобом Деллагарди.

¹ См., напр.: Тюменцев И. О. Органы государственного управления в Тушине в 1608–1610 гг. // Средневековая и Новая Россия. СПб., 1996. С. 403–423.

Для управления территорией было сформировано шведско-новгородское правительство, функционировавшее с 1611 по 1617 г., до подписания Столбовского мира, вывода шведских войск и передачи оккупированных территорий (Новгорода, Старой Русы, Порхова с уездами, Сумерской волости, Ладого с уездом, Гдова) обратно под власть Москвы². Данный административный аппарат можно считать компромиссным ввиду того, что в делопроизводстве Новгорода 1611–1617 гг. сохранялись московские традиции ведения дел и документации³.

На протяжении всей шведской оккупации в городе активно работали общественные заведения (кабаки, бани), велось делопроизводство, сохранялись торговые отношения и т. д.⁴, что, в принципе, говорит об относительной стабильности общественной жизни Новгородской земли в период Смуты. Однако происходили и кражи, грабежи, убийства, прочие действия уголовного характера. Несмотря на высокий интерес ученых к данному периоду Новгородской истории⁵, аспект, связанный с судебной системой и криминогенной обстановкой в Великом Новгороде в период шведской оккупации, по-прежнему остается малоизученным. К отдельным вопросам, посвященным функционированию судебной системы, обращались такие исследователи, как А. Шёбрег, А. Селин, Н. Безус, которые в основном сосредотачивали внимание на размерах и количестве судебных пошлин⁶, осуществлении следственной процедуры⁷ и характере преступлений⁸.

В большинстве своем историки обращались к документам, хранящимся в Новгородском оккупационном архиве⁹, в котором, к слову, следствен-

² Рабинович Я. Н. Джон Меррик на переговорах в Ладого 1616 г. // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 98.

³ Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 306.

⁴ Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. 1995. Vol. 24. P. 139.

⁵ Болдырев П. В., Кончакова Е. М. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). 2015. С. 175–182.

⁶ Sjöberg A. Three judgment books in the Novgorod occupation archives 1611–1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. XXXI–XXXII. P. 399–404.

⁷ Безус Н. Б. Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». 2011. № 14. С. 43–52; Она же. Влияние шведской оккупации начала XVII века на развитие судопроизводства в России // Страны Балтии и русский северо-запад: исторический опыт взаимодействия. Великий Новгород, 2018. С. 159–152.

⁸ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 107–111.

⁹ Riksarchivet, Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

ных дел отложилось немного¹⁰. Однако для выявления более полной картины состояния судебной системы в Новгороде в период шведского присутствия требует изучения часть материалов судебного характера начала XVII в., находящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ РАН). Наше внимание привлекли отписки воевод, связанные с делом об ограблении судна английского посла на реке Луге. Они датируются 1616 г., одна из них написана от лица Якоба Деллагарди и адресуется ивангородскому воеводе Федору Аминеву, две являются ответом Ф. Аминева Анцу Бою и Я. Деллагарди, еще одна отписка ямского воеводы Никиты Калитина адресована новгородскому воеводе Я. Деллагарди¹¹. Только один из указанных документов был опубликован ранее¹². Все отписки представляют собой подлинники на одном-двух листах, оформленные хорошим канцелярским почерком, со схожей смысловой структурой, которую условно можно разделить на четыре составных части: первая — обращение к адресату и изложение уже имеющихся данных по судебному делу; вторая — конкретные предпринятые меры, расспросные речи; третья — ближайшие перспективы расследования; четвертая — итоговая, промежуточные выводы и констатация дальнейших действий.

Анализ делопроизводственной документации XVII в. нередко показывает, что то или иное историческое событие восстановить полностью крайне сложно (особенно, если это касается судебного дела) в силу не столь существенного количества дошедших до нас документов. В связи с чем нам бы хотелось выяснить, насколько полную информацию могут дать отписки воевод, насколько они применимы в качестве самостоятельных исторических источников. Также важно попутно хотя бы частично реконструировать характер протекания следственной процедуры к концу оккупационного режима, выявить какие-либо изменения в практиках поддержания порядка со стороны русско-шведской администрации.

После избрания Михаила Романова в 1613 г. на русский престол характер русско-шведских отношений стал меняться в сторону осложнения, все острее возникал вопрос о возвращении Новгорода и новгородских земель в состав России, а также о подписании мира между двумя странами. Вести русско-шведские переговоры должен был английский посол

¹⁰ *Попова Е. М.* «Дело разбойное»: за что судили новгородцев в конце XVI — начале XVII в. // *Новгородика-2018. Великий Новгород, 2018. Т. 2. С. 21.*

¹¹ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПБИИ РАН). Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661; Д. 659; Д. 580; Карт. 1. Д. 660.

¹² *Попова Е. М.* К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // *Ученые записки УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова».* Витебск, 2018. Т. 28. С. 65–69.

Джон Меррик. Он прибыл в Россию летом 1614 г. и оставался в связи со своей миссией здесь, преимущественно в Москве, вплоть до заключения мирного договора. Все это время его судно находилось в новгородских водах (на реке Луге). Воспользовавшись этой ситуацией, новгородские крестьяне «то судно розгромили и посолскую рухлядь розграбили»¹³. В документах присутствует информация о том, что именно было украдено: «посолские суды серебряные и платье, и всякой посолской запас»¹⁴, «да шубу выдряную немецкую, да две юпки, да попону лошадиную, да штаны немецкие черная, да полог браной, да сермяга ветшаная, да скатерть ветшаная, да сукна ормянного, да белого локоть с пятнатцеть, да юпка немецкая драная»¹⁵. Однако наибольший интерес, конечно, представляли письма и книги посла¹⁶.

В ходе следственных мероприятий удалось установить, что новгородские крестьяне пришли лишь «добирать», а ограбили судно английского посла псковские шарпальники: «а приходили де шарпальники изо Пскова атаман Прошка Хромой, а с ним казаков тринацат человек. А сумерских де, государь, мужиков с теми казаки не было. И как де они то судно розгромили и посолскую рухлядь розграбили, и они де назавтрее ходили побирать досталные рухляди, чево они с собою не подняли»¹⁷. Новгородскими властями, несмотря на социальный и территориальный статус преступников, была поставлена задача найти всех виновных и изъять краденое имущество.

Из источников видно, что само преступление произошло в 1615 г., а следственные мероприятия были начаты только в следующем году, предположительно в марте, о чем свидетельствует бегство фигурантов дела¹⁸. Однако наиболее активно сыск стал разворачиваться к маю 1616 г., так как именно в это время местные воеводы получили отписки от Делагарди (из текста становится ясно, что и Никита Калитин уже получал грамоту от Делагарди, его отписка является ответом новгородскому воеводе)¹⁹. Проходившие параллельно с этими событиями русско-шведские переговоры при участии иностранных послов в Деде-рино не привели ни к какому результату. Всю весну и лето стороны осуществляли активные военные кампании друг против друга, а к июлю 1616 г. шведы решили отправиться в поход на Псков, что ставило под

¹³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Д. 580. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. Л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. Л. 1.

удар сам факт дальнейшего ведения дипломатических обсуждений. Меррик не был доволен подобным положением дел и намекал об этом шведской стороне²⁰. В историографии неоднократно отмечалась заинтересованность английской стороны в помощи России, обусловленная стремлением добиться ряда торговых уступок²¹.

Из документов становится понятно, что поиск разворачивался на территориях Шелонской и Водской пятин, которые были разделены рекой Лугой, на берегу которой стояло английское судно. На сыск грабителей Делагарди привлек ивангородского и ямского воевод Федора Аминева и Никиту Калитина, а также требовал отчитываться лично ему и отправлять всех виновных на допрос в Новгород. Далее в дело вступал воеводский суд — главная судебная инстанция на уровне региона, занимавшаяся рассмотрением ключевых, наиболее резонансных дел²². Примечательно, что судебные процессы с участием воевод, в том числе самого Якоба Делагарди, в период шведского присутствия встречаются крайне редко. Так, заинтересованность высшего эшелона власти в отправлении правосудия наблюдается в связи с наиболее серьезными преступлениями, такими как государственные измены²³ или связь с политическими противниками²⁴. Рассматриваемые нами обстоятельства связаны с разбойными действиями в отношении иностранцев, что также попадает под категорию тяжких уголовных преступлений.

Интересно ознакомиться с инструкциями, которым необходимо было следовать воеводам в отношении подозреваемых. В ходе сыскных мероприятий следовало вести расспросы населения, всех виновных необходимо было найти и допросить, в том числе с применением физического

²⁰ Рабинович Я. Н. Джон Меррик... С. 95.

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. Т. 9–10. М., 1995. Кн. V. С. 71–72.

²² Безус Н. Б. Из истории становления судебной власти... С. 48.

²³ В данном случае мы используем категорию «государственная измена», предложенную А. А. Селиным. Подробнее см.: Селин А. А. Новгородское общество... С. 107–111. В этом смысле к числу соответствующих преступлений можно отнести события, отраженные в ряде документов: Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева // Riksrhiv (Sweden). Novgorod Occupation Archives (RA, NOA). Serie II: 245. Л. 1–3; Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 4–7; Допросные речи в доме князя Юрия Мещерского об отъезде хозяина из Новгорода по сыску Алексея Аврамовича Колычева // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 8.

²⁴ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковскими людьми // RA, NOA. Serie II: 20. Л. 1–17; Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове // RA, NOA. Serie II: 39. Л. 1, 4.

воздействия, их показания записать. Если при дознании определялись лица, не фигурировавшие ранее в деле, их также нужно было разыскивать. После расспроса и пыток причастные к делу должны были содержаться в тюрьме до особого распоряжения Делгарди. Некоторых фигурантов в июне 1616 г. на расспрос отправили непосредственно в Новгород: «а как приведут и мне б тех воров, у кого тот посолской запас същут, прислати к тебе, великому боярину, в Новгород вскоре с немецкими людьми, которые пойдут в Великий Новгород»²⁵. На поиски преступников были отправлены солдаты: «а посылали в Сумерскую волость салдацкого лютмана Ивана с салдаты, а салдат с ним 20 человек по тех воров»²⁶. Подобная ситуация в Новгороде в период 1611–1617 гг. встречается впервые, поскольку обычно на следственные дела и поиски преступников отправлялись старосты с приставами, иногда и священнослужителями²⁷.

Все найденное имущество английского посла, вещи, так называемую посольскую рухлядь, необходимо было изымать и хранить в казне до особого распоряжения: «а что рухляди посольские сыскано, и ту б рухлядь по тому ж держал в государеве королевской казне»²⁸. Однако наибольший интерес представляли поиски бесследно исчезнувших после ограбления судна книг и писем Меррика. В случае обнаружения столь важных документов следовало, чтобы «грамоты и книги, у тех крестьян собраны, и положены в короб и схоронены»²⁹. Вместе с тем последняя по датировке отписка Делгарди к Федору Аминеву, известная нам, свидетельствует, что посольская переписка все еще не была найдена³⁰.

Подводя итог, можно отметить, что отписки воевод могут считаться полноценным самостоятельным источником при изучении административно-политической и судебно-правовой системы Московского государства начала XVII в. С помощью этих документов можно установить, когда и где было совершено преступление, кто к нему причастен (поименно), с указанием места жительства. В материалах отложи-

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. Л. 1.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. Л. 1.

²⁷ Память Якоба Делгарди и Ивана Никитича Большого Одоевского пятиконецкому старосте Докучаю Сласнищину с товарищами о проведении расследования о финансовых делах Мокейки и Якова Крена // RA, NOA. Serie II: 327. Л. 1–6 об.; Дело по челобитной подьячего Микифора Коптева и лебедчика Третьяка Яколцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника // RA, NOA. Serie II: 122. Л. 10–11.

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661. Л. 1.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. Л. 1 об.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661. Л. 1.

лась информация о должностных лицах, на которых возлагалась обязанность заниматься следственными мероприятиями. Важным элементом являются инструкции вышестоящего эшелона власти своим представителям на местах относительно действий с задержанными преступниками и найденным у них имуществом. Безусловно, отписки не дают полной информации о завершении судебного разбирательства, о мерах наказания и т. д., так как являются лишь промежуточным звеном в сложной цепи следственного процесса. Однако, ввиду особенностей московского делопроизводства, отдельные документы позволяют в значительной степени восстановить картину того или иного события, формулировать промежуточные выводы. Дело об ограблении судна английского посла стало крайне важным для шведско-новгородских властей, так как на поиски виновных были брошены ощутимые силы, а само преступление попало под юрисдикцию воеводского суда и было поставлено под контроль Делагарди. На наш взгляд, это было связано не только с собственно важностью данного дела, но и с тем, что русско-шведский административный аппарат по-прежнему работал, выполняя свои ключевые функции. Несмотря на то что в 1616 г. период оккупации Новгорода подходил к концу, шведско-новгородские власти все еще были заинтересованы в сохранении порядка на подконтрольной территории.

М. И. ПАРФЕНЯ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Мирское самоуправление в Сибири во второй половине XVII в.: выборные и выборщики Верхотурского и Иркутского уездов

Статья посвящена проблеме избрания на мирские должности крестьян Верхотурского и Иркутского уездов второй половины XVII в. С помощью делопроизводственных (выборные акты) и учетных (переписные и крестьянские именные книги) источников прослеживаются основные тенденции избрания крестьян в старосты и целовальники. Автором установлено, что выбирались на мирские посты и активно участвовали в общинном самоуправлении люди среднего возраста, главы дворов, старожилы, но необязательно состоятельные. При этом старосты и целовальники не всегда являлись активными выборщиками и редко бывали грамотными. Все эти данные расширяют представление о социальных процессах в российской общине XVII в.

Ключевые слова: крестьяне, община, самоуправление, XVII в., Сибирь.

Российская крестьянская община стала привлекать к себе внимание исследователей уже со второй половины XVIII в. С конца 1830-х годов благодаря славянофильству, а затем народничеству она стала рассматриваться как один из ключевых для российской истории институтов. Взгляды на роль и функционирование общины неоднократно менялись, однако актуальность ее изучения по-прежнему признается историками¹. Эта статья вносит вклад в понимание функционирования общины и дает эмпирический материал для дискуссии о ней. Ввод в научный оборот значительного массива источников позволяет судить об устройстве сибирских локальных сообществ XVII в. и, в частности, о том, кто имел в них наибольший вес.

¹ Горская Н. Л. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 249–303; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. 2-е изд. СПб., 2008. С. 315.

В историографии существуют различные точки зрения по проблеме выборности в «мире» (историческое название крестьянской общины в России) XVII в. Многие историки XX–XXI вв. обращали внимание на особую роль богатых крестьян в общине и отмечали факты злоупотреблений ими своим положением². Исследователями мирского самоуправления Сибири часто выделялась и другая проблема — вмешательство воеводской администрации в назначение на выборные должности³. Лишь в последнее десятилетие стали появляться труды, авторы которых указывают на элементы «демократии» в функционировании общины⁴. Несмотря на то что перечисленные исследования опираются на значительный эмпирический материал, систематически на длительном промежутке времени деятельность конкретных общин изучалась редко, почти не рассматривался вопрос о составе участников сходов.

В данной статье рассматривается проблема выбора на мирские должности в Верхотурском и Иркутском уездах в 1640-х — 1690-х годах. Выбор этих уездов обусловлен их территориально выгодным положением⁵, а также попыткой проведения сравнительного исследования мирского самоуправления в Западной и Восточной Сибири. Источни-

² *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 201–222; 302–314; Т. 2. М., 1912. С. 167–173; 240–259; 287–311; *Богоявленский С. К.* Управление Мещанской слободой и слободское самоуправление // *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 483; *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 110; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 220–221; *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII веков. М., 2012. С. 258.

³ *Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 303; *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.; Л., 1946. С. 207; *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949. С. 148.

⁴ *Жуков А. Ю.* Самоуправление в политике России: Карелия в XII–XVII вв. Петрозаводск, 2013. С. 353; *Соколова Н. В.* Крестьянское самоуправление в центральной России в 20–е годы XVIII в. // Исторические Записки. М., 2004. № 7 (125). С. 117–174; *Борисов В. Е.* Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 112–137; *Он же.* Общинное самоуправление в Зауралье в XVII в.: замещение выборных должностей // Новый исторический вестник, 2010. № 4. С. 18–25; *Проскуракова М. Е.* Механизм избрания крестьянских старост в карельской деревне (последняя четверть XVII века) // CARELiCA. 2018. № 1 (19). С. 51–52.

⁵ *Кудрявцев Ф. А.* Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск, 1939. С. 62–63; *Пузанов В. Д.* Город Верхотурье в Сибири XVII века // Философские и исторические исследования. Вып. 3: сб. науч. ст. Шадринск, 2018. С. 70.

ковой базой служат выборные акты⁶ (в дальнейшем «выбор» как источник будет приводиться в кавычках, выборы как процесс — без) слобод и деревень, делопроизводственная и учетная документация. В исследовании был использован 21 «выбор» верхотурской Ницинской слободы⁷ за 1640-е — 1680-е годы, содержащийся в фонде Верхотурской приказной избы Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1, 2), и 17 выборных актов иркутских деревень за 1674–1697 гг., содержащихся в фонде Иркутской приказной избы (Ф. 1121. Оп. 1, 2). Для выяснения социального и экономического положения выборщиков и выборных привлекались именные книги Ницинской слободы 1632, 1641, 1659 и 1661 гг.⁸, иркутские именные книги 1682, 1693 и 1698 гг.⁹, верхотурские переписные книги 1659 и 1680 гг.¹⁰, иркутские переписные книги 1686 и 1698 гг.¹¹

Отличительная от Верхотурского и, вероятно, других уездов¹² особенность административного устройства Иркутского уезда заключалась в том, что крестьяне выбирали житничного целовальника (лицо, исполнявшее административные и финансовые функции) на уровне отдельной деревни или слободы, а старосту — на уровне всего уезда.

В фонде Иркутской приказной избы было обнаружено два «выбора» уездных старост — за 1685 и 1690 гг.¹³ В первом из них приняли участие 34, во втором — 32 человека. На обоих сходах присутствовали от одного до восьми человек из каждой деревни. Скорее всего, количество представителей на уездных выборах зависело от размеров общины. Стоит отметить, что из 64 человек, в общей сложности побывавших на двух выборах старост, 16 (то есть четверть) присутствовали оба раза. Двух случаев, очевидно, мало, чтобы делать однозначные выводы, однако

⁶ Подробно о сибирских «выборах» см.: Языков С. А. «Выборы» посадских общин XVII — начала XVIII в. как исторический источник // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 160–177.

⁷ Ницинская слобода была выбрана как одна из самых старых и крупных на Верхотурье, а также как не изученная ранее другими исследователями Западной Сибири.

⁸ Верхотурская именная книга 1632 года [Электронный ресурс]. Оксана Корнева, сор. 2007–2020. URL: okorнева.ru/publikatsii-konovalova-yuriya-vitalevicha/verhoturskaya-imenная-kniga-1632-goda (дата обращения: 01.06.2020); РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 140, 389, 418.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 768. Л. 281–292; Д. 1034. Л. 41–60; Д. 1260. Л. 117–162.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 721; Оп. 4. Д. 40.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 941. Л. 80–183; Д. 1260. Л. 162–189, 1020–1088.

¹² В связи с тем, что административное устройство сибирских уездов и его влияние на выборы практически не изучено, однозначно говорить об уникальности иркутской ситуации не представляется возможным.

¹³ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 70. Л. 11–13; Оп. 2. Д. 125. Л. 5–7.

с большой долей уверенности можно утверждать, что состав выборщиков был изменчив, но при этом существовала известная группа «завсегдатаев». Далее попытаемся доказать этот тезис на более репрезентативном материале.

Точное число пашенных крестьян в Иркутском уезде неизвестно. По переписи 1686 г. в нем насчитывалось в общей сложности 88 крестьянских дворов и около трех десятков бездворовых крестьян¹⁴. Таким образом, в выборах принимало участие не более 20–25 % мужского населения уезда. При этом более 70 % присутствовавших на выборах крестьян в 1685 г. и более 80 % в 1690 г., согласно учетным книгам, были главами дворов. Остальных в книгах обнаружить не удалось.

Интересно, что уездный староста необязательно должен был быть крестьянином. Так, на сходе 1685 г. в старосты избрали посадского человека Трофима Никифорова, хотя сами посадские люди в выборах не участвовали.

Перейдем к анализу выборов в целовальники, проходивших в каждой деревне и слободе отдельно. Всего было обнаружено 15 таких выборных актов, в каждом из которых зафиксировано от 10 до 18 участников (как правило, присутствовали 12–15 человек). Число участников выборов было примерно одинаково для каждой общины и не менялось со временем. В общей сложности во всех 15 выборах поучаствовали около 130 крестьян (дать абсолютно точное число невозможно, так как не во всех случаях можно однозначно установить, зафиксирован ли в разных выборах один и тот же крестьянин или разные).

Сопоставление данных «выборов» и переписных и именных книг показывает, что в сходах могли принимать участие люди с очень разным социальным и имущественным положением. Как правило, это были главы дворов, люди, проживавшие в Иркутском уезде не менее 15–20 лет, женатые и имеющие трех и более сыновей (что говорит и о достаточно зрелом для XVII в. возрасте), пахавшие на себя и государство относительно большое количество земли. Однако в выборах зафиксированы и те, кто появился в Иркутске всего несколько лет назад, бессемейные и безземельные крестьяне. Например, Петр Козонок, Леонтий Савинов и Парфен Букин, поселившиеся в Хомутовской деревне в 1690 г., сразу же принимали участие в мирских делах. Иван Понамарь, Герасим Степанов и Федор Петров, не пашущие собинной (собственной) пашни «за скудостью и одиночеством»¹⁵, зафиксированы в «выборах» как минимум по одному разу.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 941. Л. 121 об. – 183.

¹⁵ Там же. Л. 176 об. – 177 об.

Однако «завсегдатаи», участвовавшие в выборах достаточно часто, все же, как правило, были старожилками, имели семьи и относились к зажиточному и среднему имущественному слою. Например, Федос Ларионов, зафиксированный наибольшее число раз (семь), стабильно пахал с семьей десятину государственной пашни (это максимум, встречающийся в иркутских переписных и именных книгах), имел женатых сыновей и внуков. Шестеро из семи крестьян, пять и более раз участвовавших в выборах, имели женатых сыновей, а трое — владели водяными мельницами. При этом в целом среди «завсегдатаев», которых удалось обнаружить в учетных источниках, было примерно поровну пахавших на себя от трех до семи десятин и всего одну, что говорит о том, что для участия в жизни общины социальное положение было важнее имущественного.

Стоит отметить, что «завсегдатаи» составляли небольшую (не более 10 %) часть выборщиков и в целом состав участников сходов ежегодно менялся. Однако, даже несмотря на это, учитывая стабильный рост населения уезда¹⁶, участие в мирской жизни принимало, по самым позитивным оценкам, не более четверти пашенных крестьян.

В отличие от Иркутского, в Верхотурском уезде и старост, и целовальников выбирали отдельно в каждой слободе. Всего с 1641 по 1666 г. в выборах приняли участие в общей сложности около 150 человек, половина из них — два и более раза. В самом раннем из известных сходов, выбравшем житничных целовальников и прошедшем 30 августа 1641 г., участвовали всего 16 крестьян¹⁷. При этом из переписной книги за 1641 г. известно, что в тот момент в Ницинской слободе проживали 78 крестьян¹⁸. Таким образом, изначально в выборах участвовала небольшая часть населения слободы (примерно 20 %).

Интересно, что число выборщиков в каждом случае значительно различалось и колебалось от 11 в 1641 г. до 47 в 1661 г. В среднем же число выборщиков составляло 15–25 человек. Заметно, что в 1650-х — 1660-х годах в выборах участвовало больше крестьян, чем в 1640-х годах. Это можно объяснить ростом слободы: в 1641 г. в ней насчитывалось 78 тру-

¹⁶ Например, в 1690 г. из Тобольска в Иркутск было прислано 160 крестьян, из которых 106 сразу же поселились на пашне (см.: Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века / публ. А. А. Ионина. Иркутск, 1895. С. 212–213). Этот рост отразился и в учетных источниках. Как отмечалось выше, в 1686 г. в Иркутском уезде насчитывалось 88 крестьянских дворов. В именной книге 1693 г. записано уже 167 дворовладельцев (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1034. Л. 41 об. – 59 об.). Однако такое увеличение населения, судя по источникам, никак не отразилось на масштабах общинного самоуправления.

¹⁷ РГАДА. Оп. 1. Д. 34. Ч. 1. Л. 43.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 140. Л. 109 об.

доспособных крестьян, а в 1661 г. — 97 и «у них детей, и братья, и племянников, и пасынков, и внучат, и зятей 111 человек»¹⁹.

Сопоставление близких по времени выборов старост и житничных целовальников позволяет выделить группу наиболее активных участников сходов. Примечательно, что ни один крестьянин не посетил все сходы. Только пять человек присутствовали при выборе пяти старост из шести и еще шесть — четырех старост.

Привлечение данных крестьянских книг показывает, что выявленное «ядро» состояло из крестьян разной степени зажиточности. Наблюдается зависимость между имущественным положением крестьянина и частотой его участия в выборах внутри этой группы. В частности, крестьяне, посетившие не менее половины выборов, имели более 0,5 десятины пашни и наоборот. Кроме того, было еще множество крестьян, имевших средний уровень зажиточности, но участвовавших в выборах редко или вообще не участвовавших²⁰.

Что касается состава семьи самых активных выборщиков, удалось установить, что у большинства из них было несколько сыновей, а также братья. Это говорит как о высоком потенциале хозяйства, так и об относительно зрелом возрасте этих крестьян. Поэтому гипотетически можно предположить, что голоса этих крестьян имели наибольший вес на выборах.

Перейдем к характеристике выборных лиц. Всего, благодаря выборным актам и другим делопроизводственным источникам, нам известно 16 целовальников разных иркутских деревень за 1674–1699 гг. Все они сравнивались по ряду критериев: количеству обрабатываемой десятинной пашни на год, ближайший к выборам, собинной пашни на 1686 г., составу семьи, времени проживания в Иркутске, частоте участия в сходах в качестве выборщика, уровню грамотности.

Под грамотностью подразумевается умение писать, устанавливающееся по удостоверительным элементам на оборотах выборов — рукоприкладствам. Некоторые целовальники в рукоприкладствах не были зафиксированы ни разу, поэтому их уровень грамотности неизвестен. Интересно, что все крестьяне, для которых этот критерий установить удалось, писать не умели. Это обстоятельство опровергает точку зрения о том, что мирские должности требовали грамотности²¹. Не зависела вероятность избрания и от общественной активности человека: половина крестьянских целовальников ни разу не присутствовала на других выборах.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 418. Л. 174 об. — 175.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 140. Л. 105–112; Д. 389. Л. 383–388; Д. 418. Л. 155–175.

²¹ См.: Новохатко О. В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018. С. 302.

Что касается факторов семьи, времени проживания и зажиточности, то о выборных можно сказать то же самое, что и о выборщиках: среди них были самые разные люди, однако подавляющее большинство крестьян на момент избрания проживали в Иркутске больше 15 лет, имели несколько сыновей (и, скорее всего, были среднего возраста, не менее 30 лет). Имущественное положение разнилось довольно сильно, однако большинство представляло зажиточный слой (пахало на государство от полудесятины, что для Иркутска было значительно). Особо обратим внимание на избранного в 1691 г. в Хомутовской деревне Осипа Петрова, у которого за пять лет до избрания не было собственного двора и собиной пашни «за скудостью и одиначеством»²².

Обратимся к старостам Иркутского уезда. Как уже было сказано, нам известно два таких «выбора», однако имена еще четырех старост устанавливаются из других источников²³. К сожалению, относительно подробная информация имеется у нас только для четырех старост из шести. Этих данных недостаточно для полноценных выводов, однако они могут подтвердить и дополнить сказанное выше.

Во-первых, как минимум трое старост на момент избрания проживали в Иркутске более 10 лет, платили достаточно большой оброк и имели взрослых сыновей. Во-вторых, среди целовальников не наблюдается случаев, когда один и тот же человек занимал бы должность несколько раз, равно как и избраний из одних семей. Со старостами это не совсем так: посадский человек Трофим Никифоров переизбирался в них по крайней мере три раза: в 1684, 1690 и 1700 гг. Возможно, это было связано с тем, что фигура Трофима Никифорова всех устраивала, а желающих исполнять роль старосты было немного.

В Ницинской слободе среди девяти житничных целовальников, избранных в 1641–1645 гг., шесть пахали 0,5 десятины государевой пашни, то есть по меркам Верхотурского уезда относились к среднему имущественному слою. Один пахал четверть десятины, остальные двое — одну и 0,75 десятины. Аналогичная ситуация наблюдалась и среди старост Ницинской слободы: две трети из них пахали на государство 0,5 и более десятин. При этом активных участников сходов среди старост значительно больше, чем среди целовальников. Каждый староста присутствовал на выборах как минимум дважды, тогда как среди целовальников половина крестьян не присутствовала ни разу либо всего один-два раза. Это обстоятельство можно объяснить тем, что должность старосты тре-

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 941. Л. 176 об. – 177 об.

²³ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 26. Л. 15; Д. 38. Л. 10; Д. 70. Л. 11; Д. 217. Л. 24–24 об.; Д. 396. Л. 11; Д. 448. Л. 6; Оп. 2. Д. 125. Л. 5–6; Ф. 214. Оп. 1. Д. 1034. Л. 67 об., 70.

бовала больше ответственности, поэтому на нее старались выбирать тех, кого лучше всех знают и кому доверяют.

Интересно, что в 1640-х — 1660-х годах дважды проводились переборы целовальников. 30 августа 1641 г. были избраны Завьял Артемьев и Пятой Алексеев²⁴, а уже через две недели, 14 сентября 1641 г., избрали Пятого Степанова Ощепкова и Агея Елисеева Лукьянина²⁵. Причины этого переизбрания остаются неясными, так как оба «выбора» имеют стандартный формуляр и не содержат дополнительных приписок и подробностей. Даже имущественное положение у обеих пар выбранных почти одинаковое и различается всего на четверть десятины в пользу выбранных со второй попытки. Возможно, переизбрание понадобилось, так как с первыми выборными что-то произошло (они умерли, вышли из слободы и т. п.).

Второй случай произошел в 1643 г. Тогда 20 августа были избраны Яков Семенов и Павел Марков²⁶, а 28 августа — Антон Иванов и Степан Степанов²⁷. Фигуры Антона и Степана интересны тем, что оба они в предыдущие годы находились «во льготе»²⁸ (Антон с 1639 по 1642 г., Степан — с 1638 по 1641 г.), то есть не несли тягло. Про Якова Семенова нам не известно ничего, в крестьянских книгах за этот период он не упоминается. А вот Павел Марков — фигура заметная. 11 лет спустя, 1 сентября 1664 г., он вместе с Иваном Ивановым Артельным был снова (и в этот раз окончательно) избран ницинским житничным целовальником²⁹. Причем произошло это в результате переизбрания: за 10 дней до этого, 20 августа, в целовальники был избран Евтефий Шумилов³⁰, про которого нам ничего не известно. Объяснить это можно тем, что за 10 лет Павел Марков успел разбогатеть — в 1641 г. он пахал полдесятины государевой пашни³¹, а в 1661 г. уже целую десятину³² — и, кроме того, в связи с возрастом стал более авторитетным среди крестьян³³.

²⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 34. Ч. 1. Л. 43.

²⁵ Там же. Л. 34.

²⁶ Там же. Л. 89.

²⁷ Там же. Л. 71.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 140. Л. 109 об. — 110 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 33. Ч. 1. Л. 95.

³⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 33. Ч. 1. Л. 122–123.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 140. Л. 109 об.

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 418. Л. 164 об.

³³ Н. В. Соколова рассматривает возраст и авторитет как одну из причин избрания на мирские должности в начале XVIII в. См.: *Соколова Н. В.* Крестьянское самоуправление в центральной России... С. 168.

Еще один случай переизбрания целовальников произошел в 1661–1662 г. Сначала 24 августа избрали Осипа Удимцова и Ивана Федорова³⁴, а потом 11 сентября — Петра Павлова³⁵. Этот перевыбор объяснить сложнее всего, так как, несмотря на то, что Петр Павлов пахал больше одной десятины, Осип и Иван все равно были зажиточнее. У обоих были большие семьи, только Иван Федоров с двумя сыновьями и пятью внуками пахал 1,3 десятины, а брата Осипа Удимцова, Федора, даже избрали в старосты в следующем 1663 г.³⁶ Возможно, за три недели с одним из избранных целовальников что-то случилось, и Петр Павлов был выбран на его место.

Вообще в 1650-х — 1660-х годах количество избраний в целовальники бедных (менее 0,5 десятины государевой пашни) и зажиточных (более 0,5 десятины) примерно одинаково, что несколько отличается от ситуации 1640-х годов. Кроме того, более половины избранных целовальников вообще не упоминалось в переписи 1659 г. Это говорит о том, что все эти люди периодически избегали работы на государство и община не просто мирилась с этим, но и избирала таких людей на ответственные посты. Можно предположить, что неуплата налогов даже способствовала избранию, так как делала человека более состоятельным.

Таким образом, связь между материальным достатком и вероятностью избрания на мирские должности в Ницинской слободе в целом не прослеживается, однако зажиточных крестьян выбирали немного чаще, чем бедных. При этом большинство избранных крестьян так же, как и самые активные выборщики, были семейными людьми, дворовладельцами, старожилами, происходили из разных частей слободы и могли быть не записаны в переписи, близкие по времени проведения.

Подводя итоги, отметим, что мирское самоуправление в Западной и Восточной Сибири практически не отличалось. Участие в сходах принимал небольшой процент мужского населения (не более 20–25 %). В целом выборы проходили довольно демократично, однако наиболее активно в жизни общины принимали участие зажиточные крестьяне-дворовладельцы среднего возраста, проживавшие в данной местности более 10 лет.

По принципу зажиточности, возраста и времени проживания (а как следствие и авторитета) выбирали и представителей на собственно мирские должности. При этом грамотность и активное участие в общественной жизни не являлись преимуществами для избрания. Уровень зажиточности был важным критерием выбора, так как избранный должен

³⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 33. Ч. 1. Л. 32–34.

³⁵ Там же. Л. 41–42.

³⁶ Там же. Л. 74–75.

был иметь возможность внести собственные средства на нужды общины и государства в случае неплатежеспособности рядовых общинников. При этом на Верхотурье средних и зажиточных крестьян выбирали заметно чаще, чем в Иркутском уезде.

Крестьяне, как правило, старались избегать избрания на бывшие разорительными мирские должности, а круг выбора в принципе был небольшим, поэтому некоторыми «параметрами» избрания зачастую пренебрегали. Интересно, что на Верхотурье чаще, чем в Иркутске, случались переизбрания.

Схожесть мирского самоуправления в Западной и Восточной Сибири может быть объяснена тем, что и там и там оно сформировалось по образцу Русского Севера, откуда, судя по данным переписных книг, происходила большая часть сибирского населения³⁷. При этом различия в функционировании системы между Сибирью и Севером довольно велики. Если на Севере исследователи традиционно фиксируют олигархию, то в Сибири и на Урале эта тенденция почти не заметна (в Иркутском уезде можно отметить только ее элементы в виде многократного избрания одного зажиточного крестьянина). Видимо, опыт переселявшихся с запада на восток крестьян переносился на новые территории и испытывал некоторые трансформации.

Главное различие между Верхотурским и Иркутским уездами состояло в территориальной структуре самоуправления. В Иркутске выбирался общий староста для всех деревень и слобод уезда. На Верхотурье и старосты, и целовальники избирались отдельно для каждой слободы. Это говорит о существенном разнообразии в административном устройстве сибирских уездов и, возможно, низкой регламентированности этого устройства.

³⁷ Дискуссию о происхождении русского населения Сибири см.: Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 141–157.

Е. И. МИХАЙЛЕНКО

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Чиновник в общественной и научной жизни: научные эксперты Главного управления Западной Сибири (1858–1881 гг.)

В статье анализируется процесс включения чиновников Главного управления Западной Сибири в работу научных и благотворительных обществ в регионе. В отечественной историографии до 1980-х годов применялся формально-юридический подход к рассмотрению социальной группы чиновничества, основным объектом изучения являлось профессиональное занятие чиновников – государственная служба. Применение антропологического подхода к изучению деятельности чиновников, характерное для последней четверти XX в., позволяет за «строчкой служебного формуляра» обнаружить людей, которые, кроме службы, были чем-то увлечены, обладали знаниями и активной гражданской позицией. Выявление дополнительных сфер деятельности осуществляется через обработку данных формулярных списков чиновников, изучение журналов заседаний и отчетов научных обществ. В результате приводится классификация мотивов занятия чиновников общественной деятельностью и даются основные характеристики выявленных групп.

Ключевые слова: сибирский чиновник, Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, Главное управление Западной Сибири, Общество попечительства над тюрьмами, научный эксперт.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–39–90024.

Изучение чиновников с точки зрения их роли в построении общественно-государственного взаимодействия актуально с точки зрения возможности применения позитивных практик и подходов в современной государственной системе. Исторический опыт Российской империи имеет богатый материал по взаимодействию различных обществ и государственной власти, в том числе с помощью чиновни-

ков — инструментов государственной машины. Сибирское чиновничество в этом плане является показательным ввиду привлечения государственных служащих к изучению региона для его развития и адаптации в империи.

В отечественной историографии до начала 1980-х годов применялся формально-юридический подход к рассмотрению социальной группы чиновничества, основным объектом изучения являлось профессиональное занятие чиновников — государственная служба¹. Вопросы управления Сибирью и специфика деятельности чиновников в рамках регионально-управленческого подхода исследовались А. В. Ремневым². Показателем высокого уровня в развитии проблематики является создание справочников и учебных пособий по теме³. Новый для отечественной исторической науки антропологический подход при изучении истории управления отдельными регионами Российской империи применяется А. Н. Бикташевой и С. В. Любичанковским⁴. Отечественная традиция изучения общественных организаций связана с противопоставлением общества власти в сфере формирующихся гражданских институтов⁵. Роль чиновников в организации и деятельности местных общественных организаций рассматривается лишь как исключительный эпизод частных биографий.

Главное управление Западной Сибири (ГУЗС) как центральный орган местной власти, учрежденный по проекту М. М. Сперанского в 1822 г.

¹ См., напр.: *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. 396 с.; *Он же.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. 252 с.; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XIX веке. Формирование бюрократии. М., 1974. 400 с.; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. 288 с.

² *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 236 с.; *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск, 1997. 252 с.; *Ремнев А. В.* Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX веков: монография. Омск, 2015. 577 с.; и др.

³ *Рабцевич В. В.* Государственные учреждения дореформенной Сибири (последняя четверть XVIII — первая половина XIX в.): справочник. Челябинск, 1998. 270 с.; *Власть в Сибири: XVI — начало XX века.* Новосибирск, 2005. 694 с.

⁴ *Любичанковский С. В.* Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. 27 с.; *Он же.* Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881 гг.) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков. Оренбург, 2004. С. 33–45; *Бикташева А. Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012. 496 с.

⁵ *Дегальцева Е. А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002. 287 с.

и существовавший до 1881 г., представляет особый исследовательский интерес с точки зрения статуса и деятельности сибирского чиновничества. Реализовать идею законности в управлении через создание выборных коллегиальных советов реформатору не удалось. Однако новое звено в системе сибирского управления стало не только площадкой для выработки и реализации управленческих решений региональной бюрократической элитой, но и важным элементом в организации общественных инициатив. Значимым элементом в руководящем составе ГУЗС были чиновники, приехавшие из европейских губерний, где они получили свое образование. Генерал-губернатор был представителем императора в регионе, а Совет Главного управления наполовину состоял из представителей трех важнейших центральных министерств — Министерства финансов, Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. Кроме этого в составе ГУЗС имелись три отделения канцелярии, четвертое отделение — по Министерству государственных имуществ (создано в 1848 г.), пятое — Казачье отделение (1861 г.), шестое — Съемочное отделение (1871 г.). Согласно изначальному штатному расписанию, предложенному М. М. Сперанским по «Сибирскому учреждению» в 1822 г., штат Главного управления составлял всего 30 человек: шесть советников, и в каждом из отделений по два столоначальника, два помощника столоначальника, одному журналисту, а также бухгалтер, два переводчика, экзекутор и четыре курьера, два чиновника по особым поручениям. Рассматривая формулярные списки и штатные расписания Главного управления Западной Сибири, мы можем говорить о том, что штат был увеличен почти в два раза. Всего во второй половине XIX в. численность ГУЗС «по штатам» составляла около 60 человек.

Формулярные списки чиновников Главного управления Западной Сибири, в которых содержится информация о дополнительных сферах деятельности, отсутствуют за начальный период деятельности этого учреждения до 1858 г. Анализ персонифицированной информации был произведен на основании формулярных списков за 1864 г. и 1878–1881 гг., когда бюрократический аппарат, как и общественная и научная деятельность на территории Западной Сибири, были более развиты. Однако далеко не всегда информация о деятельности чиновника вне его служебных полномочий указывалась в делопроизводственных документах, поэтому для ее поиска были использованы отчеты о деятельности научных обществ, а также имеющиеся научные труды об общественных и научных организациях в Западной Сибири.

Первыми всесословными организациями в Сибири были благотворительные общества. К началу 1860-х годов их было 16, причем отличие Западной Сибири заключалось в том, что большинство обществ возникло в уездных, а не областных центрах⁶. Одно из старейших благотворительных обществ в Российской империи — Общество попечительства над тюрьмами. Исходя из частоты его упоминания в формулярных списках чиновников Главного управления Западной Сибири, практически «в обязанности» одного из советников ГУЗС входило руководство или координация действий над Омским попечительским советом о тюрьмах.

Государство курировало деятельность данного общества, потому что в условиях растущего количества ссыльных, в том числе и политических, доверить заботу о содержании заключенных людям без мундира было непозволительно. Внесение информации о работе в комитете в формулярный список представляется определенным «служебным долгом» со стороны чиновника. 28 сентября 1862 г. директорами Омского попечительного о тюрьмах отделения (или Совета — в формулярных списках название отличается) были утверждены статский советник Николай Иванович Солодовников (член Совета ГУЗС и управляющий IV Отделением) и статский советник Георгий Петрович Пелино (член Совета ГУЗС от Министерства финансов). Председательствующим директором был утвержден действительный статский советник, член Совета ГУЗС от Министерства внутренних дел Александр Степанович Воинов⁷.

По такому же принципу — через занесение в формулярный список — можно зафиксировать деятельность во «Вспомогательном комитете по участию во Всемирной выставке 1867 года» Николая Ивановича Солодовникова. Задачей комитета была транспортировка этнографических ценностей и объектов сначала на первую этнографическую выставку в Москве (созданную по проекту Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и являвшуюся, по сути, первой публичной научной выставкой в России), откуда они и отправились в Русский павильон в Париже⁸. Согласно статье в «Московских ведомостях», «через содействие Главного управления Западной Сибири» от полковника Валиханова были подарены «два мужские, два женские и два дет-

⁶ Ноздрин Г. А. Общественная жизнь Сибири во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2005. С. 121.

⁷ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 5. Д. 7272 (Формулярные списки служащих ГУЗС).

⁸ Первушкин В. И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007. С. 107.

ские костюма киргиз», а также различные предметы быта, музыкальные инструменты и конские приборы⁹.

К 1881 г. количество чиновников, участвующих в общественной деятельности в Сибири, увеличилось за счет появления в 1877 г. Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. В отчете ЗСОИРГО за 1880 г. был приведен личный состав членов Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества на 1 декабря 1880 г.¹⁰ При сравнении со списком чиновников Главного управления Западной Сибири мы обнаружили данные о пяти чиновниках в составе общества¹¹.

Чиновники, входившие в состав ЗСОИРГО, имели высокий уровень образования (четверо являлись выпускниками университетов); по социальному происхождению среди них присутствовали выходцы из крестьянства и купечества, дворяне. Двое представителей чиновников были сибиряками, трое — выходцы из европейских губерний.

В отчетах ЗСОИРГО за 1879 и 1880 гг. имеются сведения о передаче документов, составленных статистическими комитетами для Главного управления Западной Сибири в распоряжение для научных исследований, что подтверждает информационную и ресурсную поддержку организации со стороны генерал-губернатора и руководства ГУЗС¹². Кроме статистических сведений в распоряжение ученых передавались карты, составляемые для государственных целей. В этом сотрудничестве общества и государства стоит отметить роль Федора Алексеевича Дорофеева, начальника Съемочного отделения Главного управления Западной Сибири в чине коллежского советника, который одновременно был членом ЗСОИРГО. До поступления на службу в ГУЗС он более 10 лет служил в Тобольской губернской чертежной, а также Ялуторовским окружным землемером, что подтверждает профессионализм чиновника и заинтересованность в научно-государственном партнерстве. Через Съемочное отделение передавались карты и чертежи для научного изучения, они уточнялись во время научных экспедиций членов общества и вновь возвращались в ГУЗС для «государственного употребления».

⁹ Бобров Л. А., Шереметьев Д. А. Сабли казахских воинов из фондов российского этнографического музея // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, Филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 233–244.

¹⁰ Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 2. Омск, 1880. С. 239–241.

¹¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15871 (Формулярные списки о службе чиновников Западной Сибири).

¹² Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 1. Омск, 1879. С. 4.

Среди членов ЗСОИРГО были молодые чиновники, получившие столичное образование. Это Иван Александрович Козлов (помощник столичного начальника I отделения ГУЗС) и Яков Павлович Косаговский (коллежский асессор, старший чиновник по особым поручениям при ГУЗС). Яков Павлович имел опыт службы в Министерстве иностранных дел, а Иван Александрович являлся кандидатом прав Санкт-Петербургского Императорского университета. Степень и роль участия Я. П. Косаговского в деятельности общества оценить не удалось, а вот И. А. Козлов активно работал в обществе, с 1885 г. выступал с докладами, а также в течение восьми лет создавал инвентарный и карточный каталог для первой научной библиотеки на базе ЗСОИРГО¹³, в конце 1880-х годов получил должность секретаря ЗСОИРГО. И. А. Козлов не был ученым, по тематике его доклады в основном носили характер обобщения и обзора деятельности ученых, но он сыграл свою роль в грамотном ведении дел общества.

Наиболее яркие представители научных экспертов, состоявших на государственной службе, в составе ЗСОИРГО — Николай Никанорович Балкашин и Николай Михайлович Ядринцев. Николай Никанорович Балкашин родился в Тверской губернии, окончил курс наук в первом Московском кадетском корпусе, состоял на службе у Московского генерал-губернатора и в Демидовском юридическом лицее и поступил на службу в ГУЗС только в 1875 г. В Западную Сибирь он приехал по приглашению генерал-губернатора Н. Г. Казнакова. Научная деятельность Н. Н. Балкашина была плодотворна и связана в основном с государственными интересами развития торговли в Азиатской России.

Н. Н. Балкашин совершил научную экспедицию на север края и Обскую губу совместно с Н. Г. Казнаковым, который оказался первым сибирским губернатором, совершавшим такую поездку. Результаты экспедиционной деятельности были опубликованы в Записках ЗСОИРГО за 1879 г. под заголовком «О пароходстве в Обской губе и морской торговле Западной Сибири с Европой в 1877–1878 гг.»¹⁴. Автор данного обзора сделал выводы о плавании по Оби и Иртышу от Тобольска до Тюмени, прямом сообщении по Оби до Обдорска, обозначил новые возможные торговые пути на севере Сибири, описав экономические условия существования северных инородцев. Кроме выполне-

¹³ Огурцова Н. В. История первой научной библиотеки Омска // Вестник Омского университета, 2002. № 2. С. 75.

¹⁴ Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества... Кн. 1. С. 3.

ния государственного задания Н. Н. Балкашин во время экспедиции посетил ряд архивов западносибирских городов. В последующие годы им была опубликована статья «Был ли Ермак пожалован в князья?»¹⁵ (1880 г.) и «Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и Китайскими владениями» (1881 г.). Впоследствии Н. Н. Балкашин проводил исследования жизни кочевников («Об исследованиях Киргизской орды», «О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах»), результаты которых сыграли важную роль в обсуждении проектов степной колонизации.

Николай Михайлович Ядринцев более известен как публицист и общественно-политический деятель, чем как чиновник. Его научные и публицистические произведения, посвященные Сибири, появились задолго до его поступления на государственную службу. Н. М. Ядринцев был сибиряком, родом из Омска. Он окончил Томскую мужскую гимназию и был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета. После помилования по делу об областничестве он был приглашен для службы в ГУЗС генерал-губернатором Н. Г. Казнаковым. По отчету за 1879 г. он занимался обработкой обширного материала, как собранного им самим, так и доставленного «с разных сторон» по вопросам о ссылке в Сибирь, землевладении и крестьянском хозяйстве в Западной Сибири. В 1878 г. Н. М. Ядринцев принял участие в экспедиции на юг Томской губернии — в Горный Алтай. В результате данной экспедиции он изучил водные бассейны Барабы, Обское хлебное судоходство, курганы близ Барнаула, сделал некоторые выводы о состоянии картографии этого края, старообрядцах на территории Алтая, а также о мерах укрепления переселенцев в этих местах. В 1880 г. Н. М. Ядринцев опубликовал статью «Судьба русских переселений за Урал», представлявшую собой результат исследований и наблюдений во время последней поездки автора по поручению отдела в Алтайский край¹⁶. В 1881 г. в Записках ЗСОИРГО была опубликована «Программа исследования сельской общины в Сибири» Н. М. Ядринцева¹⁷.

Интересы экспертов Н. М. Ядринцева и Н. Н. Балкашина в 1870-х — начале 1880-х годов столкнулись при обсуждении проектов степной колонизации. Их позиции существенно повлияли и на организацию

¹⁵ Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества... Кн. 2. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 3. Омск, 1881. С. 4.

переселенческого дела, и на втягивание местного общества в обсуждение колонизационных проектов¹⁸.

В 1880-х годах в связи с появлением новых общественных объединений на территории Сибири увеличивается количество чиновников, участвующих в их деятельности. Например, членом Западно-Сибирского окружного управления Российского общества Красного Креста стал коллежский советник Эдуард Иванович Эзет¹⁹, который в 1881 г. был младшим чиновником по особым поручениям по технической части в Главном управлении Западной Сибири, а в 1887 г. — городским головой Омска.

В итоге можно выделить как минимум три варианта совмещения государственной работы с научной или общественной деятельностью. Для 1860-х годов наиболее распространена была практика, при которой чиновники состояли в научных или благотворительных обществах «по долгу службы», не принимая значительного участия в их деятельности. Благотворительное общество попечения о тюрьмах — классический пример общества, организованного и действовавшего по инициативе государства при содействии местной общественности. Роль председательствующего директора этого общества, выполняемая советником ГУЗС от Министерства внутренних дел, свидетельствует, с одной стороны, о важности данного общества для государства, а с другой — о признании того, что в данном вопросе должны участвовать как государство, так и представители общественности. Второй вариант совмещения — «чиновники-специалисты в общественных организациях». К этой группе можно отнести трех членов Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, которые не выпускали литературных или научных публикаций, однако способствовали развитию общества через применение административных ресурсов. Третий вариант — «ученые-эксперты на службе государства». Наиболее ярким примером в данном случае является Н. М. Ядринцев, ставший ученым задолго до того, как он получил чин и должность. Обширные темы для исследований, энциклопедичность знаний, его вклад в изучение и развитие сибирского общества очень высок. Н. Н. Балкашин тоже может быть отнесен к данной категории. Конечно, он был больше «мундирным чиновником»: судя по кругу исследуемых им вопросов, темы выбирались из соображений «государственной необходимости». Однако содержание его труда сви-

¹⁸ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации в 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Омск, 2010. С. 47–74.

¹⁹ Памятная книжка Акмолинской области на 1887 год. Омск, 1887. С. 18.

детельствует, что параллельно с вопросами государственной важности он затрагивал в своих исследованиях и исключительно научные темы.

Наличие научных экспертов на службе государства говорит о том, что в Сибири служили в том числе люди, которые действительно стремились не только искать возможности для собственного развития, но и принести пользу обществу и своему региону. Благодаря деятельности чиновников развивалась не только система государственного управления, но и благотворительные и научные общества Западной Сибири.

А. В. Филимонов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Вклад начальников Алтайского округа в развитие деятельности общественных неполитических организаций в конце XIX в.

В исследовании рассматривается участие главных административных лиц Алтайского округа Томской губернии в процессе создания и деятельности общественных неполитических организаций в 1880-х – 1890-х годах. Прослеживаются обстоятельства включения данных представителей чиновничества в социокультурную деятельность. Особое значение уделяется фактам взаимодействия начальников Алтайского округа с представителями местного общества (учеными, политическими ссыльными, купцами) по вопросам благотворительности, науки, образования. Выявлены основные формы вклада глав алтайской администрации в деятельность общественных организаций: помощь в разработке устава, ходатайство об открытии, привлечение новых членов, определение текущих задач, координирование действий с местным самоуправлением, администрацией и другими общественными объединениями. Сделан вывод о положительной роли начальников Алтайского округа в процессе развития элементов гражданского общества на местном уровне.

Ключевые слова: Алтайский округ, Томская губерния, Российская империя, общественные организации, чиновник.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–39–60013.

Одной из ключевых проблем современности является построение гражданского общества, в число основных элементов которого входят общественные неполитические организации. Особое значение имеет налаживание сотрудничества между государством и обществом. Важную роль в этом процессе должен играть чиновник, выступая не только как часть механизма по реализации государственной политики, но и как самостоятельное лицо, посредник между участниками

данного диалога. Ввиду этого возникает необходимость обращения к историческому опыту Российской империи. На период второй половины XIX — начала XX в. пришелся пик создания различных обществ, а также сформировались корпоративные черты чиновничества как социально-профессиональной группы. В это время власть и представители науки, бюрократия и интеллигенция пытались наладить сотрудничество по вопросам развития страны. Картину появления в Российской империи элементов гражданского общества также невозможно воссоздать без изучения местных особенностей.

Процесс формирования и развития общественных организаций в Западной Сибири неоднократно становился объектом изучения исследователей. Социально-экономические основы, юридический статус, организационная структура и государственно-административный контроль, основные типы и специфика деятельности общественных организаций данного региона рассматривались в трудах Е. А. Дегальцевой, Д. И. Попова, А. Ю. Дергачева¹. Изучение общественных организаций Сибири как институтов зарождающегося гражданского общества предпринималось А. В. Литягиной, Е. Е. Ермаковой и Е. И. Камышевым². В частности, авторами была отмечена полифункциональность обществ в Сибири и сделан вывод о том, что добровольные ассоциации могли выступать каналом взаимодействия государства и общества и средством преодоления противоречий между ними.

Важную роль в контексте исследования играет понимание чиновничества как социально-профессиональной группы с особой внутренней иерархией и этикой, выделение его характерных черт на региональном и губернском уровнях. В монографическом исследовании А. В. Ремнева на примере Сибири и Дальнего Востока развивается мысль о формировании окраинного типа чиновника³. Социокультурные характеристики чиновничества Западной Сибири, включая их положение в социальной

¹ *Дергачев А. Ю.* Научные общества в Сибири в период капитализма (основные черты и особенности) // Проблемы истории Сибири: общее и особенное: Бахрушинские чтения 1990 г.: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 57–72; *Дегальцева Е. А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.): монография. Барнаул, 2002. 288 с.; *Попов Д. И.* Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006. 50 с.

² *Литягина А. В.* Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: монография. Бийск, 2014. 180 с.; *Ермакова Е. Е., Камышев Е. И.* Общественные организации Сибири как институты зарождающегося гражданского общества в дореволюционный период // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. №2 (24). С. 77–84.

³ *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков: монография. Омск, 2004. 552 с.

структуре, уклад жизни, социально-психологические черты, участие в общественной внеслужебной деятельности, раскрываются в трудах Т. А. Фроловой и Д. В. Андрияновой⁴.

Отдельную группу составляют исследования, посвященные изучению представленных выше вопросов в рамках Алтайского округа Томской губернии. Внимание историков привлекала научная и культурно-просветительская деятельность Общества любителей исследования Алтая и Общества попечения о начальном образовании Барнаула⁵. Определенный интерес вызывало местное чиновничество. Так, численность, социальное происхождение, источники комплектования, иерархия чиновников горнозаводского Алтая рассматривались А. А. Пережогиным⁶. Отношения сибирской, в том числе алтайской, администрации со ссыльными в рамках научной деятельности изучались Т. К. Щегловой, А. Ю. Дергачевым, Н. Д. Игумновым⁷.

В целом, несмотря на проработку ряда сюжетов, внеслужебная деятельность глав администрации Алтайского округа Томской губернии нуждается в более подробном изучении. Анализ обстоятельств включения данных чиновников в социокультурную деятельность, особенностей их взаимодействия с представителями местного общества и форм вклада в деятельность общественных организаций позволит раскрыть на местном материале место служащих в процессе налаживания государственно-общественного диалога.

⁴ Фролова Т. А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 25 с.; Андриянова Д. В. Социокультурный облик канцелярских служащих губернских учреждений Западной Сибири в 1895–1917 годах // Научный диалог. 2018. № 12. С. 271–287.

⁵ Кладова В. П. Из истории библиотеки Общества любителей исследования Алтая // Ползуновский альманах. 1999. № 1. С. 156–160; Фадеев К. В. Складывание исторического краеведения в Томской губернии во второй половине XIX — начале XX века // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2005. С. 167–174; Никулина И. Н., Потупчик М. Н. Роль библиотек Общества попечения о начальном образовании в культурном развитии Барнаула (80-е гг. XIX — начало XX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 62–66.

⁶ Пережогин А. А. Чиновный мир горнозаводского Алтая во второй половине XVIII — первой половине XIX века: численность, социальное происхождение, источники комплектования // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 121–128.

⁷ Щеглова Т. К. 100 лет со времени организации статистического бюро при управлении Алтайского края // Страницы истории Алтая 1994 г.: библиогр. указ. Барнаул, 1993. С. 121–127; Дергачев А. Ю. Власть, научные общества и политическая ссылка в Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 2 (14). С. 123–133; Игумнов Н. Д. Высшая сибирская администрация и организация изучения Сибири во второй половине XIX века // Научный диалог. 2017. № 6. С. 205–219.

При исследовании истории появления общественных организаций в Западной Сибири особый исследовательский интерес вызывает Барнаул. Во второй половине XIX — начале XX в. центр Алтайского горного округа был вторым в Томской губернии по числу открытых обществ: 88 — в Томске, 26 — в Барнауле, 19 — в Бийске, 16 — в Новониколаевске⁸. При этом город представлял пример особых взаимоотношений государственных служащих и местной общественности. В Барнауле находилось большое число образованных чиновников, охотно принимавших участие в работе городского самоуправления и различных обществ⁹. Одними из наиболее активных организаторов и участников общественных организаций являлись главы алтайской администрации.

В 1883 г. должность начальника Алтайского горного округа занял Н. И. Журин. Он имел отличную техническую подготовку: окончил реальную гимназию и Горный институт с золотой медалью, работал на машиностроительном заводе в Бельгии, служил на уральских заводах¹⁰. В отношении служебной деятельности его руководство знаменовало проведение ряда модернизационных решений в горной отрасли. Современники отмечали «неподкупную честность» и «необыкновенную скромность» Журина¹¹. Начальник Алтайского горного округа стремился принимать активное участие в жизни местного общества, отличаясь при этом достаточно либеральными взглядами.

21 сентября 1883 г. томский губернатор И. И. Красовский направил министру внутренних дел проект устава Общества попечения о начальном образовании (далее — ОПоНО) в Барнауле, составленный по образцу устава аналогичной организации в Томске¹². Известный своей нелюбовью к политическим ссыльным, он предлагал дополнить текст примечанием о запрете участия в деятельности общества лиц, находящихся под надзором полиции¹³. После рассмотрения проекта департаментами министерств внутренних дел и народного просвещения данное дополнение вошло в итоговый проект устава. 7 октября 1884 г. ОПоНО официально начало свою работу.

Несмотря на формальные ограничения, деятельность общества с самого начала оказалась тесно связана с политическими ссыльными. Сама идея его создания была выдвинута Н. И. Журиным совместно со ссыльным

⁸ Литягина А. В. Светское просвещение... С. 57.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Завадовский Н. Н. И. Журин. Некролог // Восточное обозрение. 1892. 15 марта. С. 6–7.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 19. Д. 422. Л. 1.

¹³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 19. Д. 422. Л. 1 об.

учителем В. К. Штильке¹⁴. На первом собрании оба организатора были избраны на ведущие должности (Журин — почетным председателем, Штильке — его секретарем и заместителем), после чего занялись поиском новых членов и сбором средств¹⁵. Начальник Алтайского горного округа сыграл важную роль в деятельности ОПоНО: благодаря его участию в общество удалось привлечь местных чиновников и купцов. Так, в числе учредителей ОПоНО значился С. И. Гуляев — начальник V отделения Алтайского горного управления, известный сибирский фольклорист, публицист, член 11 научных обществ¹⁶. Значительный вклад внес Штильке, фактически являвшийся руководителем ОПоНО. Находясь под полицейским надзором, он изыскивал возможности для барнаульских политических ссыльных принять участие в работе общества, что подтверждается отчетами и списками его членов за различные годы¹⁷. Несмотря на ограничения устава и противодействие вышестоящих инстанций (например, в 1888 г. Департаментом полиции МВД было заведено дело о «вредном влиянии» Штильке на учащуюся молодежь), алтайская администрация поддерживала инициативы ссыльного, понимая важность просвещения местного населения.

Опыт создания общественной организации вновь пригодился Н. И. Журину в 1891 г., когда в Барнауле по его инициативе было основано Общество Любителей исследования Алтая (ОЛИА)¹⁸. В первом выпуске печатного издания общества, «Алтайского сборника», отмечалось, что в лице начальника алтайской администрации мысль о создании общества нашла «горячего приверженца и умелого организатора» — он помогал в разработке программы, привлечении членов, ходатайствовал об утверждении устава и открытии организации¹⁹. Вскоре после открытия ОЛИА Журин умер.

Новым начальником Алтайского горного округа в 1892 г. был назначен В. К. Болдырев. В отличие от Н. И. Журинина он получил военное образование, служил подпрапорщиком в лейб-гвардии Финляндском полку. В алтайский период службы Болдырев зарекомендовал себя как «просве-

¹⁴ Материалы для библиографии Алтая (1891–1893 гг.) // Алтайский сборник. Вып. 1. Томск, 1894. С. 27.

¹⁵ Журин Николай Иванович (1841–1891) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края. URL: <https://www.altairegion22.ru/authorities/historians/zhurin>.

¹⁶ Дегальцева Е. А. Общественные неполитические... С. 34.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Баскакова И. В. Миграционные процессы второй половины XIX — начала XX вв. на юге Западной Сибири в контексте правительственной переселенческой политики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2007. С. 16.

¹⁹ Алтайский сборник. Вып. 1. Томск, 1894. С. 1.

щенный и образованный», «с кипучим темпераментом, человек страшной силы и энергии», активно участвовавший в жизни местного общества²⁰. В 1892 г., практически одновременно с вступлением в должность главы алтайской администрации, Болдырев вступил в ОЛИА и Томское общество естествоиспытателей и врачей²¹. Также он оказывал постоянную поддержку ОПОНО: добился от Кабинета е. и. в. бесплатной передачи обществу Аптекарского сада и места сгоревшего здания тюрьмы, где в 1900 г. по его инициативе был построен Народный дом²². Как и Н. И. Журин, В. К. Болдырев допускал участие в составе общественных организаций политических ссыльных (в частности, ведущую роль в ОЛИА играл ссыльный народник С. П. Швецов).

Активное участие В. К. Болдырев принимал в деятельности Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам (ОВНП), созданного в Санкт-Петербурге 6 ноября 1890 г. Своей целью общество провозгласило помощь правительству в деле устройства переселенцев и снабжения их во время пути. Отчеты ОВНП за вторую половину 1890-х — начало 1900-х годов свидетельствуют о важности роли Болдырева в составе общества. Во время поездок в Санкт-Петербург глава администрации Алтайского горного округа лично принимал участие в заседаниях ОВНП, помогал своим знанием местных условий и жизни переселенцев. Чиновник сыграл главную роль в согласовании деятельности ОВНП с недавно созданным ОЛИА. Являясь почетным председателем ОЛИА, он регулярно передавал ОВНП собранную с мест информацию о нуждающихся в помощи переселенцах и контролировал перевод и использование по назначению средств петербургского общества (за период 1894–1901 гг. было израсходовано 3,2 тыс. руб.)²³. Для помощи ОВНП В. К. Болдырев также стремился использовать свое служебное положение: в частности, исходатайствовал из средств Кабинета е. и. в. 5,3 тыс. руб. на открытие сельскохозяйственных складов для переселенцев²⁴.

Возглавив ОЛИА, В. К. Болдырев предпринял ряд мер для развития его научной деятельности. На собрании 1 ноября 1892 г. он, подводя итоги первого года деятельности общества, выдвинул идею публика-

²⁰ Цит. по: *Шеглова Т. К.* 100 лет... С. 121.

²¹ Краткий отчет Совета Общества любителей исследования Алтая // Алтайский сборник. Вып. 1. Томск, 1894. С. 49; *Некрялов С. А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013. С. 175.

²² Болдырев Василий Ксенофонович (1850–1916) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края. URL: <https://www.altairregion22.ru/authorities/historians/boldirev>.

²³ *Дергачев А. Ю.* Научные общества в Сибири... С. 181–182.

²⁴ Отчет общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. Вып. 3: С 10 ноября 1896 по 10 декабря 1900 г. СПб., 1903. С. 183.

ции накопившихся научных материалов в виде сборников. По мнению главы алтайской администрации, ознакомление с деятельностью общества могло обеспечить поддержку со стороны местного населения в виде денежных пожертвований, присылки статей, заметок, наблюдений и пр.²⁵ Под его руководством были собраны средства для публикации первого выпуска в типографии П. И. Макушина в Томске²⁶. В 1893 г. представителями ОЛИА было осуществлено крупное исследование быта водворившихся в Алтайском округе переселенцев, ставшее возможным благодаря участию Болдырева (на счет общества поступило 600 руб. из сумм Кабинета е. и. в.)²⁷.

В целом начальники Алтайского округа в 1880-х — 1890-х годах внесли существенный вклад в создание и развитие деятельности общественных организаций. На этапе формирования обществ данные чиновники могли оказывать помощь в разработке устава и ходатайствовать об открытии новой организации перед правительством. В дальнейшем главы алтайской администрации участвовали в формулировании текущих задач организации, занимались привлечением новых членов в ее состав, в том числе допуская участие политических ссыльных, использовали служебное положение для обеспечения финансовой и материальной поддержки со стороны государства и местного населения. Особо следует отметить координационную роль начальников Алтайского округа, стремившихся объединить усилия обществ с местным городским самоуправлением, представителями администрации, другими общественными объединениями. В целом их деятельность способствовала развитию элементов гражданского общества на местном уровне. Тем не менее в конце XIX в. данный процесс был далек от завершения. Дальнейшей консолидации и институционализации добровольных общественных организаций препятствовала политика их жесткой регламентации со стороны правительства, претерпевшая изменения только после революции 1905–1907 гг.

²⁵ Базылева Е. А. Из истории выпуска и распространения изданий Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2009. № 4/1. С. 25.

²⁶ Ермакова Л. И. Ноябрь, 1894 год [Электронный ресурс] // Весь Алтай. URL: <http://altlib.ru/7436-2>.

²⁷ Дергачев А. Ю. Научные общества в Сибири... С. 64–65.

М. Ю. Чупин

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**Самопрезентация
переселенческих чиновников
в справочниках для переселенцев
(конец XIX — начало XX в.):
«обновленный бюрократ»
или «чиновник для народа»**

На основе анализа справочников Переселенческого управления для крестьян выявлена самопрезентация переселенческих чиновников, их представления о собственной деятельности. Справочники транслировали представления о ролях, функциях и пределах ответственности чиновника и переселенца. Переселенческий чиновник нетипичен, он заботился не только об интересах государства (или собственных интересах), но и о переселенцах. Переселенческое управление частично смягчало трудности переселения посредством устройства складов, выдачи пособий и ссуд, предоставления льгот, но при этом основная тяжесть переселения и ответственность за его успех ложились на переселенца. Сделан вывод, что чиновники Переселенческого управления самопрезентовали себя как чиновников для народа.

Ключевые слова: переселение, Переселенческое управление, справочники, чиновничество Российской империи, образ правительства, Сибирь.

Проблемным и даже большим вопросом современной России является формирование имиджа правительства. Необходимо, чтобы конструируемые образы бюрократии коррелировались с действительностью, так как трансляция заведомо ложных или сомнительных представлений, несомненно, вызовет разочарование и неприятие. В то же время важно деконструировать устоявшиеся и односторонние стереотипы о чиновнике как взяточнике, казнокраде и т. д., поскольку через эти паттерны общество не замечает конструктивные управленческие практики, решения, положительные качества чиновников. Данное исследование позволит показать вариант формирования такого имиджа. На наш

взгляд, также необходимо формировать у граждан представления о пределах ответственности между властью и гражданами за благополучие личности и общества в рамках государства, что также прослеживается в текстах справочников.

Изучение данной проблемы позволит выявить представления служащих Переселенческого управления о ролях, функциях и пределах ответственности чиновника и переселенца за результаты переселения, которые переселенческие чиновники транслировали в справочниках. В частности, исследование позволит ответить на вопрос, от кого, по мнению чиновников Переселенческого управления, в большей степени зависело «возвращенчество»: от государства или переселенца.

Исследованием переселенческих ведомств и их чиновников в разное время занимались А. А. Кауфман, Г. К. Гинс, Л. Ф. Скляр, В. Г. Тюкавкин, В. Сандерланд¹. Что касается репрезентации чиновников Переселенческого управления и других учреждений, то ее изучали А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова². Однако названные исследователи рассматривали самопрезентацию Переселенческого управления в научной литературе и периодике, которые, в отличие от анализируемых в данной статье справочников, в основном были недоступны для крестьян. В результате авторы установили, что для интеллигенции, на которую в первую очередь ориентировались научные труды и пресса, переселенческий чиновник представлялся, как правило, в образе «обновленного бюрократа». «Обновленный бюрократ» действовал в новом правовом пространстве переселения, которое только складывалось, а основные участники процесса не знали норм и процедур переселения, только приспособлялись к ним. Чиновник должен соблюдать эти нормы, но экстренность и чрезвычайность обстоятельств ему этого не позволяли, что делало его «обновленным».

Целью данного исследования является реконструкция образа переселенческого чиновника, транслируемого в справочниках Переселен-

¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 349 с.; Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 2. 48 с.; Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.; Тюкавкин В. Г. Великолукское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. 304 с.; Сандерланд В. Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 105–149.

² Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги как орган регионального управления // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX — первой трети XX вв. Томск, 1994. С. 41–60; Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация азиатской России: имперские и национальные сценарии. Второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013. 248 с.

ческого управления для крестьян, их представлений о функциях и пределах ответственности чиновника и переселенца. Справочные книги издавались с 1897 по 1917 г. в Санкт-Петербурге и пользовались спросом. Тиражи от 100 тыс. до 300 тыс. экземпляров могли обеспечить информирование значительной части потенциальных переселенцев³.

В справочных книгах, составляемых служащими Переселенческого управления, среди сведений о порядке переселения и сибирском хозяйствовании присутствует немало упоминаний о переселенческих чиновниках. Составители таким образом осуществляли самопрезентацию, то есть транслировали представления о себе. Они не просто перечисляли функции и полномочия, но выстраивали и разграничивали пространство собственной деятельности, соучастия с крестьянами и иными чиновниками.

Специфика переселенческого дела, служба на далеких и глухих окраинах являлась фильтром для отбора чиновников, который делал их штат нетипичным в сравнении с другими властными структурами. Современники отмечали, что в переселенческом ведомстве и в центре, и на местах служили преимущественно сторонники левых взглядов⁴. В связи с недостатком образованных кадров в Сибири Переселенческое управление на местах в условиях массового переселения принимало людей «с предосудительным формуляром», в том числе политических ссыльных. Переселенческие чиновники выстраивали свою идентичность на противопоставлении бюрократам других центральных ведомств (министерств финансов, путей сообщения) и местного управления. По представлениям переселенческих чиновников, их ведомство организовало «живое дело» переселения без «канцелярского формализма», «блестящей отчетности» и нежизненного академизма, при этом они не относились к службе как средству наживы или простого заработка⁵. Со стороны крестьян это понимание особенностей переселенческого чиновника зафиксировал чиновник Переселенческого управления В. Ф. Романов. Он писал: «Местные наши агенты были любимы населением; слово „переселенный“ произносилось крестьянами совершенно иным тоном, чем „земский“»⁶. Такое отношение крестьян к переселенческим чиновникам подтверждал также историк В. Г. Тюкавкин⁷.

³ Кузьмин А. А. Информационный фактор в процессе крестьянского переселения в Сибирь // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. Омск, 2017. С. 39.

⁴ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб., 2012. С. 155.

⁵ Там же. С. 142, 187, 155.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 124.

Аналогичный взгляд на специфику переселенческих чиновников разделяли публицисты и общественные деятели конца XIX — начала XX в., в принципе критически относившиеся к государству и его служащим. Крайне уважительно о переселенческом чиновнике отзывались думец Г. Е. Львов и народник Г. И. Успенский⁸. Г. Е. Львов, изучавший и много содействовавший переселенческому делу, называл переселенческих чиновников «героями». Г. И. Успенский, также вовлеченный в переселенческие вопросы, писал: «Дело делается по-человечески, то есть именно так, как оно и должно бы было делаться также и там, в глубине России». Это не исключало острую критику со стороны оппозиционной интеллигенции в печати и думе⁹. Переселенческие чиновники фиксировали и традиционное восприятие чиновника как казнокрада со стороны крестьян: «[Переселенческие чиновники, выдающие ссуды,] перехватывают и у себя оставляют самый сок, сторублевки, а темному люду по его дурности разве-разве желтьенькая перепадет. Как же не стыдно чиновникам?»¹⁰

Составители справочников указывают следующую цель их написания: «Необходимо — и об этом заботится Правительство, — чтобы все решающиеся на такое трудное и опасное дело, как переселение, были хорошо ознакомлены со всеми законами, правилами и порядками по ходачеству и переселению, с льготами, какие предоставляются лицам, переселяющимся в установленном законом порядке, и знали также о всех трудностях, какие выпадают на долю переселенцев. Для этого издана настоящая книжка»¹¹. То есть чиновники должны были просвещать переселенца, тем самым помогая ему успешнее справиться с «трудным и опасным делом» — переселением.

При нарезке участков чиновник должен, исходя из интересов крестьян, выбрать такие участки, «чтобы годились для землепашества, житья и хозяйства». Даже несмотря на то что для нарезки во время написания справочников шли земли уже «второго сорта», и «на этих теперешних участках можно жить землепашеством — иначе их не нарезали бы»¹². Чиновники Переселенческого управления как бы оправдывались за «второсортность» земель, за невозможность устроить всех желающих в соответствии с этими пожеланиями. Однако позднее земли стали наре-

⁸ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация азиатской России... С. 95.

⁹ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник... С. 145.

¹⁰ Дедлов В. Л. Переселенцы и новые места: путевые заметки. СПб., 1894. С. 97.

¹¹ Переселение за Урал: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1910 г. СПб., 1910. С. 3, 4.

¹² Сибирское переселение... 1900. С. 4, 6.

заться лучшего качества, хотя такие участки могли находиться далеко от путей сообщений. Переселенческое управление писало, что не может брать на себя ответственность за всех тех переселяющихся, которых оно не в состоянии устроить и которым не может предоставить земли из-за их недостатка или непригодности¹³.

Переселенческое управление и его чиновников в справочниках характеризовала информация об оказании разнообразной помощи новоселам. При этом отмечалась невозможность обеспечить помощь каждой отдельной семье при огромном числе переселяющихся¹⁴. Этой ограниченной помощью Переселенческое управление пыталось частично компенсировать трудности переселения, тогда как основная тяжесть и ответственность за переселение и благосостояние в Сибири зависели от самого переселенца. В справочниках достаточно последовательно и доступно представлены образы «хорошего» и «плохого» переселенца. «Плохой переселенец» — неинформированный мигрант, который не знал, куда конкретно он идет, какую помощь получит и как ему хозяйствовать на новых местах, переселялся в Сибирь самовольно. Такого переселенца составители пытались отпугнуть от Сибири трансляцией негативных сторон сибирского хозяйствования, разоблачением слухов о широкой правительственной помощи, которая якобы позволяла устроиться в Сибири без больших трудозатрат и собственных средств. Однако «хороший» переселенец — это эффективный и самостоятельный колонизатор; он многосеменен, использует адекватные источники информации, привозит достаточно денег и не ждет от переселения легкой жизни. Такой переселенец мог устроить крепкое хозяйство в Сибири, что и являлось целью Переселенческого управления¹⁵.

Для помощи переселенцам служащие Переселенческого управления устраивали медицинские пункты¹⁶, проводили колесные дороги к переселенческим участкам. Ведомство устраивало лесные склады, которые были особенно важны в степных местностях¹⁷.

Переселенческий чиновник на местах сопровождал крестьянина в наиболее сложных ситуациях, например помогал выбрать землю. Оказывали чиновники переселенцам и другую помощь: «Они и ссуду выдадут,

¹³ Справочная книжка для ходоков и переселенцев. Переселение за Урал в 1912 году. СПб., 1912. С. 17.

¹⁴ Переселение за Урал... 1910. С. 4.

¹⁵ Сибирское переселение... 1900. С. 4.

¹⁶ Справочная книжка для ходоков и переселенцев... 1913. С. 20.

¹⁷ Справочная книжка о переселении за Урал в 1906 г.: с двумя картами: сведения, необходимые каждому хозяину, задумавшему переселение в Сибирь, и каждому ходоку. СПб., 1906. С. 30.

кому надо, и бесплатно лес выхлопочут, где есть нужда в лесе. Одним словом, со всеми нуждами следует обращаться к заведующему водворением»¹⁸. На этих должностях оказывались, как правило, наиболее опытные специалисты, имеющие значительный стаж.

Переселенческое управление устраивало сельскохозяйственные склады, где можно было в кредит приобрести сельскохозяйственные орудия и машины¹⁹, а также товаро-продовольственные лавки на Дальнем Востоке и в Енисейской губернии²⁰. Переселенческое управление содержало гидротехнические партии, которые «исследуют участки в водном отношении, роют колодцы или устраивают особые водоемы для сбережения весенней дождевой воды, а также углубляют озера»²¹.

Еще один механизм, компенсировавший трудности сибирского переселения, — выдача пособий и ссуд. Впрочем, составители замечали, что «пособия выдаются не всем, но только нуждающимся, не поровну, а по мере нужды и возможности, не в подарок, а в долг, и в очень небольшом размере: на одно казенное пособие устроиться нельзя», «рассчитано, что на это пособие не только не прокормишься до первого своего хлеба, но не устроишь и третьей части дома и хозяйства»²². Помимо пособий и ссуд государство предоставляло льготы на проезд²³, выплату податей и выполнение повинностей²⁴.

В потенциальной конфликтности переселенцев со старожилами и инородцами чиновники Переселенческого управления пытались оградить от несправедливости как переселенцев, так и старожилов. Ведомство «приказало, чтобы старожилы принимали к себе переселенцев только тогда, когда могут дать новоселу такой же надел, каким владеют сами» (а не меньшего размера). Заботясь о переселенце, чиновники не должны были нарушать законы, поэтому «в отношении [самовольных переселенцев-]захватчиков местное начальство принимает крутые меры»²⁵. Составители предостерегали переселенца от доверия к слухам и доносили до него «правду» о Сибири. Помимо информации о природных условиях, чиновники также предостерегали от обманов со стороны старожи-

¹⁸ Переселение в губернии Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую в 1907 г.: справочная книжка о переселении в лесную, лесостепную полосы Сибири. СПб., 1907. Вып. 39. С. 25, 26.

¹⁹ Справочная книжка для ходоков и переселенцев... 1913. С. 25.

²⁰ Там же. С. 25, 129.

²¹ Справочная книжка о переселении за Урал... 1906. С. 31.

²² Сибирское переселение... 1900. С. 5.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Справочная книжка для ходоков и переселенцев... 1912. С. 23.

лов, станционных «жуликов», садчиков, которые занимались поиском удачных участков для переселенцев, но нередко обманывали крестьян.

В справочнике 1913 г. была прописана процедура подачи жалоб на распоряжения заведующих подрайонами губернаторам, заведующими районами или по телеграфу в Петербург²⁶. Переселенческое управление само акцентировало внимание на возможности критики своих чиновников.

О результатах работы переселенческих чиновников и отношении к ним крестьян в контексте критики мейнстрима советской историографии писал В. Г. Тюкавкин: «В материалах отчетов, докладных, а особенно в письмах и прошениях самих переселенцев обнаружил факты совсем иного плана. Они свидетельствовали об огромной работе тех „царских чиновников“, которых клеймили „царскими бюрократами“, обвиняли в подтасовках сведений, называли „заскоружлыми“ и Ленин, и другие авторы... Но настоящим открытием оказались поездки в те села, которые были созданы в начале XX в. Их жители, старики запомнили хорошего гораздо больше, чем недостатков»²⁷.

Таким образом, чиновники Переселенческого управления, описывая в справочниках свою сферу деятельности, отмечали наиболее важные, жизненно необходимые мероприятия для устройства переселенцев на новых местах. В целом складывался образ не канцелярского работника или контролирующего и надзирающего начальника, а заботливого и рачительного помощника для нуждающегося крестьянина, информатора и просветителя. Самопрезентация чиновников была оправдана необходимостью проинформировать крестьян о возможном содействии со стороны власти, а также о правовом порядке водворения и разрешения возможных конфликтных ситуаций. Чиновники не рекламировали свою деятельность и, очевидно, не приукрашали, а, напротив, подчеркивали ее ограниченность. Составители неоднократно акцентировали внимание на том, что ведомство «только немного помогает», что помощь не могла охватить всех нуждающихся, что переселенцу было необходимо рассчитывать на свои силы и что именно на нем в большей степени лежала ответственность за результат переселения (успех или «возвращенчество»).

Многообразная и чрезвычайно значимая для крестьян-переселенцев деятельность переселенческих чиновников вызывала симпатию. Это был редкий пример чиновника, к которому «народ» относился положи-

²⁶ Справочная книжка для ходоков и переселенцев: (переселение за Урал в 1913 году). СПб., 1913. С. 22.

²⁷ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 124.

тельно, хотя паттерны, например, чиновника-казнокрада также имели место, что очень удручало переселенческих служащих. Самопрезентацию образа переселенческого чиновника, таким образом, можно выразить словосочетанием «чиновник для народа». По всей видимости, у части крестьян позитивное отношение к чиновнику формировалось именно после знакомства со справочником. При этом образ «обновленного бюрократа», характерный для самопрезентации чиновников Переселенческого управления в научных трудах и периодике, в справочниках, предназначенных для крестьян, практически не прослеживался.

А. В. ЧЕБОТАРЕВА

Донецкий национальный университет (Донецк)

Учет партийно-советских кадров Донбасса (1921–1925 гг.)

В статье освещается проблема учета региональных руководящих кадров в период 1921–1925 гг. На основе архивных материалов анализируются основные направления учетно-распределительной работы местных органов власти. Показывается переход от количественного учета всех коммунистов к индивидуально-анкетному. Прослеживается развитие распределения работников аппарата управления Донбасса. Источники позволили автору выявить, что в исследуемый период сложился механизм централизованного учета и распределения кадров.

Ключевые слова: кадровая политика, учет, распределение, партийно-советские кадры, Донбасс.

Учет — одна из важнейших функций в кадровой работе; построение учетно-распределительной системы, ее запуск и последующий мониторинг — комплекс задач, определяющий эффективность работы с кадрами. В период становления Советского государства ключевым вопросом кадровой политики большевиков было теоретическое и практическое решение проблемы подбора и распределения региональных руководящих работников, поскольку именно они проводили политику правящей партии на местах и обеспечивали лояльность местного населения к Советской власти. Важнейшим условием грамотного распределения кадров являлись их качественное изучение и регулярный учет.

Первые публикации по данной теме относятся к началу 1920-х годов. Важными для нашего исследования стали произведения советских и партийных руководителей. Основные принципы кадровой политики большевиков были определены в трудах В. И. Ленина. В правильном учете и подборе кадров, по определению В. И. Ленина, состоял «гвоздь» всей работы по строительству социализма и коммунизма. Учет — вот глав-

ное, что требовалось для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества¹.

Существенно обогатила источниковую базу обозначенной темы брошюра «Руководящие кадры Р.К.П.(большевиков) и их распределение», изданная в 1925 г. В ней был обобщен материал учета ответственных работников, дан обзор и анализ учетно-распределительной системы партии, подытожены достижения и намечены задачи партии в деле улучшения руководящего состава госаппарата².

Отдельные аспекты формирования кадрового состава управленцев находили отражение в статьях, опубликованных на страницах периодических изданий и в сборниках 1920-х годов. Так, в статьях С. Сырцова, А. Мартынова и Г. Алиханова рассматривался процесс становления распределения кадров в центральных органах управления, а также отмечалось, что классовый подход и партийность являлись доминантой в методах работы с кадрами³.

С 1950-х годов стали интенсивно исследоваться теоретические проблемы кадровой работы большевиков. Принципы и механизмы политики партии по подбору и расстановке кадров стали предметом исследования в трудах П. И. Котельникова, П. Д. Морозова, П. А. Иванова, И. И. Пронина, А. Гудкова и других⁴. Со второй половины 1980-х годов заметно вырос интерес к прикладным аспектам кадровой работы⁵.

В постсоветской историографии вопросы учета ответственных работников в первой половине 1920-х годов нашли отражение в ряде монографий и диссертаций. В исследованиях Е. Г. Гимпельсона была принята попытка реконструировать процесс становления системы рас-

¹ Ленин В. И. О современном положении и ближайших задачах советской власти // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 39: Июнь — декабрь 1919. 700 с.; *Он же*. КПСС о работе с кадрами. М., 1979. 703 с.

² Руководящие кадры Р.К.П.(большевиков) и их распределение. М., 1925. 176 с.

³ Сырцов С. Ближайшие задачи в области учета и распределения // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 49. С. 11–14; Мартынов А. Кадры и аппарат // Большевик. 1924. № 3–4. С. 1–6; Алиханов Г. Против старых методов подбора людей // Партийное строительство. 1929. № 2. С. 27–31.

⁴ Котельников П. И. О работе с кадрами. М., 1956. 126 с.; Морозов П. Д. Ленинские принципы подбора, расстановки и воспитания кадров. М., 1959. 234 с.; Иванов П. А. Сеславин М. К. Подбор и воспитание кадров — главное. М., 1963. 48 с.; Пронин И. И. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1981. 224 с.; Гудков А. Проблемы подбора советских кадров: руководителей, партийных, советских, общественных организаций // Советские народные депутаты. 1983. № 2. С. 12–19.

⁵ Шенелев В. Н. Становление и развитие централизованного учета членов партии и руководящих партийных кадров. 1917–1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1988. 24 с.; Пашин В. П. Ленинские принципы кадровой политики партии и современность. Курск, 1989. 255 с.

пределения кадров в центральных органах управления, однако не рассматривался региональный уровень⁶. С. А. Павлюченков, опираясь на архивные документы, изучил процесс становления системы учета и распределения кадров в рамках функционирования номенклатурного принципа управления⁷. Т. И. Морозова, Н. В. Киросова и Е. В. Туфанов в своих диссертационных исследованиях пришли к выводам, что в 1920-х годах завершилось формирование универсальной и всеохватывающей системы учета кадров⁸.

Историки Н. С. Дорошко и М. А. Фролов проанализировали процесс становления системы распределения национального кадрового потенциала на Украине в 1920-х — 1930-х годах⁹. На региональном уровне реализацию советской кадровой политики изучали П. В. Добров, С. М. Волкова¹⁰. Авторы рассмотрели формирование и деятельность местного аппарата управления, в том числе частично осветили номенклатурный механизм распределения управленческих кадров Донбасса. Исследователи пришли к выводу, что формирование исполнительных органов власти Донбасса было жестко подчинено политике Советского государства, а руководители исполкомов разного уровня с 1925 г. были включены в особую систему партийного контроля — номенклатуру.

Историография свидетельствует о том, что в существующих научных трудах уже раскрыты аспекты учетно-распределительной работы РКП(б) в отдельных краях, областях, губерниях Советской России и УССР. Вместе с тем до сих пор отсутствуют исследования, в которых освещался бы вопрос учета ответственных работников Донбасса. Поэтому в качестве цели исследования нами было избрано выяснение основных направлений учетно-распределительной работы в Донецкой губернии в 1921–

⁶ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы, 1917–1920 гг. М., 1998. 257 с.; *Он же*. НЭП и Советская политическая система. 20–е годы. М., 2000. 437 с.; *Он же*. Советские управленцы, 20–е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. 225 с.

⁷ Павлюченков С. А. «Орден Меченосцев». Партия и власть после революции 1917–1920 гг. М., 2008. 464 с.

⁸ Морозова Т. И. Организация и деятельность Сибирского краевого комитета РКП(б) — ВКП(б) (май 1924 — август 1930 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 270 с.; Киросова Н. В. Управленческие кадры Коми автономии в 1920–1930-е гг.: формирование и состав: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2017. 290 с.; Туфанов Е. В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2018. 500 с.

⁹ Фролов М. А. Компартийно-советская элита в Украине: особенности существования и функционирования в 1923–1928 гг. Запорожье, 2004. 800 с.; Дорошко Н. С. Номенклатура: руководящая верхушка Советской Украины (1917–1938 гг.). Киев, 2008. 365 с.

¹⁰ Добров П. В., Волкова С. Н. Деятельность местных органов власти Донбасса во второй половине 20-х — 30-х гг. XX в. Донецк, 2013. 218 с.

1925 г. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что именно в это время был осуществлен переход от коллективного к персональному учету, создана универсальная и всеохватывающая номенклатурная система.

Создание системы учета и распределения кадров связано с формированием в 1919 г. учетно-распределительного отдела Секретариата ЦК¹¹. Его основной функцией стал учет кадров ответственных партийных работников и последующее их распределение на руководящие должности в партийных и советских органах власти. Следует отметить, что термин «ответственный работник» возник уже в первые месяцы Советской власти и широко применялся на протяжении длительного времени. Под ответственными понимались «профсоюзные, партийные, кооперативные, советские и хозяйственные работники, принимающие ответственное участие в деле профсоюзного, партийного, кооперативного, советского и хозяйственного строительства, несущие ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей, но являющиеся ответственными за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций»¹².

В то же время были организованы учетно-распределительные подотделы губернских комитетов КП(б)У, которые вели учет партийно-советских работников губернского и уездного уровней, а также резерва кадров на выдвижение. С мая 1919 г., согласно директивам ЦК РКП(б), все местные партийные комитеты должны были в срок предоставлять ЦК сведения обо всех членах комитетов и ответственных работниках. Согласно циркулярному письму ЦК КП(б)У от 31 декабря 1920 г., губкомам предписывалось дважды в месяц, 1-го и 15-го числа, присылать в ЦК карточки вновь прибывших товарищей, а также давать точные первичные сведения обо всех перемещениях партийных работников. Так, в «Сводке о движении партработников за июль 1921 г.» Донецкого губкома КП(б)У отмечалось, что на протяжении указанного месяца в его распоряжение прибыли 44 ответственных работника, были перемещены с одной должности на другую — 487, в том числе 252 откомандированы за пределы губернии¹³.

В отчетных сводках партийные работники делились на три категории: «ответственные», «средние» и «рядовые». Четких критериев определения степени ответственности не давалось, приводились только при-

¹¹ Известия ЦК РКП(б) (Москва). 1919. 28 мая.

¹² Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 175.

¹³ Государственный архив ДНР (ГА ДНР). Ф. П-1. Оп.1. Д. 24. Л. 73.

меры: ответственные работники — члены губернских и уездных парткомов и исполкомов, члены коллегий уездных и губернских учреждений, члены правления профсоюзов и т. д.; средние работники — секретари отделов и заведующие подотделами губернских парткомов и исполкомов, заведующие уездными отделами и т. д.; к рядовым относились технические работники¹⁴.

Для выполнения основных задач в области учета ответственных работников возникла необходимость перехода к их планомерному изучению с целью более рационального распределения и использования¹⁵. Изучение должно было идти по двум направлениям: рассмотрение общих качеств и практическая оценка их работы¹⁶. В октябре 1920 г. учетно-распределительный отдел Донецкого губкома КП(б)У на основе анкетных данных составил для ЦК РКП(б) списки ответственных работников губернии¹⁷. Анкеты 1920 г. состояли из 16 пунктов: фамилия, имя, отчество; возраст; национальность; место рождения; образование; род занятий; наличие недвижимости; принадлежность к партии, время вступления; номер партийного билета; состоял ли в других партиях; какую партийную работу выполнял; занятия до войны; занятия во время войны; участие в Февральской революции; участие в Октябрьской революции; выборные должности после революции в Советах, профсоюзных организациях, фабрично-заводских предприятиях¹⁸. Таким образом, большинство вопросов анкеты касались политических качеств работника. Судить же о реальных деловых качествах анкетированного на основе полученных данных было очень сложно. Каждая анкета дополнялась характеристикой, в которой обычно оценивался предыдущий опыт работы и инициативность¹⁹.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. отмечалась необходимость дальнейшего упорядочения расстановки кадров и их распределения с учетом деловых качеств работника²⁰. Для реализации поставленных задач ЦК РКП(б) направил инструкции и телеграммы губкомам о проведении партийной переписи ответственных работников (июль 1921 г.). Задача переписи заключалась в том, чтобы определить количественный и качественный состав руководящих кадров в губерниях и уездах, террито-

¹⁴ ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

¹⁵ ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 203. Л. 10.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГА ДНР. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 95. Л. 20.

¹⁸ ГА ДНР. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 257–287.

¹⁹ Пашин В. П. Страна номенклатуры. Курск, 1992. С. 11.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова: в 3 ч. Ч. I: 1898–1924. Москва, 1954. С. 469.

риальное их распределение, целесообразность использования, собрать объективный материал о каждом ответработнике (его практический стаж в разных областях и т. п.), характеристику губкомов и другие сведения²¹. В Донецкой губернии планировалось провести перепись, согласно инструкции ЦК КП(б)У, с 1 по 3 июля 1921 г.²²

В октябре того же года пленум ЦК РКП(б) принял постановление «Об учете ответработников и порядке их распределения», в основу которого легло предложение В. И. Ленина «об изучении состава ответственных работников-коммунистов с точки зрения их пригодности к работе разного масштаба и разного рода»²³. Так, учетно-распределительный отдел ЦК КП(б)У в письме к губкомам дал указание вести учет ответственных работников, которые «проходят через ЦК КП(б)У», по следующим категориям: 1 — всеукраинского масштаба; 2 — губернского масштаба; 3 — уездного масштаба; 4 — городского масштаба; 5 — рядовые; 6 — рядовые-производители. Работники первой, второй и третьей категорий дополнительно делились на группы: партийные, советские, профсоюзные, продовольственные и кооперативные, военные. На каждого работника предстояло завести личную карточку²⁴.

Стратегическое значение разноуровневого учета ответственных работников в зависимости от занимаемой должности определялось, во-первых, необходимостью перехода к индивидуальному учету партийных работников, во-вторых, невозможностью сосредоточения в ЦК РКП(б) учета всех кадров. Вместо этого создавалась стройная система учета от партячейки до ЦК РКП(б). Учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б) в отчете о работе за период с марта 1921 г. по март 1922 г. указывал, что отныне ЦК РКП(б) получил возможность «перейти к постановке серьезных и продуманных заданий в области планомерного и систематического учета как предпосылки правильного распределения»²⁵. Такая структура разделения ответственных работников на группы и уровни являлась первой ступенью к будущей номенклатуре должностей.

К концу 1921 г. ЦК РКП(б) постепенно унифицировал работу по учету ответственных работников, провел целенаправленный сбор информации на местах. Так, на основе постановления пленума ЦК РКП(б) от 5–8 октября 1921 г. и резолюции, принятой на совещании секретарей губкомов по учету и распределению работников 27 декабря 1921 г., был разработан

²¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 44: Июнь 1921 — март 1922. С. 175.

²² ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 248. Л. 14.

²³ Лебин Б. Д., Перфильев М. Н. Кадры аппарата управления в СССР. Л., 1970. С. 140.

²⁴ ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 249. Л. 5.

²⁵ Известия ЦК РКП(б). М., 1922. № 3 (39). С. 28.

и принят ряд положений и инструкций по технике учета ответственных работников²⁶. Основу учета составляли три принципа: определение степени пригодности ответственного работника к должности, которую он занимал; выявление его специальности; прикрепление ответственного работника к определенной группе должностей. При этом оставался нерешенным вопрос, связанный с учетом руководящих кадров уездного масштаба. Исходя из этого, циркуляром ЦК РКП(б) № 126 от 12 декабря 1922 г. всем губкомам было предложено: а) «немедленно приступить к учету ответственных работников уездного масштаба на местах и в губцентре»; б) «произвести в кратчайший срок прикрепление к специальностям (группам и подгруппам)» и выслать в учраспред ЦК списки прикрепления и личные листки на уездработников по группам²⁷. С этого времени личные листки стали основой учета для всех категорий партийно-советских работников. Причиной этого являлась, по всей видимости, высокая информативность разработанного учраспредотделом ЦК РКП(б) документа²⁸. Следует отметить, что личный листок подкреплялся анкетой и характеристикой на ответственного работника уездного масштаба.

Универсализация анкетных вопросов позволяла определить политические и деловые качества работника. Проанализировав анкеты ответственных Юзовского уездного исполкома Советов за 1922 г., можно сделать вывод, что при подборе кадров в то время учитывались не только политические критерии (партийность, партийный стаж, социальное положение и социальное происхождение), но и профессиональные качества (основная профессия, советский стаж)²⁹.

Характеристика, кроме указаний на пригодность работника к той или иной деятельности, содержала сведения общего характера с точки зрения партийной этики. Таким образом, письменная характеристика являлась важным документом, который отражал деловые и политические качества, достоинства и недостатки работника. Изучение ответственных в результате позволяло учетно-распределительным отделам партийных комитетов дать оценку: был ли годен работник к выдвижению на более ответственную работу или подлежал переброске в дру-

²⁶ Сборник циркуляров, положений и инструкций по учету и распределению членов РКП(б). М., 1922. С. 1–12.

²⁷ ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 664. Л. 6.

²⁸ Морозова Т. И. Личные листки по учету кадров как источник изучения партийно-советской элиты Сибири 1920-х годов // Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия: мат.-лы Межрег. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию государственной архивной службы России (г. Новосибирск, 23 мая 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 197–203.

²⁹ ГА ДНР. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–27.

гую организацию/к станку/на политико-массовую работу или отправке на обучение³⁰.

Сведения об учете кадров в виде информационных сводок уездные комитеты отправляли в губком. Так, циркулярным письмом Донецкого губкома КП(б)У в 1923 г. всем укомам губернии предписывалось принять к исполнению табель «О срочных донесениях» с предполагаемыми формами отчетности³¹. Табель содержал следующие сведения: о перемещении и назначениях ответственных работников; информация, подлежащая занесению в личное дело ответственного работника; ведомости о движении партбилета; отчеты и сводки о работе комячеек³².

Время с 1923 по 1924 г. являлось новым этапом в становлении учетно-распределительной работы партийных органов. Для формирования системы учета кадров в аппарате ЦК РКП(б) функционировали специализированные подразделения — оргинструкторский и учетно-распределительный отделы, главной функцией которых стали подбор и распределение руководящих работников³³. В задачи орграспределотделов местных органов власти входила разработка материалов и предложений по персональным назначениям, по вопросам плановых перемещений, мобилизаций, а также пересмотр руководящего состава работников с точки зрения социально-партийного положения. Согласно отчету Луганского уездного партийного комитета, в период с января по апрель 1923 г. были перемещены 278 партийных работников. В это же время в Юзовском уезде переброске подверглись 159 человек³⁴.

В связи с реформой кадровой политики с 1923 г. в учетно-распределительной работе высшего партийно-советского руководства начал широко применяться номенклатурный принцип. В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 12 ноября 1923 г. впервые появился термин «номенклатура» — перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и в общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийным комитетом — от райкома до Политбюро ЦК РКП(б) — КПСС³⁵. Таким образом выработывалась единая схема учета и распределения работников по должностям.

³⁰ ГА ДНР. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1660. Л. 53–59.

³¹ Там же. Л. 4.

³² Там же.

³³ *Туфанов Е. В.* Становление и развитие советской... С. 219.

³⁴ ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1144. Л. 2, 5, 6.

³⁵ *Долженкова Е. В., Пашин В. П.* От местничества к номенклатуре: история Российского чиновничества // *Известия Юго-Западного государственного университета.* 2011. № 4. С. 174–179.

Работа по учету включала в себя несколько этапов: накопление материалов (личных листков, автобиографий, деловых отзывов и т. п.), определение квалификации, отрасли и масштаба работников³⁶. Учет и изучение кадров необходимы были не только и не столько для осведомленности об их биографиях, сколько для более точной оценки их деловых и политических качеств с целью оптимального использования человеческих ресурсов.

Изучение анкет ответственных работников окружных и районных исполкомов Сталинского округа за 1924 г. позволяет проследить критерии подбора региональных управленческих кадров. За 100 % приняты обработанные 74 анкеты. В управленческое звено были включены лица в возрасте 25–34 лет (60,7%). Эта возрастная группа обладала жизненным опытом, имела определенные политические взгляды.

Национальный состав руководящих кадров исполкомов округа был следующим: украинцами являлись 34 человека (45,8%), русскими — 27 человек (36,4%), греками — восемь (10,8%), белорусами — два человека (2,8%), евреями и немцами — по одному (по 1,4%), и еще один человек (1,4%) не указал национальность³⁷. Данные показатели отображали этническую структуру населения Донбасса 1920-х годов.

Основополагающим принципом подбора ответственных работников было их социальное происхождение: предпочтение, как правило, отдавалось рабочим, беднейшим крестьянам, солдатам и матросам. Анализ анкетных данных показал, что по социальному происхождению 32 человека (43,2%) являлись выходцами из рабочих, 30 человек (40,5%) — из крестьян, пять (6,7%) — из мещан, по три человека (по 4,1%) — из служащих и «прочих», установить социальное положение одного человека (1,4%) не удалось³⁸.

Из общего числа ответственных работников окружных и районных исполкомов Сталинского округа (74 человека) 49 человек (66,1%) были членами РКП(б), 20 (27,0%) — беспартийными, три человека (4,1%) — кандидатами в члены РКП(б), о партийной принадлежности двух человек (2,8%) сведений нет³⁹. Что касается времени вступления в партию, то по этому параметру наблюдалось явное преобладание коммунистов, принятых в большевистские ряды в годы Гражданской войны, — 33 человека (44,4%). Члены партии, вступившие в нее до революции и в 1917 г.,

³⁶ Колдушко А. А. Процессы инкорпорации и экскорпорации партийной номенклатуры в 1920-х — 1930-х гг. (на примере Свердловской обл.) // Власть. 2012. № 3. С. 173–176.

³⁷ ГА ДНР. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–92.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

занимали только вторую позицию — 11 человек (14,9%). Тем не менее такой партийно-политический принцип комплектования кадрового состава оставался гарантией того, что в органы государственного управления не проникнут случайные и ненадежные кадры.

Образовательный уровень управленческих кадров окружных и районных исполнительных комитетов Советов Сталинского округа представлен следующим образом: 56 человек (75,6%) имели начальное образование, восемь (10,7%) — среднее, шесть (8,1%) — домашнее, два человека (4,2%) — высшее, один человек (1,4%) не предоставил сведения⁴⁰.

В анкетах ответработников информативны сведения о службе в рядах Красной армии. Произведенные подсчеты свидетельствуют, что среди руководящего состава советских органов 46 человек (62,2%) служили в Красной армии от восьми месяцев до шести лет, 24 человека (32,4%) — не служили (по болезни, возрасту, инвалидности, отсрочке, ввиду работы на руднике или государственных промышленных предприятиях, не подлежали мобилизации квалифицированные работники, были освобождены учащиеся и учителя). Пять человек (5,4%) не ответили на вопрос анкеты о службе⁴¹.

В целом анализ выявленных документов дает все основания утверждать, что анкеты содержали ключевую информацию о жизни и деятельности руководящего звена, на их основании производились назначения и перемещения с одной должности на другую. Но вместе с тем некоторые вопросы анкет отличались формализмом и субъективизмом.

С конца 1925 г. контроль за учетом, назначением и перемещением руководящих работников местных органов был ужесточен. Постановление Оргбюро ЦК «О порядке подбора и назначения работников» от 16 ноября 1925 г. обязывало все губкомы, крайкомы и ЦК национальных компартий «приступить к выработке номенклатуры должностей местных органов, назначение на которые производится с утверждением данных парторганов и по согласованию с ними, руководствуясь при этом номенклатурами ЦК»⁴². Цель новой системы учета состояла в том, чтобы дать партийным органам возможность постоянно знать, кто занимает в пределах установленной парткомами номенклатуры должности в партийных, хозяйственных, государственных, кооперативных и профсоюзных органах; вести персональный подбор работников для основных отраслей работы; систематически наблюдать за правильностью использования работников, вести учет выдвигающихся

⁴⁰ ГА ДНР. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–92.

⁴¹ Там же.

⁴² Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура... С. 27.

на большую работу, неправильно используемых и подлежащих перемещению работников⁴³.

Осознание важности учета руководящих партийных кадров пришло к правящей партии большевиков в первые годы установления Советской власти. Однако условия гражданской войны не позволяли наладить должный учет. Как правило, он осуществлялся путем сбора и хранения различных несистематизированных анкет, опросных листов и прочих документов, заполнявшихся наспех и небрежно. Разнообразие форм учета и вопросов в анкетах не позволяло ЦК РКП(б) делать обобщенные сводки. Только с 1921 г. началась реальная реорганизация учетной работы, переход от стихийных, порой вынужденных методов к планомерности, созданию определенной информационной базы. На территории Донецкой губернии развитие и становление учетной работы проходило в общесоюзном русле. В Донбассе, как и в СССР в целом, был внедрен механизм номенклатурного учета и распределения кадров. Несмотря на формально-анкетный принцип изучения работников, выстроенная система в основном способствовала рациональному использованию кадров.

⁴³ Колдушко А. А. Управление составом партийной номенклатуры в 1920-х — первой половине 1930-х годов (на материалах Прикамья) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия, право. 2013. № 8. С. 17–33.

А. А. КОЖАЕВА

Новосибирский государственный университет

Борьба лишенных избирательных прав женщин Сибири против правовой дискриминации (1928–1936 гг.)

Государственная кампания по лишению избирательных прав, будучи самой массовой дискриминационной мерой в СССР, достигла наивысшей точки в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Категория «лишенцев» трактовалась расширительно, охватывая практически всех совершеннолетних членов семьи, проживавших с ее главой. Чаще женщины лишались избирательных прав вслед за главой семьи (жены, дочери, матери), реже – индивидуально. Данная статья посвящена анализу ходатайств о восстановлении в правах женщин Сибири двух категорий – «лишенок»-единоличниц и «лишенок», которые находились на иждивении «лишенца». В исследовании выявляются тактики борьбы «лишенок» за восстановление в правах. В статье рассматривается вопрос о сходстве и различиях борьбы женщин и мужчин против правовой дискриминации.

Ключевые слова: женщины, «лишенцы», «лишенки», ходатайства во власть, адаптация, тактики поведения, дискриминация, СССР, Западная Сибирь.

Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., носила двоякий характер. С одной стороны, она наделила избирательными правами широкую массу трудящегося населения, с другой – установила новую правовую дискриминацию для значительной части общества, не вписавшейся в категорию «трудящихся» (торговцы, «эксплуататоры», предприниматели и пр.), которые лишались избирательных прав.

Лишение избирательных прав в Советской России не являлось правовым явлением, поскольку сопровождалось дискриминацией. «Лишенцы» теряли не только право голоса на выборах, но и возможность адаптироваться в обществе: мужчины не могли служить в Красной армии, трудоспособные теряли работу и не могли найти новую, их выгоняли из колхозов, а подростки лишались возможности поступить в вузы

и техникумы. Такое положение вынуждало дискриминированные слои населения бороться за восстановление в правах, используя единственно законный способ — подачу ходатайств о восстановлении в избирательные комиссии разных уровней.

Простой принцип деления взрослого населения страны на обладавших гражданскими правами и их лишенных имел и гендерное преломление. В XX в., наполненном борьбой женщин в различных государствах за избирательные права, складывалась разновекторная ситуация, когда в ряде стран они добивались равных с мужчинами прав, а в РСФСР (в дальнейшем и в СССР) их, как и мужчин, дискриминировали в правах по социально-политическим критериям.

В советской историографии проблемы, связанные с «лишенцами», рассматривались через призму «классового подхода»¹. В работах авторов «лишенчество» не являлось отдельным предметным полем, а изучалось в контексте советского государственного строительства, важнейшие стороны данной дискриминационной политики оставались за рамками исследования. С конца 1980-х годов, в связи с пересмотром прежней методологии, а также с открытием доступа историкам к ранее засекреченным архивным материалам, феномен «лишенчества» стал темой специальных исторических и правовых исследований². Появились многочисленные публикации, посвященные изучению различных категорий «лишенцев» («эксплуататоры», торговцы, священнослужители и пр.) в отдельных регионах³. В то же время данные категории не анализируются в контексте гендерной истории. Попытка изучения проблемы «лишенчества» с гендерных позиций предпринималась в работе Д. Н. Москаленской⁴, однако объектом ее исследования является категория членов семей священнослужителей-«лишенцев», тогда как другие категории автор не рассматривает. Таким образом, в историографии

¹ *Владимирский М.* Организация советской власти на местах. М., 1921. 146 с.; *Бродович С. М.* Советское избирательное право. Л., 1925. 132 с.; и др.

² *Добкин А. И.* Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. 422 с.

³ *Корни или щепки.* Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е — начало 1950-х гг.) / С. А. Красильников, М. С. Саламатова, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. 387 с.; *Валуев Д. В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.

⁴ *Москаленская Д. Н.* «Порываю всякую связь...»: члены семей священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за свои права (середина 1920-х — середина 1930-х годов) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2016. С. 167–174.

«лишенчества» имеются существенные пробелы, связанные с изучением данной дискриминационной политики с позиций гендерной истории.

Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, отличаются ли и, если различия есть, насколько существенно ходатайства «лишенок» выделяются на фоне ходатайств мужчин. Предполагается, что, хотя у них имелась одна цель — восстановиться в избирательных правах, женщины и мужчины могли использовать различные тактики, по-разному мотивировать и осуществлять на практике достижение результата. Данную задачу предусматривается решить путем анализа женских ходатайств с помощью методов реконструирования черт и особенностей языка и стиля источников, чтобы на этой основе выявить тактики борьбы «лишенок» против правовой дискриминации.

Территориальные рамки исследования охватывают Маслянинский (после объединения с Легостаевским районом в 1929 г. переименован в Никоновский, с 1933 г. — вновь Маслянинский) район, относившийся к Новосибирскому округу Сибирского края, а с августа 1930 г. — к Западно-Сибирскому краю. Район представлял собой типичный сельскохозяйственный регион с преобладанием аграрного сектора в экономике, что нашло отражение в структуре его населения, представленной прежде всего крестьянами. Все тенденции, отмеченные нами в данной статье, распространяются и на другие сельские территории (это подтверждают ходатайства из других районов, просмотренные нами).

Хронологические рамки охватывают период с 1928 по 1936 г., который характеризуется ужесточением политики «лишенчества» (увеличение численности «лишенцев» в связи с кризисами хлебозаготовок второй половины 1920-х годов), а значит, и активным вовлечением «лишенцев» в борьбу против правовой дискриминации. С принятием Конституции СССР 1936 г. практика лишения избирательных прав закончилась официально, этим обусловлен выбор верхней хронологической границы.

Источниковую базу данного исследования составили архивные материалы (ходатайства «лишенок»). Основной корпус документов по лишению избирательных прав в районах, ныне входящих в состав Новосибирской области, находится в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАО). Сформированная нами на момент написания статьи исследовательская база данных содержит информацию о 161 «лишенце», что составляет 16,2 % от общего количества личных дел (992 личных дела), хранящихся в фонде Маслянинского районного исполнительного комитета Советов⁵.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-449. Исполнительный комитет Маслянинского районного Совета депутатов трудящихся. Оп. 1.

Женщин в данной выборке всего 31 (19 %), что объясняется прежде всего особенностью хранения дел и механизмом подачи ходатайств, который был установлен Инструкцией о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.⁶ Выборка «лишенок», выделенная нами, не является однородной, так как включает несколько групп по различным характеристикам, но основных среди них было две: «лишенки», как и «лишенцы», могли попадать под дискриминацию единолично или совместно с главой семьи, которого лишали избирательных прав, соответственно обоснование и стилистика ходатайств представителей двух данных групп могли существенно различаться. Ходатайства «лишенок», как правило, хранятся в личных делах «лишенцев», так как женщины редко являлись инициаторами обжалования решений. Борьбу против правовой дискриминации начинали их родственники мужского пола, а женщины включались в нее со временем.

Основные категории «лишенцев» были установлены статьей 65 Конституции РСФСР 1918 г.⁷ Не вдаваясь в подробности, отметим, что, как правило, «лишенки» утрачивали избирательные права в связи с принадлежностью к четырем из семи категорий: а) лица, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовые доходы; в) частные торговцы; г) служители церквей и религиозных культов. Пункт «д» статьи 18 Инструкции о выборах в Советы 1925 г.⁸ утвердил новую категорию лишения — члены семей. Теперь в категорию «лишенцев» попадало большинство женщин: дочери, жены, сестры, матери и другие родственницы, которые находились на иждивении «лишенца».

В процентном отношении в нашей выборке большинство ходатайств исходило от женщин второй группы (члены семьи) — 28 «лишенок». Индивидуально дискриминированными оказались всего трое. Это объясняется тем, что главой сельской семьи традиционно являлся старший мужчина. Кроме того, «лишенки»-единоличницы редко писали ходатайства о восстановлении, а если и писали, то желали добиться восстановления в избирательных правах своих детей, а не себя. Последнее объясняется тем, что женщина редко становилась главой семьи, обычно это происходило в связи со смертью мужа. Тогда единственной материальной опорой для будущего единоличниц становились их дети. Но эта

⁶ СУ РСФСР 1930 г. № 19, ст. 212.

⁷ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

⁸ СУ РСФСР 1930 г. № 19, ст. 212.

опора была шаткой, так как детей не брали в учебные заведения, увольняли с работы и пр.

Далее следует перейти к рассмотрению ходатайств двух групп «лишек» по отдельности, выделяя основные тактики их поведения.

Крестьянки П. В. Новоселова, У. М. Краева и Е. С. Лыхина лишились избирательных прав единолично за «эксплуатацию» наемного труда. У. М. Краеву обвинили также в торговле и спекуляции. Все женщины настаивали на том, что их имущественное состояние не позволяло отнести их к разряду эксплуататоров. Так, У. М. Краева в своем заявлении⁹ в райисполком в 1931 г. писала, что владела только избой, коровой и «погребенкой», при этом не платила едиличный налог. Также женщина обвиняет своего односельчанина в том, что он несправедливо приписал ей эксплуатацию чужого труда, ведь она сама занимается батрачеством уже 20 лет.

Е. С. Лыхина в своем заявлении¹⁰ в райисполком от 27 августа 1931 г. писала, что владела избой, двумя лошадьми, коровой и тремя десятинами посева, однако она платила налог. Женщина характеризовала себя «маломочным середняком», что подтверждалось состоянием ее имущества. Вместе с тем две эти женщины не сообщают в ходатайствах о составе семей, что не позволяет нам более точно охарактеризовать тип их хозяйства.

П. В. Новоселова не приводила конкретных данных об имуществе, но в своем заявлении¹¹ в райисполком от 28 сентября 1935 г. утверждала, что занималась ведением сельского хозяйства, используя труд своих детей и родственников на время посева, добавляя, что на момент написания ходатайства сама работает «в прислугах».

Обращение к аргументации ходатайств единоличниц во власть показывает, что их борьба мало отличалась от борьбы «лишенцев», так как они в своих ходатайствах приводили аналогичные аргументы (вынужденный наем сезонных работников, самостоятельное ведение хозяйства и пр.).

Большинство женщин в нашей выборке дискриминировались как члены семьи «лишенца», на иждивении которого находились (см. табл. 1). При этом основания лишения главы семьи могли различаться: торговля и спекуляция, использование сезонного наемного труда, сдача в аренду сложной сельскохозяйственной техники (маслобойки, трещотки и др.).

⁹ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 416. Л. 2.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 496. Л. 6.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 66. Л. 84.

Таблица 1

Соотношение количества женщин разных групп родства с главой семьи*

Группа родства	Количество «лишенок»	Доля от общего количества
Жены	16	57%
Дочери	9	32%
Матери	2	7%
Сноха	1	4%
Всего	28	100%

* Составлена по: ГАНУ. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 63, 66, 75, 81, 103, 117, 141, 414, 439, 481, 502, 519, 662, 781.

В нашей выборке была только одна сноха — А. М. Бушманова, лишенная избирательных прав в 1932 г. вместе со свекром, на иждивении которого находилась. В своем заявлении¹² от 16 октября 1934 г., адресованном в Елбанский сельсовет, она утверждала, что была лишена избирательных прав неправильно, так как она и ее муж не имели связи с лишенным прав свекром.

Ходатайства жен «лишенцев» различаются по своему информационному содержанию. Данная группа «лишенок» являлась самой неоднородной, поскольку жены использовали различные тактики в борьбе против правовой дискриминации, хотя удалось выделить четыре поведенческие подгруппы среди них.

К первой относятся жены, желавшие добиться восстановления в правах после того, как спустя некоторое время умерли их мужья (всего четыре женщины выборки). Общей характеристикой этой группы жен является то, что они в своих ходатайствах не защищают мужа, их главная цель — добиться восстановления в правах для себя. Из-за тяжелых обстоятельств после смерти мужа женщины буквально оказались без средств к существованию, еще и с детьми, работу найти они не могли из-за статуса «лишенца». Поэтому только восстановление в правах позволило бы им адаптироваться в советском социуме.

Вторая подгруппа — жены, утратившие после дискриминации связь с мужем. Официально они (шесть женщин выборки) не оформили развод, но по каким-то причинам их мужья не общались с семьей. Эти жены в своих заявлениях также описывают тяжелое положение, в которое поставил их статус «лишенок». Мужья или уезжали на заработки в дру-

¹² ГАНУ. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 103. Л. 28.

гие города, но материально не поддерживали жен с детьми, или направлялись после ареста в места заключения либо принудительно выслались отдельно от своих семей. Можно предположить, что здесь жены использовали тактику утраты связи с мужьями для того, чтобы аргументировать, что они уже не находятся в положении иждивения от них.

К третьей подгруппе относятся жены, которые развелись с мужем после лишения (четыре женщины выборки). Они подробно указывали в своих заявлениях, сколько лет были разведены. Жены осознанно отрицают причастность к действиям своих мужей (наем рабочих, сдача в аренду сельскохозяйственных машин и пр.) и не защищают их. В своих заявлениях они акцентируют внимание именно на собственном «лишении». Е. М. Селедцова в своем заявлении в райисполком от 13 мая 1930 г. пишет: «Прошу восстановить *меня* (здесь и далее курсив наш. — А. К.) в правах[,] так как *со мной* грубо свел личные счета председатель совета Марьин[,] бывший торговец <...> эти лица лишили *меня* права голоса из-за мужа[,] имея ранее с ним трение по службе»¹³. Здесь видно, что женщина отделяет себя от мужа. Она не пишет «нас лишили», она говорит только о себе. Интересно, что только эта жена добилась восстановления в правах, поскольку восстановления в правах добился вначале ее бывший муж. То есть, несмотря на развод, избирательная комиссия рассматривала их ходатайства вместе, что неудивительно, ведь ее лишили именно как иждивенку.

Четвертая подгруппа — жены, которые не разорвали связь со своими мужьями (две женщины выборки). Их поведение резко выделяется среди остальных, поскольку только они в своих заявлениях защищают мужей. В заявлениях «лишенки» приводят такие аргументы, которые показали бы, что причины лишения (использование труда батраков, занятие торговлей и пр.) их мужей ложны. Волкова в своем ходатайстве¹⁴ в райисполком в 1936 г. описывает подробную биографию мужа: воевал в Первой мировой войне, затем был призван в РККА и сражался «против Мохны», избирался председателем сельского совета, затем его незаконно лишили избирательных прав якобы из-за использования наемного труда и выслали из пределов района. Волкова явила пример жены, которая даже в сложной ситуации оказалась предана своему мужу.

Дочерей «лишенцев» в нашей выборке 32 %. Особенность тактик дочерей «лишенцев» в том, что они чаще всех указывали на разрыв с семьей. Они писали, что вышли замуж, переехали в другой дом, поменяли фамилию. Но даже тогда их могли лишить избирательных прав. Такой случай

¹³ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 781. Л. 12.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 66. Л. 118.

произошел с В. Ф. Трущенконой (в девичестве Авилкиной). В своем заявлении¹⁵ в райисполком в 1934 г. она утверждала, что была лишена прав ошибочно, так как в тот момент, когда ее мужа взяли в Красную армию, она на время перешла к отцу, который являлся «лишенцем» за использование наемного труда. Сельский совет лишил ее прав по фамилии отца, хотя в это время она уже была Трущенкова. Женщина была восстановлена в правах решением райисполкома Советов в августе 1934 г.

Другая практика состояла в том, что дочери указывали на незаконность своего лишения, так как в момент дискриминации находились в несовершеннолетнем возрасте. Из девяти дочерей шесть были несовершеннолетними в период лишения родителя избирательных прав. «Лишенки» данной группы считали, что по причине малолетства не должны были быть дискриминированы. В то же самое время они могли или оправдывать действия своих родителей, или пойти по другому пути — отказаться от защиты родителей, акцентируя внимание прежде всего на своих общественных заслугах: работа в колхозе, ударничество и пр.

Следует отметить, что аналогичную тактику использовали и сыновья «лишенцев». Таким образом, политика «лишенчества» способствовала расколу между поколениями, вынуждая детей делать сложный выбор: сохранить связь с родителями или стать «полноценным членом советского общества».

Ходатайства матерей (А. И. Сидорчук и Д. Кругловой) существенно отличаются от ходатайства отца (И. П. Бойцова). В момент лишения родители по причине старости жили со своими взрослыми детьми. «Лишенки»-матери не считали законным то, что их дети были лишены избирательных прав. Они, наоборот, защищали своих детей. Так, А. И. Сидорчук в своем заявлении¹⁶ в райисполком от 16 июня 1934 г. писала о том, что ее сыновей (известно только о Д. Е. Сидорчуке) лишили избирательных прав за «эксплуатацию чужого наемного труда», однако она отрицала и считала, что нужно возратить избирательные права ей и ее сыновьям. Д. Круглова в заявлении¹⁷ в райисполком от 22 февраля 1934 г. защищала своего сына (Е. И. Круглова), акцентируя внимание на том, что в его хозяйстве не было батраков, а лишен избирательных прав он был «по личным счетам». И. П. Бойцов в своем заявлении¹⁸ в райисполком Советов от 24 апреля 1930 г. не приводил никакой информации о сыне (Ф. И. Бойцове), кроме того, что тот был арестован и выслан, и это позво-

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 795. Л. 26.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 481. Л. 17.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 107. Л. 6.

ляет считать, что семья Бойцовых разделилась — мужчина в возрасте 70 лет остался один. Он не защищает сына, но и не обвиняет. Главное для него — добиться восстановления для себя, чтобы найти работу. В этом существенное отличие в борьбе за восстановление в правах между данными гендерными группами, ведь матери «лишенцев» добивались восстановления в правах не только себя, но и детей.

По приводимым данным отчетливо прослеживается, что разные группы «лишенок» имели свои тактики, которые в отдельных случаях (ходатайства «лишенок»-единоличниц, дочерей «лишенцев») имели сходство с мужскими. Женщины сознательно акцентировали внимание на том, что после лишения прав оказались в крайне уязвимом положении в сравнении с мужчинами. Между тем результаты обращений во власть оказывались незначительными: восстановления в правах добились всего три женщины (одна жена и две дочери «лишенцев»), однако и для мужчин нашей выборки восстановление в правах было редкостью — всего 17 человек. Данное обстоятельство прежде всего свидетельствует о нежелании органов власти пересматривать ранее вынесенные решения, но сказать о точной причине отказа сложно, так как избирательные комиссии не давали мотивированного ответа, ограничиваясь лишь простой формулировкой «отказать в ходатайстве».

Выше нами установлено, что тактики «лишенок» в целом отличаются от тактик «лишенцев». Редко являясь инициаторами подачи ходатайств, женщины в своих ходатайствах чаще писали о том, что желали бы восстановиться в правах вместе со своими детьми, при этом стараясь отречься от своих мужей или отцов. Мужчины же в целом не упоминали о своих женах, детях и пр., так как для них основным было восстановиться самим и продолжать работать. При этом часто аргументы «лишенок» мало отличаются от аргументов «лишенцев», особенно отчетливо это прослеживается в ходатайствах единоличниц и детей (сыновей и дочерей) «лишенцев». Часть ходатайств осталась без ответа. Здесь избирательные комиссии предпочитали игнорировать заявления «лишенок», опираясь на ранее вынесенные дискриминационные решения. Проявлялась общая тенденция в раннесоветском обществе, при которой оказаться по каким-либо основаниям в дискриминационной «группе риска» было проще, чем выйти из нее.

И. Н. СТРЕКАЛОВ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Разработка вопроса о формах взаимодействия власти и общества в рамках подготовки проекта третьей Конституции СССР (январь — апрель 1962 г.)

Статья посвящена вопросу о том, какие формы взаимодействия власти и общества предполагались руководством СССР к закреплению в проекте третьей Конституции СССР в ходе конституционной реформы 1962–1977 гг. Хронологически исследование ограничивается первыми месяцами работы над текстом Основного закона, когда о создании Конституции еще не было публично объявлено (январь — апрель 1962 г.). Впервые вводится в научный оборот документ — расширенная редакция текста справки о подготовке Конституции СССР к выступлению Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР в апреле 1962 г. Рассмотрено несколько рекомендовавшихся к отражению в проекте Основного закона форм взаимоотношений власти и общества: «оживление» деятельности Советов, общественный контроль, гласность, непосредственная демократия и общественное правосудие. Сделан вывод о том, что руководство СССР в лице Н. С. Хрущева придавало серьезное значение проблеме отношений власти и общества в ходе конституционной реформы как одного из проектов по сближению государственных структур и простых граждан. Такое внимание к данному вопросу имело место с самых первых месяцев начала работы над конституционным проектом, однако этот фрагмент истории создания третьей союзной Конституции оказался изучен недостаточным образом.

Ключевые слова: Конституция, Н. С. Хрущев, коммунизм, непосредственная демократия, общественность, гласность, оттепель.

Финансовая поддержка: статья подготовлена в рамках грантового проекта РФФИ № 20–09–00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

История XX столетия в нашей стране предоставляет исследователям немало возможностей для изучения проблемы отношений

власти и общества. Одной из, вероятно, наиболее ярких в этом смысле эпох является оттепель, хронологически сопряженная с правлением Н. С. Хрущева в 1953–1964 гг. В этот период предпринималось немало попыток достичь сближения, координации, коммуникации между государственными структурами и рядовыми советскими гражданами. Среди этих попыток, выраженных в различных реформаторских устремлениях руководства страны, есть как широко изученные, так и менее известные. Для понимания того, каким образом происходило формирование практик взаимодействия власти и общества, немалый интерес, в частности, представляет до недавнего времени оставшаяся малоизученной конституционная реформа 1962–1977 гг., завершившаяся принятием Конституции СССР 1977 г.

Конституционная реформа, о которой идет речь, в период с 1962 по 1977 г. прошла через несколько этапов. Наиболее полно, казалось бы, изучен «хрущевский» этап создания Основного закона страны. Однако и здесь есть свои пробелы. Особенно это касается первых месяцев работы над конституционным проектом — отрезка времени между созданием рабочей группы при ЦК КПСС по данному вопросу в январе 1962 г. и образованием Конституционной комиссии при Верховном Совете СССР и, таким образом, публичным провозглашением начала конституционной реформы в апреле того же года. Безусловно, в истории изучения вопроса уже имеются исследования, так или иначе касающиеся этого кратковременного этапа работы над проектом Конституции, однако в части изучения интересующего нас вопроса они страдают фрагментарностью, а ряд источников до сих пор не был введен в научный оборот историками.

Период января — апреля 1962 г. освещен, как правило, только с точки зрения отдельных вопросов, действий участников обсуждений по разработке Конституции на том этапе. Историк А. В. Пыжиков обратил внимание на то обстоятельство, что подготовка материалов и проработка будущего проекта Конституции начались в январе 1962 г., «когда была сформирована рабочая группа из 22 ведущих ученых», которую возглавил секретарь ЦК КПСС по вопросам идеологии Л. Ф. Ильичев¹; при этом отмечалось, что создание самого текста Конституции пришлось на время после образования Конституционной комиссии в апреле 1962 г. Отдельное место в историографии занимает дискуссия среди исследователей о том, существовал ли некий первоначальный вариант проекта Конституции еще в 1962 г.: этого вопроса касались С. С. Згоржель-

¹ Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 303.

ская² и С. А. Байбаков³. Отмечается, что, несмотря на прямые указания на такой документ в делопроизводственной документации партийно-государственных органов, сам его текст не найден учеными по сей день.

Автор данной статьи в монографическом исследовании, посвященном истории создания Конституции СССР 1977 г., также обратил внимание на то, что ряд архивных материалов (в том числе документы аппарата Президиума ВС СССР 1961 г.) свидетельствует о начале работы над Конституцией еще до образования Конституционной комиссии в апреле 1962 г. Отдельное внимание уделяется реформаторским настроениям и дискуссиям, которые имели место во второй половине 1950-х годов в отношении Конституции СССР 1936 г.⁴

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подготовительный период января — апреля 1962 г. в работе над проектом Конституции СССР изучен с точки зрения отдельных аспектов. Однако разработка конституционного проекта по линии партийных органов и, прежде всего, рабочей группы при ЦК КПСС под руководством секретаря ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичева, а самое главное — по линии его взаимодействия с Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, впоследствии возглавившим Конституционную комиссию при Верховном Совете СССР, изучена недостаточно полно.

Тем не менее этот кратковременный подготовительный этап, как представляется, в значительной степени определил понимание того, какие формы взаимодействия власти и общества предполагалось внедрить руководством страны в конституционный проект. Во многом эти стартовые дискуссии определили ход работы над проектом Основного закона на протяжении всего периода конституционной реформы 1962–1977 гг.

В настоящее время в связи с тем, что в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) имеется личный фонд Л. Ф. Ильичева (ф. 97), содержащий ряд материалов по разработке Конституции, в том числе в январе — апреле 1962 г., является возможным ввести их в научный оборот. В частности, немалый интерес с точки зрения изучения форм взаимодействия власти и общества, предполагавшихся для включения в конституционный проект, представляет справка о подго-

² *Згоржельская С. С.* Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 г.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 120.

³ *Байбаков С. А.* Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.): по новым архивным материалам // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. Материалы междунар. науч. конф. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 28–29 сентября 2012 г. СПб., 2013. С. 515.

⁴ *Стрекалов И. Н.* Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2018. С. 38–41.

товке Конституции СССР для выступления Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 25 апреля 1962 г. На первом ее листе сверху надписана дата «14 марта [19]62», что говорит о принадлежности источника к рассматриваемому нами промежутку времени. Текст являлся исходным вариантом документа, который впоследствии был сокращен, доработан и в окончательном виде озвучен Хрущевым на сессии Верховного Совета СССР. Об этом свидетельствуют отдельные места текста, сбоку отчеркнутые линией: как правило, это наиболее общие вопросы разработки проекта, сама постановка вопроса с политической и идеологической точки зрения, то, что и было отобрано для окончательного текста выступления; невыделенными остались абзацы, в которых в основном излагались весьма конкретные предложения к проекту. Справка была подготовлена секретарем ЦК КПСС по идеологии, руководителем рабочей группы при ЦК КПСС по подготовке Конституции Л. Ф. Ильичевым и затем представлена на рассмотрение Н. С. Хрущеву. Исходя из текста служебных записок, прикреплявшихся к вариантам текста, можно сделать предположение, что Ильичев согласовывал каждый из них непосредственно с Хрущевым, учитывая его реакцию и замечания. Следовательно, идейное наполнение этого документа также соответствовало тому, какие концептуальные положения будущего проекта считал важными, разделял и одобрял Первый секретарь ЦК КПСС.

Идеологически автор текста отталкивался, что вполне понятно в свете твердого проведения в жизнь решений XX съезда КПСС 1956 г., от критики культа личности И. В. Сталина. Так, в документе весьма категорично заявлялось: «Дело в том, что влияние культа личности сказалось и на Конституции 1936 года. Один из ее существенных недостатков заключается в том, что она не содержала необходимых гарантий против злоупотребления властью. Если мы хотим быть последовательными в борьбе против культа личности, то должны устранить и это его наследие»⁵. Основной посыл этого варианта справки был в том, чтобы раскрыть данную мысль — создание гарантий против культа личности — обозначением конкретных форм взаимодействия власти и общества. Представляется возможным после анализа документа выделить несколько таких форм: «оживление» Советов, общественный контроль, гласность, непосредственная демократия и общественное правосудие.

Первая форма — «оживление» деятельности Советов как основополагающих органов власти в СССР. Зачастую, например, Верховный Совет СССР постфактум утверждал решения, оперативно принятые в отсут-

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

ствии сессии депутатов Президиумом ВС СССР. Это приводило к формализму в работе Верховного Совета, к тому, что он слабо взаимодействовал с другими органами власти, не был самостоятелен в принятии собственных решений. Кроме того, партийные комитеты имели больший политический вес в принятии решений, а Советы, опять же, постфактум одобряли их. Поэтому предполагалось активизировать систему Советов полностью, снизу доверху. Верховный Совет СССР предлагалось созывать не реже трех-четырёх раз в год, рассматривать на сессиях важные вопросы экономической, культурной, политической жизни страны, заслушивать один раз в год отчет о деятельности Правительства СССР, периодически — отчеты руководителей плановых и хозяйственных органов, министерств, ведомств, Прокуратуры СССР, Верховного Суда СССР и других центральных органов. Предлагалось активнее задействовать в законодательном процессе и постоянные комиссии Верховного Совета, ибо, как утверждал автор справки, «не используем в полной мере такую действенную форму государственного руководства и контроля, как комиссии Совета»⁶. Таким образом, предполагалось, что в результате Верховный Совет СССР должен был стать не формальным законодателем, утверждающим на сессии перечень законов, а реально работающим органом власти.

Избирательная система, если говорить о Советах в целом, на различных уровнях, согласно справке, нуждалась во внедрении следующих процедур: обсуждение кандидатов в депутаты Советов, право гражданина на отвод кандидата. Конечно, особое внимание, как и в партийном строительстве, уделялось ротации: предполагалось обновление состава Совета в каждые выборы не менее чем на $\frac{1}{3}$ от общего числа депутатов. Представлялось важным предусмотреть и обязательные наказания избирателей депутатам, дать им право запроса к исполнительным и распорядительным органам. Необходимо отметить, что вопросы активизации работы Верховного Совета СССР, избирательной системы Советов были дискуссионными и рассматривались авторами проектов Конституции на протяжении всего периода реформы, найдя свое определенное отражение и в финальном тексте Основного закона 1977 г.

Другая форма налаживания взаимодействия власти и общества, которую можно выделить на основе анализа справки, — общественный контроль. Для его осуществления планировалось создать орган под названием «Комитет общественного контроля» из лиц, выдвигаемых Президиумом ЦК КПСС, Верховным Советом СССР, ВЦСПС и другими организациями.

⁶ РГАНИ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

Комитету общественного контроля могло бы быть предоставлено право ставить вопрос о привлечении к общественной и гражданской ответственности высших должностных лиц государства в случае злоупотребления властью или совершения служебных преступлений. Обратим внимание на вид ответственности — «общественная», «гражданская», не уголовная или дисциплинарная (хотя это впоследствии могло быть уточнено на законодательном уровне): сам факт такого обозначения свидетельствует о том, что важным критерием соответствия должностного лица занимаемому посту и правомерности его действий являлось не столько нарушение закона как таковое, сколько его поступки, совершенные во вред обществу или гражданам. Отдельно указывалось: «Следует подумать, не возложить ли на Комитет общественного контроля функции контроля за выполнением Конституции»⁷. В этом смысле особое внимание уделялось ликвидации разрыва между «словом и делом», необходимости неукоснительного выполнения принимаемых законов, тем более Основного закона страны. Комитет общественного контроля предполагалось наделить правом выступать с протестом в отношении противоречащих закону решений органов управления в Совет депутатов того или иного уровня.

Третьей формой взаимодействия власти и общества, кратко обозначенной в справке, являлась гласность. Под ней понималась обязанность должностных лиц выступать с разъяснениями, например, по письмам трудящихся, а также право граждан на публичное опровержение клеветы в адрес их личности, опубликованное в печати. Безусловно, нельзя не отметить, что в тексте документа приводится пример только лишь в отношении одного возможного проявления принципа гласности в жизни советского общества, однако характерна сама логика, вложенная в понимание этой идеи авторами: важность «обратной связи» между властью и гражданами, ответственности властей перед простыми людьми, причем, как видно в данном случае, иницируют привлечение к ответственности сами граждане. Здесь обратим особое внимание на то, что гласность как форма взаимодействия власти и общества, о которой так много будет говориться в годы перестройки М. С. Горбачева во второй половине 1980-х годов и с которой это понятие крепко связано до сих пор, на самом деле всерьез рассматривалась как концептуальная идеологическая единица уже в годы правления Н. С. Хрущева, буквально в самом начале работы над проектом третьей союзной Конституции.

⁷ РГАНИ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 13.

Еще одной формой взаимодействия власти и общества, обозначенной в справке на имя главы партии и правительства, стало непосредственное участие граждан в принятии государственных решений. В это понятие включались референдумы, общие собрания трудящихся, «право постепенной передачи функций государственных органов общественным организациям»⁸. При этом отмечалось, что некоторый опыт подобной демократии уже имеет место в жизни советского общества: так, граждане берут в свои руки руководство зрелищными предприятиями, клубами, библиотеками, различными культурно-просветительными учреждениями. Насколько эта, возможно, несколько утопичная по звучанию форма была реализована или, по крайней мере, серьезно рассматривалась властью? Оглядываясь на весь период конституционной реформы, необходимо признать, что, в частности, в ходе разработки проекта идея общих собраний трудящихся трансформировалась в институт народных собраний (по месту жительства или работы) и активно обсуждалась авторами конституционных текстов на «хрущевском» этапе создания Конституции. Институт референдума также не выпал из поля зрения участников реформы: референдум был предложен, например, как крайняя мера разрешения возможного спора между палатами Верховного Совета СССР по вопросу о необходимости принятия того или иного закона. При этом, резюмируя сказанное, важно подчеркнуть, что непосредственное участие граждан в принятии государственных решений как форма взаимодействия власти и общества рассматривалось на уровне руководства страны как конституционно значимое буквально в первые месяцы работы над проектом.

Наконец, еще одну форму рассматриваемого нами взаимодействия, затронутую в документе, можно обозначить как общественное правосудие. Оно связывалось с привлечением граждан к осуществлению судебной власти. Так, имело место предложение об учреждении суда народных заседателей по уголовным делам в количестве 8–10 человек, который бы занимался вынесением вердикта о виновности или невиновности подсудимого, что, естественно, являлось до некоторой степени заимствованием модели суда присяжных, существовавшей в западных капиталистических странах. Указывалось и на направление его формирования, отличие от суда присяжных: «Мы должны идти дальше и сочетанием выборности заседателей и судьи показать образец социалистического правосудия»⁹. Интересно, что в тексте делалась попытка подкрепить обоснованность такого предложения ссылкой на авторитет

⁸ РГАНИ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 22.

К. Маркса и В. И. Ленина, в свое время утверждавших, что суд присяжных является одним из немногих институтов буржуазной демократии, предусматривающих реальное, а не номинальное участие населения в осуществлении власти, в данном случае — судебной. Как предполагали авторы идеи, наличие, с одной стороны, выборных народных заседателей, а с другой — выборного народного судьи было бы развитием идеи суда присяжных, но уже в рамках социалистического правосудия в СССР.

Таким образом, резюмируя анализ пяти рассмотренных нами форм взаимодействия власти и общества («оживления» Советов, общественного контроля, гласности, непосредственной демократии и общественного правосудия), выделенных при изучении варианта справки «О подготовке проекта Конституции СССР» к выступлению Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 25 апреля 1962 г., можно прийти к выводу о том, что ключевые направления совершенствования процессов взаимодействия власти и общества в ходе конституционной реформы 1962–1977 гг. были намечены в ЦК КПСС и одобрены по сути своей непосредственно руководителем страны Н. С. Хрущевым в первые месяцы начала работы над проектом, еще до того как вопрос о принятии новой Конституции СССР был публично оглашен и поставлен на повестку дня. Кроме того, изучение ряда источников позволяет утверждать, что так или иначе обозначенные нами формы оставались в поле зрения создателей конституционного проекта на протяжении последующих полутора десятилетий, в течение которых он составлялся, писался и редактировался. Сделанные нами выводы указывают на высокий интерес партийно-государственного руководства страны в лице его лидеров к проблеме отношений власти и общества, к необходимости совершенствования форм общественно-политической жизни в рамках процесса создания третьей Конституции СССР. Ввиду этого особо важным представляется обращение к источникам, характеризующим старт конституционной реформы в СССР в январе — апреле 1962 г.

В. В. ОЖИГАНОВ

Новосибирский государственный университет

Институт губернаторов в Западной Сибири в 1991–1996 гг.

Статья посвящена вопросу формирования института губернаторов в переходный период (1991–1996 гг.) в крупном макрорегионе России – Западной Сибири. На основе анализа законодательных и статистических источников была определена специфика формирования исполнительной власти, рассмотрены особенности легитимаций губернаторов в зависимости от конкретного субъекта РФ, выявлены причины политических конфликтов между губернаторами и законодательными органами власти регионов. Сделан вывод о том, что формирование института губернаторов и его легитимация осуществлялись с помощью президентских указов, закрепивших строгую вертикаль власти. Конфликты, возникавшие на почве распределения государственно-властных полномочий, а также по вопросу разработки и принятия основных законов (уставов), в ряде западносибирских субъектов РФ к концу 1996 г. не были решены.

Ключевые слова: губернаторы, субъекты РФ, Сибирь, реформы, выборы, федерализм, исполнительная власть.

Формирование органов исполнительной власти и их легитимация в регионах России являлись одними из приоритетных задач государственной политики в процессе осуществления административной реформы первой половины 1990-х годов. После событий 18–21 августа 1991 г. для сохранения правопорядка и снижения социальной напряженности в стране руководство РСФСР приняло решение о досрочном введении поста главы администрации административно-территориальной единицы и представительства президента в республиках в составе РСФСР. Президентом Б. Н. Ельциным в согласии с Верховным Советом РСФСР был определен переходный период (1991–1996 гг.) на формирование новой системы власти, в том числе взят курс на поэтапное реформирование ее исполнительной ветви. Принятая в 1993 г. Конституция РФ юридически закрепила централизованную модель федерации и строгую вертикаль исполнительной власти. Между тем из-за отсутствия

проработанной федеральной и региональной нормативно-правовой базы, регламентирующей статус высших должностных лиц субъектов РФ, к концу 1996 г. в регионах России были сформированы различные политические режимы, типы и автономность которых определялись губернаторами и их политическим весом.

В настоящее время существует широкий круг научной литературы, посвященной российской политической элите 1990-х годов, представителями которой являлись губернаторы. Однако проблема ее формирования остается дискуссионной, поскольку отсутствует единство в определении не только термина «элита», но и ее основных характеристик: динамики численности и состава, специфики функционирования, способов ротации и т. д. Между тем большинство публикаций, посвященных институту губернаторов, являются политологическими, причем, как правило, посвященными регионам Центральной России¹. Среди исторических исследований, в которых в той или иной степени рассматривается приход к власти и деятельность губернаторов Сибири в 1990-х годах, необходимо выделить обобщающую статью В. И. Шишкина, в которой впервые была поставлена проблема реализации административной реформы 1991–1996 гг. и выявлена ее специфика в Сибирском макрорегионе². Проблемы кадрового потенциала политической элиты, внутреэлитных отношений и становления региональной исполнительной власти в отдельных субъектах РФ в период президентства Б. Н. Ельцина затрагиваются в исследованиях Е. В. Буянова³, Т. Ю. Гвоздевой⁴, Ю. А. Зуляра⁵, Т. И. Ширко⁶ и других. Авторы на основе местного материала выявили роль исполнительной власти в политической

¹ Пляйс Я. А. Политическая элита России: Проблемы историографии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2001. № 3. С. 7–40; Овчинников А. П. Политическая регионалистика: три уровня власти в региональном измерении. Самара, 2002. 144 с.; Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006. 398 с.

² Шишкин В. И. На путях реформ // Сибирь в лицах. Новосибирск, 2001. С. 86–107.

³ Буянов Е. В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х — 1990-е гг.). Благовещенск, 2001. 307 с.

⁴ Гвоздева Т. Ю. Становление института главы администрации субъекта Российской Федерации (по материалам Кемеровской области) // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 1999. Часть 1. С. 34–56.

⁵ Зуляр Ю. А. Институт губернаторства как отражение политической системы современной России: иркутский сюжет // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск. 2014. С. 63–82.

⁶ Ширко Т. И. Становление региональной исполнительной власти в Российской Федерации в 1990–2000-х гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). Томск, 2012. 366 с.

жизни регионов, выяснили особенности формирования и становления новых властных институтов. Однако исторические исследования, которые были бы посвящены становлению института губернаторов в Западной Сибири и его специфике, до сих пор отсутствуют.

Термин «губернатор» стал активно использоваться в политическом лексиконе с 1991 г., в том числе для обозначения высших должностных лиц субъектов РФ, которыми являлись главы администраций бывших административно-территориальных единиц (округов, краев, областей). Но законодательное закрепление этого термина в разных субъектах РФ происходило в разное время по мере принятия их основных законов (уставов). Поэтому объектом данного исследования стали не только непосредственно губернаторы, но и главы администраций, а данные термины используются как синонимичные.

Принято считать, что формирование института губернаторов протекало в два этапа, отличавшихся друг от друга системой управления регионами, взаимоотношениями федерального центра и субъектов РФ, возникавшими в ходе этого взаимодействия проблемами⁷. Первый этап охватывал чуть больше двух лет — с путча ГКЧП в августе 1991 г. до принятия Конституции РФ в декабре 1993 г., второй — время от принятия Конституции до электорального цикла второй половины 1996 г., к концу которого была сформирована полицентрическая модель федерации⁸. Анализ данных этапов применительно к Западной Сибири, как и к любому другому региону, требует учитывать ее социально-экономическую и политическую специфику.

После августовских событий 1991 г. в большинстве западносибирских субъектов РФ, в отличие от регионов Центральной России, по-прежнему сохранялась отраслевая структура региональных исполкомов Советов. Однако предпринятые попытки сосуществования этой системы с демократизацией политической жизни быстро потерпели неудачу. Для ликвидации принципа «двойного подчинения» и советских управленческих схем в конце августа 1991 г. Б. Н. Ельциным был взят курс на формирование строгой вертикали исполнительной власти⁹. Местные Советы народных депутатов были ликвидированы, а их полномо-

⁷ *Лысенко В. Н.* Институт губернаторов в современной России: вперед в прошлое [Электронный ресурс] // Казанский федералист. 2004. № 4 (12). URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n12/13> (дата обращения: 27.05.2020).

⁸ *Добрынин Н. М.* Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003. 468 с.

⁹ Указ Президента РФ от 27.09.1993 № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1146.

чия переданы главам администраций как руководителям региональных исполнительных органов. Назначение глав администраций относилось к дополнительным полномочиям президента РСФСР¹⁰. В компетенцию администраций регионов входили в том числе организация органов законодательной власти регионов, назначение глав администраций районов и городов после согласования с региональными органами законодательной власти, разработка проекта регионального бюджета и его исполнение.

В августе 1991 г. главой администрации Кемеровской области был назначен один из руководителей шахтерского движения 1989 г. на Кузбассе М. Б. Кислюк. В сентябре того же года главой администрации Тюменской области стал бывший генеральный директор предприятия «Лангепаснефтегаз» и в прошлом председатель Томского областного Совета народных депутатов Ю. К. Шафраник. В октябре 1991 г. назначения получили главы администраций еще трех регионов: Алтайского края — В. Ф. Райфикешт, Томской области — В. М. Кресс, Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) — Л. С. Баяндин. В ноябре 1991 г. главой администрации Новосибирской области был назначен В. П. Муха, Омской области — Л. К. Полежаев и Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) — А. В. Филипенко. В октябре 1993 г. В. П. Муха был снят с занимаемой должности, вместо него был назначен бывший глава администрации г. Новосибирска И. И. Индинок¹¹. Все перечисленные, за исключением В. Ф. Райфикешта и М. Б. Кислюка, до своего назначения занимали должности председателей региональных Советов народных депутатов и их исполкомов и имели опыт работы в партийных органах в качестве первых и вторых секретарей райкомов, горкомов и обкомов КПСС, то есть фактически сформировались как руководители в 1980-х годах¹².

После того как в январе 1992 г. была начата радикальная экономическая реформа, отношения между президентом РСФСР и Верховным Советом по вопросу контроля над исполнительной властью в краях и областях заметно обострились, что положило начало конституционному кризису

¹⁰ Постановление Верховного Совета РСФСР от 21.08.1991 № 1626–1 «О дополнительных полномочиях Президента РСФСР по обеспечению законности деятельности Советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий попытки государственного переворота в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. М., 1991. № 34. Ст. 1125.

¹¹ Указ Президента РФ от 05.10.1993 № 1581 «О Главе администрации Новосибирской области» [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4539> (дата обращения: 18.08.2020).

¹² *Зенькович Н. А.* Губернаторы новой России. Энциклопедия карьер. М., 2007. 592 с.

1992–1993 гг.¹³ В декабре 1992 г. VII Съезд народных депутатов (СНД) РФ принял постановление «О главах администраций», согласно которому президент обязывался согласовывать назначения глав администраций регионов с соответствующими региональными Советами народных депутатов¹⁴. В апреле 1993 г. Верховный Совет РФ усложнил процедуру назначения на должность главы администрации региона: до согласования кандидатуры на должность главы администрации президенту необходимо было получить соответствующее решение регионального Совета о необходимости смены главы администрации¹⁵. Противостояние Верховного Совета РФ и президента РФ к сентябрю 1993 г. достигло критических отметок, в результате чего президентом были приняты решения о ликвидации Верховного Совета РФ и о сосредоточении всей полноты власти в своих руках. Данные действия положили начало в сентябре 1993 г. проведению «поэтапной конституционной реформы»¹⁶.

Таким образом, уже на первом этапе формирования института губернаторов в Западной Сибири ключевую роль стал играть федеральный центр в лице президента Б. Н. Ельцина, который явочным порядком на основе личных указов ликвидировал систему Советов и сформировал строгую вертикаль исполнительной власти, замкнутую на президенте. Концентрация всей полноты власти регионов в руках назначенцев, которые получили право формировать законодательные органы власти, привела к диспропорции в полномочиях в пользу региональных администраций.

На втором этапе, с конца 1993 г. до середины 1996 г., параллельно друг другу протекали несколько процессов: с одной стороны, укрепление института губернаторов в политической системе субъектов РФ и осознание сибирской элитой своей «региональной» идентичности¹⁷,

¹³ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005. М., 2007. 551 с.

¹⁴ Постановление Съезда народных депутатов РФ от 10.12.1992 № 4065–1 «О главах администраций» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. М., 1992. № 50. Ст. 3010.

¹⁵ Закон РФ от 01.04.1993 № 4733–1 «О порядке назначения на должность и освобождения от должности глав краевой, областной, автономной области, автономного округа, города федерального значения, районной, городской, районной в городе, поселковой, сельской администрации» / Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 16.

¹⁶ Штин К. Н. Конституционно-политический кризис в России: 1990–1993 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 188 с.

¹⁷ Луков Е. В. Идентификация сибирской политической элиты: на примере деятельности Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 113–118.

с другой — дальнейшее усиление вертикали исполнительной власти. Президент РФ, получивший в результате завершения конституционного кризиса 1993 г. неограниченные полномочия, стал единственным, кто мог назначать и смещать глав администраций краев, областей и округов. Также президент имел право приостанавливать действия неконституционных региональных нормативно-правовых актов, что использовал для оттягивания сроков проведения выборов губернаторов¹⁸. Последовавший в 1994 г. после принятия Конституции РФ «договорный процесс» между центром и регионами по вопросу разграничения полномочий только усиливал межрегиональное правовое неравенство. Федеративный договор 1992 г., указы Президента РФ 1993 г., договоры и соглашения между центром и регионами фактически противоречили закрепленным в третьей главе Конституции РФ принципам федерализма и разделения властей, заложив основы для формирования полицентричной модели федерации. В рамках данной модели края, области, округа обладали меньшими полномочиями в бюджетно-налоговой сфере и в организации государственной власти, чем республики в составе России¹⁹. Именно поэтому руководители таких западносибирских субъектов РФ, как Томская область, ХМАО и ЯНАО, стремились к повышению своего статуса до республик, чтобы иметь более широкие возможности для решения финансово-экономических проблем.

На рассматриваемом этапе крупные конфликты между законодательной и исполнительной ветвями власти по вопросу статуса губернаторов и их полномочий произошли в большинстве западносибирских субъектов РФ, где отсутствовало доминирование одной из ветвей власти. В ходе электорального цикла конца 1993 г. — начала 1994 г. были легитимированы региональные законодательные органы власти, которые после своего избрания приступили к разработке и принятию основных законов (уставов) субъектов РФ. В результате мартовских выборов 1994 г. большинство депутатских мандатов (32 из 50) в Алтайское краевое Законодательное собрание (АКЗС) получили представители аграрной и коммунистической партий, оппозиционно настроенные к Президенту РФ и главе администрации края Л. А. Коршунову,

¹⁸ Указ Президента РФ от 27.09.1993 № 1465 «О функционировании органов исполнительной власти в период поэтапной конституционной реформы» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 40. Ст. 3739; Указ Президента РФ от 03.10.1994 № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 24. Ст. 2598.

¹⁹ Овчинников А. П. Политическая регионалистика: три уровня власти в региональном измерении. С. 59.

назначенному на эту должность в январе 1994 г. Депутаты от «агрияев» и КПРФ, сформировав самую большую фракцию в АКЗС, приступили летом 1994 г. к уменьшению ранее созданной диспропорции в полномочиях между законодательной и исполнительной властями. Разногласия между АКЗС и главой администрации наметились в августе 1994 г., когда была сформирована рабочая группа по подготовке проекта Устава края, в состав которой не был включен Коршунов²⁰. 20 апреля 1995 г. проект Устава был принят депутатами АКЗС и направлен на подписание главе краевой администрации. Поскольку предварительного обсуждения проекта между АКЗС и администрацией не состоялось, он был возвращен в АКЗС на доработку. Коршунова не устраивали такие положения проекта, как права Алтайского Законодательного собрания на назначение и снятие с должности главы администрации края, утверждение структуры краевой администрации, передача права на подписание законов края от главы администрации председателю АКЗС, передача в компетенцию АКЗС формирования бюджета и т. д. Однако в мае проект краевого Устава принимается в прежней редакции большинством голосов депутатов АКЗС, сославшихся на президентский Указ № 1969. Л. А. Коршунов наложил вето на ратификацию Устава, который был все же принят Алтайским Заксобранием 5 июня без его подписи²¹. Спустя 10 дней Коршунов обратился с запросом в Конституционный Суд РФ для оспаривания ранее упомянутых положений Устава. Конфликт между АКЗС и главой администрации Алтайского края вышел на федеральный уровень. Для его разрешения наряду с Конституционным Судом в конце 1995 г. была привлечена специально созданная президентская комиссия под председательством заместителя министра юстиции А. М. Степанова. В январе 1996 г. нормы Устава края, включавшие пункты о бюджетной политике и назначении губернатора краевым собранием, были признаны Конституционным Судом нелегитимными. В целом Л. А. Коршунову удалось добиться положительного решения по вопросу механизма формирования исполнительного органа власти края, так как сохранялись прямые выборы губернатора края и право промульгации за главой исполнительной власти региона.

²⁰ Постановление Алтайского краевого Законодательного собрания от 29.08.1994 № 79 «О разработке проекта Устава Алтайского края» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/940101992> (дата обращения: 17.08.2020).

²¹ Барabanов О. Н. Алтайский край как субъект Российской Федерации. Конституционно-правовая характеристика [Электронный ресурс] // Алтайская школа политических исследований. URL: <http://ashpi.asu.ru/studies/1997/brbnv.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

Аналогичная ситуация наблюдалась в Кемеровской области, Устав которой не был принят по решению главы администрации М. Б. Кислюка в январе 1996 г. из-за разногласий между законодательной и исполнительной ветвями власти. В Тюменской области, в состав которой входят равноправные ХМАО и ЯНАО как административные единицы области, в 1996 г. произошел конфликт на финансовой и правовой почве между администрацией области с руководством округов. Принятые ранее в 1995 г. уставы ХМАО и ЯНАО противоречили уставу Тюменской области в положениях о недропользовании, налогообложении, совместном ведении, в которых преимущественное право сохранялось за округами. Данный конфликт не был разрешен в рассматриваемый период, так как переговоры между руководствами Тюменской области, ХМАО и ЯНАО с привлечением федеральных органов власти по вопросам перераспределения полномочий и правовой интеграции в июле 1996 г. потерпели неудачу²².

В остальных западносибирских субъектах РФ крупных конфликтов между законодательной и исполнительной властями, к разрешению которых был бы привлечен федеральный центр, удалось избежать. Для принятия и ратификации уставов там были созданы согласительные комиссии при участии представителей Администрации Президента РФ. Комиссии возглавляли либо главы региональных администраций, либо председатели законодательных органов власти. В конце 1995 г. — начале 1996 г. уставы были приняты в Новосибирской, Омской, Томской областях. Этими документами было законодательно закреплено, что высшим должностным лицом исполнительной власти в названных субъектах РФ являлся губернатор (глава администрации). В статьях уставов, посвященных выборам и вступлениям в должность главы субъекта РФ, указывалось, что губернатор (глава администрации) избирался населением субъекта РФ на основе прямого избирательного права при тайном голосовании. Порядок выборов и назначения даты их проведения определялся соответствующим региональным законом, не противоречившим уставу субъекта РФ. В целом данные уставы были компромиссными, так как за губернаторами сохранялось право вето, право промульгации, право назначать начальников контрольно-счетных палат, избираться на прямых выборах, в то время

²² Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 1996 г. № 73-О «Об отложении рассмотрения дела о проверке конституционности ряда положений Устава Тюменской области» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации № 31. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&iissid=1001996031000&docid=9> (дата обращения: 17.08.2020).

как законодательные органы получили парламентский контроль над исполнительной властью.

Прямые выборы губернаторов — это не только механизм формирования представительного института власти и наделения полномочиями какого-либо руководителя посредством голосования избирателей, но и увеличение политического веса должностного лица в том или ином субъекте РФ. По мнению федерального центра, выборы разных уровней 1995–1996 гг. должны были стать итогом оформления нового политического устройства в России и в ее субъектах, завершить ранее обозначенный «переходный период», отведенный для формирования нормативно-правовой базы, в том числе регулирующей деятельность институтов высших должностных лиц субъектов РФ²³. Поэтому перед ранее назначенными главами администраций собственная легитимация посредством выборов стала приоритетной задачей. Таким образом они рассчитывали укрепить свое влияние в политической и социально-экономических сферах и уменьшить зависимость возглавляемых ими регионов от федерального центра в вопросах управления.

Конституция РФ 1993 г. позволяла главам исполнительной власти избираться без согласования с федеральным центром. Однако на практике это было невозможно из-за отсутствия соответствующего федерального закона, который законодательно отменил бы исключительное право Президента РФ на назначение руководителей субъектов РФ «в период поэтапной конституционной реформы»²⁴. Указом от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти» было установлено, что выборы глав администраций краев, областей и округов проводятся только после согласования с Президентом РФ. Поэтому сроки проведения выборов губернаторов до декабря 1996 г. устанавливались в том или ином субъекте РФ после согласования главы администрации соответствующего субъекта РФ с Президентом РФ.

Первые выборные кампании губернаторов прошли в Новосибирской, Омской, Томской областях в декабре 1995 г. Юридической базой для их проведения послужили специально разработанные региональные законы, согласно которым подготовка и проведение выборов губерна-

²³ Политика в регионах: губернаторы и группы влияния / отв. ред. Р. Ф. Туровский. М., 2002. 152 с.

²⁴ Указ Президента РФ от 27.09.1993 № 1465 «О функционировании органов исполнительной власти в период поэтапной конституционной реформы» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 40. Ст. 3739.

торов должны были регулироваться в том числе уставами регионов²⁵. Однако только в Томской области соответствующий устав был принят и ратифицирован до проведения выборов, а в Новосибирской и Омской областях авторы региональных законов о выборах ориентировались лишь на проекты уставов²⁶.

Ключевыми факторами, влиявшими на назначение Президентом РФ даты проведения выборов губернатора, были лояльность главы администрации субъекта РФ Б. Н. Ельцину и текущая обстановка в регионе. Кроме того, Ельцину были необходимы административные и финансовые ресурсы данных регионов для собственной президентской кампании в первой половине 1996 г.

На выборах в Новосибирской области были зарегистрированы семь кандидатов, в том числе: выдвинутый от «Земли сибирской» — новосибирского отделения организации «Наш дом — Россия» (НДР) — глава областной администрации И. И. Индинок, поддержанный КПРФ и «аграриями» вице-президент банка «Левобережный» и бывший глава администрации В. П. Муха, депутат Совета Федерации А. П. Мананников, заместитель министра экономики И. В. Стариков и другие. Поскольку 17 декабря 1995 г. ни один из кандидатов не набрал минимального количества голосов (выше 50 % от числа проголосовавших), 24 декабря состоялся второй тур, в который вышли И. И. Индинок и В. П. Муха.

В Томской и Омской областях выборы губернатора прошли в один тур. На пост губернатора Томской области претендовали 11 человек, среди которых был глава администрации В. М. Кресс (НДР), директор предприятия «Томское» П. П. Кошель, бывший председатель Томского облисполкома Советов Р. А. Попадейкин и другие. В Омской области среди пяти зарегистрированных кандидатов были глава администрации Л. П. Полежаев (НДР), депутат Государственной Думы РФ В. Н. Лот-

²⁵ Закон Омской области от 11.10.1995 № 33-ОЗ «О выборах главы администрации (губернатора) Омской области» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/15516830> (дата обращения: 18.08.2020); Закон Новосибирской области от 28.09.1995 № 25-ОЗ «О выборах главы администрации Новосибирской области» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/7181244> (дата обращения: 18.08.2020); Закон Томской области от 20.08.1995 № 151 «О выборах главы администрации (губернатора) Томской области» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/7723810> (дата обращения: 18.08.2020).

²⁶ Всего лишь шаг до принятия Устава // Омский вестник. 1995. 26 декабря; Алексеев В. Устав области принят // Омская правда. 1995. 27 дек.; *Зубрицкая Н.* Судьбоносные взмахи левого и правого крыла // Советская Сибирь. 1995. 5 сент.; Советская Сибирь. 1995. 15 сент.

ков, бывший первый секретарь Омского обкома КПСС Е. Д. Похитайло (КПРФ).

Ранее назначенным главам администраций, выдвигаемым при поддержке организации «Наш дом — Россия» и Б. Н. Ельцина, удалось победить на выборах в Омской и Томской областях, в которых Л. П. Полежаев и В. М. Кресс в первом туре набрали свыше 50 % голосов избирателей каждый. В Новосибирской области во время второго тура победу одержал В. П. Муха, который смог привлечь на свою сторону оппонента А. П. Мананникова. В среднем явка на выборах в Новосибирской, Томской, Омской областях составила около 66,4 % от числа зарегистрированных избирателей, что позволяет оценить ее как довольно высокую²⁷.

В остальных субъектах РФ в Западной Сибири губернаторские выборы проходили после президентской выборной кампании 1996 г. на основе сентябрьского президентского Указа 1995 г. № 951 «О выборах в органы государственной власти»²⁸ и Федерального закона 1994 г. № 56 «Об основных гарантиях избирательных прав»²⁹. Явка на выборах второй половины 1996 г. в Сибири составила в среднем 30–35 % от числа зарегистрированных избирателей, что было ниже, чем в других регионах России. Из-за сложной политической обстановки и отсутствия необходимых финансовых ресурсов в Алтайском крае ранее назначенный глава администрации Л. А. Коршунов проиграл своему оппоненту, председателю АКЗС А. А. Сурикову. В Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах, а также в Тюменской области, являвшихся экономически стабильными регионами, удалось сохранить свои посты Ю. В. Неелову, А. В. Филипенко, Л. Ю. Рокецкому соответственно³⁰. Однако из-за разногласий между руководством Тюменской области и органами власти северных округов выборы губернатора Тюменской области на территории ХМАО и ЯНАО были саботированы: в августе и сентябре 1996 г. законодательные органы власти названных округов приняли постановления, в которых указывалось, что из-за отсутствия законодательной базы организация выборов

²⁷ Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика / Д. Н. Абрамян и др. М., 1997. 698 с.

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 17.09.1995 № 951 «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 39. Ст. 3753.

²⁹ Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» от 06.12.1994 № 56-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.

³⁰ Выборы глав исполнительной власти... С. 107.

губернатора Тюменской области невозможна³¹. Цель данного саботажа заключалась в том, чтобы не допустить легитимации главы администрации Тюменской области на территории округов, которая обозначила бы его приоритет над руководством округов. Именно поэтому в ХМАО и ЯНАО к декабрю 1996 г. избирательные участки практически не были организованы. Провести там выборы удалось при содействии Администрации Президента РФ, заместителя А. Б. Чубайса А. И. Казакова и председателя Правительства РФ В. С. Черномырдина, однако явка составила только 20 % от числа зарегистрированных избирателей. В результате Л. Ю. Рокецкому при поддержке вышеперечисленных лиц, Б. Н. Ельцина и НДР удалось сохранить свои позиции в управлении субъектом РФ³².

Таким образом, на первом этапе, хронологически охватывавшем 1991–1993 гг., становление института губернаторов в Западной Сибири, как и в других российских макрорегионах, проходило в контексте административной реформы: создание новой вертикали исполнительной власти, ликвидация системы Советов всех уровней. Назначенные в 1991–1992 гг. главы администраций, в большинстве своем являвшиеся выходцами из советской номенклатуры, получили широкие полномочия для участия в формировании законодательной ветви власти соответствующих субъектов РФ.

На втором этапе, условно длившемся с конца 1993 г. до завершения электорального цикла 1996 г., шел процесс законодательного оформления института губернаторов на региональном уровне и происходили изменения в сложившейся вертикали исполнительной власти. В большинстве субъектов РФ в Западной Сибири данный процесс сопровождался конфликтами между законодательной и исполнительной ветвями власти по поводу распределения полномочий. Некоторые из-за конфликтов, по сравнению с аналогичными в других регионах России, приняли федеральный характер. В результате чего в Кемеров-

³¹ Постановление Государственной Думы ЯНАО от 19.09.1996 № 53 «Об Указе Президента Российской Федерации от 13 сентября 1996 г. № 1355 «О выборах глав исполнительной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/27900564> (дата обращения: 18.08.2020); Постановление Думы ХМАО от 29.08.1996 № 131 «Об утверждении официального разъяснения Думы Ханты-Мансийского автономного округа по вопросу проведения выборов в органы государственной власти Тюменской области на территории автономного округа» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/18903781> (дата обращения: 18.08.2020).

³² Политико-экономические проблемы российских регионов / под ред. Н. Г. Гловацкой. М., 2001. 222 с.

ской и Тюменской областях, а также в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах становление института губернаторов как полноправных и самостоятельных субъектов политического процесса не было завершено. Федеральный центр продолжал участвовать в политической жизни этих западносибирских регионов посредством назначения глав администраций и регулирования отношений между органами власти.

М. ТОРИКАИ

Токийский университет (Япония)

Местное самоуправление в Новосибирской области: сравнительный анализ (1991–2020 гг.)

Статья посвящена вопросу формирования исполнительной власти на муниципальном уровне в Новосибирской области. Автор рассматривает изменения принципов и порядка замещения должности главы муниципального образования в Новосибирской области с 1991 г. по настоящее время. На основе анализа официальных сайтов муниципальных администраций, материалов периодической печати, электронных СМИ и интервью с представителями отдельных муниципалитетов выявлены такие специфические условия Новосибирской области, как высокая конкуренция на выборах, большая самостоятельность глав муниципальных образований и невысокий уровень интенсивности обновления кадров после отмены прямых выборов глав администрации. Сделан вывод о том, что реформа местного самоуправления в РФ глубоко изменила систему формирования муниципалитетов, однако в Новосибирской области по сравнению с другими регионами персональный состав глав муниципалитетов изменился незначительно.

Ключевые слова: местное самоуправление, Новосибирская область, выборы, карьера.

Развитие системы местного самоуправления в России стало одной из приоритетных тем исследований после распада СССР. Реформы местного самоуправления, осуществлявшиеся на протяжении последних 30 лет, глубоко изменили структуру власти на местном уровне. Как правило, местное самоуправление изучается путем анализа федеральных и региональных законов, а также уставов муниципальных образований¹. Заметно реже исследователи обращают внимание на изменение взаимоотношений между различными уровнями власти в России в постсоветский период.

¹ Young J. F., Wilson G. N. The view from below: Local government and Putin's reforms // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. Is. 7. P. 1071–1088.

Целью данной статьи является выявление специфики местного самоуправления в Новосибирской области с 1991 г. по настоящее время. Источниковую базу исследования составили прежде всего официальные сайты муниципальных администраций, в том числе сохранившиеся только в виде архивных копий², материалы местной периодической печати и электронных СМИ, а также интервью, лично взятые автором у представителей муниципальной власти Бердска, Искитима, Кольцова и Новосибирска. Выявленные источники и их комплексный анализ позволяют проследить сложный путь развития местного самоуправления в Новосибирской области и выяснить его особенности по сравнению с другими регионами Российской Федерации.

Первое время после распада СССР местное самоуправление продолжало регулироваться нормами, заложенными еще в советское время. В 1993 г. была принята Конституция РФ, устанавливавшая принцип самостоятельности местного самоуправления, органы которого, согласно статье 12, не входили в систему государственной власти³. В марте 1996 г. Новосибирским областным Советом депутатов был принят Устав Новосибирской области, гласивший, что «в Новосибирской области признается и гарантируется местное самоуправление, которое в пределах своих полномочий самостоятельно»⁴. Однако уже в ноябре 1996 г. тем же областным Советом депутатов был принят закон «О территориальных органах государственной власти в Новосибирской области», по сути противоречивший и конституционной, и уставной норме: согласно этому документу, главы муниципальных администраций назначались и увольнялись указом губернатора⁵. Не распространялся данный порядок только на Новосибирск, который продолжал руководствоваться своим Уставом, принятым в 1995 г. и предусматривавшим выборность главы администрации города. Благодаря этому мэр Новосибирска, в отличие от остальных глав муниципальных администраций, сохранил автономность и напрямую не подчинялся губернатору.

Число регионов, в которых главы муниципальных администраций назначались региональными властями, в РФ было невелико. Используя пример Татарстана, профессор К. Мацузато отметил, что такая система давала руководителям регионов сильный административный рычаг,

² The Wayback Machine. URL: <https://archive.org/web> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Российская газета (Москва). 1993. 25 дек.

⁴ Устав Новосибирской области от 5 апреля 1996 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=172027609&rdk=0> (дата обращения: 15.06.2020).

⁵ О территориальных органах государственной власти в Новосибирской области // Советская Сибирь (Новосибирск). 1996. 19 дек.

ставший основой для формирования субнационального авторитарного режима⁶.

Однако в самой Новосибирской области использование этого рычага также наблюдалось нечасто. Так, 10 глав муниципальных администраций, занимавших свои посты в 1991 г., продолжали работать в тех же должностях вплоть до 2004 г., когда в Новосибирской области был внедрен механизм прямых выборов глав местного самоуправления⁷. В. П. Муха, являвшийся губернатором Новосибирской области с декабря 1995 г. по январь 2000 г., воспользовался правом назначать глав муниципалитетов только 10 раз. Причем в большинстве случаев подбор кандидатов на эти посты не вызывал конфликтов с муниципальными элитами⁸. Еще нескольких глав муниципальных администраций незадолго до выборов 2004 г. назначил В. А. Толоконский, в январе 2000 г. выигравший выборы губернатора Новосибирской области. По всей видимости, он рассчитывал, что назначенные губернатором кандидатуры победят на предстоящих выборах, однако на практике в семи районах они уступили другим кандидатам. Таким образом, в Новосибирской области, даже несмотря на закон «О территориальных органах государственной власти...», уровень контроля над муниципальными администрациями был заметно ниже, чем, например, в Татарстане и Башкортостане, где «слабые» или «неудобные» главы администраций часто увольнялись региональными «вождями».

В большинстве районов Новосибирской области первые всенародные выборы глав муниципальных администраций состоялись в 2004 г. К 2007 г., когда партия «Единая Россия» получила 315 мест в Государственной Думе, уровень консолидации власти заметно изменился. Учитывая данный исторический контекст, результаты выборов глав муниципалитетов целесообразно изучать, выделив два периода (табл. 1). Сравнительный анализ по трем субъектам РФ свидетельствует о высоком уровне конкуренции в Новосибирской области. Подтверждением этого является индекс, предложенный российским политологом Г. В. Голосо-

⁶ Matsuzato K. From ethno-bonapartism to centralized caciquismo: Characteristics and origins of the Tatarstan political regime, 1990–2000 // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2001. Vol. 17. Is. 4. P. 43–77.

⁷ Исключение составили шесть городов Новосибирской области: Барабинск, Бердск, Искитим, Куйбышев, Обь и Татарск. Там первые выборы глав муниципальных администраций состоялись еще в декабре 2002 г., а последующие — после истечения их полномочий в 2005 г. (см.: Shandarov M. The dynamics of Russian politics: Putin's reform of federal-regional relations. Rowman & Littlefield, 2004. P. 237–238).

⁸ Daily Сибирь (Новосибирск). 1997. 31 янв.

Таблица 1

Результаты выборов глав администраций муниципалитетов
Новосибирской, Кемеровской и Тамбовской областей*

Период	Количество состоявшихся выборов	Среднее число участвовавших кандидатов	«Индекс Голосова»	Главы муниципалитетов, занимавшие должность накануне выборов			
				потерпели поражение на выборах		не участвовали в выборах	
				чел.	% от общего числа избранных глав	чел.	% от общего числа избранных глав
Новосибирск							
2000–2006 гг.	46	3,71	1,71	7	20,1%	3	8,8%
2007–2019 гг.	34	4,02	1,82	6	13,0%	15	32,6%
Кемерово							
2000–2006 гг.	38	3,05	1,40	2	5,2%	8	21,1%
2007–2019 гг.	74	2,92	1,24	2	2,7%	4	5,4%
Тамбов							
2000–2006 гг.	51	3,92	1,76	12	21,6%	15	29,4%
2007–2019 гг.	27	2,93	1,47	0	0,0%	12	44,4%

* Составлена по: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения: 15.06.2020).

вым (далее — «Индекс Голосова»)⁹. Если в Кемеровской и Тамбовской областях благодаря укреплению власти возглавлявших их губернаторов — А. Г. Тулеева и О. И. Бетина соответственно — этот индекс снизился, то в Новосибирской области за тот же период он, напротив, вырос. Кроме того, в Новосибирской области, в отличие от Кемеровской и Тамбовской, кандидаты, уже возглавлявшие местные администрации, часто терпели поражения на выборах.

⁹ Golosov G. The effective number of parties: A new approach // Party Politics. 2010. Vol. 16. Is. 2. P. 171–192.

Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении представителей «Единой России». В большинстве субъектов РФ вследствие укрепления вертикали власти члены именно этой партии стали занимать должности глав муниципальных администраций. Однако в Новосибирской области они заметно чаще проигрывали в выборах глав местного самоуправления по сравнению с другими регионами, что свидетельствует о более высоком уровне развития демократии и конкуренции в Новосибирской области.

Принятый Законодательным собранием Новосибирской области 19 ноября и подписанный губернатором 24 ноября 2014 г. закон «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Новосибирской области» фактически отменил всенародные выборы глав муниципалитетов. Выборность глав «на основе всеобщего равного и прямого избирательного права» сохранилась только в р. п. Кольцово и в Новосибирске¹⁰. По мнению главы администрации р. п. Кольцово Н. Г. Красникова, всенародные выборы необходимы, так как позволяют услышать голоса местного населения¹¹. Кроме того, можно утверждать, что выборность глав муниципалитетов обеспечивает им некоторую политическую автономность. Во многом благодаря этому с 2014 г. по настоящее время мэром Новосибирска является член Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) А. Е. Локоть. Никакие другие административные центры субъектов РФ за последние годы не возглавляют представители оппозиционных партий.

Во всех остальных муниципалитетах Новосибирской области, согласно закону от 24 ноября 2014 г., главы органов местного самоуправления стали избираться «соответствующим представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией»¹², в состав которой входят представители от региональной и муниципальной власти. В этой системе губернатору легче оказывать влияние на процесс подбора фигуры, которая займет пост главы администрации муниципалитета, благодаря чему местное самоуправление вновь стало сильнее подчиняться региональным властям.

Анализ персонального состава глав муниципальных администраций Новосибирской области за последние 20 лет свидетельствует о том, что

¹⁰ Закон «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Новосибирской области» // АО «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465707083> (дата обращения: 15.06.2020).

¹¹ Красников Н. Г. Интервью в р. п. Кольцово 23.08.2019 (Архив М. Торикаи).

¹² Закон «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Новосибирской области» // АО «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465707083> (дата обращения: 15.06.2020).

Таблица 2

Карьерные позиции, которые занимали главы муниципальной администрации до своего вступления в должность*

Где работал ранее / период	Та же муниципальная власть	Другая муниципальная власть	Органы государственной власти областного уровня	Иное (работа, не связанная с властью)
2000–2010 гг. (губернатор В. А. Толоконский)	14 (38,9%)	4 (11,1%)	0	18 (50,0%)
2010–2014 гг. (губернатор В. А. Юрченко)	3 (50,0%)	0	1 (16,7%)	2 (33,3%)
2014–2017 гг. (губернатор В. Ф. Городецкий)	4 (36,4%)	3 (27,3%)	1 (9,0%)	3 (27,3%)
(с 2018 г. по настоящее время) (губернатор А. А. Травников)	1 (33,3%)	1 (33,3%)	1 (33,3%)	0

* Составлена по базе данных автора, сформированной на основе открытых источников, а также материалов областных или муниципальных газет.

как минимум каждый третий из них до назначения или избрания на эту должность ранее работал в той же администрации (табл. 2). Менее распространенной была практика «перехода» из одного муниципалитета в другой. Еще реже встречалась практика вмешательства в обновление кадров со стороны региональной власти: главы только трех из них были направлены на эти должности из региональной администрации. В других регионах такое перемещение кадров было распространено больше. В Кемеровской области, например, доля тех, кто работал в региональной администрации перед избраниями главами муниципалитетов, составляет 15%. Еще более наглядный пример — Татарстан. Во время руководства республикой со стороны Р. Минниханова, то есть с 2010 г. по настоящее время, около 20% глав администрации работали до этого в структурах региональной власти. Горизонтальные трансферы в Татарстане также наблюдаются чаще, чем в Новосибирской области. По нашим подсчетам, в Татарстане только 15% глав администраций до занятия своих должностей работали в том же муниципалитете.

После отмены в 2015 г. всенародных выборов в 33 муниципалитетах Новосибирской области из 35 только в 12 из них на должности пришли новые люди. Практически все главы, до 2015 г. прошедшие процедуру выборов, до сих пор продолжают работать на своих должностях. Можно утверждать, что столь невысокий уровень обновления кадров является особенностью Новосибирской области. Например, другая ситуация наблюдается в соседней Кемеровской области. Там, как и в Новосибирске, в 2015 г. были отменены прямые выборы глав всех муниципалитетов, кроме Кемерова и Новокузнецка¹³. После этого на муниципальном уровне сменилось 22 руководителя, в том числе в таких крупных городах, как Междуреченск и Прокопьевск. Следовательно, можно предположить, что в Кемеровской области, в отличие от Новосибирской, изменение системы избрания глав муниципальных администраций использовалось в первую очередь для обновления кадров.

В заключение можно сделать несколько выводов. Во-первых, главы администрации в Новосибирской области часто являлись выходцами из муниципальной власти. Несмотря на то что закон о местном самоуправлении в Новосибирской области на протяжении почти восьми лет давал возможность губернаторам назначать и увольнять глав администраций муниципалитетов, местному самоуправлению тем не менее удалось сохранить относительную самостоятельность. Во-вторых, в Новосибирской области конкуренция на выборах была более высокой в сравнении с другими регионами. В-третьих, реформирование механизма формирования муниципальной власти в 2015 г. существенно не повлияло на кадровый состав руководителей муниципалитетов. В течение пяти лет после внесения изменения в закон о порядке формирования местного самоуправления сменилось только 12 глав местной администрации. Следовательно, последний этап реформы местного самоуправления незначительно изменил политические процессы в Новосибирской области. Таким образом, при изучении местного самоуправления в России, несмотря на важность формальных институтов, в том числе законов и уставов, необходимо также тщательно выяснять их реальное влияние на политические процессы на местах, выявляя и анализируя как можно более широкий круг источников. Как показало данное исследование, такой подход позволяет выявить не только общие принципы функционирования, но и уникальные черты системы местного самоуправления в каждом регионе.

¹³ Тайга.инфо. 2015. 9 окт. URL: <https://tayga.info/123735>.

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ
В МИРОВОЙ
ИСТОРИИ**

С. А. ДЕНИСОВ

Институт археологии РАН (Москва)

Судовы под властью Тевтонского ордена в 1280–1370 гг.: практика инкорпорации

Статья посвящена инкорпорированию судовов, одной из западнобалтских этнических общностей, в социальную систему Орденского государства. Это инкорпорирование охарактеризовано на основе сведений о составе и обязанностях 3137 представителей рассматриваемой группы, содержащихся в орденских и церковных актах, а также в хронике Петра из Дусбурга. Использование для изучения этих сведений сравнительно-исторического, типологического, просопографического и диахронно-синхронного методов позволило сделать вывод о включении судовов в систему ленного землевладения после компактного расселения в прусских землях, что было вызвано опасностью их выступления против Ордена, а также слабой освоенностью земельного фонда Судовии.

Ключевые слова: Тевтонский орден, Судовия, ленное землевладение, военная служба, налог.

Становление Орденского государства в юго-восточной Прибалтике неразрывно связано с инкорпорированием местного населения в выстраиваемую братьями социальную систему. Переходя на сторону Ордена, пруссы, скаловы и судовы получали земельные надель, обязуясь нести военные и налоговые повинности. К 1370-м годам братьям и церкви удалось сформировать обширную сеть владений, которыми обладали местные ленники. Представители этой группы защищали Орденское государство, участвовали в кампаниях против Великого Литовского княжества и Польского королевства, а также обеспечивали доходы от использования земельного фонда. Формирование ленной системы происходило неравномерно, что было обусловлено различной освоенностью областей и длительной борьбой с лидерами Великого восстания (1242–1283 гг.). В Помезании и Самбии, хорошо освоенных в XII — первой половине XIII в. и в меньшей степени затронутых восстанием, данный процесс стремительно развивался, о чем говорит значительное число местных ленных владений, сложив-

шихся к 1370-м годам¹. Напротив, в районах Скаловии, Галиндии, Надровии, входивших в состав Великой пуци² и покоренных только к 1280-м годам, данный процесс занял длительное время и завершился только в XV в.³ Среди областей, относившихся ко второй группе, особое место занимала Судовия, население которой длительное время оказывало сопротивление Ордену и было покорено только в 1280–1283 гг. Этому способствовали природные условия, затруднявшие проникновение братьев вглубь Судовии, а также близкое соседство с Великим Литовским княжеством, позволявшее местным вождям совместно с князьями организовывать походы против Ордена⁴. Перечисленные факторы придали Судовии особый статус как области, характеризующейся тяжелыми условиями для использования земельного фонда. Данное положение ставит вопрос о том, каким образом было инкорпорировано местное население в систему условного землевладения, обеспечивавшую контроль Ордена над покоренными землями.

Основополагающие аспекты этого процесса — состав и функции судовов, перешедших на сторону братьев и церкви — не получили полного освещения в историографии. Исследователи отмечали привлечение Орденом на свою сторону судовских вождей с соплеменниками⁵, а также их последующее расселение в прусских областях Самбии и Помезании на положении, близком к местным землевладельцам⁶. В то же время состав и функ-

¹ *Plümicke R.* Zur ländischen Verfassung des Samlandes unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Leipzig, 1912. S. 61–66; *Vercamer G.* Verwaltungs-, Siedlungs- und Landwirtschaftsweise sowie Gesellschaftsaufbau und Begräbnissitten der Preußen besonders auf Gebiet der Komturei Königsberg vor und während der frühen Deutschordensherrschaft // *Preußenland*. 2011. Jahrbuch 2. S. 11–23; *Szczepański S.* Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku. Olsztyn, 2016. S. 130–324.

² Территория, расположенная на востоке, северо-востоке и юго-востоке региона и покрытая лесами, болотами и озерами.

³ *Długokęcki W.* Kolonizacja ziemi chełmińskiej, Prus i Pomorza Gdańskiego do 1410 r. // *Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo* / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008. S. 205–212.

⁴ *Dubonis A.* Yatvingians in the genesis of Lithuanian anti-teutonic orientation // *Lithuanian historical studies*. 2006. Vol. 11. P. 32–33.

⁵ *Ewald A. L.* Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. Buch 4. Halle, 1886. S. 253; *Wenskus R.* Der Deutsche Orden und die nichtdeutsche Bevölkerung des Preussenlandes mit besonderer Berücksichtigung der Siedlung // *Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte* / hrsg. W. Schlesinger. Sigmaringen: Thorbecke, 1975. S. 421; *Мамузова В. И.* Прусские нобили и Немецкий орден // *Древнейшие государства на территории СССР. 1987* / отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 285; *Dobrosielska A.* Opór — Oportunizm — Współpraca. Prusowie wobec zakonu krzyżackiego w dobie podboju. Olsztyn, 2017. S. 185–186.

⁶ *Heinel E.* Geschichte Preussens / bearb. von C. F. Laudien. Königsberg, 1876. S. 47; *Rousselle M.* Das Siedlungswerk des Deutschen Ordens in Lande Gerdaunen // *Altpreussische Forschungen*. 1929. Jahrgang 6. Hft. 1. S. 236–238; *Zajaczkowski S.* Podbój prus i ich kolonizacja przez

ции переселенцев из Судовии, а также процессы их социального взаимодействия, позволяющие говорить о способах и эффективности их инкорпорирования, специально не рассматривались.

Хронологическими рамками исследования является период 1280–1370 гг., охватывающий время от первых переходов на сторону братьев, совершенных представителями рассматриваемой этнической общности, до оформления социальной системы Орденского государства⁷.

Источниками для решения сформулированной задачи являются акты (20 документов), в которых полностью или частично было зафиксировано получение судовами от братьев или церкви земельных участков в обмен на службу и налог. Эти сведения дополняются сообщениями, содержащимися в хронике Петра из Дусбурга, которая была завершена в 1326 г. В источнике описана роль судовов в Великом восстании и последующий затем переход их вождей на сторону братьев, что позволяет охарактеризовать социально-политическое и военное устройство Судовии для последующего сопоставления с положением ее жителей в Орденском государстве.

Критериями для выделения судовов в отдельную социальную группу в источниках являются прямые указания на их этническую принадлежность — «судов», «судовиты» (*Sudow, Sudowicus, Sudowites*), а также на область происхождения, Судовию (*Sudowia*). Используя эти критерии, обратимся к составу и функциям данной группы, предварительно рассмотрев социальное и военное положение ее представителей в период борьбы с Орде-ном в 1261–1283 гг.

Выделяя Судовию среди других прусских земель, Петр из Дусбурга отметил, что ее благородные жители могли организовать войско из 6 тыс. всадников и неисчислимого количества пеших воинов⁸. Их военная сила была продемонстрирована в период Великого восстания, когда они совершили опустошительные набеги на Кульмскую область, Помезанию и Бартию в 1263, 1271, 1277 и 1278 гг., привлекая на свою сторону литовцев, поля-

kryżaków. Toruń, 1935. S. 30; *Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach*. Gdańsk, 1988. S. 190; *Новиков А. С.* «Судавский угол» // *Надровия: историко-краеведческий журнал*. 2009. № 6. С. 22–27; *Dobrosielska A.* Uwagi o udziale Jaćwiegów w kolonizacji krzyżckiej // *Pruthenia*. 2010. Т. 5. S. 113–131; *Białuński G.* Studia z dziejów rycerskich i szlacheckich rodów pruskich (XIII–XVI wiek). Olsztyn, 2012. S. 181–184.

⁷ *Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego... S. 288–290.*

⁸ *Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 1 / hgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, S. 54. № 3.* Несмотря на то что в хронике судовы отнесены к пруссам, различия в материальной культуре позволяют рассматривать данную народность как отдельную западнобалтскую этническую общность (*Седов В. В.* Западнобалтские племена // *Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / отв. ред. В. В. Седов. М., 1987. С. 398.*

ков и пруссов⁹. Судовия делилась на волости (Кименов, Красима, Меруниска, Керсов, Силия), возглавляемые местными вождями: Скомандом, Йедетом, Руссигеном¹⁰, Кантегердом, Вадоле¹¹ и Скурдо¹² (см. рис. 1). Наибольший политический авторитет имел первый из них, обладавший богатством и знатностью, а также военным опытом, позволявшим ему возглавлять войско в упомянутых походах. Под властью перечисленных вождей находилось все население Судовии, опустевшей после их ухода вместе с соплеменниками к Ордену, литовским князьям или гибели в 1280–1283 гг.¹³ В таком состоянии она находилась, по словам Петра из Дусбурга, во время завершения хроники, то есть в 1326 г. Это говорит о том, что в течение 40 лет Орден и церковь не предпринимали попыток к ее новому заселению. Данная позиция была связана с тем, что братья не имели в Судовии укрепленных пунктов, которые в прусских землях носили функции военных и административных центров, обеспечивавших защиту сельской округи и регулирование поземельных отношений. В свою очередь, отсутствие таких центров было вызвано труднодоступностью внутренних районов Судовии вследствие природных условий. Перечисленные обстоятельства способствовали тому, что Орден принял решение превратить рассматриваемую область в буферную зону между своей территорией и Великим Литовским княжеством для защиты от возможных нападений с востока. Границы области, как части Орденского государства, находились под контролем братьев. Когда в 1360 г. по распоряжению польского короля Казимира III (1333–1370 гг.) на юге Судовии был построен замок Ронгарт, к нему в том же году направился с войском верховный маршал Геннинг Шиндекопф (1359–1370 гг.), который разрушил крепость¹⁴. В этом контексте переселение судовов должно было ослабить их политические отношения с литовскими князьями и укрепить верность Ордену, гарантировавшему их положение в прусских племенных землях. Рассмотрим далее, какие результаты дала эта практика, распределив судовов по отдельным областям.

Помезания и Погезания

В актах и хронике зафиксировано положение 1617 судовов, получивших владения в этих землях. К ним относились следующие лица:

⁹ *Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae...* S. 127. № 164; S. 128. № 166; S. 129. № 169.

¹⁰ *Ibid.* S. 141–142. № 207.

¹¹ *Ibid.* S. 143. № 212.

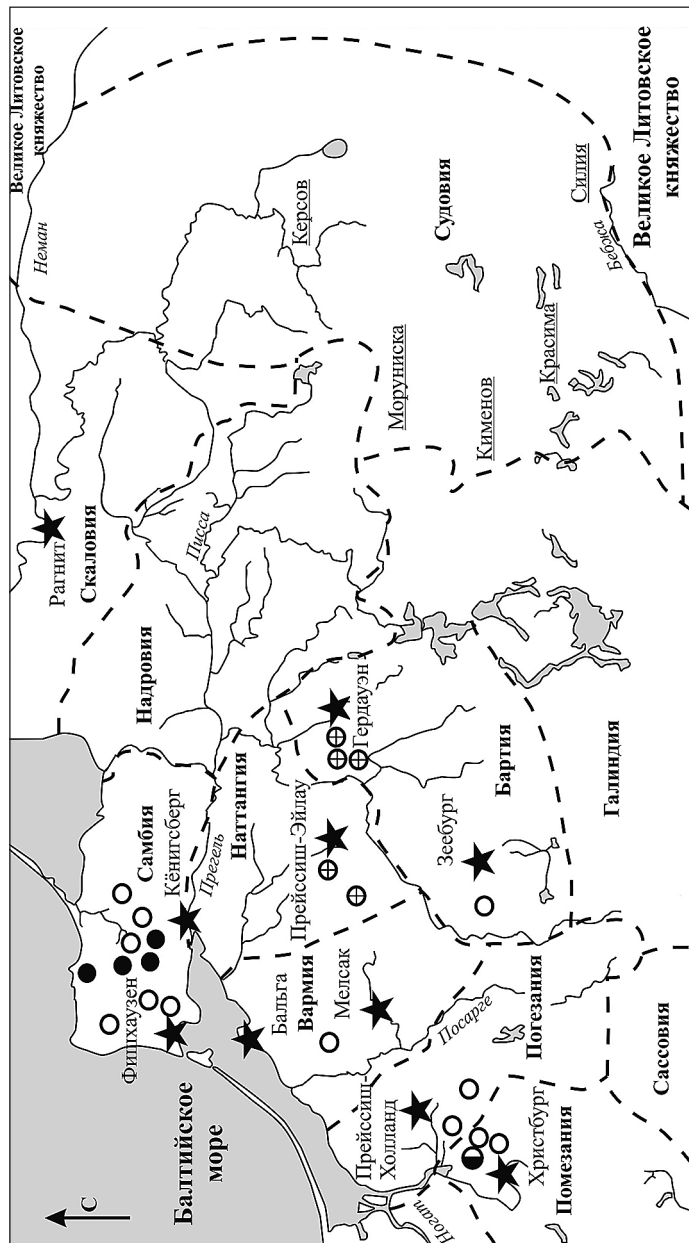
¹² *Ibid.* S. 146. № 219.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Preussisches Urkundenbuch (PUB). Bd. 5. Lief. 1–3 / hgb. von K. Conrad. Marburg, 1969–1975. S. 503–507. № 894.*

Рисунок 1

Владения судовов в прусских землях в 1280–1370 гг.*

Карта. Владения судовов в прусских землях в 1280–1370 гг.

- ⊕ – род Скоманда
- – род Йедета
- – семейства Кантегерда и Звининна
- ★ – опорные пункты Орлена
- Кименов – волости Судовии

* Составлена по данным актов.

- 1) Кантегерд, Вождь. Вместе с сыновьями¹⁵ и 1600 судовами перешел в 1283 г. на сторону Ордена¹⁶. 1 августа 1285 г. ландмейстер Конрад фон Тирберг (1283–1288 гг.) пожаловал вождю и его потомкам в наследственное владение часть поля Повунден с прилегающими лесами, лугами и пастбищами (размер не указан) в районе Христбурга в Помезании (см. рис. 1). За это они и их наследники были обязаны нести военную службу Ордену вместе со своими людьми, а также возводить и ремонтировать укрепления. Владельцы могли поселить на полученном участке крестьян при условии выплаты теми десятины и выполнения хозяйственных работ (шарверка). Крестьянские участки, оставшиеся без владельцев, переходили в собственность судовов¹⁷.
- 2) Звинниен. Получил вместе с братьями 1 августа 1285 г. вторую часть поля Повунден при обстоятельствах и на условиях, аналогичных пожалованию Кантегерда¹⁸.
- 3) Мунтигин, Толейке, Схаре и Продвеле. Получили 1 августа 1285 г. от ландмейстера Конрада фон Тирберга поле Димстенийнис (в районе Христбурга) на условиях, аналогичных указанным выше, исключая право на участки, оставшиеся без владельцев¹⁹.
- 4) Абданге, Зохе, Мелинс, Молодинс и Диркоте. Великий магистр Карл фон Трир (1311–1324 гг.) пожаловал им 1 октября 1312 г. в наследственное владение поля Марвиц, Утекин, Вадекин, Смансвельде в районе Прейссиш-Холланда (Погезания) на условиях, аналогичных пожалованию, сделанному Кантегерду. Единственным отличием от документа, предоставленного вождю, является специальное сообщение о том, что из участков исключены земли ленников Кипенса, Краупола и Танеха. Получив владения, судовы продали поле Марвиц церковному приходу в Хиршфельде²⁰.

¹⁵ Здесь и далее при расчете численности группы множественное число, упоминаемое в актах, принималось за минимальное значение — две персоны.

¹⁶ *Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae...* S. 143. № 212; S. 145. № 217.

¹⁷ PUB. Bd. 1. Hft. 2 / bearb. A. Seraphim. Königsberg, 1909. S. 301. № 472. В хронике Петра из Дусбурга говорится о том, что ландмейстер Конрад фон Тирберг приказал судовам под предводительством Кантегерда отправиться в Самбию в 1283 г. (*Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae...* S. 145. № 217), что позволило некоторым исследователям локализовать дом и земельный участок нобилия в этой области (*Новиков А. С. «Судавский угол»...* С. 22; *Dobrosielska A. Uwagi o udziale Jaćwiegów...* S. 120). Однако представленная грамота была пожалована судовам в Прейссиш-Холланде в присутствии комтура Эльбинга Куно (1285–1286 гг.) и комтура Христбурга Дитриха фон Гиспослебена (1283–1286 гг.), что говорит о расположении участка в Помезании, так как подобные документы выдавались при обстоятельствах, соответствующих административному делению Орденского государства.

¹⁸ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 302. № 472.

¹⁹ *Ibid.* S. 301–302. № 471.

²⁰ PUB. Bd. 2. Lief. 1–3 / hgb. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg, 1932–1937. S. 53–54. № 85.

- 5) Повиле. Получил 8 сентября 1317 г. от ландмейстера Фридриха фон Вильденберга (1317–1324 гг.) три гуффена и 10 югеров²¹ в поле Вагеник в районе Прейссиш-Холланда на условиях несения военной службы на коне и с оружием, предписанным обычаем, а также выплаты налога в виде шеффеля пшеницы и шеффеля ржи. За ущерб здоровью ленника предусматривался штраф (вергельд) в размере 30 марок²².
- 6) Ионус. Верховный трапир и комтур Христульбург Конрад фон Бруинингсхейм (1347–1353 гг.) пожаловал ему 20–27 мая 1347 г. четыре гуффена в поле Лаубниц, расположенном в районе Христульбурга. Ленник был наделен судебной властью над своими крестьянами, которая включала в себя право малого суда и право большого суда²³. За это владение Ионус был обязан нести службу Ордену на коне и с оружием по обычаю, а также строить и ремонтировать укрепления²⁴.

Самбия

В этой прусской земле участки получили 1512 судовов, к которым относятся:

- 1) Йедет. Вождь. В 1283 г. перешел на сторону братьев вместе с 1500 соплеменниками. В 1288–1289 гг. ландмейстер Мейнхард фон Кверфурт (1288–1299 гг.) пожаловал ему три гакена²⁵ в поле Шлаклаукен на севере Самбийского полуострова. Однако при этом обязанности судовова не указаны²⁶.
- 2) Прейсинге. Получил 28 февраля 1295 г. от ландмейстера Мейнхарда фон Кверфурта два гакена в поле Стантау к северу от Кёнигсберга за обязательство нести военную службу с прусским оружием и на коне, а также возводить и ремонтировать укрепления²⁷.
- 3) Катце. Получил 31 декабря 1302 г. от ландмейстера Конрада Зака (1302–1306 гг.) два гакена с прилегающими угодьями в деревне Судове к северо-востоку от Кёнигсберга, за которые нес военную службу с прусским оружием, а также участвовал в строительстве и ремонте крепостей. Отдельно в документе сообщалось, что если площадь участка окажется

²¹ Один гуффен (20 га) составлял 15 югеров.

²² PUB. Bd. 2. Lief. 1–3. S. 131–132. № 193.

²³ Данные права означали удержание ленником штрафов за незначительные (малый суд) и тяжкие преступления (большой суд). К первым относились такие действия, как задержка выплаты налогов, ко вторым — ущерб здоровью человека.

²⁴ PUB. Bd. 4 / hgb. von H. Koeppen. Marburg, 1964. S. 168–169. № 191.

²⁵ Один гакен (30 га) равен 1,5 гуффену.

²⁶ *Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae...* S. 145–146. № 219; PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 440. № 704; Ibid. Bd. 2. Lief. 1–3. S. 94–95. № 142.

²⁷ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 402–403. № 631.

меньше заявленной, то ленник мог дополнить ее за счет расположенного рядом леса²⁸.

- 4) Лупрехт. Сын Йедета. Великий магистр Карл фон Трир пожаловал ему 27 декабря 1315 г. три гакена в поле Медникен и три гакена в поле Меткайм (оба поля были расположены к северу от Кёнигсберга). В свою очередь ленник обязался служить Ордену на коне и с прусским оружием, а также возводить и ремонтировать укрепления. При этом три гакена в поле Медникен Лупрехт получил по своей просьбе в обмен на три гакена в поле Шлакклаукен, доставшиеся ему по наследству. Новый владелец имел право большого и малого судов над крестьянами, а в случае ущерба своему здоровью — право получить компенсацию по закону прусских нобилей, витингов (*secundum ius antiquorum Witingorum*)²⁹.
- 5) Конрад Судов. Получил 8 сентября 1326 г. от Самбийского епископа Иоганна Кларе (1315–1344 гг.) 30 гуффенов в священной роще в районе Фишхаузена для основания нового поселения (то есть стал локатором³⁰), из которых его личную собственность составляли три гуффена. За это Конрад и его наследники были обязаны ежегодно платить 0,5 марки, две курицы и меру жира. Локатор имел право удерживать треть штрафов от большого и малого судов. В 1352 г. Самбийский епископ Иаков (1344–1357 гг.) передал участок Конрада другому владельцу — Герко фон Блуменау³¹.
- 6) Кариоте. Получил до 3 сентября 1335 г. от духовенства Самбийского диоцеза три гакена в поле у деревни Компейнен в районе Фишхаузена, обязуясь за полученное владение нести военную службу. Часть владения Кариоте обменял у своих братьев Пеллине и Навелле на другой участок, а 3 сентября 1335 г. все трое продали указанные три гакена пруссам Нагланде, Николаю и Гертвигу³².
- 7) Петер Судов. Получил 17 мая 1338 г. от великого магистра Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341 гг.) пять гуффенов в поле Квандигиттен к северо-западу от Кенигсберга, обязуясь нести военную службу на коне с прусским оружием, а также возводить и восстанавливать укрепления. Ленник удерживал штрафы от большого и малого судов. Отдельно отмечено, что он владел участком по тому же праву, каким был наделен его предок³³.

²⁸ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 486. №782.

²⁹ PUB. Bd. 2. Lief. 1–3. S. 94–95. №142.

³⁰ Локатор — подрядчик, который получал от Ордена или церкви в пользование участок земли для основания поселения, обязуясь нести военную службу и платить налог.

³¹ Urkundenbuch des Bisthums Samland (UBS) / hg. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 2. Leipzig, 1898. S. 164. №245; PUB. Bd. 5. Lief. 1–3. S. 33–34. №61.

³² UBS. Hft. 2. S. 219. №291.

³³ PUB. Bd. 3. Lief. 1 / hg. von M. Hein. Königsberg, 1944. S. 117–118. №162.

- 8) Неизвестные по имени судовы, жившие вблизи от церкви Хайлиген-кройц на северо-западе Самбии («судовский угол»). Упомянуты в акте от 21 марта 1355 г. при описании границ участка, выданного пруссу Вернко рядом с их владением³⁴.

Наттангия, Вармия и Бартия

В этих прусских землях были поселены восемь судовов, к которым относились:

- 1) Руссиген. Вождь. Перешел на сторону Ордена вместе с семьей и челядью, отправившись к комтуру Бальги в Вармии в 1280 г.³⁵
- 2) Скоманд. Вождь. Получил 18 апреля 1285 г. вместе с сыновьями Рукалсом, Гедетой и Гальмом от ландмейстера Конрада фон Тирберга деревню Стейнио, луг Пенковое и поле Лабалаукс в районе Прейссиш-Эйлау (Наттангия) в наследственное владение, обязуясь нести военную службу с оружием, предписанным обычаем, и крестьянами деревни, а также возводить и ремонтировать крепости. Ленники получал штрафы от малого суда и треть штрафов от большого суда. В случае заселения участка новыми крестьянами те приравнивались по статусу к местным земледельцам³⁶. Позднее, 13 апреля 1339 г., великий магистр Дитрих фон Альтенбург пожаловал Гальму пять гуффенов в поле Костен в районе Прейссиш-Эйлау, за которые судов обязался нести военную службу на коне и с оружием по обычаю, а также возводить и ремонтировать укрепления. Отдельно отмечено, что штраф (вергельд) за ущерб здоровью ленника составил 30 марок³⁷.
- 3) Конрад Судов. Упомянут как обладатель 12 гуффенов в деревне Хохендорф в районе Мелсака в Вармии, полученных от духовенства Вармийского диоцеза до 15 октября 1317 г. Обязанности, выполняемые им за участок, не указаны³⁸.
- 4) Конрад Судов. Получил 13 апреля 1346 г. от фогта Вармийского епископа Бруно фон Лутира по кульмскому праву 33 гуффена для основания деревни Калис (в районе Зеебурга), из которых к личному владению локатора относились шесть гуффенов. Конрад обладал правом распоряжаться штрафами от малого суда и третьей частью штрафов от большого суда, а также мог ловить рыбу в близлежащем озере. За владение

³⁴ PUB. Bd. 5. Lief. 1–3. S. 175. № 314.

³⁵ *Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae...* S. 141–142. № 207.

³⁶ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 297–298. № 464.

³⁷ PUB. Bd. 3. Lief. 1. S. 182–183. № 254.

³⁸ *Codex Diplomaticus Warmiensis (CDW)*. Bd. 1 / hgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1860. P. 314–315. № 182.

Таблица 1

Имущественное положение судовов в прусских землях*

Численность (чел.)	Размеры владений (основные)	Обязанности		
		военная служба (чел.)	строительство укреплений (чел.)	налог (чел.)
29	0,5–4,0 поля, 3,0–50,0 гуффена	29	28	3
1	3,0 гуффена	–	–	1
7	4,5 и 12,0 гуффена	–	–	–

* Составлена по данным актов.

он и его потомки после истечения 16 лет были обязаны нести военную службу на коне и в сопровождении воина, возводить и ремонтировать укрепления, а также ежегодно платить шеффель ржи, фунт воска и шесть кульмских денариев³⁹.

- 5) Дитрих Скоманд. Сын Гальма, внук Скоманда. Получил 21 мая 1366 г. от великого магистра Винриха фон Книпроде (1355–1382 гг.) 50 гуффенов у деревни Барскелаукен в районе Гердауэна в Бартии, за которые был обязан служить Ордену на коне и с оружием, предписанным обычаем, возводить и ремонтировать укрепления, а также платить ежегодно по шеффелю пшеницы и зерна за каждый плуг, шеффель пшеницы за каждый гакен, фунт воска и кёльнский денарий⁴⁰. 24 июня 1376 г. Дитрих вместе с Гансом Траупе пожаловали 10 гуффенов в поле Рейтекейм (в том же районе) пруссам Тунгебуте и Скварбе, за которое те обязались нести военную службу на коне и с оружием по обычаю, а также возводить и ремонтировать укрепления⁴¹. В том же году Дитрих и Ганс Траупе пожаловали Генриху Ашинбунеру 60 гуффенов у деревни Фредеберг (в том же районе) для основания нового поселения при условии выплаты налога 13 голов скота и две курицы⁴².

Далее суммируем в таблице сведения о судавах, чье положение зафиксировано в актах (см. *табл. 1*).

Как видно, основную часть землевладельцев (30 из 37 человек) составляли ленники и локаторы, обязанные за полученный надел нести воен-

³⁹ CDW. Bd. 2 / hgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1864. S. 49–51. № 46.

⁴⁰ PUB. Bd. 6. Lief. 1 / hgb. von K. Conrad. Marburg, 1986. S. 258. № 453.

⁴¹ Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. XX. HA, OF. № 105. Bl. 120r–v.

⁴² Ibid. XX. HA, OF GÄ, OF № 105. Bl. 110r.

ную службу, возводить и ремонтировать крепости и/или платить налог. Их права и обязанности были аналогичны тем, которыми пользовались и которые исполняли пруссы. Они так же, как судовы, обязуясь нести военную службу и платя налоги, обладали частичной или полной юрисдикцией над своими крестьянами⁴³, дополняли владения в случае нехватки земли⁴⁴, приводили на свои участки земледельцев⁴⁵, обменивали наделы⁴⁶, получали отсрочку от несения службы и выплаты податей⁴⁷, а также использовали близлежащие уголья⁴⁸. Включение судовов в новую социальную систему происходило в условиях социально-имущественной дифференциации среди них: наряду с небольшими владениями размером три — пять гуффенов существовали пожалования размером 12–50 гуффенов, а также фиксировалось получение наделов отдельными лицами, являвшимися потомками вождей (Гальм, Дитрих Скоманд, Лупрехт), и прекращение землепользования мелкими собственниками (Кариоте, две персоны по имени Конрад Судов). При этом участки, принадлежавшие трем знатным семействам (Йедета, Скоманда и Кантегерда), компактно располагались соответственно в землях Самбии, Наттангии, Бартии и Помезании (см. *рис. 1*), что, вероятно, имело целью предотвратить возможное объединение перечисленных лидеров для нового восстания против Ордена. Владения нобилей располагались недалеко от участков незначительных ленников, которые, скорее всего, прибыли вместе с ними в прусские земли, так как, согласно рассмотренным выше сообщениям Петра из Дусбурга, орденские чиновники выделяли место для поселения вождю и пришедшим с ним соплеменникам в одной и той же области.

Перечисленные меры продемонстрировали гибкость орденской политики в отношении судовов: с одной стороны, они активно включались в систему условного землевладения с предоставлением прав и обязанностей, свойственных пруссам, а с другой — расселялись в различные области для предотвращения возможного объединения против Ордена. Используя данный подход, братья успешно инкорпорировали судовов в выстраиваемую социальную систему и использовали их деятельность для дальнейшего освоения прусских земель.

⁴³ CDW. Bd. 1. P. 102–104. № 57; P. 478–479. № 292; PUB. Bd. 2. S. 268–269. № 361.

⁴⁴ PUB. Bd. 4. S. 568–569. № 631.

⁴⁵ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 547. № 869; S. 556–557. № 884; Bd. 2. S. 250–251. № 333.

⁴⁶ PUB. Bd. 2. S. 268–269. № 361.

⁴⁷ CDW. Bd. 1. P. 264–266. № 153.

⁴⁸ Ibid. P. 126. № 120.

А. А. ЕФИМОВ

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Взаимоотношения августейших заказчиков с подрядчиками по поводу финансирования строительства великокняжеских дворцов в середине XIX — начале XX в.

Статья посвящена одному из вопросов истории создания великокняжеских резиденций в Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Автор утверждает, что большинство исследований, посвященных этой теме, фокусируется на проблемах искусствоведения, тогда как организационные аспекты остаются малоизученными. На основе архивных материалов автор освещает участие августейших заказчиков во взаимодействии с подрядчиками при решении финансовых проблем. В статье выделяются два варианта реагирования великих князей на переданные им сообщения об этих сложностях. Автор отмечает, что навстречу контрагентам шли в случае, если их предложения не затрагивали денежных интересов их высочеств, тогда как оказание денежной помощи подрядчикам было явлением исключительным и осуществлялось только при гарантиях возврата средств.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство императорского двора, великие князья, дворец, строительство.

Финансовая поддержка: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук № МК-175.2019.6.

Министерство императорского двора (МИДв) со времени создания в 1826 г. и вплоть до 1917 г. активно участвовало в формировании архитектурного облика столицы Российской империи и ее пригородов. В первую очередь речь идет о великокняжеских резиденциях, ставших неотъемлемой частью разных районов Санкт-Петербурга, которые строились в большинстве случаев под административным контролем чиновников Придворного ведомства. Отдельного внимания при исследова-

нии строительной деятельности МИДв заслуживает проблема взаимодействия заказчиков и исполнителей — политической элиты Российской империи из рода Романовых с бюрократической элитой, представленной чиновниками МИДв. Наиболее рельефно эти взаимоотношения проявлялись в такой особой области деятельности Придворного ведомства, как создание великокняжеских дворцов, исполнявших одновременно базовую функцию жилища и функцию резиденции, то есть представительскую. Настоящая статья посвящена одному из аспектов этого взаимодействия, а именно участию великих князей в решении финансовых сложностей с подрядчиками при строительстве собственных дворцов.

В историографии в целом преобладают исследования, в которых результаты архитектурно-строительной деятельности МИДв рассматриваются с позиций искусствоведов, историков архитектуры и историков искусства. Вследствие этого основное внимание уделяется описанию внешнего и внутреннего убранства зданий, которое представляется скорее как итог творчества какого-либо архитектора, а не кропотливой работы множества лиц, сложных переговоров и достигнутых соглашений между разными как по роду занятий, так и по статусу людьми. Подобный подход не позволяет дать полного представления о роли августейших особ в строительстве. Однако справедливости ради стоит отметить, что проблема взаимодействия августейших особ, служащих МИДв, архитекторов, подрядчиков и поставщиков в отдельных своих аспектах ранее уже поднималась в историографии. В первую очередь внимание исследователей привлекал вопрос взаимоотношений членов дома Романовых и архитекторов. Специально данный вопрос рассматривается в книге А. С. Лосевой «„Себя как в зеркале я вижу...“: Царские резиденции глазами заказчиков»¹ и статье Е. А. Борисовой «К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в.»², а также в монографии В. А. Резвина «Архитекторы и власть»³. Тем не менее, в силу сфокусированности на линии «член императорской фамилии — архитектор», когда рассматривается главным образом влияние художественного вкуса представителей дома Романовых на экстерьер и интерьер будущих резиденций, а также из-за искусственной ограниченности источниковой базы, когда остаются незадействованными архивные

¹ Лосева А. С. «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. СПб., 2006. 138 с.

² Борисова Е. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. М., 1994. С. 234–298.

³ Резвин В. А. Архитекторы и власть. М., 2013. 311 с.

документы, образовалась историографическая лакуна, в которой оказалась, в частности, и проблема настоящей статьи.

Однако даже обращение к источникам не позволяет раскрыть тему взаимодействия членов дома Романовых с чиновниками Придворного ведомства, поставщиками и подрядчиками при строительстве всех и каждой из полутора десятков великокняжеских резиденций, построенных в рассматриваемый период. По большинству дворцов не удалось выявить достаточного объема документов, которые дали бы возможность составить хоть сколь-нибудь полную картину по этой проблеме. В настоящей статье внимание сосредотачивается на нескольких дворцах, на основе материалов которых удастся провести анализ, по крайней мере, финансовой стороны исследуемого вопроса. Этими резиденциями являются Михайловская дача в пригороде Санкт-Петербурга Петергофе, Санкт-Петербургский дворец великого князя Владимира Александровича и крымская усадьба Харакс великого князя Георгия Михайловича.

Со второй половины 1850-х по начало 1880-х годов администрирование строительных работ, проводимых Министерством императорского двора, осуществлялось специальной Строительной конторой. Именно она в большинстве случаев занималась подбором подрядчиков через систему торгов, контракт с ними заключался после согласования с министром императорского двора, а в ряде случаев и с императором. При этом великих князей лишь информировали о результатах торгов.

По такой схеме, в частности, были определены подрядчики для строительства резиденции великого князя Михаила Николаевича в имении Михайловка. 11 июля 1857 г. между лицами, приглашенными особыми повестками, был проведен тендер, по результатам которого последняя цена осталась за купцами 1-й гильдии Николаем Тарасовым и Иваном Смирновым, предложившими сумму 766 тыс. руб.⁴ Через некоторое время с ними был заключен контракт, среди положений которого значилось отсутствие доплат за работы, не учтенные в проектной документации.

Однако в ходе строительства со стороны августейшего заказчика многократно звучали пожелания о внесении тех или иных изменений и дополнений в список работ, а в условиях нерегулярного перечисления ассигнований из Придворного ведомства, помноженных на вышеприведенное положение контракта, подрядчики столкнулись с финансовыми трудностями. О своих проблемах они уведомили Придворное ведомство, и им было дано обещание, что по завершении строитель-

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 18 об. — 19; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 52.

ства при окончательном расчете дополнительные расходы постараются возместить по мере возможности. Однако деньги требовались именно во время работ, посему подрядчики были вынуждены дважды обращаться за кредитами уже к великому князю Михаилу Николаевичу. В первый раз, в середине августа 1861 г., ими было подано прошение о выдаче ссуды в размере 35 тыс. руб., которые предполагалось возвратить после получения положенной выплаты от Придворного ведомства. Контора двора Его Высочества со своей стороны была готова выдать данную сумму, но только под 5% годовых. Однако этого кредита все же не потребовалось, поскольку 9 сентября 1861 г. Александр II дал Строительной конторе разрешение выдать требуемые 35 тыс. руб. из ее операционных сумм, а Придворной конторе Его Высочества было сообщено об отсутствии потребности в переводе этих средств великим князем⁵.

Продолжавшаяся несогласованность между назначением со стороны великого князя дополнительных работ и ассигнованием средств на эти расходы из Придворного ведомства вновь привела подрядчиков к финансовым трудностям. В начале октября 1861 г. почетный гражданин И. Смирнов вторично обратился за финансовой поддержкой в Придворную контору великого князя Михаила Николаевича, запросив уже 40 тыс. руб. На этот раз избежать займа от заказчика не удалось. Эти средства были отпущены подрядчику к 10 октября с условием их возмещения как вычета из будущей выплаты от Строительной конторы. Ассигнование подрядчику со стороны Придворного ведомства, из которого и вычли указанную сумму, поступило уже в следующем, 1862 г. Это дает основания предполагать существование у МИДв в конце календарного года финансовых затруднений⁶. В целом, несмотря на отдельные трудности с ассигнованием средств, обустройство Михайловской дачи, завершившееся к концу лета 1862 г. и обошедшееся в общей сложности в 1637 тыс. руб., не потребовало действительно активного участия августейшего заказчика в решении финансовых проблем с подрядчиками, поскольку в конечном итоге все деньги были, так или иначе, выданы из сумм МИДв без каких-либо явных возражений со стороны последнего.

По завершении строительства резиденций наступало время для поощрения лиц, участвовавших в работах. При этом если сам архитектор и его помощники практически гарантированно получали те или иные награды и подарки, то многие поставщики и подрядчики могли рассчитывать на это только при условии, что за них походатайствуют как глав-

⁵ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 83–84 об., 86–86 об.

⁶ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 23–23 об.; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 67; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 87, 103–104 об.

ный архитектор, так и приближенные августейшего заказчика. В свете этого особого внимания заслуживает история столяра Николаева, участвовавшего в создании Санкт-Петербургского дворца великого князя Владимира Александровича. Спустя полгода после официальной сдачи Владимирского дворца автор проекта и руководитель строительства резиденции архитектор А. И. Резанов обратился к гофмейстеру Двора Его Императорского Высочества Г. Т. фон Боку. Зодчий просил доложить великому князю о нуждах этого мастера, ходатайствуя о выдаче тому в рамках окончательного расчета за произведенные работы 2000 руб. в качестве одновременно поощрения за хорошо исполненную работу и финансовой поддержки. Хотя просьба А. И. Резанова и была доведена до сведения великого князя, положительного результата это не принесло: 12 ноября 1872 г. на документе была проставлена виза «Его Высочество снова не изволил разрешить»⁷. Однако отрицательный ответ не заставил зодчего окончательно отринуть попытки выхлопотать Николаеву дополнительную выплату. Подача следующего прошения произошла спустя без малого год, в конце сентября 1873 г. На сей раз это обращение было связано уже с желанием поддержать человека, оказавшегося в сложном положении. 22 сентября в мастерских столяра произошел пожар, принесший убыток в 75 тыс. руб., из которых, по сведениям А. И. Резанова, по страховой выплате можно было получить лишь одну треть. Указывая на тяжелые форс-мажорные обстоятельства и вновь характеризуя Николаева как человека, который «вполне заслуживает особенного внимания к его участию», зодчий просил выделить ту же самую сумму в 2000 руб. На этот раз приводилось и объяснение, из которого следовало, что эти средства, по словам архитектора, соответствовали скидке, сделанной при заключении контракта, и даже в то время были значительными для мастера. Тем не менее и новое прошение, представленное вниманию великого князя, не возымело никакого результата, о чем свидетельствует поставленная Г. Т. фон Боком 8 октября 1873 г. виза «Его Высочество не изволил согласиться»⁸.

Упразднение в 1880-х годах Строительной конторы МИДв дало стороне заказчика возможность свободного выбора подрядчиков и поставщиков. При этом чаще всего эта задача делегировалась главному архитектору, занимавшемуся непосредственным руководством строительства. Однако в тех случаях, когда работы по строительству именно резиденции еще не начались, выбор мастеров для выполнения работ по местному благоустройству доверялся управляющим имениями великих кня-

⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 781. Л. 14–14 об.

⁸ Там же. Л. 149–150.

зей, сами августейшие заказчики согласовывали лишь заключение контракта, но не персону исполнителя.

Последняя схема была задействована при выборе мастера для устройства веранды на спуске к морю на территории имения Ай-Тодор, впоследствии вошедшей в состав усадьбы Харакс великого князя Георгия Михайловича. В отсутствие центрального администрирующего органа со стороны Придворного ведомства конфликт, возникший с согласившимся на это задание осенью 1900 г. владельцем «Проводной и механической мастерской» А. Е. Голубчиком и не урегулированный на месте, со временем неизбежно вышел на уровень августейшего заказчика.

Согласно первоначальной договоренности, достигнутой на словах с управляющим крымским имением Его Высочества Е. Ф. Лигнау, за свои услуги мастер запросил по представленной им 26 октября 1900 г. смете 1971 руб. за 438 пудов железа, а при подаче 14 ноября того же года донесения августейшему заказчику стоимость работ была скорректирована до 2061 руб. из расчета использования 458 пудов железа⁹. Это предложение получило общее одобрение, и работы начались весной 1901 г.

Основой будущего спора стало изменение Е. Ф. Лигнау условий предварительной договоренности. Он забраковал изготовленную А. Е. Голубчиком для пробы железную дугу и дал новые указания относительно способа производства работ и характера используемых материалов. При этом мастер, взявшись за выполнение работ на скорректированных условиях, не сделал никаких попыток юридически закрепить изменения контракта. Однако по завершении работ выставил счет на 2669 руб. 25 коп., что ощутимо превосходило первоначально установленный уровень. Реально же выплачено за эти работы было всего 1900 руб., что было даже меньше предварительной сметной суммы. Вполне ожидаемо, что подобное расхождение в оценках привело к спору между стороной заказчика и подрядчиком. В первую очередь А. Е. Голубчик попытался получить недоплаченные деньги непосредственно с управляющего имением, однако ему был дан категорический отказ. Весной следующего года мастер обратился со своим прошением уже в Придворную контору великого князя Георгия Михайловича, и вновь безуспешно¹⁰.

Однако подрядчик не отказался от своих притязаний и 7 марта 1903 г. написал уже на имя великого князя Георгия Михайловича, подробно изложив свое видение дела. Но и на этот раз его письмо, рассмотренное Его Высочеством, было через Придворную контору спущено Е. Ф. Лиг-

⁹ РГИА. Ф. 530. Оп. 1. Д. 136. Л. 68–69 об.

¹⁰ Там же. Л. 22–23, 77–79.

нау, подтвердившему свое первоначальное решение и, более того, рекомендовавшему проигнорировать само обращение¹¹.

Отсутствие реакции на свои письма не заставило А. Е. Голубчика отступить. Перебравшись еще в 1903 г. из Ялты в Москву, он 18 и 29 сентября 1904 г. дважды писал вновь на имя великого князя, отмечая, что разорился и закрыл свою мастерскую, а просимую сумму рассматривал как свой «последний капитал». На сей раз подрядчик уже был удостоен ответом от управляющего имением Харакс Н. Лигнау, в котором была открыто поддержана позиция уже покойного Е. Ф. Лигнау¹². Подобное решение вполне ожидаемо не удовлетворило просителя, однако вновь обратился по своему вопросу к великому князю Георгию Михайловичу он лишь спустя полтора года, 22 июня и 1 июля 1906 г., переехав к тому моменту уже в Харьков. В новых письмах он в очередной раз изложил свое видение проблемы, во втором письме сославшись на свою крайнюю стесненность в средствах. Для проведения разбирательства по решению Его Высочества из конторы имени Ай-Тодор были затребованы все документы по этому делу, а в качестве эксперта привлекли неназванного архитектора. Однако это никак не повлияло на исход дела. В направленном заявителю письме действия Е. Ф. Лигнау признавались правильными, выдвинутые претензии безосновательными, а дополнительно было сделано предупреждение о том, что последующие обращения будут игнорироваться¹³.

Признав сделанную ему еще в 1901 г. выплату соответствующей, А. Е. Голубчик все же счел возможным 1 августа 1906 г. вновь обратиться к великому князю. На этот раз он уже не жаловался на несправедливость, а писал о «хорошо выполненной работе» и своем бедственном материальном положении, прося выплатить «добавочную сумму». В отличие от предыдущих случаев, никаких разбирательств не последовало, а на саму бумагу была наложена виза «выдано 300 руб. по приказанию Его Высочества». Невозможно определенно сказать, что повлияло на такое решение, отказ ли от обвинений или настойчивость самого просителя, для избавления от писем которого решили просто откупиться; однако уже на следующий день этот вопрос был закрыт распиской А. Е. Голубчика, снявшего свои претензии¹⁴.

В заключение необходимо отметить, что великие князья хотя и не принимали активного участия в отборе подрядчиков, однако могли утвер-

¹¹ РГИА. Ф. 530. Оп. 1. Д. 136. Л. 81–83, 85а – 85б об.

¹² Там же. Л. 86, 86 об., 99–100 об.

¹³ Там же. Л. 63–64 об., 66–67, 110.

¹⁴ Там же. Л. 111–112.

ждать условия (чаще всего финансовые) заключавшихся с ними контрактов. При этом при возникновении проблем, носивших в подавляющем большинстве случаев финансовый характер, именно августейшие заказчики становились конечным адресатом обращений неудовлетворенных мастеров. Однако реакции на эти петиции различались в зависимости от их сути и реальной направленности.

В тех случаях, когда удовлетворение этих просьб содействовало ускорению работ, а возвращение выделенных великими князьями средств обеспечивалось прочными гарантиями, серьезных проблем с ассигнованиями не возникало. Так было при строительстве Михайловской дачи, когда великий князь Михаил Николаевич распорядился о выдаче ссуды из предназначенных на его личные нужды средств, которая была ему оперативно возвращена МИДв.

Совсем по-другому обстояло дело тогда, когда эта помощь должна была оказываться безвозвратно, из личных средств великих князей¹⁵, как надбавка к сумме, установленной контрактом. В подобной ситуации августейшие заказчики стойко упорствовали в своем нежелании выплачивать вознаграждение мастерам из собственных средств. Так, великий князь Владимир Александрович не признавал для себя возможным поощрять из своего кармана работавших на строительстве дворца мастеров, независимо от их усердия, сделанных скидок и ходатайств главного архитектора А. И. Резанова. Выплата же дополнительной суммы великим князем Георгием Михайловичем мастеру А. Е. Голубчику была одновременно результатом длительного давления со стороны последнего и жестом благотворительности по отношению к нуждающемуся человеку.

¹⁵ Исключением здесь стоит считать символические денежные подарки в честь закладки и освящения дворца, при этом выделявшиеся суммы редко превосходили 200–300 рублей, делившихся между множеством лиц, начиная со сторожей и заканчивая самим главным архитектором.

Д. С. БАХАРЕВ

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Северное Зауралье в конце XIX в.: опыт этнодемографического анализа

Статья посвящена этнодемографической характеристике Верхотурского уезда Пермской губернии в конце XIX в. В число задач исследования входили реконструкция этнического состава населения уезда и выявление этнической специфики демографических процессов. В качестве источников были использованы опубликованная земская, государственная и церковная статистика, материалы переписей населения, а также краеведческие работы современников; в число методов вошли приемы источниковедения, исторической демографии и антропологии. В ходе исследования были определены этнически гомогенные церковные приходы манси, украинцев и русских и реконструированы их уровни рождаемости, брачности, общей и младенческой смертности. Итогом работы стало выявление этнической специфики демографических процессов, в том числе повышенной рождаемости и брачности у манси, пониженной общей и младенческой смертности у манси и украинцев.

Ключевые слова: историческая демография, население Урала, Пермская губерния в XIX в., Верхотурский уезд, демографические процессы, этнический состав, манси, украинцы, русские.

Финансовая поддержка: работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по соглашению № 19-09-00292 «Пространственный анализ детской смертности на Урале в конце XIX – начале XX в.: этнорелигиозные и социально-экономические факторы».

Начиная со второй половины XX в. большинство социально-гуманитарных наук пришло к выводу, что одним из ведущих факторов, определяющих развитие территории, является ее человеческий потенциал. Это очевидным образом повысило внимание к составу населения региона и его характеристикам, оказывающим критическое влияние на демографические процессы. Одной из таких характеристик является этническая принадлежность, так как этнокультурные паттерны

часто оказывают сильнейшее влияние на семейно-бытовые и демографические практики даже в условиях модернизированного общества, не говоря уже об обществе традиционном или переходном¹. Это актуализирует изучение истории территории в этнодемографическом разрезе: какие народы проживали в стране или регионе в прошлом, какие специфические демографические черты они имели, каков их вклад в совокупный демографический портрет территории и можно ли изученный исторический опыт применить в текущий момент.

Аналогичная проблематика уже не раз привлекала внимание исследователей применительно к Северному Зауралью рубежа XIX–XX вв. Однако, как правило, большинство из них либо рассматривали этот край в составе всего Уральского региона² либо концентрировались лишь на коренных народах Севера³. Представленная статья посвящена этнодемографической характеристике Верхотурского уезда Пермской губернии — Северного Зауралья — в конце XIX в., а именно реконструкции этнического состава населения, исследованию особенностей демографического развития местных народов и их вклада в общую картину народонаселения региона. В качестве источников выступили опубликованные данные губернского статистического комитета и земства, материалы Всеобщей переписи 1897 г. и подворной переписи 1900 г., изданная церковная статистика и работы местных краеведов. Методическую базу составили методы статистики и демографии, приемы источниковедения и исторической антропологии.

Территория Северного Зауралья в настоящее время разделена между Свердловской областью и Ханты-Мансийским автономным округом. Но в конце XIX в. восточная половина Северного Урала была объединена в Верхотурский уезд Пермской губернии, который представлял собой огромный, вытянувшийся вдоль Уральского хребта субрегион, чья площадь составляла почти 53 тыс. кв. верст. Большая часть территории уезда была покрыта непроходимыми лесами, испещрена мелкими реками, озерами и болотами. Столица этого края, город Верхотурье, начиная со своего основания в 1598 г. почти в течение века являлся главным перевалоч-

¹ Казьмина О. Е., Пучков П. И. Основы этнодемографии. М., 1994. С. 49–54.

² Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (историко-социологический подход) / Е. Ю. Алферова, С. В. Голикова, С. П. Епанчинцев и др. Екатеринбург, 2000. С. 20–31; Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 28–31.

³ См., напр.: Соколова З. П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 2. С. 65–76; Мартинова Е. П. Этнодемографические процессы // Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992. С. 4–11; Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX в.). М., 1999. 306 с.

ным пунктом по дороге в Сибирь, важным административным и экономическим центром. В XVIII в. он и окружающая его территория потеряли свой прежний статус, но не утратили значимости — петровские реформы интенсифицировали промышленное развитие Урала, и весомая его часть пришлось именно на Северное Зауралье, богатое полезными ископаемыми. В 1880-х — 1890-х годах здесь функционировали десятки казенных и частных заводов, которые добывали и перерабатывали черные, цветные и драгоценные металлы⁴. Такие факторы, как дефицит пригодной для сельского хозяйства земли и развитая промышленность, обуславливали достаточно слабую связь населения с землей: по данным переписи 1897 г., из более чем 270 тыс. населения лишь 37% жителей уезда указали земледелие в качестве своего главного занятия, в то время как средний показатель по всей Пермской губернии составлял около 70%⁵.

В этнической структуре уезда безусловно преобладало русское население, составляя почти 97%. Помимо русских, можно выделить несколько относительно крупных и сопоставимых по численности этносов, чья доля колебалась от 0,5 до 1,0%: татар, украинцев, манси, коми-зыряне. Оставшуюся долю в 0,3% составляли малочисленные, от 100 до 300 членов, сообщества, в первую очередь башкиры, мешчеряки, поляки, немцы и евреи (табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав (по родному языку) Верхотурского уезда в 1897 г.*

	Численность этноса	
	чел.	%
Русские	262 086	96,8
Татары	2593	1,0
Украинцы**	1774	0,7
Манси**	1914	0,7
Коми-зыряне	1466	0,5
Остальные	1033	0,3
Всего	270 866	100,0

* Составлена по: Первая Всеобщая перепись... Т. 31: Пермская губерния. С. 94–97.

** В источнике использованы устаревшие этнонимы «малоросы» и «вогулы».

⁴ Очерки истории Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья) / В. И. Байдин, И. Н. Белобородова, Е. М. Главацкая и др. Екатеринбург, 1998. С. 143–144.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 176–177.

При этом нужно учитывать несколько моментов, благодаря которым присутствие русских в повседневной жизни жителей уезда было несколько меньшим, чем показывала статистика. Во-первых, перепись фиксировала родной язык, а не идентичность людей, основанную на родстве или самоопределении. Возможно, это давало повод записывать русскими часть украинцев и даже манси, так как многие из последних были христианизированы еще в XVIII в. и даже внешне, по свидетельству очевидцев, сильно обрусели⁶. Во-вторых, преобладание русского этноса было чуть сильнее выражено в городах уезда, Верхотурье и Алапаевске, где русский язык указали родным более 98 % горожан. Но самое главное, помимо статистического фактора, необходимо учитывать и пространственный: местные коренные жители, манси, чья численность в конце XIX в. составляла всего лишь 0,7 % от населения уезда, располагали для осуществления своего традиционного землепользования 15,0 % его площади⁷.

Таким образом, реальная этнокультурная структура региона выглядела более разнообразной, чем с точки зрения формальной статистики. Следовательно, демографические процессы, протекавшие в отдельных частях уезда, должны были иметь некоторую этническую специфику. Попытки их изучить, однако, натываются на источник-дефицит — существует чрезвычайно мало источников, в которых зафиксировано движение населения на внутриуездном уровне. Одним из редких изданий подобного рода является серия «Движение населения Пермской губернии», в которой земские статистики рубежа XIX–XX вв. публиковали собранные ими данные о рождаемости, смертности и брачности населения губернии на приходском и волостном уровнях за 1880-е — 1890-е годы. Авторы этих статистических сборников использовали сведения из приходских клировых ведомостей. Это означает, что данные о рождениях, браках и смертях содержат информацию исключительно о православном населении, а данные о численности прихода — о приписном. Это оставляет все неправославное население (татар, башкир, часть манси и др.) за рамками анализа. То же справедливо и для православных коми-зырян, большая часть которых промышляла заработками на североуральских заводах без приписки к ним: на это указывает их отсутствие в резуль-

⁶ См., напр., вогульскую деревню Савину и украинское село Северное: *Кривошецов И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 662–663, 724.

⁷ Площадь измерена с помощью функции \$area в программе NextGIS QGIS version: 19.3.0 на основе поволостной карты Пермской губернии. Карта отрисована по изданию: Волости и гмины 1890 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1890 [2], 28 [1] с.

татах подворной переписи 1900 г.⁸ и данных волостных правлений за 1904 г.⁹ Дополнительным аргументом является дисбалансированная гендерная структура коми-зырян по данным переписи 1897 г. (10 мужчин на одну женщину)¹⁰: очевидно, при такой структуре их демографические процессы не могли иметь естественного характера, пригодного для сравнения с другими этносами.

Таким образом, остаются лишь три этноконфессиональные общности, чьи демографические процессы возможно реконструировать — православные оседлые манси, украинцы и русские. Однако земские статистики не дифференцировали население по этнической принадлежности, оперируя лишь понятиями «приход» и «волость». Из-за этого возникает проблема выявления приходов или волостей, населенных исключительно представителями одного народа. Поселения православных манси можно установить, используя материалы подворной переписи 1900 г. и административной статистики за 1904 г., в которой население дифференцировано в том числе по этническому критерию.

Согласно этим данным, манси проживали в 10 волостях Верхотурского уезда, но лишь в четырех составляли практически 100 % населения — Лозьвинской, Лялинской, Низ-Турьинской и Сосьвинской¹¹. Каждой из этих волостей соответствовал один приход: Ивановский, Лялинский, Знаменский и Сосьвинский, однако численность прихожан и численность жителей волостей разительно отличались. Например, Лялинский приход включал 1361 прихожанина, а Лялинская волость — лишь 500 жителей. Изучение краеведческой литературы конца XIX — начала XX в. позволило понять причины этого несоответствия: манси Лялинской и Низ-Турьинской волостей в церковном отношении были приписаны к соседнему русскому приходу. И наоборот, к мансийскому Сосьвинскому приходу были приписаны соседние русские деревни¹². Таким образом, единственным приходом, на материалах которого есть возможность исследовать этнодемографию православных манси, остается Ивановский, на 1900 г. включавший 769 прихожан¹³.

⁸ Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 8. Вып. 2. Верхотурский уезд. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1906 [4], 437 с.

⁹ Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905. С. 1–18.

¹⁰ Первая Всеобщая перепись... Т. 31: Пермская губерния. С. 96.

¹¹ Материалы к оценке земель... Т. 8. Вып. 2. Верхотурский уезд. С. 308, 332.

¹² См. стат. данные и историю волостей: Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 6: Верхотурский уезд. Пермь, 1906. С. 32–45; *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда... С. 432–434, 711–713, 775–776, 807.

¹³ Движение населения Пермской губернии... Ч. 6: Верхотурский уезд. С. 34.

Однако этот способ идентификации моноэтничности волости или прихода оказался неприменим в отношении украинских поселений. Поскольку, согласно популярной в поздней имперской России идеологии «триединого русского народа»¹⁴, малоросы считались русскими, их не всегда выделяли в отдельную категорию в статистике; именно так поступили местные земские статистики. Выход удалось найти благодаря данным краеведческой литературы. Географ И. Я. Кривошеков указывал до 11 поселений Верхотурского уезда, основанных полностью или частично выходцами из украинских земель¹⁵. Как правило, эти случаи были связаны с деятельностью промышленников Демидовых, которые во второй трети XIX в. переселяли на Урал крепостных крестьян из своих владений в Полтавской и Черниговской губерниях. Но большинство украинских сел были чересполосно раскиданы по уезду. Самой однородной в этом отношении, а значит, и самой подходящей для этнодемографического анализа являлась Николае-Павловская волость, все поселения которой были основаны украинцами и только одно — с участием рязанцев¹⁶. Этой волости соответствовал Павловский приход, в 1900 г. включавший 4229 прихожан¹⁷.

Выбор объекта для анализа этнодемографии сельского русского населения также был сопряжен с рядом трудностей. Дело в том, что в данном регионе были широко распространены этнически русские старообрядцы, которые старались не афишировать собственное вероисповедание, записываясь в православные приходы. Однако события жизненного цикла они в православных церквях не регистрировали, что обусловило недоучет и сделало невозможным статистический анализ. Чтобы избежать этой проблемы, для анализа был выбран полностью русский приход с. Меркушино — один из главных центров православного культа Симеона Верхотурского. Такой статус привлекал в село множество паломников, обуславливал повышенное внимание епархиального начальства и ярко выраженную православную «никонианскую» идентичность его жителей. Вероятно, это отталкивало старообрядцев от проживания там. Численность Меркушинского прихода одноименной волости в 1900 г. составляла 3949 человек¹⁸.

¹⁴ *Соболевский А. И.* Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907 [Электронный ресурс] // Викитека. Дата обновления: 23.11.2010. URL: [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Русский_народ_как_этнографическое_целое_\(Соболевский\)&oldid=336934](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Русский_народ_как_этнографическое_целое_(Соболевский)&oldid=336934) (дата обращения: 01.05.2020).

¹⁵ *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда... С. 241–805.

¹⁶ См. состав волости и историю сел: Список населенных мест... С. 14; *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда... С. 253, 362–364, 789–792.

¹⁷ Движение населения Пермской губернии... Ч. 6: Верхотурский уезд. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 32.

Кроме того, чтобы максимально сконцентрироваться на этнической составляющей демографических процессов, нами были выбраны приходы, не имевшие в своем составе жителей заводских поселений, влияние которых на демографию отмечалось исследователями¹⁹.

Для получения релевантной численности приходов мы, во-первых, используя сведения о численности прихожан за 1887 и 1900 гг. из церковной статистики, с помощью линейной регрессии реконструировали среднее число прихожан в 1890-х годах и, во-вторых, увеличили полученные результаты на 13% — долю неприписного населения, вычисленную с помощью сравнения результатов Всеобщей переписи 1897 г. и подворной переписи 1900 г.²⁰ (табл. 2).

Таблица 2

Расчет среднегодовой численности приходов в 1890-х годах (чел.)*

Приход	Численность прихожан		Численность приходского населения в среднем за 1890-е годы (расчетное)	Всего населения в среднем за 1890-е годы, учитывая неприписанных к приходам (оценка)
	в 1887 г.	в 1900 г.		
Ивановский	582	769	697	788
Павловский	2852	4229	3699	4180
Меркушинский	3192	3949	3658	4134

* Составлена по: Екатеринбургский епархиальный адрес-календарь на 1887 год. Екатеринбург, 1887. С. 109, 112, 117; Движение населения Пермской губернии... Ч. 6: Верхотурский уезд. С. 32–35.

Далее на основе рассчитанных численностей прихожан и среднегодовых данных о количестве рождений, браков и смертей, взятых

¹⁹ Заводское производство провоцировало мужскую сверхсмертность, а заводская социальная инфраструктура — повышенную выживаемость младенцев. См.: Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. 2005. № 5. С. 99–110; Бахарев Д. С. Влияние экономических факторов на младенческую смертность в Екатеринбургском уезде в конце XIX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2019. С. 193–203.

²⁰ Это необходимый этап, так как в качестве численности населения земская статистика фиксировала только приписанных прихожан, а в движении население, между тем, вносили свой вклад и не приписанные к приходу жители. В Верхотурском уезде это были переселенцы, на первых порах не создавшие свою религиозную общину, заводские рабочие, отходники, старатели, кочевые православные манси.

из издания «Движение населения Пермской губернии», были вычислены общие демографические коэффициенты для всех трех приходов. Также на материалах переписи 1897 г. и губернского статистического отчета о движении населения за 1895 г. были рассчитаны коэффициенты для всего Верхотурского уезда и добавлены извлеченные из литературы аналогичные показатели для Европейской России и Пермской губернии на конец XIX в. (табл. 3).

Таблица 3

Демографические показатели народов Верхотурского уезда, 1890-е годы*

	Жителей	На 1000 населения ежегодно, где n — это общее число событий за весь период			Из 1000 родившихся умирало
		рождений	смертей	браков	
Ивановский приход (православные манси)	788	58 ⁿ⁼⁴⁴⁷	34 ⁿ⁼²⁶⁹	11 ⁿ⁼⁸⁴	275 ⁿ⁼¹²³
Павловский приход (украинцы)	4180	54 ⁿ⁼²²⁴²	33 ⁿ⁼¹³⁶⁹	9 ⁿ⁼³⁸⁶	253 ⁿ⁼⁵⁶⁸
Меркушинский приход (русские)	4134	54 ⁿ⁼²²¹⁷	42 ⁿ⁼¹⁷⁴⁰	9 ⁿ⁼³⁷⁶	412 ⁿ⁼¹⁴⁵²
Верхотурский уезд (все)	270866	52 ⁿ⁼¹⁴¹⁵⁹	36 ⁿ⁼⁹⁶⁵¹	9 ⁿ⁼²⁵³⁰	348 ⁿ⁼⁴⁹²⁶
Пермская губерния	—	54	41	—	437
Европейская Россия	—	49	32	9	237

* Составлена по: Движение населения Пермской губернии... Ч. 6: Верхотурский уезд. С. 33–41; Материалы к оценке земель... Т. 8. Вып. 2. Верхотурский уезд. С. 332–333; Список населенных мест... С. 1–18; *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда... С. 509–513, 789–792; Первая Всеобщая перепись... Т. 31: Пермская губерния. С. 1; Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь, 1896. С. 2–3, 8, 11; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М., 1956. С. 168, 188, 195 (рождаемость, брачность и смертность — за 1896–1900 гг., младенческая смертность — за 1886–1897 гг.).

Вычисление демографических коэффициентов рождаемости, смертности, брачности и младенческой смертности для трех разноэтничных православных приходов дало интересные результаты. Так, манси имели высочайшую рождаемость, логичную для этноса, еще очень далекого от вступления в демографический переход. Ее более высокий уровень, чем у украинцев и русских, объяснялся, вероятно, и более высокой брачностью, также характерной для глубоко традиционного общества. Младенческая смертность у манси имела средний для Европейской России уровень и низкий на фоне всего Урала. Это можно связать с традиционными

практиками ухода за детьми, в число которых входило, например, долгое грудное кормление²¹. Именно фактор грудного кормления, по мнению как дореволюционных, так и современных исследователей, был критически важным для выживаемости грудных детей того времени²². Общая смертность аналогично младенческой имела средний для России и более низкий, чем средний по Пермской губернии, уровень по тем же причинам.

Демографические показатели украинского населения Северного Зауралья имеют не только общие черты с уральскими и русскими паттернами, но и специфические этнические. Так, рождаемость в Павловском приходе соответствовала уральскому крайне высокому уровню, общая смертность была близка к общерусской, а младенческая воспроизводила более рациональный, чем русский, паттерн, характерный для украинских губерний²³.

Наконец, население Меркушинского прихода имело стандартные для русского уральского населения демографические показатели: высокую рождаемость, крайне высокую детскую смертность, связанную, вероятно, с нерациональными практиками ухода за новорожденным, в первую очередь ранним прикормом²⁴, и, как производную от смертности младенцев, высокую общую смертность. И русское, и украинское население имело типичный для губерний Европейской России конца XIX в. уровень брачности.

По итогам работы можно сделать вывод о том, что демографические процессы, протекавшие среди населения Верхотурского уезда в конце XIX в., несомненно, обладали выраженной этнической спецификой как на внутреннем уровне — при сравнении разных этнически ассоциированных приходов, так и на внешнем — при сравнении с другими уездами. Первая черта проявлялась в том числе в виде повышенной рождаемости и брачности у манси и пониженной общей и младенческой смертности у манси и украинцев, а последняя — главным образом в виде сниженной по сравнению со всей губернией смертности, как младенческой, так и общей.

²¹ *Егорова Г. М.* Гигиена национальная // Электронная антология «Культурное наследие Югры» [2010]. URL: <http://hmap.kaisa.ru/object/1809294849?lc=ru> (дата обращения: 03.05.2020).

²² *Соколов Д. А., Гребенщиков В. И.* Смертность в России и борьба с ней: доклад в соединенном собрании Общества русских врачей. СПб., 1901. С. 25–74; *Rosenberg M.* Breast-feeding and infant mortality in Norway 1860–1930 // *Journal of Biosocial Science.* 1989. Vol. 21. № 3. P. 335–348.

²³ *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 242–259.

²⁴ *Серебрянников П. Н.* К вопросу о смертности детей на первом году жизни в Пермской губернии. Пермь, 1894. С. 6–8.

П. О. САВВИНОВ

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Борьба органов городского самоуправления с подорожанием и дефицитом продуктов питания в г. Якутске в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Цель исследования – анализ деятельности органов городского самоуправления Якутска (городская управа, городская дума) по снабжению населения товарами первой необходимости в годы Первой мировой войны. Проанализированы факторы дороговизны основных продуктов питания, меры городского общественного самоуправления, направленные на решение продовольственных затруднений. Научная новизна заключается в изучении принятых мероприятий городского общественного самоуправления Якутска по решению продовольственного кризиса и дефицита в городе. В результате определено, что повышение цен было связано со спекуляцией. Все принятые меры (таксировка цен, карточная система, реквизиция и т. д.) органами городского самоуправления были недостаточно эффективными.

Ключевые слова: городская управа, городская дума, подорожание, дефицит, спекуляция, таксировка цен, реквизиция, Первая мировая война, Якутск.

Актуальность исследования определена тем, что деятельность органов самоуправления восточносибирских городов по снабжению населения продовольствием в годы Первой мировой войны остается малоизученной в отечественной историографии. Целью данной статьи является выявление компетентности органов городского самоуправления Якутска по снабжению населения товарами первой необходимости в годы Первой мировой войны.

Среди отечественных исследователей проблематика сибирских городов всегда вызывала интерес, впервые новосибирская школа урбанистики во главе с О. Н. Вилковым создала концепцию поэтапного разви-

тия сибирского города, подняла проблему многоукладности городской экономики, актуальности изучения органов самоуправления¹. Наиболее полно городское самоуправление Якутска рассмотрено в работах П. П. Петрова. По мнению ученого, большая часть административно-хозяйственной деятельности городской думы и управы шла вразрез с нуждами большинства горожан². Тема продовольственного вопроса в жизни горожан в годы Первой мировой войны относится к числу перспективных направлений в исследовании органов городского самоуправления. В изучении данной темы следует выделить труды О. М. Долидовича, О. В. Чудакова, М. В. Шиловского и других³. Новизна заключается в том, что впервые предпринято исследование мероприятий городского общественного самоуправления Якутска по разрешению продовольственного кризиса в городе в условиях военного времени.

В научный оборот вводятся источники, отражающие деятельность городского самоуправления в 1914–1917 гг. Это делопроизводственные материалы городского самоуправления фондов Якутского областного управления (Ф. И-12), Якутской городской управы (Ф. И-165), якутского губернатора (Ф. И-486) и Якутского отделения Императорского Русского географического общества (Ф. И-490); материалы периодической печати (газеты «Якутская окраина» — с августа 1914 г. по август 1915 г. и «Ленский край» — с сентября 1915 г. по март 1916 г.).

Якутск являлся торговым центром для всей области, где все пути сообщения были сезонными⁴. В зимнее время регион был соединен с остальной частью империи Якутско-Иркутским почтовым трактом протяженностью 2880 верст⁵. В летнее время Лена служила единственным путем

¹ История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск, 1977. 304 с.

² Петров П. П. Города Якутии. 1861–1917 гг.: социально-экономические очерки истории. Якутск, 1990. С. 84.

³ История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX — начала XX века [Электронный ресурс] / К. А. Анкушева, Г. А. Бочанова, Е. А. Дегальцев и др. URL: <http://sibistorik.ru/project/sg2/index.html> (дата обращения: 27.06.2020); Чудаков О. В. Деятельность органов Городского Самоуправления Тобольской губернии в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой Мировой Войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 4 (79). С. 35–37; Долидович О. М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой Мировой Войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. III. С. 71–74; Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. 330 с. Долидович О. М. «Мясной кризис» в Иркутске в годы Первой Мировой Войны // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 36–40.

⁴ Попов Г. А. Сочинения. Якутск, 2007. Т. 3: История города Якутска, 1632–1917. С. 94.

⁵ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. И-486. Оп. 2. Д. 74. Л. 46.

сообщения⁶. Доставка на сплавные пункты Лены проводилась не позднее января⁷. Завоз через сплавные пункты Лены возможен был лишь один раз в год. Последующее же получение груза, ввиду обмеления верховий Лены, было почти невозможно⁸. В годы войны отсутствие постоянно действующих путей сообщения усилило и без того неблагоприятные условия жизни города. Также сыграл свою роль в повышении цен на фрахт от линии железной дороги до Якутска недостаток лошадей и рабочих ресурсов⁹.

Общий рост цен на продукты питания в Иркутске начался летом и осенью 1914 г. в связи с нарушением железнодорожного сообщения с Европейской Россией и Сибирью¹⁰. В этой связи началось завышение цен на продукты и товары. В местных газетах торговцев обвиняли в спекулятивном повышении цен на уже имеющиеся в городе товары, однако те ссылались на увеличение расходов на фрахт и другие расходы по доставке до Якутска¹¹. 1 мая 1915 г. якутский полицмейстер И. Я. Рубцов отрапортовал губернатору о повышении в Якутске цен на товары первой необходимости с января 1915 г. Причины повышения цен заключались в спекуляции товаров, а именно в искусственном взвинчивании цен путем скупа продуктов торговцами¹². Местные купцы через своих торговых агентов скупали мясо и масло у инородцев и продавали по завышенным ценам¹³. Например, мясо закупали у инородцев партиями по 3 руб. 80 коп. (первый сорт) и по 3 руб. 4 коп. (второй сорт) и хранили большими запасами в своих подвалах, а потом уже продавали по завышенным ценам. Так, к маю 1915 г. стоимость мяса составила 5 руб. 60 коп. (первый сорт) и 5 руб. 20 коп. (второй сорт). Параллельно с ценами на мясо была поднята стоимость и других товаров: ржаной муки — до 2 руб., масла — до 24 рублей. Сельские обыватели повышали стоимость продаваемого скота для убоя, что приводило к повышению платы на ввозимое в город мясо¹⁴. Все это приводило к ухудшению материального положения горожан. И. Я. Рубцов в своем докладе отметил рост недовольства среди населения Якутска в связи с повышением цен на товары первой необходимости¹⁵.

⁶ НА РС (Я). Ф. И-490. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

⁷ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3547. Л. 2.

⁸ Ленский край. 1915. 29 нояб.

⁹ Там же. 28 нояб.

¹⁰ Долидович О. М. «Мясной кризис» в Иркутске в годы Первой Мировой Войны... С. 37.

¹¹ Якутская окраина. 1914. 29 авг.

¹² НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 346. Л. 2.

¹³ Якутская окраина. 1915. 16 апр.

¹⁴ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 346. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 3.

15 июня 1915 г. одним из первых мероприятий по борьбе с дефицитом и подорожанием стало установление таксы на отдельные виды товаров¹⁶. В тот же день магазины якутских фирм Громовых, «Коковин и Басов», Силина и Кушнарева в знак протеста прекратили продажу ряда товаров и создали тяжелые условия в городе¹⁷. Полиция вместо того, чтобы привлечь владельцев этих фирм к административному заключению или аресту до трех месяцев либо штрафу до 3000 руб., оштрафовала на сумму 300 руб.¹⁸

После вмешательства полиции крупные магазины начали вновь продавать предметы первой необходимости по таксе, но товары отпускали в небольших объемах¹⁹. Например, магазин фирмы «Коковин и Басов» из таксированных продуктов отпускал лишь только байховый чай и крупчатку второго сорта²⁰. Таксировка цен сразу продемонстрировала свою неэффективность. Так, цены на товары первой необходимости в Иркутске были выше обозначенных в таксе для Якутска²¹. Система таксировки цен ухудшила качество ввозимой продукции. В городе начали появляться дешевые аналоги отечественных товаров (японский кирпичный чай «дракон») ²². Торговцам было выгодно продавать товары в Иркутске, где цены были выше, чем в Якутии, а некоторые местные фирмы отказывались от дополнительных закупок²³. В июне 1915 г. гласный и купец 1-й гильдии П. А. Кушнарев сообщил в городскую думу, что не нашел выгодным приобрести партию ржаной муки, так как мука в Якутске и Витиме стоила одинаково по 1 руб. 70 коп.²⁴

В конце лета и осенью 1915 г. в городе не было в продаже ржаной и пшеничной муки²⁵. Причина — отсутствие завоза муки в город²⁶. 11 августа 1915 г. городская управа распорядилась отпускать муку только бедной части населения в количестве не выше одного пуда на человека²⁷. В октябре 1915 г. в городе поднялись цены на мясо и масло. Мясо в городе сто-

¹⁶ Долодovich О. М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии... С. 73.

¹⁷ Якутская окраина. 1915. 16 июня.

¹⁸ Там же; Якутская окраина. 1915. 17 июня; Федоров В. И. Первая мировая война в судьбах «инородцев» // Якутский архив. 2004. № 2. С. 63.

¹⁹ Якутская окраина. 1915. 19 июня.

²⁰ Там же. 18 июня.

²¹ Там же. 16 июня.

²² Там же. 21 июня.

²³ Там же. 25 июня.

²⁴ Ленский край. 1915. 1 нояб.

²⁵ Якутская окраина. 1915. 25 июля; 13 авг.; Ленский край. 1915. 13 сент.

²⁶ Якутская окраина. 1915. 13 авг.; Ленский край. 1915. 13 сент.

²⁷ Ленский край. 1915. 28 окт.

ило 4 руб. 80 коп. за пуд, а масло безмен — до 1 руб. 40 коп.²⁸ В городе также повышались цены на ржаную муку и черный хлеб, на которые была введена такса. Так, фунт ржаного хлеба стоил 11 коп.²⁹

В сентябре 1915 г. в Иркутске повысились цены на продовольственные товары, что сделало выгодным их вывоз из Якутска. Пользуясь этим, торговцы вывозили большое количество товаров в Иркутск³⁰. Вывоз из Якутска еще более усугубил проблему спекуляции, что привело к дефициту товаров и продуктов первой необходимости.

Основными спекулянтами в Якутске были купцы и скопцы³¹. Торговцы скупали у инородцев все привозимые в город товары и продавали их по завышенным ценам³². Такса дала возможность скопцам оставить рынок без муки. Они имели возможность продавать муку вне городской черты без таксы по цене до 3 руб. за пуд³³. В городе скопцы продавали муку с надбавкой по цене 2 руб. 50 коп. за пуд³⁴. В конце октября 1915 г. в городе совершенно невозможно было достать черный хлеб ввиду отсутствия ржаной муки в магазинах якутских фирм, которые продавали только крупчатку, не более 20 фунтов на человека³⁵.

1 ноября 1915 г., ввиду того, что введенная такса была неэффективной, в городе по просьбе городской думы губернатор Р. Э. фон Витте отменил таксу на ржаную муку³⁶. Торговцы начали подвоз муки в город³⁷. Черный хлеб по-прежнему устанавливался по 6 коп. за фунт, хотя в действительности отпускался в лавках за 7 коп.³⁸ Городское самоуправление не контролировало продажу продуктов, что приводило к нарушению таксировки, несмотря на отмену фиксированных цен на муку. Продукты питания исчезали с рынка либо придерживались до лучших дней и отправлялись туда, где не было регулировки цен. Поэтому 3 ноября 1915 г. областное управление постановило отменить централизованное ценообразование на ржаной хлеб на территории Якутска³⁹. Однако к концу ноября 1916 г. цены на черный хлеб поднялись до 8–9 коп.

²⁸ Ленский край. 1915. 1 окт.

²⁹ Там же. 9 окт.

³⁰ Якутская окраина. 1915. 15 авг.

³¹ Скопцы из соседнего села Марха — последователи мистической секты «духовных христиан».

³² Ленский край. 1915. 11 окт.

³³ Там же. 28 окт.

³⁴ Там же. 16 окт.; 28 нояб.

³⁵ Там же. 27 окт.

³⁶ Там же. 3 нояб.

³⁷ Там же. 4 нояб.

³⁸ Там же. 3 нояб.

³⁹ Там же. 4 нояб.

за фунт, белый хлеб — до 15 коп., что являлось спекуляцией⁴⁰. Для обеспечения мукой бедной части населения органы городского самоуправления начали продажу 1000 пудов муки из городского запаса по цене 2 руб. 20 коп. за пуд⁴¹.

Вследствие продовольственного кризиса в Якутске с целью организации закупки муки думой была избрана исполнительная комиссия, которая подчинялась управе, действовала на основании инструкций городской думы и приступала к исполнению возложенных на нее обязанностей с разрешения губернатора⁴². В состав данной комиссии вошли городской голова П. А. Юшманов, член городской управы Н. Ф. Астраханцев, гласные З. Н. Филиппов и Н. А. Аверенский⁴³. Дума решила провести закупки ржаной муки на рынке Якутска и в Витиме, где возможно было закупить не менее 10 000 пудов⁴⁴.

6 ноября 1915 г. в городской думе было проведено чрезвычайное собрание, которое по условиям городского положения 1892 г. было открыто с разрешения губернатора. Целью экстренного заседания было устранение скупки хлеба в одни руки и установление более правильного распределения мучных продуктов среди нуждающегося населения, гласными было предложено ввести карточную систему. Вместо карточной системы городская дума постановила на ноябрь выпустить в продажу 2000 пудов городской муки по норме 10 фунтов на ребенка от трех до 10 лет и по 20 фунтов на взрослых, а также детям старше 10 лет. Право на получение муки имели семейные лица, имеющие заработок не выше 50 руб. в месяц, а также холостые с заработком не превышающим 30 руб. в месяц⁴⁵. Дума постановила продавать городскую муку по цене в 2 руб. 40 коп. за пуд, принимая во внимание то, что мука была куплена за городом по 1 руб. 50 коп. за пуд. В городе крупчатку можно было купить за 5–6 руб., несмотря на то что в городе ее запасов было достаточно⁴⁶. Только 18 декабря 1915 г. начали отпуск муки из городской лавки исключительно по нормированным карточкам. Одиноким и холостым отпускали 1 пуд 20 фунтов муки в месяц, семейным — в двойном размере против общей нормы количества⁴⁷.

⁴⁰ Ленский край. 1915. 29 нояб.

⁴¹ Там же. 28 окт.

⁴² ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. XII. С. 448–449.

⁴³ Ленский край. 1915. 28 окт.

⁴⁴ Там же. 1 нояб.

⁴⁵ Там же. 10 нояб.

⁴⁶ Там же. 26 нояб.

⁴⁷ Там же. 22 дек.

В 1916 г. городским самоуправлением было принято решение установить контроль над пекарнями (восемь пекарен) в Якутске. 13 января 1916 г. городская дума постановила отпускать не более пяти пудов муки в день⁴⁸. Также с января 1916 г. вводилась карточная система на хлеб. Вместе с тем лица, взявшие карточки, не могли претендовать одновременно на право получения муки⁴⁹. Однако с принятием думой данного постановления пекарни в городе перестали продавать хлеб без карточек. При этом управа оказалась совершенно не готова к исполнению данного распоряжения думы, так как у управы не было данных о материальном положении лиц, обращающихся за карточками. Поэтому управа предлагала горожанам предоставлять удостоверения из полиции, подтверждающие право на получение хлеба⁵⁰. Полиция выдавала удостоверения ежедневно, на бланках указывалось только местожительство и семейное положение потребителей⁵¹. Вопреки ожиданиям, принятые меры привели к ухудшению и без того тяжелого положения горожан⁵².

В связи с увеличением расходов в условиях военного времени городские власти прибегали к краткосрочным займам (до девяти месяцев). Основными кредиторами выступали акционерные коммерческие банки⁵³. Так, в январе 1916 г. Якутском была получена правительственная гарантия на заем в размере 100 000 руб. для продовольственных нужд, на которые были закуплены ржаная мука, крупчатка, мясо и другие товары. Городская дума решила брать заем в Русско-Азиатском банке под 8 % годовых на девять месяцев⁵⁴. В целях борьбы с повышением цен на предметы первой необходимости думой было решено приобрести продуктов и товаров на сумму 118 000 рублей⁵⁵. Так, городская управа приобрела следующие товары: 1323 пуда мяса⁵⁶, 8000 пудов пшеничной муки (крупчатка первого сорта и первач), 15 000 пудов ржаной муки, 150 ящиков спичек и 4000 пудов сахара⁵⁷.

1 февраля 1916 г. по предложению губернатора Р. Э. фон Витте открылось экстренное заседание городской думы, на котором постановили о приня-

⁴⁸ Ленский край. 1916. 16 янв.

⁴⁹ Там же. 13 янв.

⁵⁰ Там же. 22 янв.

⁵¹ Там же. 28 янв.

⁵² Там же. 22 янв.

⁵³ История общественного самоуправления в Сибири...

⁵⁴ Ленский край. 1916. 16 янв.

⁵⁵ НА РС (Я). Ф. И-12. Оп. 4. Д. 183. Л. 69.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3547. Л. 18.

тии мер по реквизиции крупчатки⁵⁸. Думой была избрана специальная комиссия из гласных А. Г. Кокшарского, В. А. Панкратьева и З. П. Филиппова. У городских властей отсутствовали средства для расчета за реквизированную крупчатку, думой было решено оставить экспроприированный продукт в магазинах собственников и отпускать по карточкам управы по установленной таксе. В то же время если собственники желали получить все деньги за реквизированный у них продукт, то комиссия забирала у них крупчатку и продавала из городской лавки с надбавкой⁵⁹. Запас муки был небольшой, поэтому комиссия постановила отпускать хлеб по одному фунту на одного взрослого человека в день. Однако такой способ распределения хлеба среди горожан местная пресса посчитала «необдуманным и незакономерным», так как для малоимущей части населения, которая жила только за счет хлеба, два фунта было недостаточно и комиссия ставила их в затруднительное положение⁶⁰. В феврале 1916 г. управа повысила цену на ржаную муку с 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 60 коп. за пуд. За это местная газета обвинила управу в превышении полномочий⁶¹. В апреле 1916 г. городские запасы крупчатки, пшеничной и ржаной муки составляли 4556 пудов 13 фунтов. Этого запаса было недостаточно для обеспечения населения продовольствием в течение двух месяцев, то есть до 1 июня 1916 г. При таких условиях рацион на человека составлял половину фунта в день⁶². Городская дума постановила с 6 апреля 1916 г. установить цену на продажу ржаной муки из городского склада в размере 2 руб. 80 коп.⁶³

В июне 1916 г. правительством была объявлена мобилизация мужчин в возрасте от 19 до 43 лет из числа инородцев Азиатской России, кроме кочевых северной части Сибири, на тыловые работы⁶⁴. С целью удовлетворения реквизированных для тыловых работ инородцев (около 10 тыс. якутов) 1 июля 1916 г. по распоряжению городской думы была куплена ржаная мука в количестве 5227 пудов 38 фунтов по цене 4 руб. за пуд. По распоряжению губернатора из казны области было выделено 25 000 руб. на покупку ржаной муки в количестве 10 000 пудов по 4 руб. за пуд, которую город должен был вернуть в казну. Однако по ходатайству Ленского золотопромышленного товарищества решили якутов не мобилизовывать, поскольку их призыв мог резко сократить

⁵⁸ ПСЗРИ. Т. XII. С. 448–449.

⁵⁹ Ленский край. 1916. 4 февр.

⁶⁰ Там же. 23 февр.

⁶¹ Там же. 24 февр.

⁶² НА РС (Я). Ф. И-12. Оп. 4. Д. 183. Л. 38.

⁶³ Там же. Л. 50.

⁶⁴ Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь... С. 193–195.

поставки на прииски мяса и других продуктов⁶⁵. В связи с этим городская управа решила выставить на продажу муку по цене 4 руб. 50 коп. за пуд. Управа решила на вырученную сумму от продажи ржаной муки направить на погашение долга перед областной управой в размере 25 000 руб.⁶⁶ Дума постановила прекратить дальнейшую закупку муки в связи с удовлетворительным состоянием посевов и утвердила цену на продажу муки по 4 руб. 50 коп. за пуд⁶⁷.

Осенью 1916 г. городское самоуправление начало подготовку к закупке продуктов и товаров на следующий, 1917 г. и ходатайствовало перед правительством о предоставлении гарантии при заключении займа 100 000 руб. в целях снабжения беднейшего населения продовольствием. Планировали закупить крупчатку и ржаную муку в Томске и Иркутске, мясо на местном рынке. Крупчатка с доставкой в Якутск обошлась в 7 руб., ржаная мука — в 3 руб., мясо — в 5 руб. за пуд⁶⁸.

В феврале 1917 г. управа доложила о крайне высоких ценах на муку за пределами области. Для нужд города ее себестоимость с учетом доставки обходилась около 4 руб. 30 коп. за пуд. Городская дума постановила покупку ржаной муки за пределами области приостановить из-за высоких цен на продукты⁶⁹. В 1917 г. общий расход в смете выразился суммой 209 001 руб. 29 коп. при доходе в 176 708 руб. 38 коп., дефицит составлял 32 292 руб. 96 коп.⁷⁰ В связи с началом революции 1917 г. и со свержением монархии в России городское самоуправление Якутска сложило свои полномочия по управлению городом.

Таким образом, повышение цен на продукты первой необходимости было связано в значительной мере со спекуляцией, с изменением характера железнодорожных перевозок из западных регионов и с повышением цен на фрахт до Якутска. Городским самоуправлением были приняты следующие меры для борьбы с подорожанием и дефицитом продуктов первой необходимости: таксировка цен, введение карточной системы распределения муки и хлеба, контроль над пекарнями, получение займов под правительственную гарантию и реквизиция крупчатки. Таксировка цен в городе сразу же показала свою ограниченную эффективность, так как товары и продукты скупались в основном в Иркутске, а установленные цены там были выше, чем в Якутске. Осенью 1915 г.

⁶⁵ Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций. Новосибирск, 2013. С. 227.

⁶⁶ НА РС (Я). Ф. И-12. Оп. 4. Д. 183. Л. 99.

⁶⁷ Там же. Л. 100.

⁶⁸ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3547. Л. 1.

⁶⁹ НА РС (Я). Ф. И-12. Оп. 1. Д. 183. Л. 36.

⁷⁰ Там же. Л. 15.

после введения таксы Якутск начал испытывать перебои с подвозом муки, что привело к кризису и увеличению спекуляции. Городскому самоуправлению пришлось отменить фиксированные цены на муку и хлеб, городом осуществлялись закупки продовольствия для реализации населению по сниженным ценам, однако объемы муниципальных закупок были скромными и не влияли на ценообразование в городе.

Так как город не имел свободных средств на осуществление муниципальных закупок, заготовка продуктов происходила за счет ссуды под гарантию правительства. В конце 1915 г. и в середине 1916 г. в Якутске думой были избраны две комиссии для решения продовольственных вопросов: одна — с целью закупки ржаной муки, а другая — с целью реквизиции мучных продуктов у горожан и распределения среди населения. Город не смог осуществить закупку муки на 1917 г. за пределами области из-за подорожания цен на продукты и из-за дефицита городского бюджета. В целом в условиях общей экономической конъюнктуры, сложившейся в стране, в особенности из-за недостатков финансовых средств Якутска, все принятые городскими властями меры были недостаточно эффективными.

К. А. Тишкина

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Сибирские врачебно-питательные отряды и оказание поддержки беженцам в прифронтовых зонах Европейской России (1915–1916 гг.)

Статья посвящена деятельности сибирских врачебно-питательных отрядов по оказанию содействия беженцам из прифронтовых зон Европейской России в 1915–1916 гг. На основе опубликованных делопроизводственных материалов того времени рассмотрены маршруты движения вынужденных мигрантов, выявлены мероприятия сотрудников врачебно-питательных отрядов, проводимые в отношении беженцев (обеспечение проживания, питания и оказание медицинской помощи), отмечены размеры финансовых затрат на реализацию поддержки, определены причины уменьшения размеров помощи беженцам с конца 1915 г. Сделан вывод о том, что, несмотря на сложные условия фронтовой и прифронтовой жизни, а также проблемы проводимой эвакуации мирного населения, сотрудники врачебно-питательных отрядов смогли быстро перепрофилировать свою деятельность и совместить оказание помощи воинам с поддержкой беженцев.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, врачебно-питательные отряды, Западный фронт, Сибирское общество для подачи помощи больным и раненым.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–39–60009.

Первая мировая война стала одним из крупнейших и судьбоносных конфликтов в истории человечества. Она не зря называется мировой, особенно тяжелым бременем война легла на плечи мирных людей, зачастую не заинтересованных в этом конфликте. Но именно гражданскому населению приходилось обеспечивать нормальную жизнь и функционирование общества. И если военные переносили невзгоды на фронте, мирные жители тыла справлялись с осложнившимся бытом военного времени, то люди, проживавшие во фронтовых и прифронто-

вых зонах, были вынуждены испытать на себе и ту, и другую стороны, в итоге и вовсе оказываясь в изгнании без собственного жилья, имущества и еды.

Изучение беженского движения в годы Первой мировой войны является одним из актуальных направлений отечественной и зарубежной историографии¹. Значительное внимание авторы исследований уделяют деятельности Комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет), а также вкладу сотрудников общественных организаций отдельных тыловых регионов Российской империи в дело содействия вынужденным мигрантам². Однако тема оказания поддержки беженцам и выселенцам из прифронтовой зоны остается открытой. Детальное изучение положения вынужденных мигрантов Первой мировой войны позволит лучше понять масштаб случившегося социального катаклизма.

В Российской империи основной отток населения шел из западных, приграничных регионов в восточном направлении. Исходя из этого определяются и территориальные рамки, которые включают в себя губернии Царства Польского (Келецкая, Радомская, Седлецкая) и белорусские (Минская, Гродненская, Волынская, Могилевская). Хронологически исследование ограничено 1915 и 1916 гг., так как именно в этот промежуток времени линия фронта начала перемещаться к востоку, но еще не замерла при переходе к позиционным боевым действиям.

В годы Первой мировой войны движение беженцев достигло значительных масштабов. С началом оккупации западных территорий Российской империи многие граждане как по принуждению властей, так и добровольно покидали места своего проживания. Начиная с весны 1915 г., в связи с наступлением германской армии, значительные терри-

¹ Шчэўлінскі М. Бежанцы і беларускі нацыянальны рух у гады першай сусветнай вайны // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 3. С. 24–28; Белова И. Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 12. С. 51–62; Гейтрелл П. История беженства и беженцы в России во время и после Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2017. Т. 62. № 3. С. 497–521 и т. д.

² Кищенко М. С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 61–65; Бахурин Ю. А. Татьянинский комитет. 1914–1917 // Старый Цейхгауз. 2013. № 8. С. 48–53; Махрова Т. К. Первая мировая война и проблемы беженства (по материалам тыловой Оренбургской губернии) // Война и право: история и современные проблемы: мат-лы Междунар. науч. конф. (к 100-летию Первой мировой войны): в 2 ч. Челябинск, 2014. Ч. 1. С. 114–121; Спиридонова Л. М. Деятельность Татьянинского комитета в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник военно-исторических исследований. Пенза, 2017. Вып. 8. С. 77–87 и т. д.

тории на западе Российской империи оказались под контролем оккупантов. В статье С. Бахрушина отмечалось: «Поголовное выселение жителей целых областей, угрожаемых нашествием врага, является грозной и беспримерной в истории чертой настоящей войны, влекущей за собою ряд чрезвычайно тяжких последствий для всего государства»³.

Осознавая масштаб трагедии, сотрудники многих общественных учреждений, действовавших на линии фронта, принимали решение оказывать содействие вынужденным мигрантам. Одним из примеров такой поддержки является деятельность врачебно-питательных отрядов Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам. Данная организация возникла в сентябре 1914 г. по инициативе сибиряков, проживавших в Петрограде. Финансирование Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам осуществлялось за счет членских взносов, пожертвований различных лиц, доходов от проведения благотворительных мероприятий. Первоначальной целью деятельности общества являлось создание полевых госпиталей и врачебно-питательных отрядов для оказания помощи больным и раненым воинам-фронтовикам. Вскоре многие сибиряки, проживавшие как в европейской части Российской империи, так и в самой Сибири, стали выступать с инициативой открытия отделений организации на периферии. К августу 1916 г. в стране действовало 52 отдела⁴.

Поддержку деятельности Сибирского общества для подачи помощи раненым оказывал Всероссийский союз городов (Согор). Им был создан так называемый Сибирский фонд, из которого выделялись средства на устройство врачебно-питательных отрядов Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам. Всего отделами общества было основано 10 врачебно-питательных отрядов, первый из которых был направлен на фронт уже осенью 1914 г. Отряды действовали под эгидой Согора и флагом Красного Креста⁵.

Главной задачей сотрудников врачебно-питательных отрядов являлось «принять раненых с линии боя, дать раненому первую помощь, перевязать, накормить и эвакуировать в ближайший тыл»⁶. Возглавляли учреждения уполномоченные лица, которые занимались подбором пер-

³ Бахрушин С. Беженцы // Беженцы и выселенцы. М., 1915. С. 1.

⁴ Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 134.

⁵ Тишкина К. А. Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и гражданской войн: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. С. 66.

⁶ Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 г. Пг., 1916. С. 15.

сонала, закупкой необходимых вещей и оборудования и т. д. Непосредственно вблизи военных действий работали так называемые летучки, летучие отряды — мобильные перевязочно-питательные отряды. В их штатах состояли носильщики, действовал специальный транспорт для перевозки раненых. Персонал «летучек» был обеспечен фельдшерскими сумками и оказывал раненым первую медицинскую помощь, а также кормил их и обеспечивал одеждой в случае непогоды. Контроль за деятельностью врачебно-питательных отрядов осуществлял начальник эвакуационного отдела управления начальника санитарной части армий фронта⁷. Он занимался координированием передвижения учреждений, проводил их ревизии, следил за процессом ликвидации эвакуационных пунктов, составлял отчеты и т. д. Врачебно-питательные отряды закреплялись за штабами дивизий или корпусов.

Начиная с весны 1915 г. новым направлением деятельности врачебно-питательных отрядов стала забота о беженцах в связи с бедственным положением жителей разоренных военными действиями поселений. Основной пик движения вынужденных мигрантов из фронтовой зоны пришелся на весну-лето 1915 г. Из-за расширения сферы деятельности Сибирское общество для подачи помощи раненым воинам в мае 1915 г. было переименовано в Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны.

Сибирские врачебно-питательные отряды действовали преимущественно на Северо-Западном и Западном фронтах. В мае 1915 г. начался Горлицкий прорыв. Населенные пункты, находившиеся в районах столкновения русской и германской армий, подвергались обстрелу легких и тяжелых орудий. Оказавшееся в эпицентре военных действий население покидало свои дома. Основной проблемой вынужденных мигрантов стала нехватка продуктов питания. Некоторые беженцы брали с собой скот и домашнюю птицу, которых потом съедали или продавали. Забота о питании вынужденных мигрантов была поручена военными властями этапным комендантам. Однако потоки беженцев ежедневно увеличивались, что потребовало привлечения участия общественных сил.

Сотрудники Первого Сибирского врачебно-питательного отряда, находившегося в районе военного столкновения, открыли специальную «летучку» для раздачи пищи, которая курсировала в районе Насловице — Зданово (современная территория Республики Польша. — К. Т.). В первый день открытия «летучки» в Насловице получить хлеб пришли 423 человека. Число обратившихся за питанием росло и достигло

⁷ Приложение к Положению о полевом управлении войск в военное время (№ 1–17). СПб., 1914. С. 117.

1000 человек в день. Чтобы обеспечить возрастающую нагрузку, для работы «летучки» были выделены средства на ежедневное обеспечение пищей 1000–1200 человек.

В особом внимании нуждались беженцы-евреи. Для этой категории граждан Российской империи существовали ограничения на передвижение и расселение. Питательный рацион евреев, в силу религиозной специфики, ограничивал употребление ряда продуктов. Для оказания поддержки беженцам-евреям сотрудники Первого Сибирского врачебно-питательного отряда планировали открыть в Сандомире Радомской губернии специализированную столовую на 600 человек. Впоследствии еврейское население Сандомира осуществило денежное самообложение и создало специальный комитет, члены которого занимались расселением беженцев и выселенцев по частным квартирам. Некоторые беженцы-евреи из числа интеллигенции выразили желание помочь Первому Сибирскому врачебно-питательному отряду «не только личным трудом, но и средствами», причем поддержка оказывалась всем нуждавшимся лицам без религиозных и национальных предпочтений⁸.

Большие потоки беженцев фиксировались сотрудниками Пятого Сибирского передового перевязочно-питательного отряда легкого типа имени городов Тобольской губернии, который первоначально базировался в Келецком районе, а к лету 1915 г. переместился в Радомскую губернию. Уполномоченным отряда был профессор Московского коммерческого института Л. Н. Юровский. Находясь в районе между населенными пунктами Влодава Седлецкой губернии и Кобрин Гродненской губернии, он отмечал масштабность такого явления, как беженство. По его подсчетам, по Влодаво-Кобринскому шоссе в день проходили десятки тысяч беженцев из Люблинской, Холмской и Волынской губерний. Вынужденные мигранты передвигались пешком или на телегах с необходимыми вещами. Из-за нежелания покидать родные места они продвигались медленно. Многие люди предпочитали временно укрываться в лесных массивах недалеко от дорог, чтобы после освобождения их родного населенного пункта от вражеской оккупации сразу же вернуться домой. Антисанитария приводила к возникновению и распространению холеры и других эпидемических заболеваний среди беженцев.

Вдоль Влодаво-Кобринского шоссе свои учреждения по оказанию помощи беженцам открыли Всероссийский союз городов и Всероссийский земский союз (Земьюз). К ним присоединились сотрудники Пятого Сибирского передового перевязочного-питательного отряда

⁸ Деятельность 1-го сибирского отряда // Иркутская жизнь. 1915. 16 июля. С. 2.

легкого типа имени городов Тобольской губернии. В д. Пицца Волынской губернии были направлены врач, сестра милосердия и пять санитаров. В населенном пункте действовал питательный пункт Согора. Однако через две недели работы медицинский персонал был отозван Л. Н. Юровским. Свою позицию он объяснял так: «Они сделали все, что могли, сделали больше, чем я считал возможным; но их работа все же ничтожна перед лицом безграничной, окружавшей их нужды. За две недели они исчерпали свои силы, и я не мог не увезти их из Пиццы, ибо жертвовать персоналом отряда я не считал себя вправе»⁹. Новый пункт отряда был открыт в д. Олтуше, расположенной недалеко от д. Пицца. В августе 1915 г. расстояние между питательными пунктами для беженцев было определено в 20–30 километров.

Седьмой Сибирский врачебно-питательный отряд легкого типа имени кредитных товариществ Енисейской губернии (сокращенное название — Седьмой Сибирский Енисейский отряд) состоял при 81-й пехотной дивизии 4-й армии, к концу лета 1915 г. базировался у Слонима Гродненской губернии. Руководство отряда обратилось в правление Всероссийского союза городов с просьбой выделить кредит в 10 000 руб. на организацию столовой в Пружанах, так как через Пружанский уезд Гродненской губернии двигался поток беженцев по направлению на Барановичи Минской губернии. Запрос был поддержан. Седьмой Сибирский Енисейский отряд открыл свою пекарню для снабжения хлебом близлежащих медицинских учреждений и беженцев.

С 20 по 27 августа 1915 г. сотрудники Седьмого Сибирского Енисейского отряда выдали беженцам 17 000 порций горячих обедов, роздали 15 пудов сахара, 50 пудов хлеба, 900 пудов сухарей (72 000 порций)¹⁰. В связи с наступлением германских войск питательный пункт переместили ближе к железной дороге (предположительно на станцию Оранчицы Александровской железной дороги. — К. Т.). За период его функционирования при станции с 1 октября по 1 ноября 1915 г. было выдано 62 965 обедов, 12 000 ужинов, 330 пудов хлеба. Наряду с этим была организована раздача продуктовых пайков (соль, хлеб, сахар, крупа и т. д.) для беженцев, разместившихся в близлежащих к станции населенных пунктах. Всего таких пайков было роздано 12 866.

Сотрудники Второго строительного отряда Согора оказывали содействие в оборудовании питательного пункта. Они установили кухню, построили барак, очистили колодцы и т. д. В бараке на железнодорож-

⁹ Сдвиг беженцев с места // Беженцы и выселенцы. М., 1915. С. 50.

¹⁰ Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 г. Пг., 1916. С. 29.

ной станции была открыта чайная, в которой круглосуточно обслуживали беженцев. С наступлением холодов для детей и женщин открыли два убежища, действовала баня с прачечной. За месяц работы в ней помылись 1170 человек. Сотрудники Седьмого Сибирского Енисейского отряда предоставляли беженцам медицинскую и юридическую помощь.

К концу 1915 г. отряд разделился на две части: «летучку» при 81-й дивизии и базовое месторасположение в одном из населенных пунктов по направлению к Минску. «Летучка» и база находились на расстоянии 85 км друг от друга. Беженцы, осевшие в окрестных селениях, получали продуктовые пайки на базе Седьмого Сибирского Енисейского отряда. Паек состоял из чая, сахара (три куска), соли, крупы, черного хлеба 1 ½ фунта, иногда мяса по ½ фунта. Больным и детям дополнительно выдавали по фунту белого хлеба на человека¹¹. Всех лиц, обратившихся за пайком, регистрировали. В конце ноября 1915 г. было зафиксировано 4000 беженцев. В течение декабря того же года им было роздано сотрудниками Седьмого Сибирского Енисейского отряда 38 978 пайков. В ноябре 1915 г. наиболее нуждавшимся беженцам выдали теплую одежду.

При базе Седьмого Сибирского Енисейского отряда была открыта «летучая амбулатория», сотрудники которой курировали населенные пункты в окрестностях Минска и оказывали медицинскую помощь проживавшим там крестьянам и беженцам. В составе учреждения трудились заведующий, фельдшер и брат милосердия. В конце ноября 1915 г. сотрудники амбулатории выявили в д. Павелково, в которой проживали беженцы, эпидемию брюшного тифа. Об этом было сообщено в Комитет Западного фронта. Благодаря оперативной работе амбулатории уже в первых числах декабря 1915 г. в деревне начала действовать больница.

В конце 1915 г. помощь беженцам в районе расположения Седьмого Сибирского Енисейского отряда стало оказывать Управление главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта («Северопомощь»), базировавшееся в фольварке Ус. Данная организация возникла в середине лета 1915 г. по инициативе члена Государственного Совета С. И. Зубчанинова¹². Главной ее задачей являлась помощь в эвакуации мирного населения. В своей деятельности учреждение опиралось на закон от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» и на «Наказ Главноуполномоченным по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов». Работа «Северопомощи» финансировалась

¹¹ Розин Я. Отчет о деятельности 7 Сибирского Енисейского отряда за период от 1-го ноября по 1-е декабря 1915 г. // Вестник Приенисейского края. 1916. № 4. С. 19.

¹² Фролова И. В. Организационно-правовое обеспечение беженцев в годы Первой мировой войны (в рамках провинциального города) // Вестник КГУ. 2020. № 1. С. 33.

государством. На эти средства устраивались питательные пункты, чайные, осуществлялась выдача пайков и т. д. Несмотря на активную деятельность учреждения, сотрудники Седьмого Сибирского Енисейского отряда опасались, что с их уходом из района фольварка Ус «Северопомощь» не сможет оказывать существенную поддержку вынужденным мигрантам из-за «отдаленности от деревень, плохого качества пайка и скудности его»¹³.

К зиме 1915 г. произошел резкий спад перемещений беженцев в районе действия базы Седьмого Сибирского Енисейского отряда. Часть людей разместились в близлежащих населенных пунктах, другие ушли в тыл. Опустели убежища для беженцев. К концу ноября из-за сокращения потоков беженцев работники чайной на станции (предположительно на станции Оранчицы Александровской железной дороги. — К. Т.) обслуживали прибывавшие по железной дороге эшелоны с солдатами.

Третий Сибирский Новониколаевский врачебно-питательный отряд также оказывал помощь вынужденным переселенцам. В двух пустовавших домах в местечке Р. (предположительно Рогачево Могилевской губернии. — К. Т.) осенью 1915 г. были устроены питательный пункт и больница¹⁴. Уполномоченный отряда общественный и политический деятель В. Н. Пепеляев в декабре 1915 г. обратился в Исполнительное бюро Всероссийского союза городов по делам фронта с просьбой выделить кредит на «помощь беженцам по питанию». За период с октября 1915 г. по январь 1916 г. было приготовлено и выдано 92 942 порции горячей пищи и 2450 сухих пайков.

Согласно подсчетам сотрудников Всероссийского союза городов, к 1 января 1916 г. на организацию питания беженцам Первый Сибирский врачебно-питательный отряд потратил 12 689 руб. 96 коп., Седьмой Сибирский перевязочно-питательный отряд легкого типа имени кредитных товариществ Енисейской губернии — 10 578 руб. 37 коп., Восьмой Сибирский перевязочно-питательный отряд — 3589 руб. 59 коп., Четвертый Сибирский Томский врачебно-питательный отряд — 1885 руб. 7 коп., Пятый Сибирский передовой перевязочно-питательный отряд легкого типа имени городов Тобольской губернии — 1364 руб. 66 коп.¹⁵ Затраченные суммы свидетельствуют об объемах проделанной работы.

¹³ Розин Я. Отчет о деятельности 7 Сибирского Енисейского отряда за период от 1-го ноября по 1-е декабря 1915 г. // Вестник Приенисейского края. 1916. № 4. С. 19.

¹⁴ Тишкина К. А. Участие Г. Д. Гребенщикова в работе и ликвидации Третьего Сибирского Новониколаевского врачебно-питательного отряда (1917–1918 гг.) // Вестник ТГУ. 2016. № 410. С. 154.

¹⁵ Финансовый отчет за время от начала деятельности по 1-е января 1916 г. М., 1917. С. 115.

К концу 1915 г. движение беженцев в тыловые районы заметно сократилось. Большинство из них осели в центральных губерниях, Поволжье и Сибири. Как отмечалось в отчете заведующего статистическим отделом Б. Я. Руднева общему собранию Комитета Западного фронта Согора, к середине осени 1915 г. «...острая форма массовых передвижений сменилась хроническим состоянием „оседлага беженства“»¹⁶. Работа многих отрядов, развернувших свою деятельность по приему вынужденных мигрантов летом 1915 г., к осени оказалась неактуальной. Начиная с января 1916 г. деятельность отрядов по обеспечению беженцев питанием постепенно сворачивалась.

В годы Первой мировой войны Российская империя столкнулась с таким массовым явлением, как беженство. Деятельность сибирских врачебно-питательных отрядов, расположенных на Западном и Северо-Западном фронтах, внесла существенный вклад в оказание поддержки вынужденным мигрантам. Создаваемые для помощи воинам на линии фронта, отряды смогли быстро распространить свою работу среди мирного населения и реализовать несколько направлений деятельности. Финансовая поддержка сибирским врачебно-питательным отрядам оказывалась преимущественно из средств Согора, который осуществлял дополнительные выплаты для обслуживания беженцев. Помощь в основном заключалась в предоставлении питания вдоль линии их движения. В населенных пунктах организовывались стационарные части, в которых действовали временные убежища для женщин и детей, работали чайные, осуществлялась раздача продуктовых пайков. Наряду с обеспечением беженцев питанием сотрудники отрядов оказывали им медицинскую помощь, что способствовало предотвращению возникновения и распространения инфекционных заболеваний.

Интенсивность работы членов врачебно-питательных отрядов по оказанию помощи вынужденным мигрантам зависела от массовости потоков беженцев. Немаловажную роль играло и финансирование деятельности отрядов. Выделяемые суммы были рассчитаны на оказание поддержки больным и раненым воинам, эвакуированным с линии фронта. В составление финансовых смет помощь беженцам не входила, а реализовывалась через дополнительные выплаты.

¹⁶ Отчет. Декабрь 1915 — май 1916 г. Витебск, 1916. С. 25.

А. А. КАЛАШНИКОВ

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

Направления деятельности земельно-лесных советов в Алтайском округе (январь — июнь 1918 г.)

На основе делопроизводственной документации фондов Государственного архива Алтайского края выявлены основные направления деятельности земельно-лесных советов в Алтайском округе в январе — июне 1918 г.: решение кадровых вопросов, лесоотпуск, лесоохрана, земельно-арендное хозяйство, регулирование побочных земельно-лесных пользований. По мнению автора, выделенные направления деятельности земельно-лесных советов свидетельствуют о преемственности новообразованных органов по отношению к аппарату лесничеств, существовавшему до реорганизации управления Алтайским округом. Сделан вывод, что решения, принимаемые новыми органами, во многом являлись юридическим закреплением сложившихся в 1917 г. хозяйственных практик. Разнородность постановлений земельно-лесных советов свидетельствует об отсутствии четкой нормативно-правовой базы их деятельности, а также реальных мер воздействия на данные новообразованные структуры со стороны вышестоящих органов.

Ключевые слова: Алтайский округ, реорганизация управления, земельно-лесные советы, земельно-лесное хозяйство.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00439.

Период кратковременного установления Советской власти на Алтае в первой половине 1918 г. является важной вехой в истории хозяйственного развития региона. Новой властью была предпринята попытка создания собственной вертикали управления, сопряженная с трансформацией административно-хозяйственной системы Кабинета е. и. в., фактически не подвергнувшейся серьезным изменениям в течение всего 1917 г. Согласно инструкции реорганизации управления Алтайским округом, все административно-хозяйственные единицы округа (лес-

ничества и арендные районы), сохраняя существовавший состав служащих, ставились в непосредственное ведение и распоряжение новых коллегиальных органов хозяйственного управления — земельно-лесных советов и их управ.

Деятельность земельно-лесных советов и их управ не получила широкого освещения в историографии. В целом сложилось два полярных взгляда на работу этих органов. В одной из первых обобщающих характеристик земельно-лесных советов, данной Н. Ф. Иванцовой, оценка их деятельности не лишена тенденциозности. Историк акцентировала внимание на успешной лесоохранной и лесоотпускной деятельности земельно-лесных советов, отмечая «классовый принцип» в решении лесного вопроса новыми органами¹. Противоположная оценка дана в публикациях В. М. Рынкова, С. Е. Полякова и М. О. Тяпкина. Названные авторы считают, что реальная деятельность данных органов не смогла стабилизировать ситуацию в сфере земельно-лесного хозяйства, а некоторые постановления и вовсе санкционировали противоправные действия².

Все работы историков объединяет внимание преимущественно к лесохозяйственной сфере деятельности земельно-лесных советов, тогда как их реальные компетенции были гораздо шире: согласно инструкции реорганизации управления округом — «исполнение всех обязанностей, которые лесничий выполнял единолично»³. Следует отметить, что какие-либо оценки административных практик земельно-лесных советов невозможны без учета:

- 1) состояния нормативно-правовой базы, регламентирующей их деятельность в конкретный период времени (подробные инструкции земельно-лесным советам и управам были разработаны лишь в апреле, а высланы на места к маю);
- 2) участия в их работе сельской общины;
- 3) корреляции авторитета лесных чинов среди местного населения и работоспособности земельно-лесных учреждений;

¹ Иванцова Н. Ф. Сибирское крестьянство в 1917 — начале 1918 гг. М., 1990. С. 121–122.

² Поляков С. Е. Реорганизация системы управления Алтайским округом в период временного установления советской власти (декабрь 1917 г. — июнь 1918 г.) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 289–290; Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. С. 52–53; Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 37–38; Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в. Барнаул, 2019. С. 236.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 229. Оп. 1. Д. 94. Л. 19 об.

4) незавершенности реорганизации управления Алтайским округом⁴.

Совокупность этих особенностей исследователями учтена не была.

Новые органы унаследовали те же проблемы, с которыми сталкивался аппарат лесничеств в течение 1917 г. Ликвидированные Временным Сибирским правительством и не успевшие в полной мере развернуть свою деятельность на территории Алтайского округа, земельно-лесные советы оказались обречены на получение негативных оценок. Стоит отметить, что независимо от организационных форм управления в лесничествах округа ввести хозяйство в нормальное русло не удалось на протяжении всего революционного лихолетья (1917–1919 гг.), тем более это было невозможно для действовавших менее полугода новообразованных органов в лице земельно-лесных советов и их управ. Незавершенность процесса реорганизации управления Алтайским округом в период кратковременного установления Советской власти делает актуальным исследование направлений деятельности новообразованных органов хозяйственного управления. Систематизация деятельности земельно-лесных советов и их управ позволяет оценить преимущество новых органов в отношении действовавшего ранее административно-хозяйственного аппарата, определить их реальный круг полномочий в области хозяйственного регулирования. Исследование деятельности земельно-лесных советов открывает возможность комплексного рассмотрения процесса реорганизации управления Алтайским округом, начатого Советской властью, но прерванного в результате установления власти Временного Сибирского правительства.

Делопроизводственная документация, отложившаяся в фондах Государственного архива Алтайского края (протоколы заседаний земельно-лесных советов, рапорты лесничих и т. д.), позволяет выделить основные направления деятельности земельно-лесных советов и их управ в Алтайском округе. Для анализа деятельности данных органов нами также были задействованы протокольные записи их учредительных заседаний, съездов, так как на них определялись не только их составы, но и закладывались основы местной хозяйственной политики.

Как отмечает В. М. Рынков, земельно-лесные советы были предназначены для регулирования лесопользования и борьбы с самовольными

⁴ См. подробнее: *Калашников А. А., Афанасьев П. А.* Особенности деятельности земельно-лесных советов в Алтайском округе (январь — июнь 1918 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2019. С. 90–94. Там же о составах данных органов, общих условиях создания и некоторых особенностях функционирования.

порубками⁵. Но кроме этого земельно-лесные советы унаследовали в своей деятельности прерогативы советов лесничеств⁶, созданных осенью-зимой 1917 г. и решавших среди прочих кадровые вопросы, а также проблемы материального обеспечения лесных служащих. Официально земельно-лесные советы получили право самостоятельного назначения и увольнения лесной стражи циркуляром от 22 апреля⁷, однако фактически он являлся юридическим закреплением сложившейся к тому времени практики. Еще до выхода документа в части лесничеств постановлениями новообразованных структур были уволены прежние лесообъездчики, а на их место поставлены эвакуированные солдаты⁸. Из-за нежелания общества заниматься противопожарными мероприятиями уволенные объездчики могли быть назначены пожарными сторожами (Абаканское лесничество)⁹. Для поступления на службу объездчиком земельно-лесные советы требовали от кандидата (к их числу могли относиться и бывшие члены лесной стражи, устраненные от должности в период реорганизации лесничества) предъявления «одобрительного удостоверения» или соответствующего постановления от сельских обществ, волисполкома Совета (Коростелевское, Лебедское лесничества)¹⁰. Данная норма затем также нашла отражение в упомянутом циркуляре. Некоторые земельно-лесные советы делегировали часть полномочий другим сельским органам. Например, в Нижне-Кулундинском лесничестве по решению Овечкинского земельно-лесного собрания от 10–11 февраля 1918 г. назначением лесных объездчиков должны были заниматься сельские советы¹¹.

Следует отметить, что обновление кадрового состава служащих происходило в русле тенденций 1917 г. Так, циркуляр начальника Алтайского округа № 59 от 18 ноября 1917 г. предполагал, что для поступления в лесную стражу кандидату в объездчики было необходимо заключение

⁵ Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг... С. 37.

⁶ Советы лесничеств — коллегиальные органы хозяйственного управления, создававшиеся в лесничествах Алтайского округа приказом начальника округа от 22 ноября 1917 г. В состав органов входили служащие лесничества, а также представители волземкомов и органов волостного земского самоуправления. Решали кадровые вопросы, устанавливали способы сохранения лесов и «все другие вопросы, в которых заинтересовано местное население и данное лесничество» (ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2. Л. 273).

⁷ Поляков С. Е., Тяпкин М. О. Охрана лесов в Алтайском округе (Алтайской губернии) в 1908–1919 гг. // Кабинетские владения на юге Западной Сибири в исторической динамике XVIII — начала XX века. Барнаул, 2018. С. 129; ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 10. Л. 19–19 об.

⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706. Л. 63.

⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4723. Л. 63.

¹⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 58 об., 85 об.

¹¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4716. Л. 62а.

волостной земельной управы¹². В лесничествах Алтайского округа, входящих в пределы Томской губернии, действовало постановление Томского народного собрания, согласно которому кандидатов в лесную стражу избирали волостные комитеты¹³. В связи с этим можно заключить, что в деятельности земельно-лесных советов по обновлению кадрового состава служащих не было ничего принципиально нового. Парадоксальная ситуация, при которой само население определяло состав тех, кто в дальнейшем должен был ограничивать его в пользовании земельно-лесными ресурсами, складывалась уже с 1917 г. Как было отмечено выше, земельно-лесные советы также занимались решением вопросов материального обеспечения служащих лесничеств: обращались с требованиями повышения жалованья в вышестоящие инстанции, увеличивали размеры жалованья своими постановлениями, занимались распределением покосов и ассигнованных средств¹⁴.

Серьезный удар в период временного установления Советской власти получила область коммерческого лесоотпуска, являвшаяся в предреволюционный период одной из основных доходных статей бюджета Алтайского округа. «Нужно выяснить физиономию коммерческих лесных организаций, если по-прежнему это организация чиновников Алтайского округа, то на получение лесных материалов не рассчитывайте — довольно <...> если организация общественная — продовольственной или городской управы — тогда другое дело, только нужно уплатить за лесорубочные билеты...»¹⁵ — отмечал в своем рапорте председатель Нижне-Петровской земельно-лесной управы. Против заготовок коммерческой организацией округа выступало и Загайновское лесничество. Некоторые земельно-лесные советы запрещали любую хозяйственную заготовку леса (Алеусское, Лебедское лесничества)¹⁶, другие расторгали заключенные договоры (Абаканское лесничество)¹⁷. Часть новообразованных органов полностью запрещала (Ново-Озерское, Загайновское лесничества)¹⁸ или значительно сокращала (Нижне-Кулундинское лесничество)¹⁹ выдачу лесорубочных билетов для нужд железных дорог. Нижне-Петровский и Сузунский земельно-лесные советы постановили взыскать деньги за хозяйственную заготовку леса с коммерче-

¹² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786. Л. 75.

¹³ Там же. Л. 52–52 об.

¹⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 42; Д. 4675. Л. 25; Д. 4704. Л. 83; Ф. 229. Оп. 1. Д. 56. Л. 37 об.

¹⁵ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 5. Л. 107.

¹⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706. Л. 60; Д. 4775. Л. 84.

¹⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4723. Л. 63.

¹⁸ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 58. Л. 16 об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 4675. Л. 25.

¹⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4716. Л. 63.

ской организации округа (более 281 тыс. руб.²⁰). Кроме того, стремясь, по всей видимости, к финансовой независимости от окружающих хозяйственных структур, Сузунский земельно-лесной совет решил построить два лесопильных завода. Таким образом, новыми земельно-лесными органами принимались решения, существенно ограничивавшие промышленные заготовки лесоматериалов. Причины принятия подобных постановлений были различными: иногда сокращение коммерческого лесоотпуска являлось необходимым ввиду истощения лесонасаждений, иной раз — проявлением исключительно местнических интересов. Алтайским губернским съездом волземкомов 28 (15) марта была повышена такса для всех лесопромышленников в три раза, однако это не решило проблему. Некоторые низовые земкомы и совдепы облагали дополнительными денежными налогами площади рубок, дрова, лесные материалы, заготавливаемые для нужд железных дорог и промышленных предприятий, не считаясь с земельно-лесными советами и губернской властью.

Центральным направлением деятельности новых земельно-лесных органов являлась сфера крестьянского лесоотпуска. В лесозащитных целях земельно-лесной управой Бобровского лесничества был разрешен отпуск леса населению для мелких заготовок только из бурелома и ветровала²¹, в Коростелевском лесничестве был запрещен отпуск леса из кромки бора. Для очистки бора Локтевский земельно-лесной совет постановил разрешить бесплатный сбор хвои с земли²². Зыряновским земельно-лесным советом было отклонено грабительское для лесного хозяйства предложение о всеобщем бесплатном отпуске по 100 хлыстов на новые постройки²³. Лебедский земельно-лесной совет в заседании от 5 марта 1918 г. постановил выдавать билеты на вырубку леса по одному кубу строевого и одному кубу дровяного леса на едока, категорически запрещалась вырубка сырораствующего кедра²⁴.

Новые органы наделяли различными льготами солдат и их семьи. В Загайновском лесничестве земельно-лесным советом было постановлено отпускать солдатам сырораствующий строевой лес на постройки и ремонт бесплатно, всем остальным жителям — по ½ таксы. Население лесничества также могло рассчитывать на получение бесплатного сухостойного дровяного леса (данное постановление было затем отменено

²⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4793. Л. 35 об.; Ф. 229. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

²¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4692. Л. 23 об.

²² ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 56. Л. 37 об.

²³ Там же. Л. 90–91.

²⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 84.

Бийской уездной земельной управой)²⁵. В Нижне-Кулундинском лесничестве скидку на лесоматериалы получали погорельцы и инвалиды, также все население лесничества получало по ½ куб. саж. дровяного леса²⁶. Земельно-лесным советом Верх-Обского лесничества была разрешена вывозка мертвого леса по бесплатным солдатским билетам для тех, кому не удалось этого сделать в течение зимы 1918 г.²⁷ В Алеусском лесничестве прибывшие с фронта солдаты могли рассчитывать на скидку в 75 % с рубля, а беднейшие, но не бывшие на войне жители — на покупку леса половинной стоимости. В нем же была запрещена рубка леса с целью дальнейшей перепродажи. Однако социально ориентированная политика Алеусского земельно-лесного совета оказалась губительной для хозяйства. На деле не соблюдался план лесного хозяйства, не производились проверки и перечет вырубленного леса, продажа осуществлялась по высшей добротности второго разряда, всеми подготовительными к вырубке делами занимались сами граждане²⁸. Постановление земельно-лесного совета Камышенского лесничества об отпуске леса со скидкой 90 % от таксовой стоимости для погорельцев на практике быстро распространилось на всех жителей лесничества²⁹. Земельно-лесным советом Талицкого лесничества в заседании от 27 (14) февраля 1918 г. был увеличен бесплатный отпуск леса инвалидам войны и солдатам, причем последним на строительство домов или на поддержание благосостояния имеющих было решено выделить до 25 хлыстов³⁰. Бедным жителям дрова для отопления в количестве 2 куб. саж. мертвого и сырораствующего леса отпускались бесплатно. В Нижне-Кулундинском лесничестве лес отпускался в первую очередь беднейшему населению³¹. Следует отметить, что категория «бедный» являлась весьма условной, так как степень бедноты того или иного лица устанавливали местные сельские общества, советы и крестьянские комитеты. Шульбинский лесничий в своем рапорте отмечал по данному поводу следующее: «Нужно сказать, что бедными теперь считают себя все граждане, ибо почти все указывают, что они проливали кровь за родину и что хозяйство и постройки их за время войны разорены»³².

«Будущее самое мрачное, так как ждать содействия неоткуда, а сделать что-нибудь собственными силами лесная стража не может. Самоволь-

²⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4675. Л. 25.

²⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4716. Л. 62а.

²⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 41–41 об.

²⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706. Л. 61.

²⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4694. Л. 40.

³⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 52 об.

³¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4716. Л. 62а.

³² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4680. Л. 60.

ные порубщики леса над стражей издеваются, рубя лес нарочно на глазах, близ кордонов»³³, — докладывал земельно-лесной совет Бийского лесничества в рапорте от 27 (14) марта 1918 г. Масштабы массовых самовольных порубок в лесничествах округа приводили к тому, что некоторые земельно-лесные управы упраздняли отдельные объезды³⁴ из-за их нецелесообразности — уже к концу марта их территории были практически полностью вырублены; другие же объезды делили на части, переводя туда дополнительных объездчиков³⁵. Члены земельно-лесных управ признавали свою беспомощность в деле остановки массового хищения леса. Обращения за помощью к сельским властям со стороны нового органа являлись, по словам бахматовского лесничего, «гласом вопиющего в пустыне»³⁶ и не приводили к желаемым результатам³⁷. В целях пресечения самовольных порубок земельно-лесными советами и их управами практиковались следующие меры: льготный отпуск, изъятие самовольно вырубленных лесных материалов, воззвания, обращения в вышестоящие органы, учет самовольно расхищенного леса, повышение размеров штрафов и взыскание дополнительных средств в пользу местного сельского общества или казны, проверка всего заготавливаемого леса специальными комиссиями, привлечение к содействию других сельских органов, возвращение лесной страже изъятого ранее оружия³⁸. Однако результативность перечисленных мер вызывает серьезные сомнения. По донесениям земельно-лесных управ, результаты взысканий за самовольные порубки чаще всего оказывались «плачевными»³⁹.

Важной составляющей лесоохранного направления деятельности земельно-лесных советов являлась борьба с лесными пожарами. Борьба с пожарами в Нижне-Кулундинском лесничестве должны были прибороные селения, за что они получали право бесплатного пользования сенокосными угодьями⁴⁰. По решению земельно-лесного совета Коростелевского лесничества от 22–24 февраля 1918 г. в тушении лесных пожаров должны были принимать участие все сельские общества, к которым прилегалы бороные лесные дачи, причем по мере роста опас-

³³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4673. Л. 84 об.

³⁴ Объезд — структурная единица лесничества, территория, подведомственная младшему служебному персоналу из числа лесной стражи — объездчикам.

³⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4673. Л. 80.

³⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4701. Л. 32 об.

³⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4684. Л. 98; Д. 4694. Л. 37.

³⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706. Л. 61; Д. 4723. Л. 63; Д. 4775. Л. 41–41 об., Л. 51 об. — 52, Л. 56 об. — 57 об.; Д. 4675. Л. 25; Д. 4716. Л. 62а.

³⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4795. Л. 30.

⁴⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4716. Л. 62а об.

ности привлекать к борьбе с пожарами следовало и селения, отдаленные от пострадавших лесонасаждений⁴¹. Размер оплаты напрямую зависел от сезона. Однако принятые меры оказались не реализованы на практике. По донесению коростелевского лесничего от 10 июня 1918 г. «граждане так увлеклись уничтожением леса», что отказывались выходить для тушения пожаров⁴². В Локтевском лесничестве на тушение пожаров из наряда в 40–50 человек являлись по три-четыре и, как отмечал старший лесничий Борсуков, «работали лениво и уходили домой до прекращения пожара с закатом солнца»⁴³.

В деятельности земельно-лесных советов проявились локальные инициативы решения проблем административно-хозяйственного деления округа, проявлявшихся в том числе и в системе крестьянского лесопользования. Так, Коростелевский земельно-лесной совет постановил разрешить выдачу лесорубочных билетов во всех селениях, где были объездчики⁴⁴, что значительно упрощало процесс получения лесоматериалов. Отпускать лес по возможности вблизи селений постановил Абаканский земельно-лесной совет⁴⁵. Касмалинская земельно-лесная управа занималась организацией съезда в целях принятия в состав лесничества новых селений⁴⁶.

Помимо регулирования вопросов лесопользования, земельно-лесные советы уделяли внимание и земельно-арендной отрасли, заниматься которой они должны были совместно с земельными комитетами (с апреля — с земельными отделами при советах). По решению земельно-лесного совета Талицкого лесничества бывшие кабинетские земли должны были быть распределены между малоземельными и безземельными крестьянами в годичное пользование на 1918 г., при этом предпочтение отдавалось старожилам. Норма земли определялась в количестве, не превышающем трудовой нормы, сохранялись культурные хозяйства, но при условии полной обработки занимаемой площади земли застройка предоставленной земли не допускалась вплоть до полного решения земельного вопроса на территории страны и губернии⁴⁷. По решению земельно-лесного совета Коростелевского лесничества все сенокосные поляны, находящиеся в лесных дачах, поступали в пользование ближайших к ним сельских обществ. Отдельно было отмечено, что данное постановление распространяется также на непричисленное

⁴¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 58.

⁴² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4795. Л. 41.

⁴³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704. Л. 165.

⁴⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 60.

⁴⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4723. Л. 63.

⁴⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4719. Л. 28.

⁴⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 50 об. — 51.

население⁴⁸. Абаканский земельно-лесной совет допустил нескольких переселенцев к заселению на оброчной статье лесничества с правом застройки⁴⁹. Лебедский земельно-лесной совет в заседании от 5 марта 1918 г. постановил изъять все излишние земли, находящиеся у арендаторов, и допустить к их обработке всех желающих без права возведения построек. Актуальным вопросом являлось отношение к накопившимся недоимкам по землепользованию. Талицким земельно-лесным советом был объявлен сбор всех недоимок, числящихся за арендаторами по 1917 г. включительно, однако сбор не распространялся на беднейшее население, которое было не в силах погасить недоимки без ущерба для хозяйств. В Лебедском лесничестве было решено взыскать с имущих недоимку за прошлые годы с возможностью рассрочки, с неимущих же все недоимки были сложены⁵⁰.

В целом деятельность земельно-лесных советов в сфере земельно-арендного хозяйства фактически являлась продолжением локальных практик 1917 г. Характеризуя данное направление деятельности земельно-лесных советов, следует выделять ряд общих для большинства из них тенденций: максимальное вовлечение земель в сельскохозяйственный оборот, перераспределение земельного фонда лесничества в соответствии с местными представлениями о справедливом уравнительном пользовании, учет наличия переселенцев при принятии решений, сложение существовавших недоимок с большинства населения.

Еще в 1917 г. лесничим было циркулярно предписано отменить в текущем году денежную оплату всех видов побочного пользования в лесах, кроме пастьбы скота, при условии, что они не носят характер промысла⁵¹. Не обошли стороной данный вопрос и новые земельно-лесные органы. Земельно-лесным советом Коростелевского лесничества в заседании от 22–24 февраля 1918 г. было решено осуществлять бесплатную пастьбу скота в дачах лесничества (ввиду наносимого вреда лесонасаждениям запрещена была лишь пастьба овец)⁵². В Нижне-Кулундинском лесничестве бесплатными были объявлены сбор грибов, охота, рыбная ловля (без использования неводов) и пр.⁵³ По решению Абаканского земельно-лесного совета бесплатными объявлялись сбор кедровых орехов и ягод (по билетам), ловля рыбы и охота, однако все излишки (боль-

⁴⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 57 об.

⁴⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4723. Л. 62 об.

⁵⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 84.

⁵¹ Поляков С. Е., Тяпкин М. О. Охрана лесов в Алтайском округе (Алтайской губернии) в 1908–1919 гг... С. 127.

⁵² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 58.

⁵³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4716. Л. 62а об.

шая рыба, сбор орехов сверх нормы) должны были сдаваться в местные потребительские лавки⁵⁴. В Загайновском лесничестве постановлением земельно-лесного совета от 15 февраля 1918 г. рыбная ловля была объявлена бесплатной, однако ее объем регулировался путем налогового обложения инструментария рыбаков (каждая сеть облагалась налогом в 3 руб. в пользу казны); платным было объявлено смолокурение⁵⁵. По решению Сузунского земельно-лесного съезда бесплатной объявлялась рыбная ловля вблизи собственных селений, ловля на «общих» реках устанавливалась за арендную плату⁵⁶. Такая разнородность в воззрениях земельно-лесных советов на характер побочных пользований в лесничествах в дальнейшем была закреплена в постановлении Алтайского губернского съезда волземкомов, согласно которому сбор ягод, грибов, а также охота на животных должны были производиться бесплатно, а сбор хмеля, орехов, мха, ловля рыбы и выпас скота предоставлялись на усмотрение земельно-лесных советов⁵⁷.

Таким образом, выделенные и рассмотренные направления деятельности земельно-лесных советов и их управ в Алтайском округе демонстрируют преимущество данных органов по отношению к существовавшему ранее аппарату лесничеств, рассчитанному на комплексное ведение земельно-лесного хозяйства. При анализе деятельности данных органов необходимо учитывать декларативность ряда норм постановлений земельно-лесных советов, многие из которых не стоит принимать за действительность: одни корректировались по мере возникновения сложностей в их практической реализации, другие не соблюдались вовсе. Разнородность постановлений земельно-лесных советов свидетельствует об отсутствии четкой нормативно-правовой базы их деятельности, а также реальных мер воздействия на данные новообразованные структуры со стороны вышестоящих органов. Более того, локальные практики земельно-лесных советов становились основой дальнейшего юридического закрепления на уровне губернии и округа, как это произошло в решении вопроса о побочных лесопользованиях и повышении таксовых цен для лесопромышленников. Деятельность земельно-лесных советов не внесла принципиальных новшеств в хозяйственную ситуацию, сложившуюся на территории Алтайского округа. Напротив, их работа стала отражением реальных хозяйственных практик, имевших место в лесничествах и арендных районах округа в постфевральский период.

⁵⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4713. Л. 62 об.

⁵⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4675. Л. 25.

⁵⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704. Л. 84.

⁵⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4771. Л. 45.

В. Б. ЛАПЕРДИН

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Нереализованные проекты аграрного освоения Западно-Сибирского края в 1930-х годах

В статье рассматриваются проекты аграрного развития Западно-Сибирского края, направленные на решение зерновой проблемы и упрочнение колхозной системы. В их числе идея создания Обь-Кулундинской ирригационной системы, план повышения урожайности в районах Кулундинской степи, а также намеченные мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства севера края. Сделаны выводы о том, что основной причиной возникновения проектов стала засуха 1931 и 1935 гг., однако проекты не были завершены вследствие переоценки местным руководством аграрного потенциала как южных, так и северных районов региона, недостатков плановой системы советской экономики и сложных климатических условий.

Ключевые слова: колхозная система, зерновая проблема, крестьянство, аграрная политика, Сибирь.

Финансовая поддержка: публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–09–00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-х годах: становление и функционирование колхозной системы».

Решение зерновой проблемы — одна из наиболее важных задач, стоявших перед СССР в 1930-х годах. Увеличение зерновой продукции требовалось для снабжения продовольствием бурно развивавшихся индустриальных центров, а также экспорта хлеба за границу с целью получения валюты. Западно-Сибирский край был не просто одним из основных зерновых регионов, но и являлся зерновой базой восточной части страны. Хлеб отсюда вывозился в Среднюю Азию, Восточно-Сибирский и Дальневосточный края. Поэтому рост урожайности и посевных площадей стал приоритетной задачей для местного руководства.

Сельское хозяйство Западно-Сибирского края в 1930-х годах стало объектом исследования в ряде научных публикаций. Изучался как аграрный вопрос в целом и стоявшая перед руководством СССР задача выбора путей и методов модернизации сельского хозяйства¹, так и отдельные аспекты проектов, рассматриваемых в данной статье. В. А. Ильиных затронул проблему внедрения новых методов агротехники, входивших в планы проектов аграрного развития Западно-Сибирского края, и показал, что процесс поиска оптимальных агротехнологий происходил на уровне политического руководства страны².

Проект развития районов Кулундинской степи и проект подъема сельского хозяйства северных районов края уже становились предметом исследования³. Однако в данной статье предпринята попытка комплексного анализа этих проектов с целью выяснения общих причин их возникновения.

На территории Западной Сибири необходимость увеличения зерновой продукции наряду с вышеназванными причинами объяснялась также сложными климатическими условиями. В 1932 г. Западно-Сибирское крайземуправление забило тревогу: в восьми из 16 последних лет урожайность зерновых оказалась на крайне низком уровне — порядка 4,5 ц/га, в том числе пять лет «с чрезвычайно низким урожаем ниже 3 центн[еров] с га»⁴.

За время с 1930 по 1936 г. относительно благоприятным был только 1930 г. Во все остальные годы районы края поражал недород, особенно сильный в 1931 и 1935 гг. Ситуация для населения осложнялась высоким налогово-податным обложением. В неурожайные годы его тяжесть возрастала, а хлебозаготовки становились грабежом деревни и приводили к изъятию не только всего товарного хлеба, но и продовольственных запасов, что неминуемо приводило к голоду. Наиболее сильный голод поразил Западно-Сибирский край в 1931–1932 гг. В последующем лишь предоставление недородным колхозам возвратных продовольственных

¹ Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных В. А., Андреенков С. Н., Рынков В. М. и др. Новосибирск, 2015. 298 с.

² Ильиных В. А. Проблемы агротехники, специализации и организации сельского хозяйства Сибири в 1920–1930-е гг.: дискурс и выбор // На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг. Новосибирск, 2016. С. 155–207.

³ Лапердин В. Б. Проекты аграрного освоения Кулундинской степи в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 4. С. 105–109; Он же. Аграрное освоение северных районов Западно-Сибирского края во второй половине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 1. С. 11–16.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 352. Л. 133.

ссуд помогало избежать повторения трагедии. Однако локальные голодовки все равно наблюдались в различных районах края⁵.

От засухи 1931 г. в той или иной степени пострадало порядка 55 районов Западно-Сибирского края, в которых было сосредоточено около половины всех посевов зерновых. Эпицентром засухи стали районы Кулундинской степи, где урожай достигал всего 2,05 ц/га (в среднем по краю 4,5 ц/га)⁶. В этих условиях крайземуправление инициировало разработку проекта кардинального улучшения сельскохозяйственного производства юго-западной части региона, представив его в начале 1932 г. Западно-Сибирскому крайкому ВКП(б)⁷.

Крайземуправление предложило строительство Обь-Кулундинской ирригационной системы. В районе г. Камень (с 1933 г. — Камень-на-Оби) предполагалось возведение плотины с гидроэлектростанцией на р. Оби и сети разветвленных каналов. Плотина увеличивала уровень воды в реке на 25 метров, что позволяло вывести ее в каналы, использовавшиеся для орошения районов Кулундинской степи. Магистральный канал должен был соединять реки Обь и Иртыш. Удаленные территории орошались методом дождевания. По оценкам специалистов, оросительная сеть могла обеспечить водой 7500 тыс. га пахотных земель. Изменялся весь климат Кулунды: испаряющаяся вода повышала влажность воздуха, таким образом, увеличивалось количество осадков.

Проект крайземуправления был интересен не только для развития сельского хозяйства. Электростанция могла снабжать электроэнергией как сельскохозяйственные предприятия Кулунды, так и промышленное производство; открывалась водная транспортная магистраль Обь — Иртыш; мощный толчок получало развитие рыбной промышленности; для поддержания нормального функционирования оросительной системы предполагалось создание целой инфраструктурной сети, в том числе строительство заводов, производящих необходимое оборудование, трубы и т. д.

Несмотря на заинтересованность регионального руководства, рассматривавшего весной 1932 г. предложение крайземуправления на заседании бюро крайкома⁸, а также открытое обсуждение, на что указывает выход в свет монографии автора проекта В. А. Мичкова с детальным

⁵ Ильиных В. А., Исупов В. А., Ноздрин Г. А. Голод // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 396.

⁶ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2011. С. 69.

⁷ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 352. Л. 132–145.

⁸ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 133.

изложением технических особенностей проекта⁹, возведение плотины и строительство Обь-Кулундинской оросительной сети откладывалось на неопределенный срок. В. А. Мичков полагал, что устройство каналов займет несколько пятилеток. Однако столько времени региональное руководство попросту не имело. В 1935 г. Западно-Сибирский край вновь поразила сильнейшая засуха, по мнению первого секретаря крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе превышавшая масштабы бедствия 1931 г. По его сведениям, от недорода пострадало 42 района с посевной площадью свыше 2 млн га, что составляло 45% посевных площадей колхозов края¹⁰.

Скорейшее решение зерновой проблемы подстегивалось не только засухой. Руководство страны стремилось как можно быстрее справиться с задачей увеличения эффективности сельского хозяйства. И. В. Сталин выдвинул новый лозунг на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок, состоявшемся 1 декабря 1935 г., — довести ежегодное производство хлеба до 7–8 млрд пудов. Отныне во всех программных документах Западно-Сибирского крайкома, включая постановления, упоминалась сформулированная вождем задача. Необходимо отметить и личные амбиции первого секретаря крайкома Р. И. Эйхе, стремившегося сделать Западную Сибирь «второй Украиной» по производству пшеницы. Так, на VI пленуме Западно-Сибирского крайкома, 25 июня 1935 г., Р. И. Эйхе заявил: «Что этот лозунг значит? Украина имеет 120 млн га посевной площади. Мы вряд ли можем даже через 20 лет стать краем, который бы имел такую же посевную площадь, эту задачу край даже не может иметь в виду. Но чем мы можем стать второй Украиной? Мы можем стать второй пшеничной базой. Украина имеет 5 миллионов га посевов пшеницы. Мы имеем 3 [миллиона] 700 [тысяч] га посевов пшеницы»¹¹. Достижению этой цели препятствовали неурожайные годы. Реализация ирригационного проекта, в силу огромных трудозатрат и необходимости дальнейшей его технической проработки, как было сказано выше, отодвигалась на неопределенный срок.

В условиях невозможности создания Обь-Кулундинской оросительной сети в ближайшее время, краевому руководству пришлось искать альтернативные пути решения проблемы повышения урожайности. В середине 1936 г. Западно-Сибирский крайком и крайисполком представили центру докладную записку «По вопросу повышения урожайности и доходности колхозов в южных и юго-западных районах Западно-

⁹ Мичков В. А. Обь-Кулундинская комплексная водохозяйственная проблема / под ред. В. Ф. Тиунова. Новосибирск, 1934. 106 с.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 690б. Л. 45.

¹¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 669. Л. 27.

Сибирского края»¹², предполагавшую решение Кулундинской проблемы на основе комплекса агротехнических мероприятий. В Москве согласились с данным проектом, и 28 декабря 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-западных районах Западно-Сибирского края»¹³.

Суть предложений заключалась во внедрении травопольных севооборотов¹⁴. Кроме увеличения площадей, занятых травами и зерновыми (в первую очередь пшеницей засухоустойчивых сортов), предполагалась организация новых МТС и — как вспомогательная мера — посадка лесозащитных полос. Созданию централизованной оросительной сети в рамках новой концепции аграрного развития Кулундинской степи места не оказалось.

Реализация проекта столкнулась с массой проблем сразу же после его утверждения. Районное руководство не стремилось выполнять постановления по повышению урожайности. Так, 3 июля 1937 г. крайкому и крайисполкому пришлось издать совместное постановление «Об уходе за семенниками трав»¹⁵, в котором они констатировали, что местные власти игнорируют распоряжения о заготовке семян трав. Созданные в колхозах с этой целью специальные звенья распущены, посевы трав зарастали сорняками и уничтожались вредителями. О неудачных итогах реализации проекта можно судить по тому, что центром нового голода, поразившего ряд районов Западной Сибири в 1940 г., стал именно юг края¹⁶.

Тем не менее население Кулунды в основном позитивно оценило начинания властей, о чем докладывал Р. И. Эйхе в Москву: «Постановление СНК и ЦК встречено подавляющим большинством колхозников с горячим одобрением и вызвало среди колхозников огромный подъем активности и инициативы колхозных масс в деле развертывания борьбы за высокий и устойчивый урожай. Резко улучшились политические настроения колхозников, чувствуется значительное укрепле-

¹² Ильиных В. А. Проблемы агротехники, специализации и организации сельского хозяйства Сибири в 1920–1930-е гг.: дискурс и выбор // На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг. Новосибирск, 2016. С. 200.

¹³ Ильиных В. А. Проблемы агротехники, специализации и организации сельского хозяйства Сибири...

¹⁴ При травопольных севооборотах половина обрабатываемой площади засеивается многолетними травами, оставшееся — зерновыми культурами.

¹⁵ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 840. Л. 14–14 об.

¹⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2000. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. С. 136.

ние уверенности колхозников в результатах колхозного труда, которую несколько поколебали недород в течение двух лет, низкая доходность ряда колхозов и острый недостаток продовольствия в большинстве районов Кулундинской степи. Подтверждением этого может служить тот факт, что за последнее время не только прекратился выезд колхозников из районов, достигший в этом году значительных размеров <...>, но имеются даже случаи возвращения выехавших колхозников обратно в свой район»¹⁷.

Однако были и негативные отзывы о проводившихся государственных мерах. Во время проведения собрания в колхозе «Новая деревня» Купинского района колхозница Блохина при обсуждении постановления ЦК и СНК, а также выделенных для его осуществления кредитов заявила: «Откуда эти кредиты? С нас же взяли, нам же дают». Тогда же колхозник Кузнецов сказал: «Вот если бы хлеба нам привезли, было бы лучше»¹⁸. И все же первый секретарь крайкома не лукавил. Новый проект по повышению урожайности предполагал определенные материальные вложения со стороны властей в развитие аграрного производства и улучшение положения сельских жителей. В отличие от предыдущих лет, когда государство изымало в ходе заготовок последнее у крестьян, а затем при проведении посевных кампаний выдавало изъятое ранее зерно в форме возвратных натуральных ссуд. Поэтому сельское население действительно могло позитивно оценивать реализацию проекта повышения урожайности Кулунды, что влекло за собой упрочнение колхозной системы на юге региона.

В 1937 г. Западно-Сибирский край был упразднен. Большинство районов Кулундинской степи отошли к новообразованному Алтайскому краю. Проблема засухи и низких урожаев в 1930-х годах так и осталась нерешенной, а проект Обь-Кулундинской ирригационной сети потерял свою актуальность в глазах нового регионального руководства. Тем не менее данный проект не был полностью предан забвению. В конце 1950-х и в 1960-х годах работы по строительству оросительных каналов вновь активизировались. В 1973–1983 гг. было развернуто возведение Кулундинского магистрального канала, начинавшегося вблизи Камня-на-Оби, как и предлагало Западно-Сибирское крайземуправление в 1932 г. Таким образом, проектные планы 1930-х годов в определенной степени были реализованы в позднесоветский период.

В 1935 г. краевое руководство не только решило изменить план сельскохозяйственного развития южных территорий региона, но и обра-

¹⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 13.

тило внимание на другие перспективные, по их мнению, районы края. В 1935 г. был разработан проект аграрной модернизации северной части Западно-Сибирского края¹⁹. Основная причина создания на севере региона новой зерновой базы заключалась в отсутствии засухи, ставшей регулярным явлением для прилегавших к Казахстану районов Кулунды.

На решения руководства Западно-Сибирского края повлияли высокие оценки перспектив развития северных районов вследствие хозяйственных успехов, достигнутых в первой половине 1930-х годов. Благодаря организации спецпоселений посевная площадь колхозно-крестьянского сектора в этих районах возросла с 480 тыс. га в 1932 г. до 739 тыс. га в 1935 г., а по Нарымскому округу — с 8 тыс. га в 1930 г. до 166,7 тыс. га в 1935 г. Посевы пшеницы удвоились за 1933–1935 гг. и достигли 200 тыс. га. Развитие получило не только зерновое производство, но и животноводство. поголовье крупного рогатого скота умножилось за 1931–1935 гг. с 270 тыс. до 362 тыс., свиней — с 98 тыс. до 149 тыс. Кроме того, сельское хозяйство было вполне обеспечено трудовыми ресурсами — численность населения к этому времени достигла 963 тыс. человек²⁰.

В докладной записке первого секретаря Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе и председателя крайисполкома Ф. П. Грядинского, направленной в конце 1935 г. И. В. Сталину и В. М. Молотову, предлагалось к 1940 г. увеличить посевные площади северных районов до 1300 тыс. гектаров²¹. Половина из них — 650 тыс. га — должна была занимать пшеница, в том числе озимая — 120 тыс. га. Показатели обеспеченности крестьянских дворов хлебом планировалось довести до среднекраевых, что подняло бы зерновое производство осваиваемых районов на иной уровень. Север края должен был стать не потребляющим зерно, а производящим. Увеличения посевов предполагалось достичь за счет раскорчевки и расчистки около 400 тыс. га. Освоение новых, а также эффективное использование старых земель требовало повышения механизации труда, а именно — увеличения сети машинно-тракторных станций.

Между тем в 1935 г. на Севере функционировало всего 13 МТС, а в некоторых районах не было ни одной. Слабая техническая вооруженность тормозила развитие агротехники. За неимением необходимых технических средств многие работы проводились вручную. Как следствие, про-

¹⁹ В северную часть Западно-Сибирского края в 1935 г. включались Асиновский, Венгеровский, Зырянковский, Ижморский, Крапивинский, Кожевниковский, Кольванский, Куйбышевский, Кыштовский, Северный, Томский, Тисульский, Тяжинский районы и Нарымский округ.

²⁰ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 75–76.

²¹ Там же. Л. 75–90.

исходила затяжка сроков посевной и уборочной кампаний. За короткое лето засеивались далеко не все свободные площади, а уборка посевов, осуществлявшаяся в предельно сжатые сроки, неминуемо сопровождалась частичной потерей урожая. С целью улучшения технической оснащенности колхозов краевое руководство предлагало увеличить поставки в северные районы новой техники как в МТС, так и в колхозы. За три года планировалось строительство сети новых МТС с охватом 500–600 тыс. га, а также тракторных ремонтных мастерских и нефтяных баз для снабжения горючим. С целью повышения эффективности управления аграрным сектором экономики северных районов в вышеупомянутой докладной записке предлагалось их разукрупнение и образование новых районов, а также улучшение связи — прокладка телефонных линий между районными центрами и сельсоветами и дальнейшее развитие речного транспорта²².

Кроме того, проект предполагал ряд мер по организационному укреплению колхозов. Р. И. Эйхе и Ф. П. Грядинский особо подчеркивали низкое качество руководящих кадров колхозов²³. По мнению первых лиц края, колхозная администрация потакала антиправительственным настроениям крестьян. Поэтому руководящие кадры колхозов должны были подвергнуться «чистке»²⁴.

Им на замену предлагалась переброска 300 председателей и бригадиров из колхозов юго-западной части края, менее подверженной антисоветской агитации. В Новосибирске организовывались курсы по переподготовке для 300–400 председателей колхозов, которые после окончания отправлялись в северные районы. Перечисленные меры усиливали контроль краевых властей над сельхозартелями северных районов.

С целью «поднятия политической работы и борьбы за трудовую дисциплину» также предлагалось в 200 наиболее крупных колхозах Севера ввести на полтора-два года институт партийных организаторов, основной задачей которых стало бы проведение массово-агитационной и хозяйственно-политической работы. Они должны были «вести систематическую борьбу за очищение колхозов от кулацких и антисоветских элементов» и сплотить наиболее лояльных государству колхозников.

Рассмотрев предложения Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома, высшее партийно-советское руководство дало свое одобрение. 16 января 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению кол-

²² ТАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 85–86.

²³ Там же. Л. 81–82.

²⁴ Там же. Л. 82–83.

хозов и подъему сельского хозяйства северных районов»²⁵, в котором учитывались предложения Р. И. Эйхе и Ф. П. Грядинского.

Весной 1936 г. МТС северных районов получили новую сельхозтехнику. Западно-Сибирское крайземуправление докладывало крайкому ВКП(б) о перебоях в ее снабжении по причине неиспользованных кредитов на отпущенные сельхозмашины. Однако уже тогда было создано 13 запланированных в 1936 г. МТС с охватом посевных площадей по яровым культурам 91,6 тыс. га²⁶. До 1940 г. в северных районах возникло еще девять новых МТС²⁷. Следует отметить, что организованные на территории северных районов станции обладали весьма скромными техническими возможностями. Большинство из них не имели ремонтной базы и производили ремонт в специализированных мастерских или других МТС, зачастую находящихся за десятки километров.

Посевные площади северных районов не удалось увеличить в необходимом для реализации постановления 16 января 1936 г. объеме — ожидаемые 1300 тыс. га так и не были засеяны. К причинам, приведшим к провалу реализации проекта, можно отнести переоценку потенциала аграрного сектора северных районов края и недостатки плановой системы советской экономики, проявившиеся уже в начале 1936 г. Несмотря на выделенные кредиты для завоза сельскохозяйственных машин, они слабо реализовывались вследствие плохой работы краевого земельного управления. Кроме того, руководство выделенной из Западно-Сибирского края Новосибирской области волновали совсем иные вопросы. Создание мощной зерновой базы в северных районах так и не было осуществлено, оставшись еще одним нереализованным проектом.

Подводя итог вышеописанным планам аграрного развития региона, необходимо заключить, что они так и не стали способом решения зерновой проблемы, обострившейся в сложных климатических условиях 1931 и 1935 гг. Засуха 1931 г. обусловила возникновение проекта строительства Обь-Кулундинской ирригационной системы, а неурожай 1935 г. привел к изменению планов руководства региона по сельскохозяйственному освоению юга края, а также к появлению проекта развития не подвергавшихся засухе северных районов.

Для реализации столь полномасштабной идеи, как Обь-Кулундинская ирригационная система, требовались дополнительные научно-

²⁵ Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2011. С. 419–422.

²⁶ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 181–182.

²⁷ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 356. Л. 54–59.

технические работы, а в дальнейшем — крупные материальные затраты при осуществлении проекта. Использование нововведений в области агротехники и улучшение технической оснащенности сельского хозяйства теоретически могли повысить урожайность как южных, так и северных районов края, но на практике их осуществление в полном объеме оказалось невозможным. Оба проекта в основном остались на бумаге и не смогли решить главной задачи — развитие сельского хозяйства в сложных климатических условиях юга и севера Западно-Сибирского края.

О. В. Филиппенко

Йенский университет им. Фридриха Шиллера (Германия)

Члены и кандидаты в члены ВКП(б) — КПСС на спецпоселении в Западной Сибири (середина 1940-х — середина 1950-х годов)

В статье анализируется положение членов и кандидатов партии, оказавшихся в результате этнических депортаций 1940-х годов на спецпоселении в Новосибирской и Томской областях. Хронологические рамки охватывают преимущественно период позднего сталинизма. Отдельно рассматриваются как бывшие руководящие работники советского аппарата, так и рядовые коммунисты. Особое внимание уделяется деятельности «антисоветской группы», организованной бывшими руководящими работниками Калмыцкой АССР. Показано противостояние силовых и партийных структур по вопросам трудоустройства данных спецпоселенцев, а также их приема в ряды партии. Сделан вывод, что хотя партийный статус давал спецпоселенцам определенные преимущества, их положение не было стабильным, режим относился к ним с недоверием и не рассматривал их как политическую опору.

Ключевые слова: спецпоселенцы, члены и кандидаты в члены ВКП(б) — КПСС, этнические депортации, инициативная группа бывших руководящих работников Калмыцкой АССР.

Этнические депортации 1940-х годов, то есть кампании по высылке поволжских немцев, калмыков, крымских татар, кавказских народов и т. д., были всеобщими. Это означает, что в рамках депортационных кампаний производилось выселение всей этнической группы вне зависимости от социально-политического положения ее членов. Следовательно, не делалось никаких исключений для представителей привилегированных слоев советского общества. В результате этого бывшие сотрудники карательных ведомств, военнослужащие, чиновники и прочие члены советской элиты были отправлены на спецпоселение наравне с рядовым населением. Депортация не обошла стороной и членов и кандидатов в члены ВКП(б) — КПСС. При этом высылка не влекла за собой автоматического исключения из партии, поскольку согласно

постановлению СНК № 35 от 8 января 1945 г. спецпоселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, за исключением права на свободное передвижение.

Несмотря на то что члены и кандидаты в члены партии, как и остальные представители «наказанных народов», были поставлены на грань выживания, в сравнении с другими спецпоселенцами они обладали явным преимуществом, которое потенциально могло облегчить их адаптацию к условиям ссылки и ускорить процесс их социальной интеграции в новую среду. Так как до высылки данные лица являлись политической опорой системы, на спецпоселении они потенциально могли рассчитывать на более лояльное отношение со стороны властей. Следовательно, если будет установлено, что члены и кандидаты в члены ВКП(б) не смогли хотя бы частично восстановить потерянные в результате депортации профессиональные и общественные позиции, то можно выдвинуть гипотезу, что остальные спецпоселенцы имели еще меньше возможностей для успешной интеграции в новую социальную среду. И напротив, факт того, что хотя бы представители этой привилегированной группы стали полноценной частью советской общественной системы, опровергнет точку зрения о том, что в результате депортационных кампаний спецпоселенцы полностью утратили объективную принадлежность к той или иной социальной общности, то есть были маргинализованы¹. Помимо интеграционной проблематики вопрос положения партийных работников актуализирует обозначенную А. С. Ивановым проблему «внутриконтингентной» иерархии спецпоселения, заключающуюся в выявлении специфики положения существовавших внутри спецпоселенческого социума групп («социально близкие» — «социально не опасные» — «социально опасные»)².

Территориальные рамки статьи ограничиваются двумя западносибирскими регионами: Новосибирской и Томской областями. Здесь были расселены различные этнические спецконтингенты, что позволяет выявить специфику политики, проводимой властями в отношении членов партии различных национальностей. Самыми многочисленными из них были высланные в 1941–1942 гг. поволжские немцы (по данным за июль 1950 г., около 75 тыс. человек в Новосибирской и 23 тыс. — в Томской областях), депортированные в 1943–1944 гг. калмыки (17 тыс. и 1 тыс.

¹ Шадт А. Ф. Этническая ссылка в советском социуме // Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. / отв. ред. С. А. Красильников, А. А. Шадт. Новосибирск, 2018. С. 4.

² Иванов А. С. Иерархия спецпоселения (1940–1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2018. № 51. С. 45–53.

соответственно), а также так называемые выселенцы с Черноморского побережья, под которыми понимались лица, отправленные на спецпоселение с территории Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР в 1948–1949 гг. (4,5 тыс. в Томской области)³. Кроме того, на территории данных регионов были расселены бывшие высокопоставленные партийные работники Калмыцкой АССР. Эти лица впоследствии организовали инициативную группу, которая путем петиций во властные инстанции пыталась бороться за свои права. Следовательно, анализ деятельности данной группы актуализирует также проблему протестного поведения спецпоселенцев.

* * *

Бывших руководящих работников Калмыцкой АССР насчитывалось в 1944 г. в Новосибирской области 66 человек⁴, в Томской — шесть⁵. Среди них были секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде Д. Б. Утнасунов, заместитель председателя СНК Д. Г. Гахаев, заведующий организационно-инструкторским отделом обкома ВКП(б) И. Ф. Азыдов, нарком торговли У. М. Мукоокуев, председатель комитета по делам искусств И. М. Мацаков, заместитель председателя госплана Ц. О. Саврушев, управляющий делами СНК С.-Г. М. Манджиев, начальник ГлавЛИТО А. Б. Наднеев.

Бывшую партийную элиту центральный аппарат Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) рассматривал как «социально не опасную» группу спецпоселенцев и стремился предоставить ей относительно благоприятные условия для трудоустройства⁶. Данное отношение просматривается в составленном начальником отдела спецпоселений (ОСП) НКВД М. В. Кузнецовым в июле 1946 г., но так и не утвержденном правительством проекте «Устава о спецпереселенцах». Согласно уставу членам партии должны были не только дать первоочередную возможность устроиться на работу, но и разрешить самостоятельно искать подходящее место в пределах района расселения⁷.

Как это стремление центра реализовывалось в регионах, по-разному оценивается в историографии. С одной стороны, проанализировав положение коммунистов в Тюменской и Омской областях, А. С. Иванов указал, что бывшие работники партийных органов назначались на управ-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 11.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 293. Л. 166–181.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 238–241.

⁶ *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. Элиста, 2007. С. 256.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 448. Л. 260–261.

ленческие должности, хотя и более низкого уровня⁸. С другой стороны, Ф. Л. Сеницын пришел к выводу, что большая часть бывших руководителей оказалась полностью не востребована. В качестве доказательства историк привел цитату из докладной записки Управления Министерства внутренних дел (УМВД) по Новосибирской области от 15 июля 1946 г., в которой сказано, что У. М. Мукоокуев зарабатывал на жизнь тем, что «ходил по дворам и колол дрова», а бывший заместитель председателя СНК Л. Г. Дорджи-Гаряев работал сторожем⁹.

Несмотря на то что депортация ухудшила условия жизни бывших партийных служащих, нельзя согласиться с выводом Ф. Л. Сеницына об их невостребованности, так как часть калмыков смогла устроиться на приличную по меркам спецпоселения работу. Во-первых, Ф. П. Петровский, автор используемой историком докладной записки, в других отчетах указывал, что некоторые бывшие руководящие работники жили в ссылке достаточно хорошо, так как их квалификация позволила им найти достойную работу. Однако те из них, кто не имел специальности, действительно были устроены хуже¹⁰.

Во-вторых, имеются данные о должностях, на которых работал 31 из 66 бывших партийных служащих, проживающих в Новосибирской области¹¹. Из них 14 человек были наняты на позиции, требовавшие определенной грамотности, при этом не связанной с прошлой профессией (счетоводы, бухгалтеры, учителя и т. д.).

Восемь калмыков были трудоустроены по специальности. Так, бывший заместитель Наркома здравоохранения, врач по образованию Ц. К. Корсункеев работал врачом при Барабинском горздраве¹². А бывший председатель рыбаколхозсоюза Д. Л.-Г. Андраев трудоустроился на позицию диспетчера Барабинского рыбаколхозсоюза. В своих воспоминаниях он описал это так: «Мы выяснили, что совсем недалеко, в городе Барабинске, есть „Рыбакколхозсоюз“ <...>. Мы сразу же в комендатуру и давай проситься туда. <...> Отказали. Дали понять, что не мы выбираем себе место, а нам определяют, где жить. <...> Написали обоснованное ходатайство секретарю Новосибирского обкома партии Попову. <...> Ответ был

⁸ Иванов А. С. Иерархия спецпоселения (1940–1950-е гг.)... С. 47.

⁹ Сеницын Ф. Л. Инициативная группа бывших руководящих работников Калмыцкой АССР и ее усилия по освобождению калмыцкого народа из спецпоселения (1944–1956) // Российская история. 2001. № 2. С. 127.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 293. Л. 166–181; Д. 294. Л. 45–60; Д. 297. Л. 73–86; Д. 479. Л. 337.

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 236, 239, 240, 243, 244, 249, 250; Ф. П-12. Оп. 1. Д. 56. Л. 24, 43; Ф. П-58. Оп. 1. Д. 256. Л. 27; Ф. П-81. Оп. 1. Д. 503. Л. 1–7; ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 293. Л. 166–181.

¹² ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 56. Л. 24.

утвердительный и скорый. И мы, Саранг Менкеев и я, без промедления выехали в Барабинск»¹³. В приведенной цитате наблюдается противостояние между различными властными структурами: итоговое решение обкома партии противоречило мнению районного отдела НКВД. Следовательно, у органов власти отсутствовала единая позиция по вопросу трудоустройства партийных работников. Это была не первая попытка Андраева трудоустроиться на квалифицированную работу. До этого он хотел получить должность на предприятии пищевой промышленности в Каргате, однако комендатура ответила ему отказом, и он был вынужден некоторое время работать пимокатом. Значит, его партийный опыт не был гарантией успешного трудоустройства — Андраев преодолел ряд бюрократических барьеров, опираясь при этом на партийные структуры, которые он продолжал рассматривать как «свою», а не «чужую» систему.

Пять человек смогли трудоустроиться на руководящую работу. Так, секретарь обкома по пропаганде Д. Б. Утнасунов стал замдиректора рыбного завода¹⁴, а заместитель председателя госплана СНК Ц. О. Саврушов — председателем промартели¹⁵.

Только четверо калмыков работали на неквалифицированных позициях. Среди них — ставшая колхозницей бывшая заведующая переучетом райкома Д. М. Данкаева¹⁶.

Таким образом, нельзя сказать, что все бывшие партийные служащие оказались не востребованы. Хотя некоторые из них были маргинализированы, другие смогли трудоустроиться только после обращения в партийные органы, третьи заняли должности рядовых служащих, четвертые смогли претендовать на руководящую работу.

Согласно Ф. Л. Синицыну, сразу же после депортации бывшие высокопоставленные служащие начали налаживать контакты между собой¹⁷. В целом они рассматривали переселение как грубую ошибку, однако по-разному объясняли ее причины. Одни говорили, что депортация была инициирована сугубо органами НКВД, другие считали, что переселение — дело рук враждебных элементов, третьи прямо утверждали о целенаправленности подобной политики. Однако в любом случае разница между предыдущим и нынешним статусами была для бывших партийных служащих слишком большой. По этой причине к весне 1944 г.

¹³ Андраев Д. Л.-Г. Горькое прозрение наступило позже // П. О. Годаев. Боль памяти. Элиста, 2000. С. 213.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 249.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 56. Л. 24.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 236, 249.

¹⁷ Синицын Ф. Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. Москва, 2018. С. 245–267.

была сформирована инициативная группа, члены которой, выражаясь языком работников НКВД, «встали на антисоветский контрреволюционный путь и имели разлагающее влияние на спецпереселенцев»¹⁸. Ее ядро составляли Азыдов, Гахаев, Манджиев, Мукоокуев, Саврушев и Утнасунов. Члены инициативной группы подавали петиции во властные инстанции и требовали амнистии, переселения калмыков в Ойротию или Бурят-Монголию и предоставления им там автономии.

Органы НКВД начали борьбу с группой с профилактических мер. Летом 1944 г. некоторых участников вызвали «на беседу» и потребовали «прекратить клеветнические измышления». В итоге с ноября 1944 г. по апрель 1945 г. были приговорены к лишению свободы наиболее радикальные участники группы: Манджиев, Мацаков, Наднеев, Нормаев и Саврушев¹⁹. Однако калмыки не прекратили свою деятельность. В этой связи по указанию Л. П. Берии они были вызваны в Новосибирский обком ВКП(б) и еще раз предупреждены «о недопустимости такого поведения»²⁰. После этого деятельность группы пошла на спад, однако в начале 1946 г. вновь возобновилась из-за выборов в Верховный Совет. Так, Андраевым, Гахаевым и Корсункиевым было отправлено письмо И. В. Сталину²¹. Работники НКВД (с марта 1946 г. — МВД) в этот раз действовали более решительно: в мае 1946 г. в Барабинск прибыл начальник ОСП УМВД по Новосибирской области Жуков, который лично беседовал с лидерами группы²². Профилактические беседы также проводились в обкоме ВКП(б). Деятельность калмыков постепенно начала угасать и окончательно прекратилась к 1949 г., что было связано как с арестом и осуждением Гахаева, переводом на Сахалин Утнасунова, переездом после исключения из ВКП(б) в Чулымский район Корсункиева²³, так и с общим изменением настроений калмыцкого населения в сторону более лояльного отношения к власти.

По мнению Ф. Л. Синицына, причиной действий членов группы была их уверенность в том, что они до сих пор являются частью советской номенклатурной системы. Это доказывается как тем, что служащие органов НКВД и НКГБ сразу после депортации стали претендовать на работу в этой системе, так и лексикой, которую использовали авторы обраще-

¹⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 254.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 13–14.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 99.

²¹ Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки: сб. док. и мат-лов. Томск, 2001. С. 309–315.

²² Андраев Д. Л.-Г. Горькое прозрение наступило позже... С. 217–218.

²³ Там же. С. 220–221.

ний во власть²⁴. Однако и сама тактика, избранная калмыками, подтверждает этот вывод. Они пытались найти защиту у репрессировавшей их системы и считали, что ситуацию можно исправить, если путем разумных доводов донести до руководства о своем бедственном положении. Следовательно, несмотря на то, что режим оценивал данное поведение бывших руководящих работников как «антисоветское» и протестное, для самих членов инициативной группы петиционная борьба была средством, которое потенциально могло улучшить их положение на спецпоселении. Это позволяет согласиться с разработанной в крестьяноведении точкой зрения, согласно которой социальный протест рассматривается как фактор стратегии выживания крестьянина и крестьянской общины²⁵.

Если мотивы участников группы в целом объяснены, то мотивы, которыми руководствовались органы в процессе борьбы с ней, до сих пор не ясны. Режим использовал различные методы для пресечения деятельности группы и не ограничивался осуждением активных участников. Вначале калмыкам было вынесено предупреждение, затем работники НКВД — МВД произвели несколько показательных арестов. После этого власти вновь вернулись к тактике предупреждения. Только к 1949 г. работники МВД окончательно пресекли ее деятельность. Но почему они не пользовались радикальными методами с самого начала? Это было обусловлено тем, что существовали различия в позиции органов ВКП(б) и МВД. По мнению партийных работников, МВД препятствовало трудоустройству бывших руководящих работников на квалифицированные должности²⁶. Наличие противоречий между этими двумя структурами косвенно подтверждает указание Андраева на то, что вместе с арестом Манджиева, Мацакова, Наднеева, Нормаева и Саврушева планировался арест Гахаева и Утнасунова, однако по каким-то причинам «эта затея не удалась»²⁷. Возможно, это было связано с протекцией партийных органов. Следовательно, репрессивные стремления НКВД — МВД отчасти сдерживались партией, которая вплоть до 1948–1949 гг. пыталась, по крайней мере внешне, продемонстрировать соблюдение прав спецпоселенцев, установленных вышеназванным постановлением от 8 января 1945 г.

²⁴ Синуцын Ф. Л. Инициативная группа... С. 137.

²⁵ Scott J. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. Yale, 1977. 254 p.; Игнатова Н. М. Социальный и духовный протест спецпереселенцев в 1930–50-е гг. на европейском севере: постановка проблемы и интерпретация источников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2006. №1. С. 5–13.

²⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 255–256.

²⁷ Андраев Д. Л.-Г. Горькое прозрение наступило позже... С. 223.

Неясным остается вопрос, привела ли деятельность группы к положительным результатам. С одной стороны, в отношении почти каждого факта, на который указывали калмыки, была проведена проверка со стороны НКВД — МВД и партии, с другой — эти проверки не приносили реальных результатов. Так, Утнасунов указал на ущемление прав калмыков в районной парторганизации. Он сообщил, что делегатом на партконференцию был избран калмык Манджиев, однако в протоколе его национальность была исправлена на мордвина. Проверка, проведенная НКВД в сентябре 1945 г., не подтвердила данный факт²⁸. Результатов не принесла и проверка, инициированная Куйбышевским райкомом в конце 1947 г. по заявлению Азыдова, пожаловавшегося на несправедливое увольнение²⁹.

* * *

Калмыков, являвшихся рядовыми членами и кандидатами в члены ВКП(б) — КПСС, на 1 апреля 1946 г. насчитывалось в Новосибирской области 136 человек, в Томской области — 53 человека³⁰. Имеющиеся данные позволили установить, как были трудоустроены 22 из проживающих в Новосибирской области коммунистов³¹. Колхозниками, разнорабочими или рыбаками работали 17 человек, один был временно нетрудоспособным. Один партиец работал счетоводом, трое — на низовых руководящих должностях. Так как практически отсутствует информация о квалификации этих спецпоселенцев, не представляется возможным сделать вывод, являлась ли партийная принадлежность преимуществом при трудоустройстве. Известно только, что трое работали не по специальности, двое и до, и после депортации занимались неквалифицированной деятельностью, один бывший рабочий совхоза получил должность заведующего цехом.

Постепенно количество членов и кандидатов в члены партии, находящихся на спецпоселении, существенно уменьшалось. С учетом рассмотренных выше руководящих служащих Калмыцкой АССР в 1946 г. на спецпоселении в Новосибирской области проживали 202 члена и кандидата в члены ВКП(б) — КПСС калмыцкой национальности. При этом в 1953 г. общее количество всех состоявших там на спецучете коммунистов

²⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 120.

²⁹ ГАНО. Ф. П-58. Оп. 1. Д. 308. Л. 1.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 238–241; Д. 293. Л. 166–181.

³¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 236, 242, 249; Ф. П-12. Оп. 1. Д. 56. Л. 43; Ф. П-30. Оп. 1. Д. 320. Л. 5; Ф. П-81. Оп. 1. Д. 503. Л. 1–7.

составляло 199 человек³². Аналогичная тенденция наблюдалась в Томской области: с 1946 по 1949 г. численность находившихся на спецпоселении калмыков, являвшихся членами или кандидатами в члены партии, сократилась с 59 до восьми человек. Всего же в 1949 г. на спецучете области состояло 79 коммунистов, среди которых, помимо восьми калмыков, были 40 немцев, 10 ассирийцев, девять азербайджанцев, шесть турок, трое русских, два черкеса и один армянин³³.

Резкое уменьшение численности состоявших на учете спецпоселения членов и кандидатов в члены ВКП(б) было вызвано двумя ключевыми обстоятельствами. Во-первых, как минимум в течение 1941–1949 гг. прием спецпоселенцев в партию практически не велся, данный институт был для спецпоселенцев малодоступным. Об этом свидетельствует информация о партийном стаже рассматриваемых лиц. Из 79 коммунистов-спецпоселенцев, проживавших в Томской области в 1949 г., только четверо были приняты в партию после высылки³⁴.

Во-вторых, ориентировочно в 1948–1949 гг. была инициирована кампания по целенаправленному исключению спецпоселенцев из партии. 12 августа 1949 г. секретарь Бакчарского райкома ВКП(б) Н. Кузнецов отправил в Томский обком запрос с просьбой разъяснить, какая должна быть занята позиция по отношению к коммунистам-спецпоселенцам, прибывшим в район из Азербайджана в количестве около 30 человек. Он сообщил, что до получения ответа работники райкома проводят следующую политику: «Берем их на временный учет, запрашиваем учетные карточки, а потом думаем исключить из партии за малейшее нарушение»³⁵. Ответ обкома на вопрос Кузнецова не был обнаружен.

Данный запрос нельзя рассматривать как единичный перегиб. Это доказывает датированная весной 1949 г. переписка между работниками Каргасокского райкома ВКП(б) и Томским обкомом по вопросу членства в партии немки Г. Спецпоселенка в июне 1941 г. стала кандидатом в члены, в феврале 1948 г. — членом ВКП(б). Прием Г. в партию вызвал вопросы у Томского обкома. В этой связи с Ф. Ф. Кучера, который в феврале 1948 г. являлся первым секретарем Каргасокского райкома ВКП(б), но к весне 1949 г. был освобожден от этой должности, были затребованы объяснения. Кучер так изложил общую суть политики райкома, применяемой в отношении коммунистов: «Если других немцев-коммунистов

³² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Л. 440. Л. 1–3.

³³ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1144. Л. 297–298.

³⁴ Там же. Л. 300–307, 309, 311, 312, 315–317, 319, 321, 323, 327, 328, 330, 333–335.

³⁵ Там же. Л. 184.

райком ВКП(б) и первичные парторганизации, где они состояли на учете, <...> исключили <...> из рядов ВКП(б), то в отношении [Г.] ничего порочащего <...>, кроме положительного[,] не нашли»³⁶. Когда кандидатский стаж Г. достиг семи лет, то Кучер обратился за консультацией к заведующему оргинструкторским отделом обкома ВКП(б) Озирскому, который сказал, что если она соответствует всем требованиям, то ее можно принять в партию. Однако уже после приема Озирский сообщил, что вступление немки в партию было преждевременным. По итогам объяснений Кучера обкомом ВКП(б) было дано указание о пересмотре решения по вопросу приема Г. В списках членов и кандидатов партии, составленных в декабре 1949 г., немка не числится³⁷.

Характерно, что начиная с 1948–1949 гг. произошло ужесточение политики режима в отношении всех спецпоселенцев, а не только тех, кто являлся членами и кандидатами в члены партии. Так, параллельно проводились массовые увольнения состоявших на спецучете специалистов и квалифицированных рабочих в рамках всесоюзных кампаний по чистке предприятий и учреждений от «антисоветских и неблагонадежных элементов», «борьбы с космополитизмом» и «дела врачей»³⁸. Кроме того, своего пика достигла и противопобеговая политика — Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ от 28 ноября 1948 г., установивший наказание за побеги из мест расселения в виде двадцатилетней каторги.

После смерти И. В. Сталина политика в отношении спецпоселенцев-партийцев смягчилась. Об этом косвенно свидетельствует активизация работы по принятию депортантов в комсомол. Так, в апреле 1955 г. в Асиновском районе Томской области насчитывалось 108 состоявших на спецучете комсомольцев, из них 64 были приняты в 1954 г., пять — в 1955 г.³⁹

Таким образом, отношение режима к членам и кандидатам в члены партии в течение исследуемого периода менялось. Вплоть до 1948–1949 гг. в нем наблюдалась двойственность: местные партийные органы поддерживали бывших руководящих работников, что позволило части из них претендовать даже на руководящие должности, тогда как сотрудники НКВД — МВД не разделяли эту позицию и, напротив, отказывали

³⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1144. Л. 85.

³⁷ Там же. Л. 84–89.

³⁸ Филиппенко О. В. Специалисты на спецпоселении в Западной Сибири (1945–1955 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых / редкол.: Т. И. Морозова (отв. ред.), И. С. Чернова (отв. секр.) [и др.]. Новосибирск, 2019. С. 213–222.

³⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2267. Л. 19–22.

им в трудоустройстве. Кроме того, прием спецпоселенцев в ВКП(б) практически не производился. Начиная с 1948–1949 гг. режим окончательно отказался от поддержки членов и кандидатов в члены партии. Это проявилось не только в переходе к решительной борьбе с «антисоветской» группой бывших руководящих работников Калмыцкой АССР, но и в массовом исключении спецпоселенцев из ВКП(б) — КПСС вне зависимости от того, к какой национальности они принадлежали. При этом местные власти стремились внешне соблюдать процедуру законности. В этой связи они исключали депортантов только после того, как находили для этого формальный повод. Партийный лифт социальной мобильности был для спецпоселенцев малодоступным вплоть до смерти Сталина.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Д. А. Сосницкий

Санкт-Петербургский государственный университет

Образы русской истории в популярных художественных произведениях второй половины XVIII в.

Исследование посвящено изучению основных особенностей конструирования образа национального прошлого в литературе второй половины XVIII в. на основе контент-анализа востребованных художественных произведений этого периода. В рамках работы выявляются наиболее популярные объекты памяти (герои, события, явления), определяется место исторических сюжетов в произведениях отечественной изящной словесности второй половины XVIII в., а также устанавливается влияние государственного и социального заказа на историческую составляющую в художественных текстах исследуемого периода. Сделаны выводы о влиянии художественной литературы второй половины XVIII в. на конструирование образов русской истории в коллективном историческом сознании россиян XIX–XXI вв.

Ключевые слова: историческая память, художественные произведения, *memory studies*, образы прошлого.

Финансовая поддержка: статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект «Конструирование коллективной памяти о прошлом в России второй половины XVIII в.», проект № МК-1428.2020.6.

Исследования исторической памяти — одно из динамично развивающихся направлений отечественной исторической науки. Однако, несмотря на обилие исследований этой тематики, процессы конструирования исторического сознания в XVIII в. остаются малоизученными. Внимание историков приковано преимущественно к изучению восприятия обществом героев и событий относительно недавнего прошлого — Октябрьской революции, В. И. Ленина, И. В. Сталина и в особенности Великой Отечественной войны. В свою очередь XVIII в. в целом и его вторая половина в частности редко привлекают внимание исследователей исторической памяти. Комплексным исследова-

нием, посвященным изучению взаимоотношений русской литературы и государственной идеологии, является масштабное исследование А. Л. Зорина¹. Некоторые аспекты формирования мемориальной культуры в России XVIII столетия освещаются в монографии А. В. Святославского, однако в этом тексте автор не ставил задачу определения роли художественной литературы в формировании коллективной исторической памяти². Немногочисленные публикации посвящены изучению образов исторических личностей в сочинениях писателей второй половины XVIII в. (например, Петра I в произведениях М. В. Ломоносова³) или анализу исторической составляющей художественных произведений (например, в поэме М. М. Хераскова «Владимир»⁴). Целью данной статьи является выявление основных особенностей конструирования образа национального прошлого в художественной литературе второй половины XVIII в. на основе контент-анализа наиболее популярных произведений.

Для определения круга самых востребованных во второй половине XVIII в. художественных сочинений были проанализированы данные специальных исследований по истории книги, содержание учебных планов и программ по русской словесности, а также учтено количество изданий по «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800». В публикациях, посвященных истории книжной торговли в Российской империи во второй половине XVIII в., анализируются преимущественно особенности организации самого процесса торговли и не содержится данных о продажах конкретных произведений⁵. Исследования по истории русской книжности также не позволяют нам составить «рейтинги» самых популярных авторов и произведений русской литературы XVIII в., однако дают представление о доле беллетри-

¹ Зорин А. Л. *Кормя двуглавого орла...: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX вв.* М., 2001. 414 с.

² Святославский А. В. *История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов.* М., 2013. 588 с.

³ Антипин Л. Н., Макаренко В. М. М. В. Ломоносов о роли Петра I в модернизации страны // *Экономика и управление в XXI веке: наука и практика.* 2017. № 4. С. 42–52.

⁴ Семенова А. В. *Историческая основа поэмы М. М. Хераскова «Владимир»* // *Litera.* 2017. № 3. С. 23–37.

⁵ О книжной торговле в различных регионах Российской империи во второй половине XVIII в. см., напр.: Зайцева А. А. *Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века.* СПб., 2005. 256 с.; Петренко А. А. *Книжная торговля на Украине в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.* Курск, 2009. С. 223–226; Габдельганеева Г. Г. *Казанская книжная торговля в последней четверти XVIII — первой четверти XIX века* // *Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной сферы.* Казань, 2014. С. 249–254.

стики в массе всей книжной продукции. Так, В. В. Сиповский отмечает, что произведения изящной словесности составляли 40,11 % от общего числа изданий, выпущенных в России с 1725 по 1800 г.⁶ Это позволяет нам предположить, что подобные тексты, в силу своей распространенности, оказывали значительное влияние на большое количество представителей читательской аудитории, в том числе формируя систему их взглядов на историческое прошлое нашей страны.

С целью определения круга наиболее значимых художественных произведений второй половины XVIII в. было проанализировано содержание ряда учебников и школьных программ по истории русской словесности XIX — начала XXI в. (*табл. 1*). Анализ этих источников позволяет нам сделать выводы о том, какие тексты вошли в пантеон классических произведений, обязательных для изучения в школе.

При составлении списка художественных произведений для последующего выявления нарративов о русской истории был также рассмотрен «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800». В результате анализа публикационной активности авторов, список которых был определен преимущественно в результате анализа учебных пособий и учебных программ, был очерчен круг произведений, каждое из которых переиздавалось не менее двух раз (*табл. 2*). Исключениями в общем ряду являются лишь сочинения А. Н. Радищева и В. К. Тредьяковского. «Путешествие из Петербурга в Москву» в XVIII в. было издано лишь раз и к тому же относительно небольшим тиражом, однако оно было включено в итоговый перечень произведений для анализа в силу большого количества переизданий в XIX–XXI вв. Произведения В. К. Тредьяковского в XVIII в. также не переиздавались, однако общее количество сочинений велико (более 10), и потому этот автор был включен в итоговый список произведений для контент-анализа. Кроме того, в таблице 2 также приведены данные о количестве переизданий отобранных произведений в период с 1800 г. по наши дни.

Таким образом, в результате сопоставления данных трех типов источников — учебных пособий и школьных программ по русской словесности, «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» и каталога Российской национальной библиотеки, был составлен список произведений 10 авторов второй половины XVIII в. для контент-анализа на предмет выявления нарративов об истории России (*табл. 3*).

Всего было проанализировано 12 текстов. В пяти из них не упоминались значимые исторические события и личности. Три из 12 произведе-

⁶ Сиповский В. В. Из истории русской литературы XVIII века. Опыт статистических наблюдений. I–II (с приложением трех графических таблиц). СПб., 1901. С. 15.

Таблица 1

Список произведений авторов художественной литературы второй половины XVIII в., упоминаемых в школьных программах и учебных пособиях (вторая половина XIX — начало XXI в.) *

№	Автор	Произведения
1	Державин Г. Р.	«Властителям и судиям», «Памятник», «Фелица»
2	Капнист В. В.	«Ябеда»
3	Ломоносов М. В.	Оды («На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны», «Утреннее и вечернее размышление о Божьем величестве», «Вечернее размышление о Божьем величестве по случаю великого северного сияния», «Демон-фонт», «Тамира и Селим», Похвальное слово Петру Великому, Похвальное слово Елизавете Петровне)
4	Радищев А. Н.	«Путешествие из Петербурга в Москву»
5	Сумароков А. П.	«Дмитрий Самозванец», «Хорев», «Синав и Трувор», «Мстислав», «Семира», «Лихоимец»
6	Тредьяковский В. К.	«Способ к сложению Российских стихов», «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой», «Ода на сдачу города Гданска», «Песнь, сочиненная в Гамбурге к торжественному празднованию коронавания Анны Иоанновны», «Тилемахида»
7	Фонвизин Д. И.	«Бригадир», «Недоросль»
8	Хемницер И. И.	«Метафизик», «Два соседа», «Паук и муха»

* Составлена по: Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения. СПб., 1890. 208 с.; Русская литература: учеб. пособие для 8-го класса средней школы / под ред. Н. И. Громова. М., 1972. 272 с.; Русская литература / Н. И. Громов, В. И. Корovin, Н. К. Семенова, Н. А. Спицина. М., 1977. 271 с.; Русская литература: учеб. для 8-го класса средней школы / под ред. Н. И. Громова. М., 1984. 271 с.; Сборник нормативных документов. Литература в образовательных учреждениях с русским языком обучения: федеральный компонент государственного стандарта, федеральный базисный учебный план, примерные программы по литературе. М., 2007. 185 с.

ний (25%) посвящены конкретным историческим персонажам — Синеусу и Трувору, Владимиру Святому и Петру I. Однако стоит уточнить, что «Похвальное слово Петру Великому» М. В. Ломоносова находится на стыке жанров и может быть отнесено как к публицистическим, так и к художественным произведениям. В результате анализа содержания

Таблица 2

Список наиболее востребованных произведений авторов художественной литературы второй половины XVIII в.*

Автор	Произведение	Количество изданий в XVIII в. (с указанием года и тиража, если он известен)**	Количество изданий по каталогу РНБ (с 1800 до 2020 г.)
Державин Г. Р.	«Изображение Фелицы»	3	2
	«Памятник герою 28 июня 1791 г.»	3	0
	«Песнь лирическая Россу по взятии Измаила»	2	0
	«Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища»	2	1
Капнист В. В.	«Ябеда»	2	12
Ломоносов М. В.	«Краткое руководство к красноречию»	4	4
Новиков Н. И.	«Новые забавные сказки, выбранные из книги называемой фанты»	2	0
	«Новый гадательный способ»	3	0
Радищев А. Н.	«Путешествие из Петербурга в Москву»	1	Более 80
Сумароков А. П.	«Аристана»	2	0
	«Вышеслав»	2	0
	«Дмитрий Самозванец»	3	4
	«Лихоимец»	2	0
	«Любовная гадательная книжка»	2	0
	«Мстислав»	2	0
	«Нарцисс»	2	0
	«Новые лавры»	2	0
	«Опекун»	3	4
	«Прибежище добродетели»	2	0
	«Приданое обманом»	2	2
	«Семира»	2	2
	«Синав и Трувор»	3	5
	«Хорев»	2	4
	«Цефакл и Прокрис»	2	0
«Элегии любовные»	2	0	
«Ядовитый»	2	0	
«Ярополк и Димиза»	2	0	

Автор	Произведение	Количество изданий в XVIII в. (с указанием года и тиража, если он известен)**	Количество изданий по каталогу РНБ (с 1800 до 2020 г.)
Тредьяковский В. К.	В XVIII в. было 14 различных изданий, ни одно из произведений не было издано дважды		
Фонвизин Д. И.	«Жизнь графа Никиты Ивановича Панина»	3	2
	«Недоросль»	5	Более 125
	«Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке»	5	10
Хемницер И. И.	Басни и сказки	3	24
Херасков М. И.	«Венецианская монахиня»	2	1
	«Владимир»	2	7
	«Добрые солдаты»	2	0
	«Нума, или Процветающий Рим»	2	3
	«Полидор, сын Кадма и Гармонии»	3	2
	«Почерпнутые мысли из Экклесиаста»	3	0
	«Россияда»	2	5
	«Утешение грешных»	2	3

* Составлена по: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. I: А – И. М., 1962. 436 с.; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. II: К – П. М., 1964. 517 с.; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. III: Р – Я. М., 1966. 517 с.; Каталог РНБ [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. URL: <https://primo.nlr.ru> (дата обращения: 07.06.2020).

** В графе «Количество изданий в XVIII в.» приводится список изданий с указанием года по справочникам: Сводный каталог русской книги... Т. I: А – И; Сводный каталог русской книги... Т. II: К – П; Сводный каталог русской книги... Т. III: Р – Я. Этот список не является исчерпывающим, однако в нем приводится большинство известных изданий.

выбранных текстов была составлена таблица, демонстрирующая наиболее востребованные в них основные и локальные объекты исторической памяти (табл. 4).

Данные этой таблицы позволяют проследить, события каких периодов чаще всего привлекали внимание популярных писателей второй половины XVIII в. По нашим наблюдениям, абсолютно вне конкуренции оказывается XVIII в., что представляется логичным — авторы больше всего обращают внимание на выдающихся деятелей и знаковые собы-

Список произведений, отобранных для анализа*

№ п/п	Автор	Произведение
1	Державин Г. Р.	«Фелица»
2	Капнист В. В.	«Ябеда»
3	Ломоносов М. В.	«Похвальное слово Петру Великому»
4	Новиков Н. И.	«Новый гадательный способ»
5	Радищев А. Н.	«Путешествие из Петербурга в Москву»
6	Сумароков А. П.	«Синав и Трувор»
7	Тредьяковский В. К.	«Песнь, сочиненная в Гамбурге к торжественному празднованию коронавания Анны Иоанновны»
8	Фонвизин Д. И.	«Недоросль»
9	Хемницер И. И.	Басни и сказки («Метафизик», «Два соседа», «Паук и мухи»)
10	Херасков М. И.	«Владимир»

* Составлена по: Учебные планы и примерные программы предметов...; Сводный каталог русской книги... Т. I: А — И; Сводный каталог русской книги... Т. II: К — П; Сводный каталог русской книги... Т. III: Р — Я; Русская литература: учеб. пособие для восьмого класса средней школы / под ред. Н. И. Громова. М., 1972; Русская литература / Н. И. Громов, В. И. Коровин, Н. К. Семенова, Н. А. Спицина. М., 1977; Русская литература: учеб. для восьмого класса средней школы / под ред. Н. И. Громова. М., 1984; Сборник нормативных документов...; Каталог РНБ [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. URL: <https://primo.nl.ru> (дата обращения: 07.06.2020).

тия недавнего прошлого (эта тенденция сохранится и в будущем). Данное обстоятельство также косвенно указывает на то, что влияние государственного заказа в этот период является определяющим и писатели зачастую отвечали своими произведениями на запросы власти, а не общества. Значительная доля упоминаний XVII в. связана с обращением к образам людей, составлявших окружение Петра I. Интерес к ранней истории России в художественных произведениях (призвание варягов, княжение Владимира Святого) объясняется, очевидно, постепенным поворотом просвещенных элит к национальной истории, который в итоге приведет к появлению «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и общему увлечению историческим прошлым своей страны в последующий период.

Таблица 4

**Основные и локальные объекты исторической памяти
в проанализированных текстах***

Основной объект	Количество упоминаний (в процентном отношении от общего числа)	Локальный объект памяти (личности, события, явления)	Количество упоминаний (в процентном отношении от общего числа)
Россия, IX в.	5,76	Петр I, Указ о вольности дворянства 1762 г., Наказ Уложенной комиссии, крепостное право	По 3,84
Россия, X в.	13,44		
Россия, XI в.	0		
Россия, XII в.	0	Гостомysl, Трувор, Синеус, победы над греками (X в.), Святослав, Язычество, Ярополк Святославович, Рагдай Удалой, Владимир Святой, Крещение Руси, татаро-монгольское иго, Александр Невский, Ярослав Ярославич Тверской, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Иван III, Иван Грозный, Алексей Михайлович, Крымские походы Голицына 1686 и 1688 гг., Царевна Софья, Евдокия Лопухина, Великое посольство, Царевич Алексей, Северная война, Зерцало (Петр I), Битва у Лесной, Полтавская битва, Мазепа, Персидский поход Петра I, Табель о рангах, Анна Иоанновна, коронация Анны Иоанновны, бироновщина, Елизавета Петровна, Ломоносов М. В., Сумароков А. П., Тредьяковский В. К., Русско-шведская война 1741–1743 гг., Петр III, Екатерина II, благотворительная деятельность Екатерины II, восстание Емельяна Пугачева, губернская реформа 1775 г., Павел I	По 1,92
Россия, XIII в.	5,76		
Россия, XIV в.	3,84		
Россия, XV в.	1,92		
Россия, XVI в.	1,92		
Россия, XVII в.	9,6		
Россия, XVIII в.	53,76		
Не определено	3,84		

* Составлена по результатам контент-анализа следующих художественных текстов: *Державин Г. Р.* Фелица; *Капнист В. В.* Ябеда; *Ломоносов М. В.* Похвальное слово Петру Великому; *Новиков Н. И.* Новый гадательный способ; *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву; *Сумароков А. П.* Синав и Трувор; *Тредьяковский В. К.* Песнь, сочиненная в Гамбурге к торжественному празднованию коронации Анны Иоанновны; *Фонвизин Д. И.* Недоросль; *Хемницер И. И.* Басни и сказки («Метафизик», «Два соседа», «Паук и мухи»); *Херасков М. И.* Владимир.

Результаты анализа содержания выбранных нами произведений также позволяют проследить интересную особенность. Несмотря на то что было выявлено 52 локальных объекта исторической памяти (личности/события/явления), всего четыре из них упоминались не менее чем в двух текстах. Все остальные встречались только в одном из проанализированных сочинений. Дважды в текстах встречались упоминания Петра I, Указа о вольности дворянства 1762 г., Наказа Уложенной комиссии и крепостного права. Все эти объекты (за исключением крепостного права, которое не всегда можно с уверенностью связать с каким-то конкретным периодом) принадлежат к истории России XVIII в. Не имея возможности в рамках данного краткого обзора подробно остановиться на трактовке этих личностей и событий в указанных текстах, отметим лишь основные особенности. Так, по нашим наблюдениям, в отличие от художественных текстов более позднего периода⁷, в сочинениях второй половины XVIII в. (за исключением «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева) не встречается критических замечаний о российских правителях. Однако критику их ближайших сподвижников встретить все-таки можно. Так, М. В. Ломоносов в «Похвальном слове Петру Великому» так высказывается о Софье, царевиче Алексее и Евдокии Лопухиной: «В доме от самых ближних, от своей крови злодейства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его приуготовлялись». В целом для писателей этого периода характерно очень осторожное отношение к упоминанию героев отечественной истории. Например, А. П. Сумароков в своей трагедии «Синав и Трувор» строит повествование вокруг полулегендарных Синава (Синеуса) и Трувора, а Рюрика — основателя царской династии, вовсе не упоминает.

Обращение к национальной истории в популярных художественных произведениях второй половины XVIII в. не было редкостью, однако свое внимание авторы сосредотачивали большей частью на недавних для них событиях. Отличительной особенностью литературы этого периода является также то, что еще не был сформирован пантеон событий и героев, к которым литераторы обращались бы ощутимо чаще, чем к другим объектам памяти. Также необходимо отметить, что формировать представления о прошлом художественные произведения в этот период могли лишь у очень ограниченной категории населения. Нельзя, однако, отрицать, что просвещенные элиты транслировали образы прошлого, почерпнутые из художественных текстов, и тем самым опосредо-

⁷ Подробнее об этом см.: *Сосницкий Д. А.* Историческая память о Допетровской Руси в России второй половины XIX — начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 344 с.

ванно формировали историческое сознание самых широких слоев населения России. Целый комплекс сочинений, созданных во второй половине XVIII в., вошел в набор классических произведений, изучаемых в рамках курса русской литературы на протяжении уже более двухсот лет. Это обстоятельство определяет серьезное влияние, которое оказали и продолжают оказывать на многие поколения россиян образы русской истории, представленные на страницах художественных произведений второй половины XVIII в.

М. А. Козлова

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Понятия «конституция» и «революция» в отражении русской периодической печати первой четверти XIX в.

На основе сравнительного анализа публикаций, вышедших в первой четверти XIX в. на страницах журналов «Вестник Европы» и «Сын Отечества», в статье выявлены различные варианты употребления понятий «конституция» и «революция». Показано, что положительные интерпретации термина «конституция» связывались с выражением ведущих демократических принципов, разделением властей и успешным экономическим развитием, а отрицательные – с деспотическим правлением. Понятие «революция» употреблялось преимущественно в негативном контексте, что было обусловлено ассоциацией с насилием, социальной и политической нестабильностью, падением нравственного уровня. Положительная оценка революционных событий давалась, как правило, лишь в тех случаях, когда речь шла о преодолении зависимости американских колоний от метрополии.

Ключевые слова: история понятий, общественная мысль, революция, конституция, XIX в., периодическая печать.

В первой четверти XIX в. в Российской империи произошла заметная трансформация в политической, социальной и экономической сферах, что способствовало, в свою очередь, интеллектуальному развитию общества. Русская общественно-политическая мысль того времени в значительной мере обращала внимание на политическую обстановку в западноевропейских государствах. Наиболее распространенными темами, затрагиваемыми в периодической печати, стали масштабные революционные изменения и развитие конституционных идей, активно использовались такие понятия, как «революция» и «конституция». Данные термины ассоциировались с существенными изменениями политического режима и коренными преобразованиями в обществе.

К настоящему времени существует большое количество публикаций, посвященных развитию и формированию революционных и конститу-

ционных идей в Российской империи XIX в.¹ Однако самим понятиям «революция» и «конституция», несмотря на активное развитие революционных и конституционных идей в рассматриваемый период, исследователи долгое время не уделяли внимания.

Ближе всего к этой теме подошли исследователи, использующие инструментарий истории понятий. Данный подход позволяет более адекватно рассматривать социально-политические явления путем анализа семантики тех или иных слов и понятий. Это направление стало активно развиваться с конца 1990-х годов. Особо стоит выделить труды Н. Е. Копосова, аргументировавшего предположение об изменении механизма формирования понятий на рубеже XVIII–XIX вв. По мнению автора, они не столько основывались на опыте, сколько ориентировались на «горизонт ожиданий» общества².

В 2000-х годах исследователи приступили к проработке теории на российском материале. Так, историк С. В. Польской рассмотрел понятие «монархия» и проследил его эволюцию в XVI–XVIII вв.³ Д. В. Тимофеев, изучив понятия «революция» и «просвещение» в российском общественно-политическом дискурсе XVIII — первой четверти XIX в., показал, в частности, как росла настороженность к «просвещению» в публичном пространстве⁴. Интересная попытка создания «социологии понятий» предпринята в публикациях А. Х. Бикбова, обратившегося к изучению понятий советского и постсоветского времени⁵. Однако данные исследования не дают целостного представления о дискуссиях вокруг понятий «революция» и «конституция» и не раскрывают в полной мере то, как обсуждались революционные и конституционные идеи в периодической печати.

¹ См., напр.: *Ильин А.* Революция и реформа: соотношение понятий в первые годы Великих реформ // *Философия: журнал Высшей школы экономики*. М., 2008. Т. II. С. 13–32; *Тимофеев Д. В.* Концепт «революция» в материалах российской периодической печати и оценках современников первой четверти XIX века: опыт сравнительно-контекстуального анализа // *Вестник Челябинского государственного университета*, 2011. № 12. С. 131–140; *Чернов К. С.* «Правительственный конституционализм» первой четверти XIX века (на примере «Государственной Уставной грамоты Российской империи») // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*, 2012. № 1. С. 172–180.

² *Копосов Н. Е.* Основные исторические понятия и термины базового уровня... С. 31–39.

³ *Польской С. В.* Концепт «монархия» и монархическая риторика в России XVIII века // *Вестник РГГУ*, 2012. Т. 91. С. 11–19.

⁴ *Тимофеев Д. В.* Понятия «просвещение» и «революция» в лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 35. С. 38–58.

⁵ *Бикбов А. Х.* Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014. С. 25.

Данная статья нацелена на то, чтобы выяснить основной смысл, вкладываемый в понятия «революция» и «конституция» русской общественностью первой четверти XIX в., и тем самым уточнить терминологию для историка, изучающего обозначенный период. В ходе работы предполагается рассмотреть негативные и позитивные контексты их употребления.

В качестве источниковой базы для проведения исследования были выбраны наиболее влиятельные историко-политические издания того времени — журналы «Вестник Европы» и «Сын Отечества». Журнал «Вестник Европы» представлял собой русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1802 г. Н. М. Карамзиным. Тираж этого издания в разные годы составлял от 580 до 1200 экземпляров⁶. Основное внимание в журнале уделялось истории и политике. «Сын Отечества» выходил в Санкт-Петербурге с 1812 по 1852 г. (с перерывами) и оказал еще более значимое влияние на развитие общественной мысли и литературной жизни в России. Вплоть до 1825 г. он был одним из самых популярных русских журналов, а его тираж достигал 1200–1800 экземпляров⁷. Первоначально данное издание в большей степени ориентировалось на историческую и политическую тематику, однако в нем помещались также и художественные произведения, главным образом на актуальные политические и военные темы. В целом в названных журналах встречаются различные виды публикаций: выдержки из конституций, обзоры политической ситуации в конкретном государстве, художественные очерки, иногда на политическую тему, юмористические заметки и рассказы, новостные и исторические статьи. В данном исследовании нами рассмотрены публикации, вышедшие в журналах «Вестник Европы» и «Сын Отечества» в 1800–1825 гг.

Понятие «революция» как радикальное, коренное изменение в политической сфере общества оформилось в русском лексиконе в конце XVIII в. и чаще всего воспринималось в негативном свете. Опыт революции, затронувший Францию в конце XVIII в., привел к тому, что понятие стало ассоциироваться с насилием, падением нравственности, политической и социальной нестабильностью того или иного государства.

В изучаемых журналах понятие «революция» зачастую трактовалось как ужас, постигающий государство: «Французская революция со всеми

⁶ Русская журналистика в начале XIX в. // *Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917)*. М., 2000. С. 9.

⁷ *Орнатская Т. И.* «Сын отечества» // *Краткая литературная энциклопедия*. М., 1972. Т. 7. С. 296.

ее ужасами и следствиями»⁸. Отмечалось, что она несет за собой негативные последствия, в ходе которых неизбежны жертвы, кровопролитие, падение нравственных ценностей. Одними из наиболее важных причин революции в статьях называлась слабая власть монарха, экономический упадок, а также длительные кризисные явления, затрагивающие все сферы общественной жизни: «Между ближайшими причинами Французской революции можно положить царствование Людовика XIV. Непомерная роскошь сего Государя и его беспрестанные войны истощили всю Францию и обременили ее величайшими долгами. Сие еще более увеличилось в царствование Людовика XV»⁹.

Нередко в русских периодических изданиях проводилась мысль, что путь революции — это путь через кровь и жертвы: «[Революция] погрузила в кровь древний блистательный престол Бурбонов, наводнила кровью всю Францию, потрясла в основании Европу, истребила миллионы народов»¹⁰; «Тогда открылось в Париже ужасное кровопролитие. Королевский дворец и весь Париж наводнились кровью»¹¹. Авторы процитированных статей считали, что революция потрясает основы государства, разрушает ее прежние властные структуры.

Согласно публикациям, вышедшим в журналах «Вестник Европы» и «Сын Отечества», революция, как правило, сопровождается не только кровопролитием, но также грабежами и разбоями. Авторы утверждали, что «гнусная чернь торжествовала», срывая замки, обыскивая дома, конфискуя имущество и убивая вследствие сопротивления. Кроме того, понятие «революция» нередко связывалось с предательством, доносами и арестами¹². Утверждалось, что революционеры, воспалившие войну во Франции, не смогли остановить кровопролития, а население продолжало терпеть бедствия нового революционного времени.

Таким образом, довольно часто отмечается негативный характер революции, ее отрицательное влияние не только на политическую стабильность государства, но также на жизнь простого народа. Считалось, что революционные идеи разлагают общественное сознание, моральные установки и этические нормы. Наиболее ярким примером такого

⁸ Влияние России и Франции // Сын Отечества. 1813. № 24. С. 184.

⁹ Обзорение политических происшествий Европы от смерти Фридриха Великого (1786) и начала Французской революции (1789) до 1812 года // Сын Отечества. 1821. № 16. С. 58.

¹⁰ Обзорение политических происшествий Европы от смерти Фридриха... С. 53–70.

¹¹ Там же. С. 66.

¹² История Французской Республики, избранная из Латинских Писателей // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 28–29.

рода представлений являлось описание Французской революции и представления о ней в русском обществе того времени.

Взгляд на революцию в Соединенных Штатах Америки (США) заметно отличается. В данном случае революция представлялась как освобождение от внешней зависимости. Политические события в британских колониях были вызваны их противоречиями с метрополией, ограничивавшей развитие подконтрольных территорий. В русской публицистике нередко подчеркивается исключительность революции в США. Она не привела к падению нравов и внутреннему кризису. Напротив, революция произвела всеобщее согласие, предоставила права на «истинную волю и счастье»¹³, объединив население и создав новую форму государства, а именно президентскую республику с конституцией и избираемым президентом.

Таким образом, позитивное отношение к понятию «революция» освещалось, как правило, в связи с событиями Гражданской войны в Северной Америке. Здесь революция рассматривалась как необходимость в освобождении, обретении независимости и дальнейшем развитии государства. В природе американской революции усматривалось принципиальное различие от революции во Франции. Идеологически она выстраивалась как борьба за независимость, за собственную государственность, за автономность. Эта революция произвела всеобщее согласие и принесла мир на территорию Штатов, а также свободу государственности. В данном случае понятие «революция» связывалось не с анархией и общественным разложением, а с централизацией и демократизацией власти, ее упрочением и утверждением новых конституциональных законов.

В периодической печати нередко указывалось множество отрицательных черт, характерных для конституционных проектов. В связи с этим нередко понятие «конституция» воспринималось в негативном ключе как предвестник революции, результат установления захвата государственной власти или как ущемление прав привилегированных сословий. Также конституции могут быть временными законами, отвечающими интересам правительства лишь в определенный период времени, а затем уничтоженными или кардинально измененными самим же законодателем: «В Лиссабоне произошли важные перемены, имевшие следствием введенной в сем Государстве Конституции»¹⁴, «...принять новую, неприличную конституцию, которой един-

¹³ Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. № 45. С. 253.

¹⁴ Новости политические: Португалия // Сын Отечества. 1823. № 25. С. 230–232.

ственная цель в течение шести лет — истощение земли[,] и ужаснейшим образом»¹⁵.

Конституция может не соблюдать права граждан, а только ущемлять их инициативу, может прибегать к злоупотреблению исполнительных властей или же отдавать в руки законодателя высшую судебную власть. В печати также бытовало мнение, что желанность многими европейскими народами учреждения конституционных норм в государстве может привести к власти тирана и узурпатора, дающего лишь форму конституции, но не ее содержание: «Вы видели, что вся конституция Рейнского союза состоит в железной воле деспота»¹⁶, «...тиран думал прельстить испанцев свободной конституцией, испанцы начертали другую, еще свободнее»¹⁷. Все эти аспекты, относящиеся к понятию «конституция», выставляют ее в довольно негативном свете. Особенно важна связь данного понятия с Французской революцией, ведь именно конституциям Французской Республики уделено в печати особенно много внимания.

Отличительной особенностью конституции 1802 г. является дальнейшее усиление роли консула и расширение его полномочий. Так, согласно статье 21, консул имел право выгнать из правящего органа неугодного ему гражданина, заявив собранию, что данный гражданин «дозволяет себе поступки, несообразные с честью французов». В соответствии с конституцией Бонапарт возобновлял действие избирательных собраний, но при этом лишал их свободы действий. Он сам назначал президентов собраний, наделенных широкими полномочиями, которые могли также и влиять на результаты выборов¹⁸. Данные примеры ставят под сомнение выборность членов того или иного органа государственной власти, да и в целом политическую свободу граждан. Автор процитированной статьи сделал акцент на законодательном расширении полномочий Бонапарта в качестве первого консула Французской Республики.

Анализ конституции 1802 г., представленный в журнале «Вестник Европы», позволяет утверждать, что внимание читателей русской периодики обращалось прежде всего на максимальное усиление власти Наполеона при сохранении установленной формы правления

¹⁵ Положение Европы (продолжение) // Сын Отечества. 1813. №7. С. 25.

¹⁶ Воззвание к государям Германским из русского стана // Сын Отечества. 1813. №7. С. 195–205.

¹⁷ Взгляд на нынешнее состояние европейских государств (продолжение) // Сын Отечества. 1814. №38. С. 122–124.

¹⁸ Несколько слов о новой Французской Конституции // Вестник Европы. 1802. №21. С. 54.

и формальном разделении властей, а также на расширение полномочий и прав консула. Таким образом, при характеристике конституционного закона автор делал упор на то, что при сохранении республиканских институтов конституция фактически превращала Наполеона в монарха. Возможность посредством конституции менять основные принципы государственного устройства, несомненно, считалась в русской периодической печати одной из важнейших отрицательных черт конституции.

Все это в целом позволяет утверждать, что понятие «конституция», связанное с Французской Республикой, имело довольно негативный окрас. Конституция может изменять существующие правовые нормы в угоду законодателя, может ограничивать права граждан или значительно расширять права представителя верховной власти, а также стать признаком самовластия, санкционируя диктатуру.

Анализируя статьи из периодической печати первой четверти XIX в., можно сделать вывод, что положительные черты, связанные с понятием «конституция», были отражены преимущественно в текстах, посвященных разбору законодательных актов Итальянской Республики, Великобритании и США. Здесь мы видим и демократические принципы, и разделение властей, и успешное экономическое развитие государств.

Конституция Итальянской Республики представлена как наиболее справедливый и совершенный законодательный акт в сравнении с французскими законами. В периодической печати делался акцент на довольно широкие, но ограниченные полномочия президента и закрепленные в документе гражданские права: все высшие должности имели четко регламентированные законом функции, установленный срок службы и фиксированную оплату труда. Отмечалось также, что «верховная власть находится в общественности граждан»¹⁹.

Для конституции США были характерны более демократические принципы в сравнении с конституцией, например, Рейнского союза. В данном случае конституция являлась результатом добровольного союза²⁰. Для нее характерны принципы разделения власти и избираемости верховного представителя государства (президента), а также довольно существенное ограничение его деятельности и срока нахождения на посту президента. В данном случае понятие «конституция» рассматривалось как позитивное явление, дающее мир и процветание народу и стране.

¹⁹ Конституция Итальянской Республики // Вестник Европы. 1802. № 5. С. 73–74.

²⁰ Взгляд на нынешнее состояние европейских государств... С. 244–249.

Рассмотренные варианты интерпретации понятий «революция» и «конституция» неоднозначно характеризуют представления о данных явлениях, сложившиеся в публичной сфере русского общества первой четверти XIX в. Как правило, упоминание о революции было неотделимо от событий во Франции, которые оценивались преимущественно негативно. В связи с этим довольно редко можно встретить оправдание или же защиту революционных действий, за исключением, пожалуй, сюжетов, посвященных революции в США. Понятие «конституция» также имело свои положительные и отрицательные смыслы, однако чаще всего оно отождествлялось с деспотическим правлением и тиранией.

И. А. ГОЛЕВ

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет*

Вклад Г. Н. Потанина в формирование фондов Ботанического музея Императорского Томского университета

С опорой на аутентичные исторические источники раскрывается слабо изученная страница научной деятельности Г. Н. Потанина: составление гербария. Выявлены истоки его интереса к ботанике, окрепшего во время обучения в Петербургском университете. Показано участие Потанина в экспедиции под руководством К. В. Струве, проводившейся в 1863–1864 гг. с целью определения астрономических пунктов на российско-китайской границе. Прослеживается история ботанической коллекции, собранной Потаниным в экспедиции Струве и подаренной Томской мужской гимназии, а позднее переданной в Императорский Томский университет. Приводится краткая характеристика потанинских сборов растительности Тарбагатая и Призайсанья, ныне хранящихся в Гербарии ТГУ. Подчеркнута непреходящая культурная ценность коллекции Потанина как для науки в целом, так и для музейного дела.

Ключевые слова: Г. Н. Потанин, Гербарий ТГУ, музейное дело.

Имя Григория Николаевича Потанина стоит в ряду выдающихся отечественных ученых XIX — начала XX в., его роль в развитии истории, этнографии, фольклористики, археографии, музееведения получила высокую оценку исследователей¹. Однако до сих пор за пределами вни-

¹ Гордлевский В. А. Г. Н. Потанин как народословесник // Этнографическое обозрение. М., 1915. № 3–4. С. 68–76; Обручев В. А. Г. Н. Потанин. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1947. 281 с.; Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 231 с.; Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г. Н. Потанин: биографический очерк. Новосибирск, 2004. 244 с.; Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Вклад Г. Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76; Дмитриенко Н. М. Григорий Николаевич Потанин как историк Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 72–80; Дмитриенко Н. М., Голев И. А. О буддийской коллекции Григория

мания исследователей остаются ботанические занятия Г. Н. Потанина, о которых лишь коротко сообщалось в статьях П. Н. Крылова и И. И. Гуревой². Обращение к опыту составления гербария позволяет уточнить представления о научной деятельности Г. Н. Потанина и пополнить знания о музейном деле Сибири.

Нужно подчеркнуть, что интерес Г. Н. Потанина к естественным наукам и конкретно к ботанике зародился в раннем детстве, когда в шестилетнем возрасте он оказался в доме полковника Эллизена, где прожил около трех лет. Увлечение хозяина дома цветоводством оказало сильнейшее влияние на мальчика. Позднее Г. Н. Потанин вспоминал: «Это цветоводство не осталось бесследным для моего детства. Может быть, ему я отчасти обязан своими симпатиями к естественным наукам. Огромное количество форм растительного царства залегало тогда в моей памяти. Особенно мне казалось занимательным сравнивать формы плодов и семян растений. Может быть, тогда уже во мне зарождался ботаник»³.

Интерес к природе Григорий Потанин сохранил и укрепил во время обучения в Омском кадетском корпусе, где сблизился с внуком киргизского (казахского) хана Чоканом Валихановым, в будущем — виднейшим казахским ученым-просветителем. Они вместе читали книги о путешествиях и мечтали об экспедициях, в которых Ч. Валиханов собирал бы сведения для филологии, а Г. Потанин — коллекции для Ботанического сада и Зоологического музея Академии наук⁴.

Укрепившись в своем желании получить образование и заниматься наукой, Г. Н. Потанин смог освободиться от обязательной службы в Сибирском казачьем войске и осенью 1859 г. поступил вольнослушателем естественно-исторического отделения Императорского Санкт-Петербургского университета. Известно, что во время учебы Г. Н. Потанин слушал лекции доктора ботаники, профессора А. Н. Бекетова, общался с географом, путешественником, впоследствии вице-председателем

Николаевича Потанина // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 218–229.

² Крылов П. Ботанический материал, собранный Г. Н. Потаниным в восточной части Семипалатинской области в 1863 и 1864 годах, и свод предыдущих исследований // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1892. Кн. 4, отдел 2. С. 1–106; Гуреева И. И. Фонды Гербария ТГУ: формирование и развитие // Музеи университетов Евразийской ассоциации и их роль в сохранении культурного наследия: мат-лы II Междунар. науч.-метод. конф. Томск, 2016. С. 123–132.

³ Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 33.

⁴ Там же. С. 92–93.

Императорского Русского географического общества П. П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Увлечение Потанина ботаникой приобрело профессиональный характер. По совету П. П. Семенова он купил книгу Ледебура *Flora rossica*, отыскивал в ней названия собранных им растений и учился атрибуции образцов флоры. Первую поездку для сбора гербария Г. Н. Потанин совершил в Калужскую губернию в 1861 г. Он сообщал о ней в письме Н. С. Щукину: «Еще одна такая практика, и я мог бы совершить ботаническое путешествие не без результатов для науки». А после добавил: «Какой у меня гербарий теперь — целый диван под крышкой завален им»⁵. И это не было преувеличением или похвалой, материалы первой потанинской экспедиции были введены в науку. Дело в том, что, возвращаясь из Калужской губернии, Г. Н. Потанин посетил московского ботаника Н. И. Анненкова и передал ему «две большие пачки растений». Они были очень тяжелые, на извозчика денег не было, и по дороге до квартиры Анненкова Потанину приходилось «останавливаться, класть гербарии на тротуар и отдыхать»⁶. По всей вероятности, между гербаристами состоялась беседа о народных названиях калужских растений. Во всяком случае, позднее Н. И. Анненков выпустил «Ботанический словарь», в котором ссылаясь на статью Г. Н. Потанина «Названия растений Калужской губернии (деревни Воровой, принадлежащей к Гамаюнской вотчине, 5 верст выше Калуги, на правом берегу Оки)»⁷. К сожалению, на сегодняшний день более полные сведения об этой публикации Г. Н. Потанина нами не обнаружены.

Известно, что университетские занятия Григория Потанина были прерваны осенью 1861 г., когда, обвиненный в участии в студенческих волнениях, он в числе других студентов был арестован и заключен на два месяца в Петропавловскую крепость. После освобождения из заключения Григорий Потанин уже не смог вернуться в университет. Позднее он вспоминал: «Тяжелые условия жизни в Петербурге и отсутствие надежды, что они изменятся к лучшему, привели меня к решению покинуть столицу и возвратиться на родину»⁸. Обратившись к П. П. Семенову-Тянь-Шанскому за рекомендательным письмом к генерал-губернатору Западной Сибири, Г. Н. Потанин получил от него приглашение принять участие в экспедиции под руководством К. В. Струве. Участники экспедиции занимались определением широты и долготы различных пунктов

⁵ Письма Г. Н. Потанина: в 5 т. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 57.

⁶ Потанин Г. Н. Воспоминания... С. 139–140.

⁷ Ботанический словарь. СПб., 1878. С. 12.

⁸ Потанин Г. Н. Воспоминания... С. 162.

на российско-китайской границе, проводили географические, метеорологические, магнитные и астрономические наблюдения между Алтаем и Джунгарским Алатау. Как член-сотрудник Императорского Русского географического общества, Г. Н. Потанин был назначен помощником К. В. Струве и, по свидетельству одного из тогдашних изданий, был воодушевлен «самой благородной ревностью к изучению этой области»⁹.

Экспедиция под руководством К. В. Струве работала два летних сезона 1863–1864 гг. Помимо основных должностных обязанностей, Г. Н. Потанин активно занимался сборами растений на территории Тарбагатай и Призайсанья. Результаты гербарных сборов не могут не поражать: в 1863 г. он сформировал коллекцию, включавшую растительные образцы 217 латинских наименований, в 1864 г. было собрано 201 растение, в их числе такие редкие, как *Melilotussiiaveolens Ledb.*, *Syrenia siliculosa*, *Alyssum lenense Adams* и другие¹⁰.

К сожалению, описания работ Г. Н. Потанина по сбору гербария не сохранились. Однако можно предположить, что наработанный им опыт сбора растений использовался и в дальнейшем, поэтому для исследования вполне пригодны описания гербаризации более поздних времен. Так, путешествуя по Монголии и Китаю в 1880-х — 1890-х годах, Потанин сообщал в научных отчетах, что собранные им растения укладывались в специальную пористую бумагу и хранились в ней до полного высыхания. Затем высушенные растения перекладывались в папки, и в бумагу укладывался новый сбор. Работа эта требовала немалых физических усилий и производилась после продуктивного рабочего дня, когда, уже расстилая постель, преодолевая усталость, путешественники «укладывали в коробки насекомых, тасовали бумагу в гербарии». Нередко запасы бумаги для гербария оказывались недостаточными, особенно «во время переходов через высокие и лесистые горы, часто орошаемые дождями»¹¹. Позднее, работая в последней научной экспедиции по Монголии и Хингану, Г. Н. Потанин писал: «Вчерашним дождем под-

⁹ Журнал общего собрания Императорского Русского географического общества 8 мая 1863 года // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1863. Кн. 2. С. 7.

¹⁰ Путешествие на озеро Зайсан и в речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и горы Сарытау летом 1863 года Карла Струве и Григория Потанина // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб., 1867. Т. 1. С. 363–428; Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб., 1867. Т. 1. С. 463–516.

¹¹ Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884–1886. СПб., 1893. Т. 1. С. 269; Потанин Г. Н. Очерк путешествия в Сы-Чуань и на восточную окраину Тибета в 1892–1893 г. СПб., 1899. С. 39.

мочило часть моей бумаги для гербария, и она за одну ночь не успела достаточно высохнуть»¹².

Думается, что подобные трудности Г. Н. Потанин переживал и в своей первой экспедиции, но они не помешали ему выполнить все необходимые требования к составлению гербария. К каждому гербарному листу он составлял протокол, в котором обязательно указывал порядковый номер растения, день, месяц и год, когда оно было собрано. Всегда называлось место сбора растения и природные условия его произрастания. Например, в одном из гербарных листов, подготовленных Г. Н. Потаниным в экспедиции К. В. Струве, значится следующее: «№ 185; 18 мая 1863; На горе Букумбай, на каменистой почве, вне лощин, заросших кустарниками»¹³. Таких протоколов сохранилось немного, но наличие порядкового номера на сохранившихся гербарных образцах позволяет уверенно говорить о том, что их составление было обязательным.

Обширный гербарий, составленный Г. Н. Потаниным в экспедиции К. В. Струве, был доставлен в Петербург. Позднее, в декабре 1874 г., в письме К. В. Лаврскому Г. Н. Потанин писал, что, работая в гербарии Ботанического сада, находил собственные образцы, собранные в Южном Алтае¹⁴.

Осенью 1864 г., по завершении экспедиционных работ, Г. Н. Потанин приехал в Томск, где получил должность секретаря Томского губернского статистического комитета. Помимо основных обязанностей, он вел уроки естественной истории в Томской губернской мужской гимназии. Г. Н. Потанин с увлечением занимался популяризацией естественнонаучных знаний среди гимназистов. Он передал в гимназию дублетную коллекцию своих тарбагатайских сборов. В письме Ф. Н. Усову, датированном маем 1865 г., Г. Н. Потанин сообщал: «Я два месяца читал лекции в обеих гимназиях по естественным наукам. Заводим аквариумы, составляем коллекцию черепов, набиваем чучела... Даже гимназистки собирают собачьи черепа». Кроме того, Г. Н. Потанин упоминал в письме, что «и в семинарии, и в гимназии началась гербаризация»¹⁵.

С мая 1865 г., после ареста Г. Н. Потанина и его единомышленников, обвиненных в намерении отделить Сибирь от России, о коллекции растений в гимназии долгое время нигде не сообщалось. Известно лишь,

¹² Потанин Г. Н. Поездка в Среднюю часть Большого Хингана летом 1899 года. СПб., 1901. С. 54.

¹³ *Potentilla bifurca* [Лапчатка низкая] // Гербарий НИ ТГУ имени П. Н. Крылова. Гербарий Западной Сибири. Коробка № 135.

¹⁴ Письма Г. Н. Потанина: в 5 т. Иркутск, 1988. Т. 2. С. 151.

¹⁵ Письма Г. Н. Потанина... Т. 1. С. 77.

что в середине 1880-х годов она была передана в строящийся Императорский Томский университет. В первой по времени издания книге, посвященной открытию Томского университета, есть четкое указание на то, что коллекция поступила в университет «после 1885 года» при поддержке директора (по другим сведениям — инспектора) Томской губернской мужской гимназии¹⁶.

Известно, что в открывшемся в 1888 г. Томском университете в числе первых восьми кафедр была организована кафедра ботаники и при ней был образован Ботанический музей, первоначально именовавшийся музеем ботанической географии, а ныне известный как Гербарий ТГУ. Организатором и научным руководителем музея стал профессор кафедры ботаники С. И. Коржинский, первым хранителем коллекции — ученый садовник П. Н. Крылов. По всей видимости, именно с этого времени П. Н. Крыловым были начаты систематизация и изучение гербария Г. Н. Потанина, вылившиеся в составление каталога потанинской коллекции, включающего описание 422 образцов¹⁷. В настоящее время все хранящиеся в Гербарии ТГУ растения распределены по отделам, которые соответствуют крупным территориям, на которых произрастали и были собраны растения. В числе прочих это гербарий Западной Сибири, гербарий Средней Азии и другие. В этих отделах и были размещены ботанические образцы, собранные в 1860-х годах Г. Н. Потаниным. Все гербарные листы хранятся в специальных коробках, снабженных надписями, на которых указаны отдел гербария, растительные семейства и названия растений. Однако фамилий составителей гербария на коробках нет, что затрудняет работу со сборами, тем более что пронумерованные коробки вмещают несколько десятков пронумерованных гербарных листов.

При содействии старшего лаборанта Гербария ТГУ Н. В. Курбатской, которой автор выражает искреннюю благодарность, было выявлено 32 гербарных листа из сборов Г. Н. Потанина 1863–1864 гг. Все образцы помечены специальной гербарной этикеткой, на которой указаны латинское название растений, место сбора, фамилия и инициалы собирателя. В случае с потанинской коллекцией на 23 этикетках написано: «Между оз. Нор-Зайсаном и Большим Алтаем», а на 13 — «Тарбагатай и его окрестности». Такая нестыковка с общим количеством обнаруженных гербарных листов объясняется тем, что на трех листах наклеено по две этикетки. Подлинным памятником, помимо собранных растений,

¹⁶ Историческая записка о возникновении в Сибири университета // Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 года. Томск, 1888. С. 54.

¹⁷ Крылов П. Ботанический материал... С. 1–106.

являются, несомненно, этикетки, написанные рукой Г. Н. Потанина. Таких этикеток сохранилось 22, оформленных на 20 гербарных листах: на них указывается порядковый номер растения, место его сбора, а иногда и природно-географические особенности произрастания. На двух гербарных листах, на которых размещено несколько этикеток, приведено латинское название растения и сделана надпись: *Determ. P. Krylov*.

Качественный сбор гербария, хорошие условия хранения и тщательная обработка собранных растений обеспечили сохранность потанинской коллекции растительности Тарбагатая. Спустя полтора столетия после создания сохранившаяся часть гербария, собранного Г. Н. Потаниным, доступна для изучения и научного использования. Эти гербарные сборы представляют громадную культурную ценность, свидетельствуют о широте научных интересов Г. Н. Потанина и подтверждают его вклад в формирование музейных фондов Томского государственного университета.

К. А. КОНЕВ

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет*

Политическая символика как фактор формирования образа иностранных союзников антибольшевистского движения на востоке России (1918–1920 гг.)

Статья посвящена рассмотрению роли политической символики антибольшевистских сил востока России в процессе формирования представлений об иностранных союзниках – странах Антанты и США. Анализируется и обратная сторона данного процесса – влияние образа союзников на содержание символической политики антибольшевистских правительств. Сделан вывод о том, что объединение в рамках единого контекста символики антибольшевистских сил и союзников было призвано обеспечить создание позитивного образа интервентов как коллективного помощника сменявшихся в Омске правительств. Кроме того, стремление антибольшевистских политиков создать новую государственную систему символов и сделать ее выражением национальной идеи потребовало ссылок на культурный и политический эталон, в роли которого также выступали иностранцы.

Ключевые слова: политическая символика, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство, Российское правительство, интервенция, Антанта и США.

Финансовая поддержка: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–00094).

В марте 1917 г. в Томске, как и в большинстве российских населенных пунктов, прошел «Праздник революции». Издававшаяся в городе либерально-областническая газета «Сибирская жизнь» так описывала парад местного гарнизона: «Впереди каждой воинской части развевались красные знамена с надписями „Да здравствует демократическая республика“, „Учредительное собрание“, „Свобода, равенство и братство“ и многих других лозунгов, за которые так долго

боролись и которые так неожиданно быстро и легко стали близкими к осуществлению»¹.

Все это, как указывает Б. И. Колоницкий, знаменовало собой фактический разрыв с прежней государственной символикой. Вместо нее на протяжении 1917 г. утверждалась новая система символов, строившаяся на базе субкультуры революционного подполья. Как считает Б. И. Колоницкий, происходило не только отрицание «старорежимных» знаков, но и борьба между различными политическими силами «за понимание символа, за право его интерпретации, „перевода“, приписывания ему того или иного значения»². В результате революционная политическая символика, ставшая фактически государственной в ходе событий 1917 г., впоследствии была использована большевиками. Их неоднородные по составу противники в зависимости от своих программных установок и целей стремились оспорить контроль над революционными символами, вдохнуть жизнь в старые или же создать новые. Не был исключением и восток России.

Говоря о степени изученности политической культуры участников Гражданской войны на востоке страны, необходимо указать на постепенный рост интереса исследователей к анализу ритуалов, коммеморативных практик и символики большевиков и их противников. В первую очередь необходимо отметить публикации В. В. Журавлева и Д. Г. Симонова, посвященные особенностям репрезентации адмирала А. В. Колчака³, титулованиям в организационных структурах антибольшевистских правительств⁴, а также их символике⁵. Отдельные аспекты данной обширной темы, в частности праздники, мемориальные и коммеморативные практики большевиков и белых в годы Гражданской

¹ Праздник революции 10 марта // Сибирская жизнь. Томск. 1917. 12 марта.

² Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 304, 308.

³ Журавлев В. В. Поездка А. В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35. Он же. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагологией А. В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.

⁴ Журавлев В. В. «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А. В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 353–388; Журавлев В. В., Симонов Д. Г. К вопросу о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 132–142.

⁵ Журавлев В. В. Государственная символика «белой» Сибири [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. Электрон. дан. [Б. м.], 1998–2016. URL: <http://zaimka.ru/zhuravlev-state-symbols> (дата обращения: 08.06.2020).

войны, исследовали Е. И. Красильникова⁶, А. В. Сушко⁷, Д. Н. Шевелев и К. А. Конев⁸. Рассмотрению роли политических символов Февраля в период Гражданской войны посвящена и статья Б. И. Колоницкого⁹.

Несмотря на исследовательский интерес, нельзя с уверенностью утверждать, что символическая политика антибольшевистских правительств востока России исследована в полной мере. Набор политических символов (в данном случае — флаги, гербы, гимны, знаковые отличия военнослужащих и т. п.), а также практики их применения могут быть рассмотрены как знаковая система. Один из основателей семиотики Ч. У. Моррис полагал, что можно изучать отношения знаков к их объектам, к интерпретаторам и друг к другу, выделяя соответственно такие разделы семиотики, как семантика, прагматика и синтактика¹⁰. В рамках этих направлений открываются возможности исследования политической символики большевиков и их противников и, как следствие, углубления представлений о политической культуре участников Гражданской войны в России.

По замечанию Ч. У. Морриса, каждый знак потенциально связан с другими, поскольку «только с помощью других знаков может быть сформулировано то, к учитыванию чего знак готовит интерпретатора»¹¹. В силу этого анализ смыслов, стоящих за политической символикой, уместно осуществлять в ходе выявления и изучения связей между различными политическими символами. Исходя из этого, цель данной работы заключается, во-первых, в выявлении роли политической символики, применявшейся антибольшевистскими правительствами востока России в процессе конструирования образа иностранных союзников (Антанта и США), и, во-вторых, в оценке степени влияния данного образа на содержание

⁶ Красильникова Е. И. Коммеративное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 71–75.

⁷ Сушко А. В. К вопросу о праздновании Дня георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 295–299.

⁸ Конев К. А., Шевелев Д. Н. Чехословацкий корпус в символических и коммеморативных практиках антибольшевистских правительств востока России летом 1918 — осенью 1919 г. // Русин. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 230–251.

⁹ Колоницкий Б. И. Политические символы Февральской революции и символическая политика Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): сб. мат-лов Всероссийской научной конференции с международным участием / редкол.: В. И. Шишкин (отв. ред.), Т. И. Морозова (отв. секр.) [и др.]. Новосибирск, 2019. С. 332–343.

¹⁰ Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: сб. переводов / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 42.

¹¹ Там же. С. 42.

и направление символической политики, осуществлявшейся данными правительствами и поддерживавшими их силами.

Основными источниками для данного исследования послужили материалы периодической печати, издававшейся на востоке России в годы Гражданской войны, документы личного происхождения и фото- и кинодокументы, созданные представителями союзных держав, участвовавших в интервенции. Данные материалы позволяют выявить сведения об использовании государственной символики — флагов и гербов, гимнов, наград, знаков отличия военнослужащих в символических практиках, а также оценочные суждения современников, отражающие особенности восприятия ими тех или иных символов.

Ранее автором данной статьи уже были рассмотрены особенности конструирования образа союзников посредством торжеств и церемоний, являвшихся важными компонентами сценариев власти антибольшевистских правительств, с помощью которых происходило продвижение базового для их идеологических построений нарратива «о возрождении России». Именно в рамках данного нарратива выстраивался позитивный образ союзников, складывавшийся из двух ролей: коллективного Помощника антибольшевистского движения и значимого Другого — образца для подражания и культурного эталона¹².

В силу этого следует выделить два контекста актуализации политической символики при конструировании образа союзников. Первый контекст предполагал выстраивание позитивного образа иностранных интервентов как Помощников антибольшевистских сил в ходе различных мероприятий и торжеств, что сопровождалось демонстрацией соответствующей государственной символики. Прибытие союзных войск на Дальний Восток в августе 1918 г. привело к появлению их знамен и эмблем на улицах городов Приморья, о чем свидетельствуют визуальные источники. Флаги Великобритании, Франции, Японии, США и Чехословакии развевались в руках маршировавших солдат¹³, вывешивались на зданиях, занятых союзными штабами и представительствами¹⁴, украшали автомобили иностранцев¹⁵.

¹² Помощник и Другой — как образы-герои упомянутого нарратива представлены с заглавной буквы.

¹³ American forces arriving in Vladivostok, Siberia. Aug. 1918 [165-WW-558C-4] // National Archives catalog. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: <https://catalog.archives.gov/id/45560035> (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁴ Troops of many nations arrive in Vladivostok, Russia. Sept. 1918 [165-WW-558C-3] // National Archives catalog. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: <https://catalog.archives.gov/id/45560033> (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁵ Allied forces in Vladivostok to crush bolshevism. Sept. 1918 [165-WW-558C-6] // National

Вместе с тем в сибирской городской среде иностранные символы стали встречаться еще в середине 1918 г. в связи с выступлением Чехословацкого корпуса. Как следует из сообщений прессы о различных мероприятиях, происходивших уже после «освобождения» Сибири чехами и антибольшевистским подпольем, улицы, вокзалы и площади сибирских городов украшались флагами, ветками зелени и иллюминацией. «Освободители-чехи», одетые в военную форму с бело-красными кокардами и нашивками, будучи желанными гостями на торжествах и заседаниях¹⁶, способствовали сочетанию сибирской и чехословацкой символики в едином контексте «освобождения Сибири».

Ярким примером сочетания национальной, сибирской и союзнической символики может служить торжество по случаю открытия Сибирской областной думы. Томск в этот день был украшен бело-зелеными флагами — символом сибирской автономии. Зал заседаний думы в здании университетской библиотеки также был «декорирован бело-зелеными и национальными флагами союзников, сибирских народностей, гербами воссоединенной Сибири»¹⁷. Над председательским местом была помещена надпись зеленым по белому: «Через автономную Сибирь — к возрождению свободной России!»¹⁸ Представление о том, как был украшен зал библиотеки, дает рисунок, опубликованный в томской газете «Понедельник»¹⁹. Фраза «город украшен флагами» впоследствии сопровождала не одну публикацию, посвященную торжествам, в том числе с участием иностранных гостей²⁰.

В рамках подготовки встречи союзных эшелонов в Омске осенью 1918 г. организаторы заранее озаботились поиском и изготовлением флагов держав Антанты. Кроме того, по мере возможности, власти стремились украсить город к прибытию «дорогих гостей». Так, в протоколах заседаний комиссии по встрече французских войск упоминаются флаги, материя и зелень для украшения вокзала, некоторых городских улиц и специальных декоративных конструкций — арок и колонн. Планировалось также оформить бумажными флажками и зеленью эшелон с войсками и усилить по случаю торжеств освещение городских

Archives catalog. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: <https://catalog.archives.gov/id/45560039> (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁶ См. напр.: Митинг Потанинского кружка // Народная газета. Томск. 1918. 27 (14) июня.

¹⁷ Областная Дума // Сибирский вестник. Омск. 1918. 17 августа.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зал заседаний Областной Думы // Понедельник. Томск. 1919. 26 авг.

²⁰ См. напр.: Телеграммы. Владивосток // Правительственный вестник. Омск. 1918. 21 нояб.; Томск // Правительственный вестник. Омск. 1919. 6 июня; Внутренние известия. Чита // Правительственный вестник. Омск. 1919. 26 окт.

улиц²¹. Русскими, сербскими, чешскими и французскими бумажными флажками украшались столы для обеда во время встречи французов²².

Еще одной формой демонстрации политической символики являлось исполнение гимнов России и союзных стран. Так, в декабре 1918 г. в Омске состоялся концерт для частей гарнизона, в котором приняли участие британцы из Миддлсекского полка, исполнившие перед началом своего выступления гимн Омского правительства «Коль славен»²³. Не менее важным символическим актом являлись взаимные награждения военнослужащих боевыми наградами²⁴. В данном случае в прямом смысле происходил обмен соответствующими знаками, выражавшими позитивные, с точки зрения идеологов антибольшевистского движения, ценности и личные качества — храбрость, патриотизм, верность и др.

Очевидно, что демонстрация символики стран Антанты и США в ходе встреч союзных войск в сибирских городах должна была играть определенную роль. Вывешивание символики союзных держав не просто являлось украшением городской среды и проявлением уважения к гостям, но и четко обозначало для населения присутствие дружественных иностранных войск, стремящихся оказать России помощь. Интеграция политической символики великих держав и антибольшевистских сил в рамках одного контекста призвана была явиться зримым воплощением культурного, политического и боевого единства, выражением того, что Россия не покинула Антанту, а союзники — Россию.

Демонстрация союзной символики не всегда воспринималась как проявление дружбы и стремления помочь. Причиной этого было поведение войск интервентов. Сообщение иркутской газеты «Свободный край» о вывешивании японскими войсками своих национальных флагов над зданиями вокзала и почты в Верхнеудинске сопровождалось риторическим вопросом «что же это значит?»²⁵. А прибывший во Владивосток в ноябре 1918 г. полковник Н. А. Андрушкевич впоследствии писал: «Торчащие повсюду японские жандармы, японские флаги, рас-

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 3952. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 20.

²² Там же. Л. 22 об.

²³ Дневник. Концерт для солдат // Правительственный вестник. Омск. 1918. 17 дек.

²⁴ Подробнее см.: Журавлев В. В., Симонов Д. Г. О наградной системе антибольшевистских режимов востока России (середина 1918 — начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2014. С. 180–214; Конев К. А. Презентация образа иностранных союзников в военных церемониях антибольшевистских правительств востока России (август 1918 г. — декабрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2019. № 62. С. 32–44.

²⁵ «Военный приз» // Свободный край. Иркутск. 1918. 6 окт.

сованные повсюду, к стати и некстати, обилие японских войск без видимой и ясной цели и т. д. не настраивали русских на благожелательное отношение к японцам»²⁶.

Для участников антибольшевистского движения, разочаровавшихся в иностранцах, союзные символы впоследствии стали атрибутами трагического конца Российского правительства. «Среди флагов пяти великих держав, под сенью которых несчастный русский адмирал А. В. Колчак шествовал на свою последнюю Голгофу, развевался и флаг страны Восходящего Солнца», — писал Г. И. Клерже. Считая Японию единственной страной, способной оказать реальную помощь антибольшевистским силам в конце 1919 г., полковник отмечал, что на присутствии японского флага на поезде А. В. Колчака «надо смотреть лишь как на церемониальное участие его в обычной траурно-погребальной процессии...»²⁷.

Обратимся теперь ко второму контексту актуализации политической символики и образа союзников. Рассматривая попытки антибольшевистских сил увязать в едином смысловом поле собственную и союзническую символику, необходимо задаться вопросами, а что именно представляла собой символика белых? И как мог влиять на ее репрезентацию и восприятие образ союзников? Противники большевиков не были едины в политическом, социальном и национальном отношении, что обуславливало достаточно пестрый набор старых и новых символов и их сочетаний.

Начало борьбы против большевиков проходило на востоке под бело-зеленым флагом сибирской автономии и чешскими национальными эмблемами. «Двухцветное бело-красное знамя соединилось с юным бело-зеленым и пробудило к жизни старое, славное трехцветное», — так метафорически газета «Голос Сибиряка» представляла совместную борьбу русских и чехов за воссоздание России²⁸. «Бело-зеленый флаг символизировал подъем патриотического чувства и стремление к законной власти. Он померк перед яркими цветами русского национального флага, но стал историческим, как стало историческим Сибирское правительство <...> Она (Директория. — К. К.) внесла еще большее единство в движение государственности, она выдвинула трехцветный национальный флаг», — характеризовал процесс создания единой власти Г. К. Гинс во время празднования годовщины «освобождения Сибири» от больше-

²⁶ Андрушкевич Н. А. Последняя Россия. Воспоминания о дальнем Востоке // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 2005. №76. С. 262.

²⁷ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война... С. 268.

²⁸ Екатеринбург 25 мая // Голос Сибиряка. Екатеринбург. 1919. 25 мая.

виков²⁹. Возрождение российской государственности, по мнению омского руководства, явственно выражалось в возвращении бело-сине-красного национального флага, которое как бы символизировало преодоление революционной анархии. Можно наблюдать при этом стремление власти вложить в отвергнутый ранее дореволюционный символ новые смыслы. Трехцветный флаг характеризовался как «национальный», «старый и славный», что представляло собой обращение к чувству национальной гордости и призвано было затрагивать пласты коллективной памяти, отсылая к временам побед России, расцвета ее силы и мощи.

Летом — осенью 1918 г. российский трехцветный флаг не воспринимался столь однозначно ни политическими партиями, ни обывателями. В июле 1918 г. во владивостокской газете «Голос Приморья» появилась статья, автор которой спорил с ранее опубликованным на страницах газеты «Далекая окраина» утверждением о том, что трехцветное знамя «есть знамя подневольной царской сословной России». По мнению журналиста, бело-сине-красный флаг оставался «символом великой России, как объединенного государственного целого, независимо от переходящих политических форм»³⁰.

В сентябре 1918 г. демонстративное вывешивание трехцветного флага у здания партии кадетов в Новониколаевске вызвало в городе «толки и пересуды о возвращении монархического режима». В результате по распоряжению местных властей флаг был снят с целью «успокоения»³¹. Как утверждал В. Г. Болдырев, характеризуя подробности встречи союзников в Челябинске в октябре 1918 г., использование «старого царского знамени» являлось в то время «вопросом чрезвычайно деликатным»³². Неоднозначную реакцию могло вызвать сочетание областной и национальной символики. Г. И. Клерже, описывая прибытие украшенного национальными и бело-зелеными флагами поезда генерала А. Н. Пепеляева в Пермь, отмечал: «Двойственная внешность флагов и эмблем на вагонах штаба генерала Пепеляева вызывала такое же неожиданно двойственное впечатление и настроение души, истомленной терзаниями за судьбу России»³³.

Претендуя на законный статус в роли всероссийского правительства, сначала Директория, а затем и правительство А. В. Колчака, а также

²⁹ Беседа с министром Г. К. Гинсом // Правительственный вестник. Омск. 1919. 1 июля.

³⁰ Еще о флаге // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 1 (14) июля.

³¹ Разные сообщения. Новониколаевск // Сибирский вестник. Омск. 1918. 18 сент.

³² Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 64.

³³ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Новосибирск, 2012. С. 205.

поддерживавшие их политические силы в лице партии кадетов стремились выстроить новую государственную символику на основе прежних символов — трехцветный флаг, герб без монархических атрибутов, религиозный гимн «Коль славен», наполняя их государственным, национальным содержанием и сочетая с областнической символикой. Например, бело-зеленый сибирский флаг и российский триколор продолжали применять вместе, а орден Освобождения Сибири проектировался с учетом «сибирских» цветов³⁴. Но была также использована еще одна стратегия для утверждения и продвижения данных символов — ссылка на культурный образец, в роли которого выступали иностранные союзники.

Интересен в связи с этим эпизод, получивший широкую огласку в прессе и связанный с речью полковника Дж. Уорда, произнесенной им во время встречи британского отряда в Иркутске. Затронув тему национальных символов, полковник, заметивший на городской станции красное знамя вместо триколора, отметил, что даже если бы в Британии было 20 революций, то он «все-таки не мог бы представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага или бояться называть себя англичанами»³⁵. Высказывание, вызвавшее шумную овацию присутствовавшей публики, впоследствии неоднократно упоминалось в «государственно мыслящей» печати. Кадетская газета «Свободный край» утверждала, что «устаами солдата-демократа нам преподан был урок истинного патриотизма и высокой гражданственности, недоступных пониманию даже представителей избранных, интеллигентных слоев русского населения». Позиционируя англичан как образец для подражания, автор статьи призывал общественность к патриотизму и самопожертвованию, а также критиковал «защитников интернационала»³⁶.

Незадолго до падения Российского правительства А. В. Колчака в «Нашей газете» вновь был поднят вопрос о флагах. «Французский народ чтит свое трехцветное знамя, пережившее и республику и империю, как святыню», — подчеркивал автор публикации, сравнивая европейскую державу с Россией, «...где не умеют чтить эмблему отечества — наше трехцветное знамя, которое гордо развевалось по всему земному

³⁴ Журавлев В. В. Государственная символика «белой» Сибири [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. Электрон. дан. [Б. м.], 1998–2016. URL: <http://zaimka.ru/zhuravlev-state-symbols> (дата обращения: 08.06.2020).

³⁵ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. М.-Пг., 1923. С. 56.

³⁶ Иркутск, 18 октября // Свободный край. Иркутск. 1918. 18 окт.

шару, утверждая славу русского имени, мощь великого Российского государства»³⁷.

Рассмотренное выше взаимодействие политических символов, их значений и интерпретаторов можно представить в виде следующей логической цепочки. Сочетание политической символики антибольшевистских сил и союзных держав, призванное в образной форме утвердить возрождение единства Антанты, обеспечивало создание позитивного образа интервентов как коллективного Помощника в деле борьбы с большевизмом, что также позволяло укреплять и статус сменявшихся в Омске правительств. В то же время стремление антибольшевистских политиков создать новую государственную систему символов и сделать ее выражением национальной идеи потребовало ссылок на культурный и политический эталон в лице союзных наций, к образу которых нередко прибегали идеологи и журналисты, стремясь разбудить «угасшее национальное чувство». Оба этих процесса, впрочем, оказались не завершены. Тогда как попытки актуализации национальной идеи терпели крах из-за неудач на фронте и провалов во внутренней политике, образ союзников как Помощника постепенно размывался в силу двойственности политики иностранных держав. В конечном счете флаги союзных наций для некоторых представителей белого движения стали символами не столько помощи, сколько смерти и предательства.

³⁷ Красный флаг // Наша газета. Иркутск. 1919. 14 дек.

А. А. ЖИРОВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

Реполонизация культурного ландшафта Воссоединенных земель в составе Польши после Второй мировой войны (1945–1956 гг.)

Статья посвящена изучению процесса реполонизации, то есть возвращения прежнего этнокультурного облика так называемых Воссоединенных земель в составе Польской Народной Республики (ПНР) в 1945–1956 гг. Исследование выполнено на основе изучения опубликованных актов законодательной и исполнительной власти, а также материалов прессы. Изменение культурного ландшафта базировалось на политике «изгнания прусского духа», сопровождалось выборочным освоением довоенного историко-культурного наследия, тотальной сменой немецкой топонимики и антропонимов, войной памятников. Сделан вывод, что в процессе интеграции вновь присоединенных земель происходило внедрение общенационального исторического нарратива и нивелирование региональной специфики. К середине 1950-х годов интеграционные достижения были очевидны, однако случались и перегибы, связанные с ограничениями прав бывших немецких граждан польского происхождения.

Ключевые слова: Польша, Воссоединенные земли, дегерманизация, реполонизация, политика памяти, культурный ландшафт, топонимика, ономастика, 1945–1956 гг.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–39–90034 «Реполонизация Воссоединенных земель в Польской Народной Республике в 1945–1956 гг.».

Воссоединенными, или Возвращенными, землями (польск. *Ziemia Odzyskane, Postulowane, Powracające*) после Второй мировой войны стали называться территории бывших восточных провинций Германии, переданные Польше в соответствии с Потсдамским соглашением¹. В их состав вошли Вармия и Мазуры, Восточное и Западное Поморье, Любушская земля, значительные части Силезии и Великой Польши. Эти

¹ *Jasiński J.* Czy powinniśmy odciąć się od pojęcia Ziemia Odzyskane? // *Echa Przeszłości.* 2004. № 5. S. 319.

земли, входившие во владения первой польской правящей династии Пястов, в Средние века время от времени попадали под власть германских правителей. После разделов Польши в конце XVIII в. они окончательно вошли в состав Пруссии. Длительный период нахождения польских земель в орбите влияния Германии привел к далекоидущим изменениям под воздействием политики германизации.

Территориальные приращения 1945 г. на севере и западе, составившие примерно треть площади страны, по своей сути стали компенсацией за утраченные «восточные кресы». Такое обоснование, однако, не устраивало власти Польши, которые настаивали, что Возвращенные земли являются древними польскими территориями, в прошлом захваченными немецкими агрессорами и вернувшимися в пределы своего отечества².

Актуальность исследуемой темы состоит в том, что различия и определенные противоречия между Возвращенными землями и остальной Польшей до сих пор остаются важным фактором внутривнутриполитического развития страны. Они выражаются не только в разнице экономических потенциалов, уровне жизни или политических предпочтений населения «новых» и «старых» польских земель, но и в существовании «специфического цивилизационного пространства»³ на Воссоединенных землях.

В польской историографии проблема инкорпорации Воссоединенных земель рассмотрена весьма основательно. Однако при этом главным образом изучались социально-экономические проблемы и история миграционных процессов⁴. Только после политического и идеологического перелома 1989 г. польские историки стали уделять повышенное внимание проблемам формирования исторической памяти, региональной идентичности и преобразования культурного ландшафта на Возвращенных землях⁵. В советской и современной российской историографии

² Domke R. Propaganda wobec Ziemi Odzyskanych w latach 1945–1948 // Materiały II Letniej Szkoły Historii Najnowszej. Warszawa, 2009. S. 61.

³ Kozdrowicki P. S. Co Ziemie Odzyskane dały Polsce? [Электронный ресурс] // Kultura Liberalna. 2018. № 496. Статья 6. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2018/07/09/kozdrawicki-ziemie-odzyskane-rocznica> (дата обращения: 25.02.2020).

⁴ Banasiak S. Działalność osadnicza Państwowego Urzędu Repatriacyjnego na Ziemiach Odzyskanych w latach 1945–1947. Poznań, 1963. 243 s.; Kosiński L. Procesy ludnościowe na Ziemiach Odzyskanych w latach 1945–1960. Warszawa, 1963. 128 s.; Gluck L. Od ziem postulowanych do ziem odzyskanych. Warszawa, 1971. 149 s.

⁵ Linek B. «Odniemczanie» województwa śląskiego w latach 1945–1950. Opole, 1997; Utracki D. Problematyka nazewnicza na Ziemiach Zachodnich // Letnia Szkoła Historii Najnowszej. Warszawa, 2012. S. 109–118; Stachowiak A. Niemieckie cmentarze na Ziemiach Zachodnich jako miejsca niepamięci // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Etnograficzne. 2015. T. 43. S. 123–140.

проблема интеграции Воссоединенных земель специально не рассматривалась, за исключением упоминаний в общих работах по истории ПНР⁶. Кроме того, трансформация культурного облика бывших германских территорий отчасти изучена на примере Восточной Пруссии, в контексте сопоставления с изменениями, происходившими на территории Калининградской области в первые послевоенные годы⁷.

Главным условием для успешной интеграции вновь присоединенных территорий польские власти считали радикальную смену населения. В 1945–1950 гг. отсюда, в соответствии с решением Потсдамской конференции, было депортировано около 3,5 млн немцев, а 1,1 млн местных жителей польского происхождения, которых стали называть автохтонами, остались и приняли польское гражданство. Освободившиеся земли в ходе масштабной переселенческой акции были заселены поляками. Большинство новоселов (2,7 млн человек) составляли выходцы из центральных и южных воеводств Польши, остальные (1,7 млн) были репатриантами из Советского Союза и других стран. Таким образом, население Воссоединенных земель к началу 1950-х годов было достаточно пестрым: автохтоны составляли примерно 20%, поляки со «старых» польских земель — 49% и репатрианты из-за границы — около 31%⁸. Еще одним предварительным условием освоения новых земель являлась экспроприация средств производства, земли и другого движимого и недвижимого имущества депортированных немцев с последующей национализацией или перераспределением среди польских переселенцев.

Предметом настоящей работы являются культурные аспекты интеграции, а именно политика «реполонизации», то есть возвращения польского облика оставшемуся польскому германизированному населению и культурному ландшафту Воссоединенных земель⁹. Цель статьи — выявить основные направления государственной политики в сфере этнокультурной трансформации Воссоединенных земель и бывших граждан Германии польского происхождения. Будут рассмотрены такие ее аспекты, как изменения топонимики, смена присутствующей в культурном пространстве символики, отношение к региональному историко-

⁶ Парсаданова В. С. Советско-польские отношения 1945–1949 гг. М., 1990; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. 952 с.

⁷ Костяшов Ю. В. Реполонизация Вармии и Мазур в послевоенные годы // Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика. Калининград, 2016. С. 203–220; Костяшов Ю. В., Сергеев В. В. Региональная политика памяти в Вармии и Мазурах (Польша) // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 118–131.

⁸ Kosiński L. Procesy ludnościowe... S. 61–62.

⁹ Romanow Z. Polityka władz polskich wobec ludności rodzimej ziem zachodnich i północnych w latach 1945–1960. Słupsk, 1999. S. 93.

культурному наследию, патриотическая пропаганда и система образования. Хронологические рамки исследования охватывают первое послевоенное десятилетие, когда в основном были решены задачи интеграционной политики. Основными источниками настоящего исследования послужили законодательные акты и решения органов исполнительной власти общенационального и регионального уровней, а также периодическая печать.

В первую очередь политика по преобразованию германизированного культурного ландшафта коснулась топонимики. Процесс репозиции топонимов первоначально проходил стихийно. Новые названия, данные первыми переселенцами, часто были случайными, никак не отражавшими топографическую характеристику местности¹⁰. Только в начале 1946 г. при правительстве Польши была создана Главная комиссия по установлению географических названий, в состав которой входили авторитетные ученые разных специальностей¹¹.

Первым этапом переименования стало восстановление онемеченных ранее польских названий, в первую очередь для крупных городов. Так, например, Бреслау стал Вроцлавом, Оппельн — Ополе¹². Если первоначальный польский вариант отсутствовал, то для замены использовались древнеславянские или старопруссские топонимы¹³. Некоторым населенным пунктам давались имена известных польских деятелей. Так, город Лётцен в бывшей Восточной Пруссии был переименован в Гижицко в честь мазурского пастора и просветителя Г. Гижицкого¹⁴. Наконец, некоторые новые названия определялись естественными природными особенностями местности. Кампания по переименованию на Возвращенных землях в основном была завершена к началу 1950-х годов, всего было переименовано более 32 тыс. населенных пунктов и других географических объектов¹⁵.

Подверглась изменению и городская топонимика. Уже весной 1945 г. названия, олицетворявшие германский нацизм и милитаризм, были заменены на новые: либо в честь польских национальных героев и деятелей

¹⁰ *Żuraszek I.* Kształtowanie się nazw miejscowych na Ziemi Lubuskiej po II wojnie światowej // *Gwary i nazewnictwo na ziemiach zachodnich i północnych. Zielona Góra, 1998. S. 253–254.*

¹¹ *Nazwy miejscowości na Ziemiach Odzyskanych // Osadnik na Ziemiach Odzyskanych. 1947. № 11. S. 5.*

¹² *Zarządzenie o przywróceniu i ustaleniu urzędowych nazw miejscowości // Monitor Polski. 1946. № 44. S. 85–86.*

¹³ *Sobczak E.* Onomastyka regionalna // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2008. № 1. S. 97.*

¹⁴ *Nowe nazwy miejscowości w województwie Olsztynskim // Wiadomości Mazurskie. 1946. 5 czerwca. S. 3.*

¹⁵ *Utracki D.* Problematyka nazewnictwa... S. 117.

коммунистического движения, либо заимствованные из лексикона славянского братства. Так, в Ольштыне центральная Кайзерштрассе стала улицей Юзефа Сталина, в Гданьске Адольф-Гитлер-штрассе была названа улицей Грюнвальдской¹⁶. Небольшая часть улиц и площадей сохранила прежние названия в польском переводе: улицы с указанием направлений (Гданьская, то есть ведущая в Гданьск) и отражающие особенности городского ландшафта или рельефа местности (Длинная, Узкая)¹⁷. Процесс трансформации внутригородской топонимики затянулся до середины 1950-х годов. Это было обусловлено идеологической и политической борьбой внутри правящей коммунистической партии, в результате чего был взят курс на нивелирование региональных особенностей¹⁸.

Помимо топонимики, дегерманизации подвергся и архитектурный ландшафт городов на Воссоединенных землях, что потребовало «переделки» ряда культурных объектов либо даже их полного уничтожения¹⁹. В первую очередь ликвидировались памятники и монументы, связанные с нацистским режимом, а также символы германской государственности и милитаризма: памятники Бисмарку, Фридриху Великому, Вильгельму I и т. п., воинские мемориалы и памятные знаки²⁰. Нередко обустроенные места немецких монументов, освободившиеся постаменты использовались для установки памятников с собственной национальной и новой идеологической символикой²¹. Так, в Вроцлаве около двух десятков обелисков, посвященных главным образом Первой мировой войне, были перепрофилированы (посредством замены надписей и символов) в памятники борцам против нацизма²². В Вармии был демонтирован знаменитый Танненбергский мемориал, массивные гранитные блоки с которого пошли на строительство Памятника благодарности Красной армии в Варшаве (открыт в 1954 г.)²³.

В ходе расчистки пространства от чуждых символов случалось, что разрушались даже те объекты, которые не имели ярко выраженной идеологи-

¹⁶ *Wagińska-Marzec M.* Wokół zmian nazewnictwa ulic na Ziemiach Zachodnich i Północnych po 1945 r. // *Rocznik Ziemi Zachodnich*. 2017. № 1. S. 398–399.

¹⁷ *Okólnik o nazwy ulic i placów* // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Ziemi Odzyskanych (DU MZO)*. 1947. № 4. S. 36.

¹⁸ *Костяшов Ю. В.* Реполонизация Вармии и Мазур... С. 219.

¹⁹ *Mazur Z.* Dziedzictwo wyłączone, podzielone, wspólne // *Wspólne dziedzictwo? Ze studiów nad stosunkiem do spuścizny kulturowej na Ziemiach Zachodnich i Północnych*. Poznań, 2000. S. 813.

²⁰ *Czajkowski P., Pabjan B.* Symbole w pamięci zbiorowej Wrocławia // *Tradycja dla współczesności: wartości i etos*. Lublin, 2015. S. 67–86.

²¹ *Stachowiak A.* Niemieckie cmentarze na Ziemiach Zachodnich... S. 129.

²² *Czajkowski P., Pabjan B.* Symbole w pamięci... S. 76.

²³ *Костяшов Ю. В., Сергеев В. В.* Региональная политика... С. 122.

ческой окраски и представляли собой памятники историко-культурного наследия: замки, башни, крепостные стены, церкви и рагуши; протестантские кирхи преобразовывались в католические костелы, было ликвидировано большинство немецких кладбищ²⁴. Так, например, на первых порах в Ольштыне, Добром Мясте и Лидзбарке Варминьском пострадавшие во время военных действий культовые постройки, административные здания и фортификационные сооружения, которые подлежали восстановлению, были разобраны на кирпич²⁵. Однако уже в 1947 г. министерством Возвращенных земель было принято постановление, направленное на защиту сохранившегося архитектурного наследия²⁶.

С учетом психологического состояния, вызванного только что прошедшей войной, для польских переселенцев германское историко-культурное наследие было совершенно чуждо, немецкая культура воспринималась как безоговорочно враждебная²⁷. В условиях послевоенного лихолетья безразличие к памятникам архитектуры было также продиктовано и чисто утилитарными причинами, так как для обустройства новой жизни они не представляли большой ценности²⁸.

Важным направлением деятельности центральных и местных властей в вопросах пропаганды на Воссоединенных землях стала специфическая историческая политика, то есть внедрение в общественное сознание граждан таких представлений о прошлом, которые бы обеспечивали максимально комфортные психологические условия для новоселов и создавали благоприятный фон для ускоренного возвращения вновь присоединенным землям «польского облика». Исторические права на Силезию, Поморье, южную часть Восточной Пруссии и другие области выводились из их принадлежности к польской государственности со времен первых Пястов, а разгром гитлеровцев сравнивался с победой над крестоносцами в Грюнвальдской битве²⁹. Разработкой исторических концепций и соответствующей популярной литературы занимались специально для этого созданные Западный институт в Познани и Мазурский институт в Ольштыне, которые осуществляли

²⁴ W sprawie gospodarowania materiałami uzyskanymi z rozbiórki budynków zniszczonych. // DU MZO. 1947. № 8. S. 16–17; *Stachowiak A.* Niemieckie cmentarze na Ziemiach Zachodnich... S. 128.

²⁵ *Костяшов Ю. В., Сергеев В. В.* Региональная политика... С. 122.

²⁶ Okólnik w sprawie ochrony budowyli zabytkowych // DU MZO. 1947. № 12. S. 8.

²⁷ *Biskupska K.* Przestrzeń i zielen. O krajobrazie kulturowym Ziemi Zachodnich i Północnych // «Ziemie Odzyskane»: w poszukiwaniu nowych narracji. Poznań, 2018. S. 414.

²⁸ Pismo okólne z dnia 21 maja 1946 r. // DU MZO. 1946. № 7. S. 17.

²⁹ *Jankowiak S.* Przemiany narodowościowe na «Ziemiach Odzyskanych» po drugiej wojnie światowej. Zielona Góra, 2015. S. 36.

научные исследования, проводили археологические экспедиции, доказывающие славянскую природу этих земель³⁰.

Важным направлением в формировании единого исторического пространства стала организация мемориальных и праздничных мероприятий, посвященных памятным событиям в борьбе с немецкими захватчиками. Если на первых порах акцент делался на эпоху Средних веков (борьба с Тевтонским орденом), то после разгрома «буржуазной» оппозиции и утверждения власти коммунистов внимание сконцентрировалось на идее славянской солидарности, союзе с СССР и освобождении Польши Красной армией в ходе Второй мировой войны³¹.

По всей стране проводились фестивали, выставки, концерты творческих коллективов коренных жителей Возвращенных земель, организовывались совместные спортивные соревнования и туристические акции для ознакомления всех поляков с культурой и традициями своих соотечественников на бывших немецких землях³². Кульминацией данной пропагандистской работы стала грандиозная Выставка достижений Возвращенных земель во Вроцлаве в 1948 г., которую посетили 2 млн человек³³. Помимо этого для административных работников, представителей интеллигенции были организованы специализированные курсы по истории Возвращенных земель³⁴.

Интеграция местного польскоязычного населения предусматривала целую систему мер по дегерманизации антропонимов, что являлось поводом для постоянных конфликтов между переселенцами и автохтонами, над немецкими именами которых поляки смеялись и называли их «немцами» или «швабами»³⁵. Программа по реполонизации антро-

³⁰ *Ogrodziński W.* Od Mazurskiego Instytutu Badawczego do Ośrodka Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2003. № 2. S. 149; *Kobyliński Z., Rutkowska G.* Propagandowe wykorzystanie archeologii w uzasadnianiu polskich praw do Ziemi Odzyskanych po drugiej wojnie światowej // *Saeculum Christianum: pismo historyczne*. 2006. № 13. S. 23.

³¹ *Domke R.* Propaganda wobec Ziemi Odzyskanych... S. 59.

³² *Kiermasy na Warmii* [Электронный ресурс] // *Dni Krakowa*. Kraków, 1947. S. 1. URL: <https://polona.pl/item/afisz-inc-staraniem-tow-przyjaciol-mazurow-i-warmiakov-w-krakowie-wystapia,MTA0NzY2Nzk4/0/#info:metadata3,3> (дата обращения: 25.02.2020).

³³ *Jeden dzień na Wystawie Ziemi Odzyskanych* [Электронный ресурс] // *Wiadomości Turystyczne: Biuletyn informacyjny Dolnośląskiej Spółdzielni Turystycznej*. 1948. № 2. S. 3. URL: <https://polona.pl/item/wiadomosci-turystyczne-biuletyn-informacyjny-dolnoslaskiej-spoldzielni-turystycznej,ODA0MTM5NjQ/#info:metadata> (дата обращения: 25.02.2020).

³⁴ *Wrzosek-Matłowa J.* Kursy Informacyjne o Ziemiach Zachodnich Uniwersytetu Jagiellońskiego i Akademii Górniczej w latach 1945–1948 // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 1989. № 4. S. 925.

³⁵ *Jankowska-Nagórka A.* «Deteutonizacja» Dolnego Śląska w latach 1945–1949 jako przykład polityki władz Polski Ludowej wymierzonej przeciwko niemieczyźnie. Kraków, 2017. S. 76.

понимов подразумевала изменение имен и фамилий, их адаптацию применительно к польскому правописанию и фонетике или присвоение новых фамилий³⁶. Однако реализация этой политики через административное принуждение привела к тому, что среди самих автохтонов реполонизация имен собственных нередко воспринималась как незаслуженное наказание за преступления нацистов³⁷. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи сопротивления смене имен и фамилий, которые исходили от представителей интеллигенции: учителей, инженеров, врачей и других³⁸. Негативное отношение к административным мерам при проведении реполонизации выразилось и в том, что до 1956 г. с территории Возвращенных земель в Германию уехало более 200 тыс. поляков-автохтонов³⁹.

Борьба с немецким языком также осуществлялась через систему школьного образования. В январе 1945 г. указом Временного правительства автохтонам запрещалось публично употреблять немецкий язык и его диалекты в устной и письменной формах⁴⁰. В связи с этим из школьной программы был изъят курс изучения немецкого языка. В этой сфере случались и другие перегибы. Так, например, в Ольштынском воеводстве детям из семей автохтонов даже на переменах в школе запрещалось говорить на «мазурском диалекте», хотя основой для него был не немецкий, а польский язык⁴¹.

Целью политики польского государства по реполонизации Воссоединенных земель в послевоенные годы было «стирание» следов немецкого присутствия и возвращения им «исконно польского облика». Кампания переименований, изменение символического содержания культурного ландшафта, а также активная историческая пропаганда способствовали, во-первых, нивелированию различий между тремя разными группами жителей (автохтонов, переселенцев и репатриантов), а во-вторых, обеспечивали более благоприятные условия для интеграции вновь приобретенных территорий с остальными частями страны. Тем самым

³⁶ Dekret o zmianie i ustalaniu imion i nazwisk, 10 listopada 1945 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1945. № 56. S. 517–520.

³⁷ *Klimaschka N.* W obronie własnej tożsamości. Przymusowe zmiany nazwisk w powojennym Kaciborzu // *Gospodarka. Rynek. Edukacja.* 2018. T. 19. № 4. S. 6–7.

³⁸ *Rokszajn R.* Polonizacja imion i nazwisk w USC w Reńskiej Wsi [Электронный ресурс] // Wywiady Audio. Pierwsze lata po wojnie. 2014. № 18. URL: <http://e-historie.pl/wywiady-radiowe/w-polsce-ludowej/pierwsze-lata-po-wojnie/#polonizacja-imion-i-nazwisk-w-usc-w-renskiej-wsi> (дата обращения: 25.02.2020).

³⁹ *Kosiński L.* Procesy ludnościowe... S. 81.

⁴⁰ *Linek B.* «Odniemczanie» województwa śląskiego... S. 217.

⁴¹ *Sakson A.* Liczebność ludności rodzimej na Mazurach // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 1987. № 3–4. S. 487.

решалась важная политическая задача: утвердить в глазах как мирового сообщества, так и своих соотечественников законность польских прав на Воссоединенные земли и незыблемость установленных после Второй мировой войны границ.

К. С. ЛАНКОВА

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Образ человека труда на страницах ханкайской районной газеты (Приморский край, 1953–1985 гг.)

Статья посвящена изучению трансляции пропагандируемого в советский период с 1953 по 1985 г. образа человека труда и его качеств, культивируемого в материалах газеты Ханкайского района Приморского края. В статье проанализированы личностные качества человека труда – трудолюбие, ответственность, добросовестность, а также преданность своему делу. Конструирование образа прослеживается с помощью сравнительно-исторического анализа, заключающегося в сопоставлении идеального образа советского человека из «Морального кодекса строителя коммунизма» и образа человека труда, транслировавшегося в районной газете. Сделан вывод, что газетные публикации дополняли созданный в Советском Союзе образ идеального человека труда, служивший эталоном, на который нужно было равняться.

Ключевые слова: люди труда, сравнительный анализ, советский человек, образ человека труда, пресса, Ханкайский район, Приморский край.

Исторически сложившийся образ советского человека — это образ идеального гражданина своей страны. Соблюдение норм и правил, прививание моральных ценностей, раскрывающих любовь к труду и общенародному делу, бескомпромиссное отношение к несправедливости, туеядству и нечестности — основы «Морального кодекса строителя коммунизма». Реконструкция повседневности, памяти и воспоминаний советского поколения, анализ публикаций прессы и литературы, составляющих образ человека труда, являются предметом исследования отечественных и зарубежных авторов. Исследования российского социолога и историка Ю. А. Левады уникальны интерпретацией образа советского человека. Разработав социологический подход к проблеме изучения «человека советского», Ю. А. Левада констатировал: «Только в исключительных социальных условиях послереволюционной России сформировался и закрепился на несколько десятилетий тип „человека

советского «с его привычками, надеждами, стереотипами и комплексами общественного мнения»¹. Методики и приемы образа «советского человека» на материалах прессы и на основе источников личного происхождения достаточно проработаны в историографии. Анализ советской прессы, источников личного характера представлен в публикациях В. В. Битюцкой², Т. В. Демидовой³, Н. С. Зеликиной⁴, Е. В. Мурюкиной⁵, О. Ю. Посуховой и А. С. Фроловой⁶. Анализ биографических рассказов как исторического источника представлен в исследованиях С. Н. Иконниковой⁷, Е. С. Нечаевой⁸ и О. А. Шабалиной⁹. В данной статье использован исторический анализ материалов периодической печати, сравнительно-исторический анализ и историко-биографический метод.

Упорство в работе для советского человека на благо общенационального дела активно пропагандировалось советской прессой. Тщательный отбор кандидатов на роль идеального работника/жителя города (села) по всем значимым для власти параметрам (социальный статус, национальность, трудовые достижения) преследовал одну цель — демонстрацию и пропаганду преданности делу коммунизма, любви к социалистической Родине, к странам социализма¹⁰. Происходившая с 1953 по 1985 г. смена власти и приход новых руководителей ЦК КПСС — Н. С. Хрущева, а позднее Л. И. Брежнева — сопровождалась значительными переменами в идеологии и социальных целях СССР. Новые руководители, не посягая на основополагающие принципы социалистиче-

¹ Левада Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения. № 2 (52). 2001. С. 7–16.

² Битюцкая В. В. Советская информация за границей: особенности работы ТАСС в условиях «железного занавеса» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 4. С. 643–648.

³ Демидова Т. В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4–1 (18). С. 50–52.

⁴ Зеликина Н. С. Современные методы анализа периодической печати как исторического источника. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. С. 341–350.

⁵ Мурюкина Е. В. Медиаобразовательная модель на материале телевидения периода перестройки в СССР // Crede experto: транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 4. С. 161–176.

⁶ Фролова А. С., Посухова О. Ю. Нарратив и дискурс профессиональной идентичности в советской прессе 1970–1980-х гг. // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 101–108.

⁷ Иконникова С. Н. Биография как часть исторической культурологии // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 2. С. 6–10.

⁸ Нечаева Е. С. Структуры повседневности советского человека в период перестройки (опыт анализа биографических интервью) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 1–4.

⁹ Шабалина О. А. Взгляд «обычного человека» на советскую экономику: анализ личных дневников // Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 10–2 (11). С. 36–38.

¹⁰ Демидова Т. В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х годов...

ской системы, предприняли попытку модернизировать ее, отказавшись от тех ее частей и элементов, которые посчитали малоэффективными или просто лишними¹¹. Состоявшийся в октябре 1961 г. XXII съезд КПСС принял новые Программу и Устав коммунистической партии, в состав которых был включен «Моральный кодекс строителя коммунизма»¹². Этот свод принципов, а также провозглашение на XXIV съезде КПСС в 1971 г. концепции «развитого социализма» создали фундаментальную основу для пропаганды и тиражирования исторического образа советского человека труда.

Данное исследование представляет сравнительный анализ идеального образа советского человека, основанный на «Моральном кодексе строителя коммунизма», и образа человека труда, то есть рабочих сельскохозяйственного производства, учителей, врачей, милиционеров, работников связи и культуры и других, пропагандируемого в 1953–1985 гг. районной газетой «Ханкайский ударник» — органом Ханкайского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Приморского края.

Первый выпуск «Ханкайского ударника» вышел в 1932 г. Газета выходила два раза в неделю, а ее тираж составлял 1250 экземпляров. С февраля 1958 г. издание стало выходить под названием «Знамя Октября», а с мая 1962 г. — «Приморские зори». Ключевые рубрики в газете — власть и политика, образование, сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) и благоустройство, культура и досуг, спорт и актуальные события. Поскольку Ханкайский район — сельскохозяйственный район Приморья, основная масса публикаций затрагивала проблемы сельского хозяйства, была посвящена биографиям, трудовым подвигам колхозников и работников совхозов. Газета пропагандировала трудовые достижения ханкайцев, которые должны были служить примером чести, трудолюбия, добросовестности и преданности делу коммунизма, а также воспитанию нового советского человека.

В исследуемый период в Ханкайском районе насчитывалось около 20 сел: Камень-Рыболов, Астраханка, Владимиро-Петровка, Ильинка, Алексеевка, Троицкое, Ново-Качалинск и другие. Районная газета писала, что «за удовлетворительными темпами развития Ханкайского района стояли великие люди труда»¹³. Послевоенный период для Ханкайского района, как и для многих других территорий Приморского края, харак-

¹¹ Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. 212 с.

¹² XXII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет: 3 т. М., 1962. С. 317–318, 352–353.

¹³ Ханкайский ударник. 1955. 12 июня.

теризовался колоссальным спадом в экономике района. Уменьшение площади посевов, недостаток квалифицированных рабочих, опустошение кормовых баз для скота в конечном счете приводили к неурожаям. С приходом к власти Н. С. Хрущева в 1953 г. «были предопределены основные задачи в увеличении сельскохозяйственного производства»¹⁴. Хрущевская оттепель была временем грандиозных сельскохозяйственных проектов, в связи с чем местная пресса ежедневно публиковала сводки с ферм и полей, не забывая отмечать заслуги людей труда. Считалось, что преимущества в слаженной работе оставались за рабочими колхозов. Проходившая в 1958 г. реорганизация машинно-тракторных станций (МТС), из-за которой большинство колхозов Ханкайского района не имело достаточно средств, чтобы самостоятельно приобретать сложные сельскохозяйственные машины, тракторы, побуждала рабочих колхозов к самостоятельным ремонтным работам комбайнов и токарных станков. Районная газета отмечала непосильный, но качественный труд механизаторов колхозов: «Славно трудятся на ремонте их А. Москович, П. С. Степко, токари Г. Волков, Ю. Стусенко и др.»¹⁵. «Уверенными темпами развивалось сельское хозяйство, повышалась продуктивность работ» — данное клише встречается в каждом номере газеты «Ханкайский ударник» в целях повышения поддержания высокого уровня сельскохозяйственного производства. История о доярке Таисии Повshedной, которая в 1957 г., преодолевая трудности на начальном этапе своей работы, увеличила число показателя надоя молока в три раза, воспевают такие качества, как самоотверженный труд, стремление стать профессионалом своего дела и быть достойным членом советского общества¹⁶.

В публикациях районной газеты делался акцент на такие личные качества, как работоспособность, внимательность, активность, а также высокую степень личной ответственности. Они являлись главными в достижении высоких результатов в производстве. В ряде статей использовались следующие характеристики: «отличались трудолюбием и знаниями», «преданность и добросовестность к делу», «перевыполнение плана»¹⁷. Ударный труд рабочих сельскохозяйственного производства Ханкайского района сводился к «непрерывному условию мобилизационного состояния — обстановке постоянной „борьбы“ (с внутренними

¹⁴ Архивный отдел администрации Ханкайского муниципального района. Ф. 2. Оп. 1. Администрация Ханкайского района. 1923–2000 гг. С. 502.

¹⁵ Ханкайский ударник. 1957. 23 янв.

¹⁶ Там же. 20 марта.

¹⁷ Там же.

и внешними врагами, с природой, за урожай, за перевыполнение плановых заданий и так до бесконечности) и, разумеется, безоговорочному подчинению начальству»¹⁸.

Наряду с моральным поощрением значимым было общественное признание — благодарственные письма, грамоты, огласка в публикациях районной газеты. Ударники труда получали материальные награды: введение премиальной оплаты за сверхплановое производство и материальные блага в виде путевок в санатории, турпоездки, покупки вне очереди автомобиля или бытовой техники. И. Можаровский, работающий в колхозе «Путь к коммунизму», отмечал: «Хорошо оплачивается труд колхозников; в 1956 г. я заработал 800 трудодней, получил авансом за 8 месяцев по 4 кг хлеба на трудодень, по 3 руб., а также растительное масло, мед и т. д.»¹⁹.

Награждали не только отдельных трудящихся, но и целые трудовые коллективы. В материалах 10-й сессии 12-го созыва Исполнительного комитета Ханкайского районного Совета депутатов трудящихся, состоявшейся 20 октября 1969 г., говорилось: «Лучших результатов по итогам III квартала (1969 г.) добился Ильинский совхоз. Совхоз награжден Переходящим Красным знаменем Совмина РСФСР и денежной премией — 9,5 тыс. руб.»²⁰.

Районной газетой были отмечены успехи тружеников связи. «С 1953 по 1983 г. линейным монтером работал Леонид Михайлович Ерышев», а «лучшие работники — телефонистка М. Н. Хворост и телеграфистки Т. Е. Смашнева, Е. П. Никифова успешно выполняли контрольные сроки их обработки и передачи»²¹.

Образ человека труда формировался не только положительными примерами, но и порицанием недостатков и промахов, формированием неприемлемости того или иного поведения. Нередко после проведенных рейдов, например по животноводческим фермам колхозов, выявлялись стагнации в производительности, лень, халатность, непрофессионализм. Партийные органы Ханкайского района требовали незамедлительного устранения данных недостатков. Политика сельскохозяйственного производства в период хрущевской оттепели диктовалась под лозунгом: «Догнать и перегнать Америку в производстве мяса, молока и масла на душу населения!» В целях предот-

¹⁸ Левада Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм... С. 10.

¹⁹ Ханкайский ударник. 1957. 23 янв.

²⁰ Архивный отдел администрации Ханкайского муниципального района. Ф. 2. Оп. 1. Администрация Ханкайского района. 1923–2000 гг. С. 974.

²¹ Слава ратная, трудовая: сб. газ. публикаций (1957–2013 гг.)... С. 25.

вращения неудовлетворительно низких темпов развития районная газета акцентировала внимание на сообщении от Центрального комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР: «Призываем работников сельского хозяйства добиваться дальнейшего увеличения производства молока и мяса, широко внедрять в колхозное производство все новое, передовое»²².

Люди труда — это не только рабочие и крестьяне, но и советские служащие, интеллигенция, к которой у советской власти было неоднозначное отношение. Тем не менее в «Ханкайском ударнике» о выдающихся учителях района всегда говорилось со словами благодарности. Их ученики добивались высоких результатов в обучении и будущих профессиях. В каждом номере публиковались слова благодарности учителям: «Большой души человек! Очень любит детей!»²³ Достижения учеников — высокие оценки, призовые места в предметных олимпиадах, медали об успешном окончании школы — свидетельствовали о профессиональной работе учителя. Добросовестный труд учителя, определявшийся такими качествами, как честность, уважительное отношение к ученикам, внимательность, отличал его от иных профессий.

Врачи и медицинский персонал Ханкайского района имели колоссальный опыт в работе с людьми и их здоровьем. «Ханкайский ударник» отмечал: «Нередко к больным им приходилось добираться на автобусах, попутных машинах, пассажирскими или товарными поездами, дрезиной», а также «они не раз отдавали тяжелым больным кровь, сутками не выходили из больницы». Сельчане с гордостью сообщали в письмах в редакцию газеты: «Профессия врача хлопотная, беспокойная, очень ответственная. Но и велика благодарность, уважение людей, которым они помогают»²⁴.

Отношение общества к милиции зачастую можно назвать неоднозначным. Однако личности работников МВД 1953–1985 гг. достойны быть упомянутыми в данной статье. О сотрудниках милиции вспоминали так: «Богатый опыт они передают молодым сотрудникам милиции, проводят профилактическую работу среди жителей Ханкайского района по предупреждению преступности»²⁵.

«Ханкайский ударник» неоднократно за двадцатилетие сообщал читателям, что районная культура развивалась стремительными темпами. В 1966 г. благодаря качественному исполнению обязанностей киномеха-

²² Слава ратная, трудовая: сб. газ. публикаций (1957–2013 гг.)... С. 88.

²³ Там же. С. 100.

²⁴ Там же. С. 137.

²⁵ Там же. С. 98.

Таблица 1

Сравнение характеристик из «Морального кодекса строителя коммунизма» и газетного образа человека труда 1953–1985 гг.*

Категория разделения труда	Характеристика идеального советского человека («Моральный кодекс строителя коммунизма»)	Характеристика качеств человека труда (по материалам газетных публикаций)
Рабочие сельскохозяйственного производства	Добросовестный труд, преданность делу, коллективизм, товарищеская взаимопомощь	Положительная сторона: скромность, трудолюбие, внимательность. Досрочное выполнение и перевыполнение трудовых планов, трудолюбие, инициативность, ответственность, работоспособность, внимательность, активность. Негативная сторона: тушеядство
Учителя	Любовь к детям, уважение, нравственное воспитание	Организация внеклассных мероприятий, сосредоточенность на умениях и навыках каждого отдельного ученика, развитие иных качеств учеников, способствовавших отличному окончанию школьного учреждения (золотые и серебряные медали)
Врачи	Гуманность, заботливость, добросовестность	Самопожертвование, альтруизм
Милиционеры	Доблесть, мужество, стойкость, нетерпимость к нарушителям	Героизм (трагическая гибель при исполнении служебных обязанностей), добросовестное отношение к трудовым обязанностям
Работники связи	Быстрое выполнение поставленных задач	Успешное выполнение контрольных сроков, качественная обработка и передача данных
Работники культуры	Сплоченность, духовность	Дружный коллектив. Повсеместное открытие клубов и изб-читален, качественный показ кинопроектов, участие в конкурсах художественной самодеятельности

* Составлена по: Газета «Ханкайский ударник», 1953–1985 гг.

ника Ивана Назаровича Хрисанова в с. Комиссарово не было ни одного дня, чтобы сорвался показ сеансов²⁶. Начиная с 1983 г. в Комиссаровском доме культуры в праздничной, торжественной обстановке регистрировались браки, дни рождения детей, провожалась молодежь в ряды Советской армии. На агитпункте на производственных участках работники

²⁶ Слава ратная, трудовая: сб. газ. публикаций (1957–2013 гг.)... С. 147.

культуры читали лекции, проводили беседы, устные журналы, посвященные выборам, Советам, депутатам.

Таким образом, анализ местной газеты «Ханкайский ударник» показывает, что рабочие сельскохозяйственного производства, учителя, врачи, милиционеры, работники связи и культуры самоотверженно выполняли свои служебные обязанности, а главное, это пропагандировалось в газете, создавая особый советский этос.

Сравнительный анализ образов позволяет утверждать, что политический курс партии и правительства, направленный на формирование образа советского человека труда, качества и обязанности которого были задокументированы в «Моральном кодексе строителя коммунизма», был продуманным и обязательным даже для таких далеких окраин, как Приморский край. При этом выявить «уникальные» региональные качества человека труда нам не удалось. Скорее всего, идеальный образ конкретизировался и дополнялся примерами трудовой самоотверженности на местах. Везде были свои герои — простые советские люди, обладавшие уникальными качествами трудолюбия и добросовестности. И именно о них, хорошо знакомых лично людям, а не об абстрактных героях предпочитали читать сельские жители. Поэтому местная газета с задачами пропагандирования идеального образа человека труда народным массам справлялась лучше, чем общесоюзная пресса.

А. И. ЕРМОЛОВА

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет*

**«Трудиться — нельзя лениться»,
космос, кукуруза, «хрущевки»:
репрезентации практик и образов
томского детства в местной прессе
(1961–1964 гг.)**

В статье на основании фотоматериалов, опубликованных в региональных газетах «Красное Знамя» и «Молодой ленинец», рассмотрены формы и способы представления практик и образов томского детства, распространенных в период с 1961 по 1964 г. Автор приходит к выводу, что через репрезентации повседневных детских практик, а также связанных с ними деталей бытовой жизни и городского ландшафта демонстрировалась общая приверженность принципам «счастливого советского детства»: трудовое воспитание, коллективистские идеалы. Важными элементами снимков с детьми также были идеологически маркированные детали: ракета как горка в парке или детская поделка из кукурузных зерен и другие.

Ключевые слова: детство, детская повседневность, история детства, Томск, периодика, визуальная антропология.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–39–90023.

Изучение визуализации образов детства или реконструирование детской повседневности на основе фотографий, плакатов, иллюстраций из школьных учебников, материалов кино- или мультфильмов представляет перспективное поле для гуманитарных исследований.

Масштабное распространение новых форм визуальности (фотографии, кинохроники, телевидение) пришлось на 1960-е — 1980-е годы. В это же время интерес историков к визуальным источникам совпал

с поворотом от социальной истории макропроцессов и макроструктур к культурной истории — микромиру повседневности, восприятия, опыта и памяти «маленьких» людей, в большинстве своем безымянных и безмолвных участников истории¹. С одной стороны, исследователи получили возможность для смещения исследовательского фокуса (с макро- на микро-), а с другой — благодаря «визуальному» («иконическому», или «пиктогральному») повороту расширился круг традиционных источников и приемов анализа визуальных образов².

Одновременно с этим в западной историографии появился новый объект исследовательского интереса — феномен детства. Большой вклад в его развитие внесла книга Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке», опубликованная в 1960 г. Новизна его концепции состояла в понимании детства как особого социального конструкта, наполнить который можно разным содержанием. Однако в нашу страну идеи Ф. Арьеса поступали лишь в усеченном виде. Заметный интерес к теме детства в отечественной историографии наметился лишь в начале 1990-х годов, когда появились исследования, посвященные памяти детства, детству в экстремальных условиях и другим аспектам детства и отношения к нему.

Вопрос о визуализации советского и постсоветского детства на основе разного рода источников поднимался в ряде публикаций. Среди отечественных исследований стоит выделить серию книг под редакцией П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой³. В изданиях представлены труды специалистов разных направлений: социологов, историков, искусствоведов, объединенных общей идеей использования визуальных методов для анализа контекстов событий или ситуаций с целью изучения социальной жизни разных эпох. В статье О. Ю. Бойцовой, вышедшей в этой серии, рассматривается вопрос о роли фотографий в городских обрядах перехода в России в XX в.⁴ Особое внимание в статье уделено таким связанным с детскими этапами жизненного развития обрядам, как 1 сен-

¹ Нарский И. В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. Челябинск, 2008. С. 56.

² Там же. С. 58.

³ Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2009. 296 с.; Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2009. 312 с.; Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2009. 448 с.

⁴ Бойцова О. Ю. Фотография в обрядах перехода // Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2009. С. 189–200.

тября или Последний звонок. Ю. М. Градскова и М. Минина в своих статьях изложили другую точку зрения, согласно которой на протяжении всей советской истории образы детства в целом или конкретизация отдельных кейсов по данной теме находятся в состоянии постоянных преобразований⁵.

В центре внимания исследователей оказались не только дети, но и их кумиры — персонажи советских и постсоветских мультфильмов: Карлсон, Винни-Пух, Айболит, Кот Леопольд и другие⁶. Долголетие и узнаваемость этих персонажей объясняется набором определенных социопсихологических состояний, которые сохраняют свою значимость на протяжении всей жизни бывшего ребенка.

С. А. Ушакин в своих публикациях о советском детстве также часто обращался к использованию анализа визуальных образов. На примере иллюстраций из детских книжек он показал, как юным советским гражданам преподносились идеи о «новом человеке», Великой Октябрьской революции и Ленине⁷. Подобные вопросы поднимал в своих работах Е. Штейнер, рассматривая феномен детской литературы 1920-х — 1930-х годов. Помимо содержательного анализа новых сказок и рассказов для детей, он обращает внимание на важность иллюстрирования и графического оформления⁸.

В вышеупомянутых публикациях был зафиксирован ряд особенностей, а также набор приемов и штампов в изображении советского детства и его составляющих, были предложены методики и способы работы с визуальными материалами, что позволяет перейти к проработке проблематики детства на региональном материале, выявить его специфические черты. Стоит отметить, что газетные фотоиллюстрации как источник получения информации о детстве до сих пор не часто привлекали

⁵ Градскова Ю. М. «Нигде так не оберегают детство, как в нашей стране»: дошкольные учреждения в советском документальном кино, 1946-е — 1960-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2009. С. 359–370; Минина М. Образ сироты в советском плакате 1920-х — 1930-х годов // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2009. С. 272–288.

⁶ Веселые человечки: культурные герои советского детства / ред. и сост.: И. Кукулин, М. Липовецкий М., 2009. 536 с.

⁷ Oushakine S. A. Translating Communism for Children: Fables and Posters of the Revolution. *Boundary 2* 43.3.2016. P. 159–219; *Idem*. Realism with Gaze-Appeal: Lenin, Children, and Photomontage. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Vol. 67. № 1. 2019. P. 11–64 (54).

⁸ Штейнер Е. С. Что такое хорошо: Идеология и искусство в раннесоветской детской книге. М., 2019. 392 с.; Steiner E. *Stories for Little Comrades: Revolutionary Artists in the Early Soviet Children's Book* / пер. с рус. L., Seattle, 1999. 237 p.

внимание исследователей, а на материалах города Томска такая попытка предпринимается впервые.

Для анализа визуальной репрезентации практик и образов детства томских детей в рамках данной статьи мы использовали фотоматериалы, сопровождающие газетные публикации о детях в местных периодических изданиях. Газетные фотоиллюстрации можно считать особым видом исторического сообщения, который позволяет не только воспроизвести детали повседневной жизни советских граждан, но и рассмотреть идеологический подтекст снимка, так как средства массовой информации во все времена выполняли важную роль по формированию общественных представлений и одобряемых моделей поведения. Мы изучили газеты «Красное Знамя» и «Молодой ленинец» — самые массовые газеты региона в то время. Редакции обоих изданий придерживались официального политического курса, посвящая большую часть содержания статей и иллюстраций деятельности коммунистической партии. Помимо фотоматериалов, посвященных местным сюжетам, публиковалась всесоюзная и международная фотохроника. Для нашего исследования была сделана выборка, состоящая из изображений детей, проживавших на территории Томска. Репрезентативности отбора способствовали подписи к фотографиям, указания на авторство изображений, а также детали городского ландшафта. Цель исследования состоит в рассмотрении связанных с детьми образов и репрезентаций социальных практик, транслировавшихся в томской прессе в 1961–1964 гг.

Общая выборка за период с 1 января 1961 г. по 31 декабря 1964 г. составила 1845 номеров, в которых было обнаружено 434 фотоиллюстрации. Выбор данного временного промежутка не случаен. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята Третья программа коммунистической партии, в которой в контексте идеи о воспитании «нового человека» содержался призыв к «обеспечению счастливого детства каждому ребенку»⁹. Верхней границей исследования обозначен 1964 г. — последний год правления Хрущева. В октябре Первым секретарем ЦК КПСС стал Л. И. Брежнев, и новой власти предстояло сформировать новые идеалы и ценности.

Повседневные детские практики изучаемого периода во многом проходили в рамках положений о воспитании коммунистической сознательности, выдвинутых в Третьей программе. В одном из них был сформулирован «Моральный кодекс строителя коммунизма», который вклю-

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 98.

чал тезис о необходимости развития таких нравственных принципов, как преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине и странам социалистического лагеря¹⁰.

Позволим себе предположить, что осуществление этой задачи решалось через формирование у детей «советской» идентичности и чувства сопричастности к делу строительства коммунизма через намеренное включение в детскую повседневность идеологически маркированных деталей своего времени. Идеология для нас в данном контексте не политическая доктрина, а скорее феномен культуры, включающий в себя представления о групповых и личных интересах и ценностях, общественных ожиданиях и путях развития социальной системы. Один из таких маркеров, обнаруженных на фотографиях, условно был обозначен как «космос». В данную категорию были отнесены изображения детей, на которых присутствовали атрибуты, ассоциируемые с космосом (например, ракета или скафандр).

Культ космоса затронул разные стороны жизни ребенка в советском Томске. Обязательным было участие детей в демонстрациях и митингах в образе юных покорителей космоса. Образы, связанные с достижениями СССР в космической программе, заполняли городские пространства детства — игровые площадки, городской сад. Основной формой воплощения «космоса» на земле была ракета-карусель в парке, горка из снега, игрушка в детском саду.

Знаковыми маркерами эпохи 1960-х годов также стали кукуруза и «хрущевка», поэтому вполне закономерным выглядит совместное присутствие этих символов на страницах томских газет. Привычными образами стали дети на фоне новой городской постройки, дети с охапкой кукурузы в руках или с поделками из кукурузы. Есть фотографии, на которых часто присутствует узнаваемая советская символика: портреты Ленина, серп и молот, флаг, фразы в духе времени. Фотографии с идеологически маркированными деталями занимали примерно 12 % от общей выборки.

Следующая задача, сформулированная в Третьей программе КПСС, в центр воспитательной работы ставила трудовое воспитание. «Труд на благо общества — священная обязанность каждого человека», — говорится в ней¹¹. Любовь к труду провозглашается важной составляющей детской повседневности того времени. Обязательность трудовой деятельности находит отображение в череде фотографий: ребенок

¹⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. Т. 3. М., 1962. С. 317–318, 352–353.

¹¹ Там же. С. 317.

за работой у станка, дети за сбором урожая, за разведением сельскохозяйственных культур.

Положение о всестороннем и гармоничном развитии личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, визуализируется в следующих сюжетах: дети за просмотром спектакля в театре, за чтением книг дома или в библиотеке, ребенок, играющий на музыкальном инструменте, школьники на зарядке или занятиях физкультурой.

На страницах газет часто публиковались фотоснимки, связанные с учебой в школе и традиционными пионерскими занятиями: сбор макулатуры, распространение литературы и т. п. Большими фоторепортажами сопровождалась пионерские слеты, посвященные знаковым событиям: День рождения пионерской организации, традиционно отмечавшийся 19 мая, День рождения В. И. Ленина, подведение итогов всесоюзных соревнований пионерских организаций и другие.

Стоит отметить, что дети занимали важное место еще на двух категориях фотоснимков: ребенок как репрезентация статуса хорошей матери или отца; фотографии рабочего «Томкабеля», университетского ученого, кандидата в депутаты, студента, успешно совмещающего работу на производстве и учебу, часто попадали на страницы томских газет как иллюстрации успешного советского человека. Как правило, герои были представлены в окружении своих детей. Особое распространение получила и тема визуализации материнства. Такую тенденцию можно объяснить отказом от доминирующей идеи сталинского периода о государстве как главной семье любого советского человека в сторону укрепления семейных ценностей.

В целом фотоиллюстрации с томскими детьми привлекают своей непосредственностью и живостью. На большинстве фотографий дети расслаблены и раскованы. Самой популярной эмоцией стала детская улыбка. Это неудивительно, ведь именно она служит неким маркером репрезентации счастливого советского детства. Как правило, образы не статичны, дети находятся в постоянном движении: прыгают, бегают, рисуют, играют, разговаривают. Фотографы пытались заснять детей в естественной обстановке, постановочные фото есть, но в небольшом количестве (около 3 %).

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы о репрезентации детства на страницах томских газет. На фотографиях дети, как правило, предстают вместе с символами эпохи и в контексте общественно одобряемой и принимаемой деятельности: труд, жизнь школы, пионерской организации и т. д. Улыбающиеся или смеющиеся

дети в окружении семьи или коллектива еще один частый прием журналистов. Все это способно вызывать у читателя позитивное восприятие детской темы. Образ детства, формируемый на страницах томских газет, соответствует основным канонам хрущевской оттепели и заявленным в Третьей программе КПСС положениям о воспитании коммунистической сознательности. Проведенный анализ иллюстрирует широкие возможности газетных фотоиллюстраций в попытке реконструирования реалий жизни советского ребенка.

**ДИПЛОМАТИЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

Д. К. Попов

Новосибирский государственный университет

Декларация «государевой милости» в дипломатии Московского государства с центрально- азиатскими кочевниками в XVII в.

Статья посвящена вербально-коммуникативному аспекту дипломатических отношений Московского государства с кочевыми военно-политическими объединениями Центральной Азии в XVII в. На основе дипломатической документации предпринята попытка анализа декларации русской властью кочевой властной элите «государевой милости». Установлено, что русские дипломаты либо демонстрировали «милость», которая проявлялась в царских подарках, либо обнадеживали кочевую элиту «милостью», обещая «жаловать» (одаривать), а также оказывать военную помощь и защищать от врагов. При этом обнадеживание либо демонстрация «милости» русского царя выполняли репрезентативные функции, а также, что самое главное, должны были вызвать желание у кочевой элиты перейти «под государеву высокую руку», то есть в подданство государю.

Ключевые слова: государева милость, государево жалованье, подданство, центрально-азиатские кочевники, Московское государство.

В XVII в. Московское государство установило дипломатические отношения с тюркскими и монгольскими кочевниками северной части Центральной Азии. Диалог с кочевыми этносоциумами изначально строился не на равных — московское правительство стремилось подчинить их, привести «под государеву высокую руку». Исходя из базовой установки на преимущественно мирное подчинение, Московское государство выстраивало коммуникацию так, чтобы методами уговоров, деклараций различных обещаний, трансляции идеологием, показывающих могущество государя, склонить к подданству кочевую властную элиту. Анализ коммуникативных практик, используемых русской властью в отношениях с кочевым миром северной части Центральной Азии, позволит выявить набор аргументов, которыми пользовалась русская дипломатия, пытаясь привести кочевую

элиту «под государеву высокую руку», их функционирование, смысловое наполнение.

В исследованиях, посвященных взаимоотношениям Московского государства с кочевыми военно-политическими объединениями северной части Центральной Азии (ойратами, телеутами, киргизами, хотогойтами, халхасцами) в XVII — начале XVIII в., отмечается, что московское правительство стремилось подчинить их своей власти¹. Обращая внимание на сложности переговорного процесса, историки обходили стороной анализ и смысловое наполнение вербальной и символической коммуникации. В то же время вербально-коммуникативный аспект отношений русской власти с иноэтничным населением рассматривался на материале русско-аборигенных отношений в Сибири в конце XVI — начале XVIII в.² В частности, привлекает внимание работа П. С. Игнаткина, посвященная анализу приемов, которые использовались русской властью во время русско-аборигенных контактов. Исследователь пришел к выводу об однотипности приемов вербально-психологического воздействия, которые в большинстве случаев задавались органами центральной власти. Кроме того, проанализировав содержательную нагрузку вербальной коммуника-

¹ См., напр.: *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 36; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 19–21, 23–25, 26, 28, 35, 37, 55–56, 73; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 11–33, 35 и др.; *Боронин О. В.* Двоедланничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 43, 48, 50–51, 58; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII — начале XX века. Новосибирск, 2005. С. 76–79, 86; *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. С. 56–66; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 58–92; *Кушнерик Р. А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.). Барнаул, 2008. С. 25–28, 32, 48–49; *Почекаев Р. Ю.* Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб., 2017. С. 45–50, 76.

² См., напр.: *Зуев А. С.* Освоение и присвоение Московским государством социально-политического пространства Сибири в конце XVI–XVII веке // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 12. Вып. 8: История. С. 61–72; *Зуев А. С., Слузина В. А.* Право на челобитие и обязанность доносить: регламент коммуникации царской администрации с иноземцами Сибири в XVII в. // Коммуникативная культура: история и современность: мат.-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2019. С. 200–205; *Игнаткин П. С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах подчинения аборигенов Сибири Московским государством в конце XVI — начале XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2013. С. 55–65; *Люцидарская А. А.* Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27–31.

ции, П. С. Игнаткин установил их основную направленность — вызвать у контрагента желание в скором времени подчиниться власти московскому государю³.

Необходимо отметить, что в историографии отчасти рассматривался вопрос о технологиях подчинения Московским государством разноформатных постордынских государственных образований. В частности, анализировалась и практика дарообмена, а также ее роль в установлении диалога русской власти с кочевниками. Так, исследователь М. Ходарковский отметил, что одаривание контрагента царскими подарками было одной из самых эффективных практик в отношениях с кочевниками. Помимо прочего, историк выдвинул тезис о том, что с течением времени произошли перемены в трибутарной лексике в отношениях Московского государства с постордынскими государственными образованиями: лексема «дань» заменилась «жалованьем», а различного рода подати — подарками/поминками. При этом такого рода изменения для Москвы были принципиально важными, «поскольку жалованье представляло собой выплату друзьям и подданным Московии, сделанную божественной милостью царя, а поминки были подарками правителю и его дворянам (так М. Ходарковский называет представителей кочевой элиты. — *Д. П.*), отражавшими меру их чести и доброго расположения к Московии»⁴. Тезис о государевом жалованье как проявлении божественной милости московского царя заслуживает особого внимания, поскольку, во-первых, исходя из представлений русского общества о сакральной, божественной сущности власти государя, царские подарки вполне могли рассматриваться в таком ключе. Во-вторых, в таком случае придется констатировать распространение религиозного дискурса на отношения Московского государства с иноэтничным населением. Однако все вышесказанное требует дальнейшей разработки данной проблемы.

Итак, анализ историографии позволяет констатировать крайне слабую разработку проблемы вербальной коммуникации в русско-кочевнических отношениях. Цель данной статьи — проанализировать смысловое наполнение (значение), а также функции декларации «государевой милости» в отношениях Московского государства с кочевыми военно-политическими объединениями Центральной Азии в XVII в.

³ См. подробнее: *Игнаткин П. С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах подчинения аборигенов Сибири Московским государством в конце XVI — начале XVIII в. С. 55–65.

⁴ *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 100–108.

Диалог между русской властью и кочевой элитой осуществлялся на нескольких «уровнях». На протяжении всего XVII в. русские посланцы часто ездили для проведения переговоров в ставки кочевников. В свою очередь, кочевники активно присылали своих дипломатов в сибирские города — Тару, Томск, Тобольск, Кузнецк, Красноярск, Селенгинск, где они вели переговоры с сибирскими воеводами, действовавшими на основании инструкций из Москвы. В отдельных случаях посланцы от глав кочевых правителей допускались в Москву, чтобы увидеть «государевы очи». Во время переговоров русская власть, причем на разных «уровнях», стремилась склонить кочевую элиту дать шерть (присягу) государю на условии несения службы. В качестве различного рода доводов, почему необходимо шертовать русскому царю, русские посланцы, либо сибирские воеводы, либо посольские дьяки, если переговоры проводились в Посольском приказе, обнадеживали кочевников «государевой милостью».

Понятие «государева милость» встречается в источниках в различных вариациях: «государева/государская/царская милость», «государева/государская милость и жалованье», «государское/царское милостивое жалованье». Лексема *милость* в русском лексиконе XVI–XVII вв. означала «милость, милосердие, благорасположение», «благосклонность, особое расположение, любовь», «благодеяние, благотворение», «милостыня, подавание», «прощение, снисхождение», «радость, веселие», «сожаление, жалость», «плата, жалованье»⁵. Маркер «государева/царская» означал, что «милость» исходит непосредственно от московского царя.

В обращениях русской власти к кочевой властной элите «государева милость» использовалась, как правило, с глаголами и отглагольными формами — «обнадежили/надежен», «увидели/видя». В первом случае посланцы или сибирские воеводы, которые принимали послов от кочевников, обнадеживали, уверяли контрагентов в «государевой милости», чтобы те надеялись на нее. В «речах» представителей русской власти «обнадеживание» встречалось в различных вариациях: «велено им (послам. — Д. П.) Чокуру-тайше сказати, чтоб он на государскую милость был надежен и государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержцу служил и прямил»⁶; «и на своей правде и шерти стоял крепко и неподвижно, и был бы еси в нашем цар-

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 137–138; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 9. С. 155.

⁶ Русско-монгольские отношения 1607–1636: сб. док. М., 1959. С. 135.

ском повеленье и послушанье со всею своею ордою навеки неотступен, и впредь на нашу царского величества милость и жалованье во всем был надежен»⁷ и т. д.⁸

В других случаях «государеву милость» можно было «увидеть», а также «помнить»: «и он бы, <...> видя к себе нашу царского величества милость и жалованье и помня свою правду и шерть, был под нашею царского величества высокою рукою»⁹; «чтоб они, видя к себе великого государя нашего, его царьского величества, милость и жалованье, и вперед были на царьского величества милость надежны»¹⁰; «и вам бы Ирдени да Ирки контайшам с братьями и с племянники, видя к себе нашу царского величества милость и жалованье, нам великим государем, нашему царскому величеству, по своему подданству и обещанию, служить»¹¹ и т. д.¹² Итак, русская дипломатия уверяла кочевую элиту в проявлении «милости» со стороны государя, который оказывает и будет всячески ее оказывать при условии, что они шертуют и будут нести службу.

Под «государевой милостью» в большинстве случаев подразумевались царские подарки — «государево жалованье». Статейные списки послов и прочая делопроизводственная документация указывают на отождествление этих понятий: «и Ирка-Илденя, приняв государево жалованье, сукно, на государской милости бил челом»¹³; «и Дурал-табун государское жалованье принял и на государской милости бил челом»¹⁴; «и Конде и Кула-тайша государево жалованье — сукна принели чесно и на госу-

⁷ Русско-монгольские отношения 1607–1636... С. 297.

⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 2; Д. 32. Л. 3; Ф. 113. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 11; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 770, 778, 785; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 416; Русско-монгольские отношения 1607–1636. С. 96, 135, 181, 230, 267, 269, 297; Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сб. док. М., 1974. С. 20, 35, 101, 127, 131, 169, 192, 207, 210, 211, 214, 235, 249, 265, 285, 286, 337, 350; Русско-монгольские отношения 1654–1685. Сб. док. М., 1996. С. 107, 108, 207, 256, 277, 278, 303, 330, 418, 425; Русско-монгольские отношения 1685–1691. Сб. док. М., 2000. С. 86, 88, 99, 100, 105, 124, 183, 188, 201, 202, 243–244, 276, 279, 298, 357; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 225.

⁹ Русско-монгольские отношения 1607–1636... С. 288.

¹⁰ Русско-монгольские отношения 1636–1654... С. 350.

¹¹ Дополнения к актам историческим. СПб., 1867. Т. 10. С. 267.

¹² Русско-монгольские отношения 1607–1636. С. 288, 295, 297; Русско-монгольские отношения 1636–1654. С. 19, 35, 39, 53, 54, 96, 97, 98, 100, 117, 151, 168, 169, 172, 192, 196, 216, 235, 273, 337, 346, 350, 396, 398; Русско-монгольские отношения 1654–1685. С. 20, 70, 87, 167, 173, 207, 249, 267, 276, 278, 292, 294, 296, 298, 208, 337, 350, 363, 372; Русско-монгольские отношения 1685–1691. С. 67, 244, 289, 315, 374; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 8.

¹³ Русско-монгольские отношения 1607–1636... С. 137.

¹⁴ Русско-монгольские отношения 1636–1654... С. 39.

дарьской милости челом били»¹⁵ и т. д.¹⁶ Дарообмен являлся неотъемлемым атрибутом «посольского обычая» Московского государства конца XV–XVII в. и широко практиковался в отношениях с европейскими и восточными государствами. Причем особую актуальность он имел в диалоге с кочевыми этносоциумами, что обусловлено социокультурными особенностями, характерными для кочевников¹⁷. В отношениях Московского государства с военно-политическими кочевыми объединениями севера Центральной Азии широко использовалась практика одаривания властной элиты. Такими методами русская власть стремилась склонить глав кочевых объединений шертовать московскому царю, то есть вступить в подданство на условиях несения службы.

Разновидностью «государевой милости» были различного рода обещания со стороны русской власти. В частности, московское правительство обещало кочевникам военную помощь в обмен на то, что они согласятся встать «под высокую государеву руку». Крайне нестабильная военно-политическая ситуация в Центрально-Азиатском регионе на протяжении всего XVII в. заставляла кочевников обращаться к московскому государю с различными просьбами, в частности о военной помощи, присылке огнестрельного оружия и т. д. Русская власть пользовалась этими обращениями и обещала военную помощь и защиту со своей стороны, но при условии вступления в подданство царю. Грамота царя Михаила Федоровича, отправленная в 1620 г. хотогойтскому алтын-хану Шолою Убаши, уверяет его в том, что русский царь окажет военную помощь в войне монгольского хана с калмыкским тайшей Хара-Хулой. При этом данная «услуга» со стороны московского государя называется «государевой милостью»¹⁸; грамота о принятии в подданство калмыцкого тайши Далай-Богатыря, выданная в 1618 г., также обнадеживает «государевой милостью»: «а мы, великий государь, <...> учнем держать под нашею царского величества высокою рукою в нашем царском милостивом жалованье и в призьенье, и ото всех ваших недругов во обороне и в зачищенье»¹⁹; «а мы, великий государь, наше царское вели-

¹⁵ Русско-монгольские отношения 1636–1654... С. 64.

¹⁶ Там же. С. 82, 170, 192, 213, 228, 238, 248, 285, 286, 350, 353; Русско-монгольские отношения 1654–1685. С. 64, 106–107, 108, 247, 315, 336, 412; *Бутанаяев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 148, 149, 151.

¹⁷ О роли дарообмена в кочевых обществах см.: *Жуковская Н. Л.* «Подарок-отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica-I.* Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884–1931. М., 1986. С. 160–168.

¹⁸ Русско-монгольские отношения 1607–1636. С. 96.

¹⁹ Там же. С. 76.

чество его, Контайшу, <...> учнем жаловать и держать в нашем царском милостивом жалованье и во оборони»²⁰ и т. д.²¹

Отметим, что в некоторых случаях «государева милость» проявлялась не только в царских подарках, предназначенных для кочевников, но и в самих декларативных обращениях русской власти к кочевникам. Речь идет о «жалованном слове», которое активно использовалось в отношениях русских с полиэтничным населением Сибири и севера Центральной Азии²². К примеру, «и сказал им, тайшам, великих государей милостивое жаловальное слово. И тайши Манжи и Чегам, выслушав наказную память, на государьской милости били челом»²³; «и сказал я, Василей, ему, Сеньге-тайше, великих государей милостивое жаловальное слово. И тайши Сеньга, выслушав наказную память, на государьской милости бил челом»²⁴ и т. д.²⁵

В политической культуре Московского государства с его патерналистскими представлениями любой акт, любое действие со стороны московского государя воспринималось как проявление «милости» по отношению к своим подданным²⁶. Царь волен «миловать» и «жаловать» всех, кто ищет его «милости». Весьма примечательно, что в челобитных от различных чинов русского общества, обращенных к московскому государю, в основной части, а еще чаще — в конечном протоколе использовались формулы «смилуйся, пожалуй» и другие однокоренные лексемы²⁷. Этими же понятиями, по сути базовыми для политической культуры Московского государства, оперировала русская власть, привлекая и зазывая «под государеву высокую руку» енисейских киргизов,

²⁰ Русско-монгольские отношения 1636–1654. С. 262.

²¹ Русско-монгольские отношения 1607–1636. С. 23, 99, 148–149, 297; Русско-монгольские отношения 1636–1654. С. 20, 35–37, 96, 100, 101, 117, 168, 262, 288, 346; Русско-монгольские отношения 1654–1685. С. 278; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 225; Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. С. 174.

²² *Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 146–153.

²³ Русско-монгольские отношения 1654–1685. С. 106.

²⁴ Там же. С. 108.

²⁵ Русско-монгольские отношения 1607–1636. С. 138; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 146.

²⁶ См., напр.: *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 21–23. Отметим, что сам акт принятия в подданство контрагента также рассматривался как проявление «государевой милости»: «и мы великий государь Каракулу тайша и его улусных людей пожаловали в нашу царскую милость и во оборону приняли» (РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 11).

²⁷ *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 15, 23–24.

телеутов, ойратов (калмыков и джунгар), хотогойтов, халхасцев и хошоутов. Одаривание московским государем своих потенциальных подданных (причем в некоторых случаях по их же «челобитью»²⁸), обещания военной помощи и защиты являются показателем «милости» государя, его благорасположения, благих намерений с его стороны. В русско-кочевнических отношениях XVII в. названные декларации со стороны Московского государства имели принципиальное значение.

Во-первых, декларация «государевой милости» в формате «жалованья»-подарков, военной помощи и защиты являлась одним из аргументов, которыми пользовалось Московское государство при подчинении кочевой элиты своей власти.

Во-вторых, названные декларативные обещания со стороны русского царя выполняли функции самопрезентации государя в русско-кочевнических отношениях. Сами подарки, как известно, выполняли материально-символическое значение, репрезентовали царскую власть, богатство русского государя. Обещание военной помощи в тех случаях, когда оно звучало, а также обещание «держат в обороне», то есть в защите, должны были транслировать образ московского царя как сильного правителя, способного оказать помощь и защитить своих потенциальных «холопов». Другое дело, что сам государь фактически ни разу не оказал военной помощи калмыкским тайшам и монгольским ханам.

Подытоживая, констатируем, что под «государевой милостью» в отношениях русской власти с кочевой элитой севера Центральной Азии подразумевались различного рода обещания, царское жалованье, а также политико-правовая процедура. Главная функция обнадеживания «государевой милостью» заключалась в том, чтобы склонить кочевую элиту к принятию подданства московскому государю. Активное использование «государевой милости» в речах русских дипломатов, а также сибирских администраторов должно было способствовать формированию у контрагентов представления о милостивом «белом царе», проявляющем «милость» к своим подданным, которые, кстати говоря, нередко «отступали» от данных ими же присяг. Отметим, что апелляция к «государевой милости» входила в «набор» аргументов, которыми пользовалась московская дипломатия при попытках склонить контрагентов «под государеву высокую руку».

²⁸ См., напр.: Русско-монгольские отношения 1636–1654. С. 28.

А. А. КУРГАНСКИЙ

*Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта (Калининград)*

Дипломат Юзеф Липский и его роль в подготовке Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией 1934 г.

На основе дипломатических документов, мемуаров, прессы и новейших научных исследований анализируется деятельность посла Польши в Германии Юзефа Липского. Прежде всего речь идет о роли дипломата в подготовке и заключении Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией от 26 января 1934 г. в контексте взаимоотношений Второй Речи Посполитой со своими ближайшими соседями. Сделан вывод, что видный польский дипломат оказывал серьезное влияние на проводимый правящим в Польше режимом внешнеполитический курс, способствовал его повороту в сторону Германии в середине 1930-х годов. В свою очередь это привело к снижению шансов на создание системы коллективной безопасности в Европе и открывало путь к развязыванию Второй мировой войны.

Ключевые слова: внешняя политика, Польша, Германия, польско-германская декларация 1934 г., Юзеф Липский, Юзеф Пилсудский.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–39–90011 «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период».

Статья посвящена интересному и дискуссионному сюжету из истории не только двусторонних связей Польши и Германии, но и всей системы европейских международных отношений, а именно обстоятельствам заключения польско-германской «Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы» от 26 января 1934 г., известной также как «Пакт Пилсудского — Гитлера». Этот документ оказал

существенное влияние на внешнюю политику Второй Речи Посполитой, некоторые польские историки даже называют новый внешнеполитический курс «линией 26 января 1934 года».

В историографии не прекращаются попытки выяснить, была ли эффективна политика «равноудаления» Польши от СССР и Германии, проводимая главой государства Ю. Пилсудским и министром иностранных дел Ю. Беком. Польские ученые, как правило, считают ее единственно верной¹, хотя называют ошибкой отдаление Польши от Франции, Великобритании и стран Малой Антанты². В современной российской историографии она оценивается как бесперспективная³.

Одним из создателей политики равноудаления был посланник (с октября 1934 г. — посол) Польши в Третьем рейхе Юзеф Липский. В российских исследованиях Липский до последнего времени упоминался в основном в качестве посла в Берлине, подписавшего польско-германскую декларацию, а польская предвоенная политика подвергается критике за значительное сближение с нацистской Германией⁴. В историографии Польской Народной Республики (ПНР) роль Липского специально не исследовалась, осуждению подвергалась вся санационная внешняя политика, особенно сближение с Третьим рейхом. После падения социалистического строя в Польше взгляды на внешнюю политику Второй Речи Посполитой польскими историками были кардинально пересмотрены. Интерес к теме отношений Польши и Германии в настоящее время продолжает нарастать наряду с темой предыстории Второй мировой войны. Проявилась тенденция оправдывать польско-немецкое сотрудничество трудным международным положением Польши в меж-

¹ Грегоревич С. Место и роль СССР в политике Польши в 30-е годы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 39–49; *Przybylski J.* Polityka zagraniczna Polski w latach 1926–1939 w relacjach i opiniach polskich dyplomatów // *Zeszyty naukowe Akademii Marynarki Wojennej*. 2010. №1 (180). S. 163–182; *Урбаньска И.* Вацлав Гжибовски. Посол Польши в СССР (1936–1939). Торунь, 2013. 236 с.

² *Białobłocki Z.* Stosunki dyplomatyczne Polski i ZSRR 1933–1934 // *Studia Podlaskie*. 1999. Т. IX. S. 44–61; Грегоревич С. Место и роль СССР в политике Польши... С. 39–49; *Дембски С.* Польско-советские отношения в оценках Берлина в 30-е годы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 191–218; *Дембски С.* Между Берлином и Москвой. Германско-советские отношения в 1939–1941 гг. М., 2018. 814 с.

³ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. с. 215–219.

⁴ *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. Казань, 2007. 363 с.; *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008. 474 с.; *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М., 2014. 720 с.; *Шубин А. В.* Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М., 2016. 496 с.; Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2017. 823 с.

военный период, а роль дипломата Липского стала оцениваться по-разному: одни исследователи считают его всего лишь исполнителем указаний Пилсудского и Бека, другие видят в нем дипломата, искренне искавшего пути обеспечения безопасности своей страны⁵.

Самая серьезная заслуга в изучении роли Юзефа Липского принадлежит двум выдающимся польским историкам Мареку Корнату и Славомиру Дэмбскому. Исследователи отмечают, что деятельность дипломата была продиктована реалиями международных отношений в Европе и существующей польской внешнеполитической линией, но и указывают на весомый личный вклад Липского в польско-германском сближении в 1930-х годах⁶. Непрекращающиеся споры вокруг участия дипломата в исторических событиях 1930-х годов подтверждаются тем, что Президент России В. В. Путин 24 декабря 2019 г. выступил с критикой действий посла Липского и его ксенофобских высказываний в канун Второй мировой войны, что вызвало оживленную дискуссию в польском историческом и политическом сообществе⁷.

Цель настоящей статьи — выяснить роль Ю. Липского в подготовке Пакта о ненападении 1934 г. и его влияние на политику Польши в отношении Германии. Основными источниками исследования являются документы, вышедшие из-под пера самого дипломата⁸, а также разнообразные документы внешнеполитических ведомств ряда европейских стран.

Липский родился 5 июня 1894 г. в г. Бреслау (совр. Вроцлав), то есть в германской части разделенной Польши, в семье, которая на протяжении десятилетий была связана с польским национальным движением и сопротивлением германизации. Он учился в Лозанском университете на факультете общественных наук. Учеба в нейтральной Швейцарии помогла Липскому избежать призыва в немецкую армию в годы

⁵ *Białobłocki Z.* Stosunki dyplomatyczne Polski i ZSRR... S. 44–61; *Грегорович С.* Место и роль СССР в политике Польши... С. 39–49; *Kornat M.* Ambasador Józef Lipski o stosunkach polsko-niemieckich (1933–1939) // *The Polish Diplomatic Review.* 2002. № 1 (5). S. 199–226; *Kornat M.* Polityka równowagi 1934–1939. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków, 2007. 499 s.; *Przybylski J.* Polityka zagraniczna Polski w latach 1926–1939... S. 163–182; *Ширер У.* Взлет и падение Третьего Рейха. М., 2018. 1216 с.

⁶ *Дембски С.* Польско-советские отношения... С. 191–218; *Kornat M.* Ambasador Józef Lipski... S. 199–226; *Kornat M.* Polityka równowagi... 499 s.; *Дембски С.* Между Берлином и Москвой... 814 с.

⁷ Заседание коллегии Министерства обороны. 24.12.2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62401> (дата обращения: 13.01.2020).

⁸ *Diplomat in Berlin, 1933–1939: Papers and Memoirs of Józef Lipski, Ambassador of Poland.* New York, 1968. 679 p.

Первой мировой войны. По имеющимся источникам, Липский желал победы Антанте⁹.

Сразу же после окончания войны он поступил на работу в МИД Польши и уже в декабре 1918 г. был назначен секретарем Лондонской миссии Польского национального комитета, который в годы Первой мировой войны располагался в Париже. Липский был в курсе всех аспектов европейской политики, был знаком со многими выдающимися личностями, в 1928 г. стал главой Западного отдела МИД в Варшаве.

Благодаря знанию иностранных языков, мастерству переговорщика, личному обаянию и особенно доскональному пониманию немецких проблем Липский уверенно продвигался к одной из важнейших позиций дипломатической службы — посла в Берлине¹⁰.

Хотя последнее слово в области внешней политики Польши всегда оставалось за Пилсудским, вся конкретная дипломатическая работа определялась лично главой МИД Ю. Бек. При назначении послов он отдавал предпочтение тем дипломатам, для которых язык страны пребывания был практически родным¹¹. Подбирая кандидатов, Бек, по словам его секретаря Домана Рогойского, опасался «некоторой робости и низкопоклонства перед иностранцами, <...> на должность посла он искал человека бывалого, хорошо знающего иностранные языки и зарубежные страны, который не грешил бы излишней скромностью и обладал бы уверенностью в себе»¹². В этом смысле выросший в Германии Липский был весьма подходящей кандидатурой для работы в Берлине.

Между тем с изменением внутривосточной ситуации в соседней стране в 1933 г. возникала необходимость корректировки внешнеполитического курса Польши. 2 мая 1933 г. Гитлер заявил польскому посланнику в Германии А. Высоцкому, что готов урегулировать отношения на двусторонней основе¹³. Переговоры Бека с немецкой делегацией в Женеве 19 октября 1933 г. на осенней сессии Лиги Наций способствовали выходу Германии из Лиги¹⁴.

Пилсудский именно этот момент выбрал для смены своего посланника в Берлине и начала переговоров с Гитлером. Г. Ф. Матвеев пишет, что Пилсудский, «обсуждая итоги этого шага с Бек <...>, подчеркнул, что главное не результат, а момент, в котором он был сделан»¹⁵. После

⁹ *Diplomat in Berlin...* P. XI.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Урбаньска И. Вацлав Гжибовски...* С. 14–18.

¹² Цит. по: *Урбаньска И. Вацлав Гжибовски...* С. 15.

¹³ *Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 691.*

¹⁴ *Гришин Я. Я. Диктатор внешней политики...* С. 30.

¹⁵ *Матвеев Г. Ф. Пилсудский...* С. 437.

выхода Германии из Лиги Наций Гитлер передал Пилсудскому проект декларации о ненападении, а 9 января в Берлине был получен польский вариант документа¹⁶. В тот период, когда страны — члены Лиги Наций отвернулись от Германии, поляки начали усиленно искать пути сближения с ней, по сути, стали неформальными представителями Германии в Лиге. Из мемуаров Бека можно сделать вывод, что для Польши в то время не было важнее вопроса, чем сближение с Германией¹⁷.

Именно в этот момент посланником Польши в Германии стал Юзеф Липский. Составитель сборника документов Ю. Липского и автор предисловия к изданию Вацлав Енджеевич называет его главным автором и архитектором польско-германской декларации¹⁸.

Ему было поручено любыми способами содействовать сближению с гитлеровской Германией. Вспоминая о своей довольно продолжительной встрече с Пилсудским 5 ноября 1933 г., Липский писал, что Маршал (таким было прозвище Пилсудского) поручил ему по прибытии в Берлин немедленно просить аудиенции Гитлера для обсуждения принятия мер по укреплению безопасности. На вопрос дипломата, как ему реагировать, если Гитлер предложит пакт о ненападении, Пилсудский ответил, что это стоит серьезно рассмотреть. Липский вспоминал, что «Пилсудский особо подчеркивал, что договор должен содержать меры по укреплению безопасности <...> и что безопасность не может быть гарантирована только для настоящего времени»¹⁹. Встреча Липского с Гитлером состоялась 15 ноября, на ней было достигнуто устное соглашение об условиях «достижения мира», которое впоследствии могло быть заменено постоянным договором²⁰.

По донесениям послов и публикациям в прессе, Европа была встревожена слухами о секретных переговорах и подписании всеобъемлющего двустороннего пакта, высказывалась серьезная тревога, основанная только лишь на предположениях о том, над каким окончательным вариантом пакта работают рейхсминистр К. Нейрат и Ю. Липский²¹.

Полномочный представитель СССР в Польше В. А. Антонов-Овсеенко, анализируя дипломатические слухи, сообщения прессы и, возможно, данные советской разведки, провел собственное расследование. Его

¹⁶ Матвеев Г. Ф. Пилсудский... С. 437.

¹⁷ Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 30–31.

¹⁸ Diplomat in Berlin... P. VII.

¹⁹ Ibid. P. 97.

²⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1969. Т. VI. С. 107–08.

²¹ Документы и материалы... Т. VI. С. 115–116.

интересовали последствия устной декларации Гитлера — Липского для Советского государства. 27 ноября 1933 г. в аналитической записке он написал очень короткую, емкую фразу: «В беседе с Липским Гитлер прощупывал возможность антисоветского сговора, но не встретил благоприятной почвы <...>. По отношению к нам данный акт не вносит изменений»²². Разумеется, делать выводы об отношении Липского к СССР по этой короткой записке сложно, однако она показательна, учитывая то, что Бек в то же самое время дал согласие на посещение Москвы, демонстрируя советскому послу заинтересованность в сближении с СССР²³.

Самым важным вопросом в отношениях с Польшей советская сторона считала проблему безопасности Прибалтики. Народный комиссар по иностранным делам СССР М. М. Литвинов на встрече с посланником Польши Ю. Лукасевичем 14 декабря 1933 г. предложил подписать совместную декларацию о заинтересованности СССР и Польши в сохранении «неприкосновенности и полной экономической и политической независимости» стран Прибалтики. Лукасевич не отклонил это предложение, но в своем донесении Беку признал Балтийскую декларацию неприемлемой для Польши, так как она направлена на то, чтобы «скомпрометировать Польшу перед Германией и сделать невозможным ослабление напряженности, начатое декларацией Липский — Гитлер»²⁴. Можно предположить, что слова Лукасевича выражают беспокойство, он действует, выстраивая отношения с СССР так, чтобы не помешать миссии Липского в Берлине, особенно в момент, которого ожидали Бек и Пилсудский.

Атмосфера секретности, которая сопровождала переговоры, и само соглашение вызывали все больше толков в дипломатических кругах и прессе. Предполагалось, что соглашение имеет направленность против СССР, Австрии, Чехословакии и Литвы. Выводы наблюдателей и сообщения печати официальные круги Варшавы и Берлина не опровергали. Назначение Липского посланником в Берлин, несомненно, способствовало укреплению политики «равноудаления», так как подписание польско-немецкой декларации, что позднее назовут главным делом жизни Липского, должно было служить противовесом советско-польскому пакту 1932 г.

Первым, кто заметил ловушку, подстроенную для советской дипломатии польскими коллегами, был Антонов-Овсеенко. Он обратил вни-

²² Документы и материалы... Т. VI. С. 114–115.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ Гришин Я. Я. Диктатор внешней политики... С. 36.

мание на «параллелизм» в действиях польской стороны. Переговоры по Прибалтике играли роль отвлекающего маневра в период подготовки и подписания декларации в Берлине 26 января 1934 г.²⁵ СССР после этого дипломатического инцидента перешел на более твердый тон с Польшей, а Антонов-Овсеенко был отозван с должности.

Подписание Балтийской советско-польской декларации предполагало личное присутствие Ю. Бека в Москве. 4 января 1934 г. Бек писал Липскому: «Если будет необходимо осветить для правительства Германии сообщения прессы о польско-советских переговорах по странам Балтии, пожалуйста, спокойно объясните, что новые послевоенные государства Балтии в недавнем прошлом были спорной зоной между Советами и Польшей. Эти противоречия были устранены в связи с общим улучшением отношений <...>. Мы действительно заинтересованы в балтийской проблеме, однако в случае если Германия захочет присоединиться к переговорам, то мы не будем препятствовать»²⁶. В историографии отмечалось, что заявления Липского Нейрату о том, что польско-советские переговоры способствовали устранению противоречий между Польшей и СССР, были попыткой усилить позиции Польши в переговорах по содержанию декларации о ненападении²⁷.

В то время как Литвинов настаивал на быстрой доработке Балтийской декларации, в Берлине 9 января 1934 г. Липский передал Нейрату польский контрпроект декларации о ненападении. Липский также подчеркнул, что польско-советские переговоры касались сближения точек зрения обеих стран в балтийских вопросах и не имели антигерманского характера²⁸. Это заявление Липского о польско-советских отношениях повлияло на ускорение польско-германских переговоров, которые с этого момента вступили в новую фазу. Тем не менее в Берлине посчитали, что Польша ведет переговоры с СССР для того, чтобы повлиять на Германию и ускорить подготовку внешнеполитическим ведомством рейха пакта о ненападении с Польшей. Польско-советские переговоры возымели должный эффект. Липский говорил, что эти переговоры стали весомым фактором для немецкого министерства, чтобы активизировать работу над пактом²⁹.

²⁵ Белые пятна — черные пятна... С. 89–90.

²⁶ Цит. по: *Białobłocki Z. Stosunki dyplomatyczne Polski i ZSRR...* S. 52–53.

²⁷ *Ibid.* S. 53.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Ibid.* S. 53–54.

Пока Лукасевич в Москве затягивал переговоры с Литвиновым, Липский в Берлине, напротив, стал действовать активнее. 26 января 1934 г. он встретился с Гитлером, после чего вместе с Нейратом подписал «Декларацию о мирном разрешении споров и неприменении силы» сроком на 10 лет.

Обнародование этого документа вызвало шквал похвальных отзывов в Польше и Европе. Показателен в этом отношении отзыв посланника Польши в Брюсселе Т. Яцковского от 1 февраля 1934 г., направленный Липскому в Берлин: «Горячо поздравляю тебя с великим дипломатическим успехом, благодаря которому твое имя вошло в историю польско-немецких отношений»³⁰.

Историк А. В. Шубин так выразил общепринятое мнение о пакте 26 января 1934 г.: «Поляки сочли, что Германия лучше гарантирует безопасность Польши от СССР, чем Франция и СССР — безопасность от Германии»³¹.

Польский историк С. Дембски считает, что при урегулировании польско-германских отношений Берлин всегда был более всего озабочен проблемой «польского коридора» к Данцигу³². Декларация 1934 г. не затрагивала проблему польско-германских границ и Данцига. Это означало, что для Германии декларация имела лишь тактическое значение. Для Польши проблема Данцига стала мерилom того, насколько глубоко может заходить дружба с Гитлером. Позднее, 31 октября 1937 г., когда немцы настойчиво стали требовать возвращения Данцига Германии, Липский ответил Риббентропу, что это не представляется возможным, и зачитал послание Бека по этому вопросу, что любая попытка присоединить «вольный город» к рейху приведет к конфликту. Он также привел слова Пилсудского, произнесенные им в 1934 г. во время переговоров по пакту о ненападении, когда он предупредил немцев, что «вопрос о Данциге всегда будет критерием намерений Германии относительно Польши»³³.

Член коллегии Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР Б. С. Стомяков, ранее являвшийся торговым представителем Советского Союза в Германии, а позднее ставший заместителем наркома по иностранным делам, писал, что еще 20 ноября 1933 г. на его вопрос о сроке, на какой гарантирована безопасность западных границ в связи с заключением

³⁰ Цит. по: *Гришин Я. Я. Диктатор внешней политики...* С. 42.

³¹ *Шубин А. В. Мир на пути к войне...* С. 81.

³² *Дембски С. Между Берлином и Москвой...* С. 75, 77–78.

³³ *Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха...* С. 498.

декларации, Бек ответил: «На год, может быть, несколько больше»³⁴. В итоге декларация Липского обеспечила безопасность границ Польши почти на шесть лет. Однако она не принесла мир, вызвав у большинства европейских стран недоверие к Польше³⁵.

Уже с осени 1938 г. Липский дважды подавал в отставку с должности посла, но она не была принята, он оставался на своем посту до 1 сентября 1939 г. Липский успел отправить свой последний отчет в Варшаву 8 августа 1939 г., в котором заявлял, что, разгромив Польшу, Германия нападет на СССР. Липскому было понятно, что Гитлера не смогут сдерживать никакие принятые ранее обязательства. После отставки он надел солдатскую форму и вступил в ополчение³⁶.

Бывший дипломат воевал добровольцем во Франции, командовал пулеметной установкой, получил французские боевые награды, после полной оккупации Франции через немецкие кордоны смог добраться до Лондона, где был назначен политическим советником польского командующего и премьер-министра генерала В. Сикорского. О Липском оставили воспоминания несколько дипломатов того периода. В мемуарах известного французского дипломата и посла Франции в Германии Андре Франсуа-Понсе Липский представлен как тихий, сдержанный, отчужденный человек³⁷.

В. Енджеевич считает, что Липский как талантливый дипломат добросовестно выполнял установки Бека и Пилсудского, «которые отражали политику польского правительства в то время: не поддерживать [ни] немцев против Советской России <...>, ни России против Германии»³⁸. Автор биографической заметки к сборнику документов Липского Александр Янта также пишет, что миссия Липского в Берлине являлась искренней и была продиктована стремлением к сохранению мира, но закончилась катастрофой³⁹. Несомненно, что доля вины за эту катастрофу лежит и на бессменном представителе Польши в Берлине с 1933 по 1939 г. Юзефе Липском.

С начала 1930-х годов Польша на международной арене стремилась играть роль «великой державы», возглавить блок стран «Третьей Европы». Однако ни одна из идей коллективной безопасности, предлагаемая разными государствами в тот период, не была реализована,

³⁴ Документы внешней политики... Т. XVI. С. 698.

³⁵ *Przybylski J.* Polityka zagraniczna Polski w latach 1926–1939... S. 171.

³⁶ *Diplomat in Berlin...* P. VIII, 553.

³⁷ *Ibid.* P. XIII.

³⁸ *Ibid.* P. VII.

³⁹ *Ibid.* P. XI.

каждая страна стремилась достичь своих геополитических целей самостоятельно. Подписание Декларации 1934 г. объективно стало еще одним шагом, который уводил европейскую дипломатию в сторону от создания системы коллективной безопасности, открывая тем самым дорогу для развязывания мировой войны.

А. А. КАЛЮГА

Иркутский государственный университет

Дипломатическая служба и внешнеполитическая система Республики Польша: эволюция и современное состояние

Статья посвящена проблеме формирования дипломатической службы и современной внешнеполитической системы Республики Польша (РП). При написании статьи были использованы некоторые дипломатические и правительственные документы, тексты законов и конституции Польши, а также информация, взятая с официальных государственных сайтов РП. Кроме того, при исследовании указанной проблематики были привлечены научные публикации российских и зарубежных авторов. В статье анализируются особенности и методы современной дипломатической службы РП, процессы, связанные с реформированием внешнеполитического механизма в системе органов государственной власти, некоторые аспекты дипломатического протокола, а также специфика набора дипломатических кадров. В итоге мы можем сказать, что за время существования современного польского государства его внешнеполитическая система претерпела значительные изменения.

Ключевые слова: Республика Польша, польская дипломатия, дипломатическая служба, польская национальная модель дипломатии.

Современная польская дипломатическая служба возникла сравнительно недавно. Ее появление напрямую связано с процессами, происходившими в польском государстве в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В этот период вследствие смены государственного строя и начала проведения рыночных реформ в Республике Польша (РП) сформировалась обновленная модель польской дипломатии, которая действует и в настоящее время.

В российской историографии очень мало внимания уделено вопросам современной польской дипломатии. Немногие исследователи, занимающиеся этой проблематикой, концентрируются на отдельных ее аспектах. Здесь стоит отметить Я. А. Ворожеину, специализирующуюся

юся на политико-правовых аспектах осуществления внешней политики Польши¹, А. В. Чернову, специалиста по польской «восточной политике»², и В. А. Гулевича, занимающегося вопросами польской диаспоральной политики, внешнеполитическими концепциями РП, а также двусторонними отношениями республики³.

Несколько лучше данная проблема раскрыта на Украине и в Белоруссии. Здесь хотелось бы отметить авторов, чьи публикации были полезны при написании данной статьи. Украинский исследователь О. З. Ключак детально описал функции и задачи каждого из департаментов МИД Польши⁴. Его белорусский коллега Н. А. Косолапов раскрыл некоторые аспекты польской «восточной политики», в частности инструменты мягкой силы⁵.

Что касается польской историографии исследования дипломатической службы и внешнеполитической системы РП, то она ограничена достаточно узким кругом авторов. Большинство из них специализируется на исторических аспектах польской дипломатии. Так, широко распространено изучение функционирования дипломатической модели Второй Речи Посполитой (1918–1939 гг.). Из польских экспертов, занимающихся вопросами современной внешнеполитической системы Республики Польша, следует выделить Е. Молендовского⁶ и Б. Оцепку⁷, специализирующихся на экономической дипломатии и публичной дипломатии соответственно.

¹ *Ворожеина А. Я.* Механизм осуществления внешней политики современной Польши: политико-правовой анализ // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 44–59.

² *Чернова А. В.* Роль Польши в восточной политике ЕС: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2014. 250 с.

³ *Гулевич В. А.* Польский взгляд на Белоруссию [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19867> (дата обращения: 11.06.2020); *Он же.* Польша предлагает Украине прометеизм [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19988> (дата обращения: 10.06.2020); *Он же.* Полония: диаспоральная политика Польши [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23055> (дата обращения: 10.06.2020).

⁴ *Ключак О. З.* Сучасна дипломатична служба Республіки Польща: модель та інновації Науковій праці історичного факультету Запорізького національного університету, 2013. Вип. XXXVII. С. 245–252.

⁵ *Косолапов Н. А.* «Мягкая сила» Республики Польша в контексте формирования восточного вектора внешней политики (на примере Украины и Республики Беларусь) // Вопросы безопасности. 2016. № 2. С. 43–55.

⁶ *Molendowski E.* Dyplomacja gospodarcza Polski: organizacja, główne zadania w okresie transformacji / W: M. Maciejewski, K. Wach (red.) // Handel zagraniczny i biznes międzynarodowy we współczesnej gospodarce. Kraków: Uniwersytet Ekonomiczny w Krakowie, 2017. S. 449–465.

⁷ *Ociepka B.* Miękką siłą i dyplomacja publiczna Polski. Warszawa, 2013. 232 s.

Актуальность исследования для российского научного сообщества обусловлена несколькими факторами. Во-первых, российско-польские отношения имеют долгую и сложную историю. В советский период между странами были выстроены дружеские и доверительные отношения. К сожалению, это ушло в прошлое, и в Польше сейчас преобладают антироссийские настроения. Поэтому понимание структуры дипломатической службы и внешнеполитического механизма в системе органов государственной власти РП важно в контексте налаживания конструктивного диалога между странами. Во-вторых, польский опыт реорганизации внешнеполитического ведомства может быть интересен в контексте трансформации российского МИД в постсоветские годы. В-третьих, несмотря на то, что РП является ведущей экономикой среди стран Центральной и Восточной Европы и имеет общую государственную границу с РФ, исследованиям Польши уделяется мало внимания. Данная статья призвана обобщить и дополнить имеющиеся знания о современной польской модели дипломатии.

Прежде всего следует рассмотреть механизм принятия внешнеполитических решений в Польше, который имеет сложный и многоуровневый характер. Согласно польской конституции от 2 апреля 1997 г., право осуществлять внешнеполитическую деятельность имеет президент Республики Польша, совет министров, органы местного самоуправления.

В соответствии с конституцией президент является представителем государства во внешних сношениях⁸. Президент Республики Польша обладает полномочиями: ратифицировать и денонсировать международные договоры (предварительно уведомив сейм и сенат), назначать и отзывать полномочных представителей Республики Польша в других государствах и при международных организациях, принимать верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей других государств и международных организаций⁹.

В свою очередь, совет министров, согласно конституции, «осуществляет общее руководство в области отношений с другими государствами и международными организациями» и «заключает международные договоры, требующие ратификации, а также утверждает и денонсирует иные международные договоры»¹⁰.

⁸ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. [Electronic source] // Dziennik Ustaw Nr 78. — Poz. 483. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19970780483> (дата обращения: 08.06.2020).

⁹ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej... Art. 133.

¹⁰ Ibid. Art. 146.

Органы местного самоуправления имеют возможность «вступать в международные объединения локальных и региональных сообществ, а также сотрудничать с локальными и региональными сообществами других государств»¹¹.

Законодательная ветвь власти также способна влиять на внешнеполитическую деятельность страны. Согласно польской конституции, для ратификации договора или его денонсации нужно, чтобы $\frac{2}{3}$ депутатов сейма и $\frac{2}{3}$ сенаторов проголосовали за это решение¹².

Таким образом, принятие внешнеполитических решений в Польше имеет сложную противоречивую структуру. Очень многое зависит от взаимоотношений президента и премьер-министра, при конфликте которых может возникнуть внешнеполитический ступор. Ситуация осложняется еще и тем, что, согласно польской конституции, президент не может по-своему усмотрению освободить от должности премьер-министра, а также кого-либо из министров.

Наряду с вышеперечисленными полномочиями премьер-министр обладает дополнительными возможностями влиять на механизм принятия внешнеполитических решений. С 1999 г. в Республике Польша существует система отделов правительственной администрации (далее — отделов), чьи полномочия и функции определены законом «Об отделах правительственной администрации» от 4 сентября 1997 г.¹³ На данный момент существует 37 отделов. Премьер-министр вправе распределять руководство над ними между членами кабинета министров так, как он решит. Единственное ограничение заключается в том, что один и тот же министр должен одновременно руководить тремя отделами: по бюджету, по государственным финансам и по финансовым учреждениям. В остальном министр может руководить одним или несколькими отделами. Соответственно функции и полномочия министерства напрямую зависят от того, какими отделами руководит профильный министр. Например, в 2015 г. министру Мареку Юзефу Гробарчику было передано руководство над четырьмя отделами правительственной администрации: морское хозяйство, управление водными ресурсами, рыболовство и внутреннее судоходство. Вследствие чего в Польше в 2015 г. было образовано новое министерство морской экономики и внутреннего судоходства, которому перешли функции других министерств: министерство

¹¹ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej... Art. 172.

¹² Ibid. Art. 90.

¹³ Ustawa z dnia 4 września 1997 r. o działach administracji rządowej [Electronic source] // Dziennik Ustaw Nr 141. Poz. 943. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19971410943> (дата обращения: 01.06.2020).

инфраструктуры и развития передало управление над отделом морского хозяйства, министерство сельского хозяйства и развития сельских районов передало отдел рыболовства, министерство инфраструктуры и строительства — отдел внутреннего судоходства, а министерство охраны окружающей среды — отдел управления водными ресурсами.

На этапе создания системы было решено выделить два разных отдела, касающихся внешней политики: отдел членства Республики Польша в Европейском Союзе (ЕС) и отдел иностранных дел. На тот момент выделение самостоятельного отдела членства РП в ЕС было обусловлено желанием властей подчеркнуть особую важность для страны членства в Евросоюзе. Тем не менее предполагалось, что министр иностранных дел будет руководить обоими отделами, следовательно, все внешнеполитические функции должны были принадлежать МИД. 5 марта 2020 г. была проведена реформа, в результате которой руководство над отделом членства РП в ЕС было передано новому министру по делам Евросоюза. Примечательно, что было принято решение не создавать отдельное министерство, а все профильные функции передать канцелярии премьер-министра.

Данная реформа лишила министерство иностранных дел компетенций в вопросах взаимоотношений с ЕС, а также следующих функций: управление деятельностью Постоянного представительства Республики Польша в ЕС, защита польских интересов в судебных органах Европейского Союза и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Итогом такого решения стало ослабление министерства иностранных дел, которое утратило контроль над главным внешнеполитическим вектором страны. На данный момент сложно сказать, как скажутся последствия расчленения внешнеполитического ведомства.

Единственный реальный механизм, который остался у министра иностранных дел Польши, чтобы влиять на процесс выстраивания внешнеполитической стратегии государства на европейском направлении, — это подготовка ежегодного доклада для руководства страны с изложением направлений и целей польской внешней политики на следующий год, а также разработка и презентация многолетней внешнеполитической стратегии совету министров.

Несмотря на потерю контроля над важнейшим внешнеполитическим вектором, МИД РП продолжает активно отстаивать интересы страны за рубежом по другим стратегическим направлениям. В этом контексте важно проанализировать особенности и методы польской дипломатии.

Одним из значимых векторов польской дипломатии остается «восточная политика». В польском геополитическом лексиконе за этим направ-

лением прочно закрепился термин «польская восточная мысль». Под ней подразумевается геополитический алгоритм, которого придерживается Польша в отношениях со своими восточными соседями, в том числе с Россией. Польская восточная политика уходит корнями в ягеллоновскую традицию (ягеллоны¹⁴ призывали двигаться на Восток). Важными проектами восточного вектора являются Троеморье и Междуморье. Эти стратегии дополняют друг друга: Междуморье сконцентрировано на странах между Балтийским и Черным морями, Троеморье дополняется Адриатическим морем. В основе этих проектов лежит геополитическая стратегия Польши, которая заключается в укреплении главенства в Центральной и Восточной Европе. Кроме того, проекты Троеморья и Междуморья — главный идеологический продукт регионального масштаба, экспортируемый Польшей. В этих идеях также наблюдается попытка создания антироссийского блока между Балтикой и Черным морем.

Наравне с «восточной политикой» принципиальное значение для РП имеют отношения с США — главным внеевропейским союзником. Особенно это направление стало актуально в последние годы, когда в Польше после еврокризиса резко возросла поддержка евроскептицизма. РП начала последовательно критиковать общеевропейскую политику, проводимую Брюсселем. В этих условиях, пытаясь дифференцировать свои экономические потоки, Польша стала активно развивать отношения с неевропейскими акторами, ключевым из которых стали США. Республика Польша также пыталась наладить сотрудничество на азиатском направлении, в частности стала участвовать в китайской инициативе «пояса и пути», однако этот вектор оказался не очень успешным. В последние два года все больше экспертов говорят о провале и свертывании азиатской политики.

С 2019 г. для Польши актуализировалось ближневосточное направление. Под патронажем США Польша организовала «Варшавский процесс», где проходит совещание на уровне министров по вопросам мира и безопасности на Ближнем Востоке. Польские власти назвали главной целью конференции запуск нового механизма, направленного на широкое и детальное обсуждение наиболее острых проблем, существующих в этом макрорегионе, а также поиск путей их решения¹⁵.

¹⁴ Ягеллоны — великокняжеская и королевская династия, правившая в Польском государстве в XIV–XVI вв.

¹⁵ «Варшавский процесс»: новые решения старых проблем [Электронный ресурс] // Share America. 2019. URL: <https://share.america.gov/ru/варшавский-процесс-новые-решения-ст> (дата обращения: 10.06.2020).

На сегодняшний день важной частью внешней политики Польши является взаимодействие с польской диаспорой (Полонией)¹⁶. По данным МИД РП, численность Полонии составляет порядка 18–20 млн человек. Полония делится на 10 функционально-географических групп. Взаимодействие с каждой из групп ведется независимо друг от друга и опирается на различные подходы. В основе сотрудничества с группами, проживающими на территории США, стран Западной Европы и Южной Америки, лежит экономическая составляющая. В странах бывшего СССР основное внимание уделяется политико-пропагандистской работе при минимальном экономическом сотрудничестве.

Во взаимоотношениях с Полонией польское государство стремится охватить максимальное число этнических поляков, в первую очередь не состоящих в диаспоральных организациях. Важной чертой польской политики в отношении Полонии является отсутствие жесткой вертикальной иерархии в полонийных организациях и ставка на горизонтальные связи и использование методов челночной дипломатии¹⁷.

Большое значение Польша придает своей публичной дипломатии. МИД Польши ежегодно проводит конкурс грантов на финансирование различного рода проектов, которые направлены на расширение знаний о стране и улучшение ее имиджа за рубежом. Важным инструментом публичной дипломатии Республики Польша выступает сеть культурно-информационных центров за рубежом¹⁸. Продвижение и формирование имиджа государства, влияние на общественное мнение являются наиболее важными составляющими польского подхода к использованию мягкой силы.

Отдельно стоит упомянуть об экономической дипломатии РП. За время существования современной Польши она претерпела значительные изменения. Поскольку во всех советских республиках существовала государственная монополия на внешнюю торговлю, Республика Польша, как и все постсоветские страны, столкнулась с проблемой реформирования системы торговых представительств. До 1999 г. они действовали как офисы коммерческих консультантов (ОКК) и были подведомственны министерству экономики. В 1999 г. министерство иностранных дел и министерство экономики достигли компромисса, согласно которому ОКК переименовывались в экономические и коммерческие

¹⁶ Гулевич В. А. Полония: диаспоральная политика Польши [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23055> (дата обращения: 10.06.2020).

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Ociepka B. A. Miękka siła i dyplomacja publiczna Polski. Warszawa, 2013. 232 p.*

департаменты (ЭКД) и становились автономной частью в составе консульств и диппредставительств¹⁹. По факту ЭКД попадали под двойное подчинение министерства экономики и дипломатического представительства, частью которого они являлись. В 2006 г. произошла очередная реформа, в результате которой ЭКД были разделены на две части: аналитические функции и задачи продвижения экономических интересов государства были переданы экономическим департаментам (ЭД), подведомственным МИД, а чисто коммерческие функции — департаментам по содействию торговле и инвестициям (ДСТИ), подведомственным министерству экономики²⁰. В 2017 г. было создано Польское агентство инвестиций и торговли, которому передали руководство над ДСТИ, переименовав их во внешние торговые представительства. Вследствие этих реформ экономическая политика Польши была расчленена между несколькими структурами, что в условиях их плохой координации негативно сказалось на выстраивании польской внешнеэкономической стратегии.

Важной составляющей современной польской дипломатии является дипломатический протокол. Диппротокол министерства иностранных дел играет в Республике Польша роль государственного протокола, определяющего общие правила, которым должны следовать государственное управление и самоуправление в отношениях с иностранными партнерами и с местным дипломатическим и консульским корпусами. Протокол регламентирует подготовку планов и программ визитов глав государств, глав правительств и министров иностранных дел, а также их выполнение²¹.

Несколько слов стоит сказать о польской системе подбора дипломатических кадров, которая является достаточно простой и открытой. В целом любой человек, окончивший магистратуру, после прохождения дополнительного годового обучения и успешной сдачи экзаменов может устроиться на дипломатическую службу. В Польше отсутствует профессиональный ведомственный вуз, в котором будущие дипломаты могли бы пройти все ступени образования. Однако существует Дипломатическая академия МИД, где два раза в год проходит набор на курс

¹⁹ *Molendowski E.* Dyplomacja gospodarcza Polski: organizacja, główne zadania w okresie transformacji / W: M. Maciejewski, K. Wach (red.) // *Handel zagraniczny i biznes międzynarodowy we współczesnej gospodarce*. Kraków: Uniwersytet Ekonomiczny w Krakowie, 2017. P. 449–465.

²⁰ *Ibid.* P. 458.

²¹ Дипломатический протокол [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Польша: сайт. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/diplomatic-protocol> (дата обращения: 01.06.2020).

дополнительного образования, о чем говорилось выше. Главными условиями поступления в академию являются наличие польского гражданства, степень магистра или эквивалентная ей, а также знание иностранного языка.

Существует также Польский институт международных отношений (PISM), который функционирует с 1996 г. как подведомственное учреждение министерства иностранных дел. PISM является мозговым центром польской дипломатии. На сегодняшний день он считается одним из самых влиятельных научных институтов в ЕС. Хотя PISM напрямую не занимается подготовкой дипломатических кадров, он выделяет стипендии, покрывающие зарубежные стажировки, для того чтобы будущие дипломаты могли улучшить свои языковые навыки.

Таким образом, дипломатическая служба в Республике Польша не является закрытой и элитарной. Такая система имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, любой человек, желающий работать в МИД, может поступить на дипслужбу независимо от вуза, в котором он получал степень магистра, достаточно лишь иметь необходимые языковые навыки, с другой — такая система не предполагает, что министерство будет укомплектовано сотрудниками из числа кадровых дипломатов. Если изучить биографии действующего высшего руководства МИД Польши, то можно увидеть, что большая его часть работает в этой сфере не более пяти лет. Лишь трое из семи человек (включая министра иностранных дел) связаны с дипслужбой более 20 лет, однако никто из них не обладает профильным образованием.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить, что за последние 30 лет в польской внешнеполитической системе произошли значительные изменения. Даже в настоящее время она продолжает трансформироваться и сохраняет элементы переходного характера. Последние крупные реформы 2017 и 2020 гг. привели к расколу внешнеполитического ведомства страны. Отсутствие системы подготовки кадровых дипломатических работников полного цикла в совокупности с последними реформами могут крайне негативно сказаться на уровне компетентности и гибкости польского МИД.

А. Б. МАМАДЖОНОВ

*Ташкентский государственный университет
востоковедения (Узбекистан)*

Узбекско-турецкие отношения: новый взгляд на историю и современное развитие

Отношения между Турцией и Узбекистаном после обретения последним независимости в 1991 г. развиваются нелинейно. Однако в последние несколько лет наблюдается тенденция к укреплению двусторонних связей. Данное исследование посвящено анализу истории и современного состояния узбекско-турецких отношений. Автором были изучены теоретические и практические аспекты взаимоотношений: визиты глав государств на высшем уровне, встречи в рамках международных советов, заседания правительственных делегаций двух стран в расширенном и узком форматах, стратегические планы по развитию сотрудничества и пр. На основе рассмотренного материала были сделаны выводы об эффективности механизмов сотрудничества и перспективах взаимодействия, сформулированы теоретические предложения, подкрепленные практическими примерами. Полученные результаты имеют практическое значение, поскольку могут быть использованы для корректирования текущего состояния узбекско-турецких отношений с учетом ошибок и достижений прошлого.

Ключевые слова: узбекско-турецкое сотрудничество, взаимодействие, внешняя политика, независимость, интеграция, образование, демократия, научные достижения, общечеловеческие ценности, ислам, язык, культура, безопасность.

Отношения между Турцией и Узбекистаном после обретения последним независимости в 1991 г. развиваются нелинейно. Вместе с тем нужно отметить, что Турецкая Республика стала первой в мире страной, которая признала суверенитет Республики Узбекистан. В 1996 г. был подписан Договор о вечной дружбе и сотрудничестве между государствами. С одной стороны, народы обеих стран неразрывно связаны историческим прошлым, общими религией, языком, ценностями, обычаями и традициями, с другой — определенные амбиции турецких и узбекских поли-

тиков в прошлом привели к разногласиям в политической, экономической и идеологической сферах.

В последние годы наблюдается активное развитие узбекско-турецкого сотрудничества. Благодаря усилиям и политической воле глав двух государств двусторонние связи приобрели новый стратегический характер. Если последние три года стали периодом укрепления сотрудничества двух стран, то предыдущие почти 10 лет можно назвать периодом «холодных» отношений. Чем вызваны такие резкие изменения во взаимоотношениях Узбекистана и Турции? Попробуем проанализировать данный вопрос с разных точек зрения.

«Сотрудничество между Узбекистаном и Турцией имеет свои особенности. Оно характеризуется взлетами и падениями: пик сменился провалом до нулевой отметки, затем были годы испытаний после заключения договора о вечной дружбе, сопровождавшиеся открытой взаимной критикой с международных трибун, а также включением Узбекистана парламентом Турции в перечень государств, с которыми нежелательно иметь дружеские отношения, и, наконец, вновь наступил период возрождения и перехода на новый уровень стратегического партнерства, стремления к высшей точке взаимодействия», — отметил эксперт по ближневосточным государствам и преподаватель Ташкентского государственного университета востоковедения Шавкат Икромов в беседе с корреспондентом сайта UzAnalytics¹.

За период с 1991 по 2005 г. между двумя странами были установлены отношения (16 декабря 1991 г.), подписан Договор о вечной дружбе и сотрудничестве (1996 г.), в Республике Узбекистан созданы широкие возможности для турецких предпринимателей, налажено активное культурное взаимодействие, тысячи узбекских студентов прошли обучение в Турции, в Узбекистане были открыты турецкие школы и лицеи. До настоящего времени президенты и премьер-министры Турецкой Республики неоднократно посещали Узбекистан, стремились вывести сотрудничество на максимальный уровень возможностей обеих сторон. В свою очередь президент Узбекистана Ислам Каримов также четыре раза (в 1991, 1994, 1997 и 1998 гг.) наносил официальные визиты в Турцию, что позволило достичь укрепления двусторонних связей, но не решило всех проблем между странами. К середине 1990-х годов активное взаимодействие между ними начало замедляться на фоне ряда проблем².

¹ См.: Туркия ва Ўзбекистон ҳамкорлигидан ким кўпроқ манфаатдор: Эксперт фикри // UzAnalytics. 21.02.2020. URL: <https://uzanalytics.com/siyosat/6784> (дата обращения: 20.07.2020).

² Там же.

Во второй половине 1990-х годов оппозиционно настроенные к узбекской власти представители политической элиты обратились за поддержкой к Турецкой Республике и получили там пристанище. Между Ташкентом и Анкарой возникли разногласия по этому вопросу, которые в дальнейшем привели к открытому конфликту. Основатель и директор Центра исследовательских инициатив «Маъно» (Ташкент, Узбекистан) Бахтиёр Эргашев выявил несколько причин ухудшения отношений между Узбекистаном и Турцией. Первая причина была связана с желанием Турции играть роль старшего брата для Узбекистана. Оно проявлялось в просьбах к узбекскому руководству поддерживать инициативы Турции, которые не представляли прямого интереса для Узбекистана, налаживать отношения с государствами — партнерами Турции и пр. Узбекский политический истеблишмент резко отреагировал на такую риторику со стороны турецкого партнера. С этого момента в отношениях начали проявляться признаки отчуждения³. Второй причиной стало решение Анкары предоставить убежище лидеру узбекской оппозиции Мухаммаду Салиху, который в 1991 г. выступил с критикой в адрес И. Каримова. Эта мысль также отражена в статье *From hostility to fraternity: Turkish-Uzbek relations* турецкой проправительственной газеты *Daily Sabah*, где, в частности, говорится следующее: «Ухудшились отношения из-за того, что Турция в 1993 г. предоставила убежище лидеру узбекской оппозиции Мухаммаду Салиху, который выступил в качестве альтернативного кандидата против Ислама Каримова на выборах в 1991 году»⁴.

В октябре 2000 г. появились предпосылки для потепления в узбекско-турецких отношениях. В Ташкент с официальным визитом прибыл президент Турции Ахмет Сезер, который стремился урегулировать конфликт на высшем уровне. В Совместном заявлении «О сотрудничестве между Республикой Узбекистан и Турецкой Республикой» главы государств решительно осудили экстремизм и выразили намерение противодействовать ему, международному терроризму, и любым проблемам, угрожавшим территориальной целостности и суверенитету государств⁵. Однако, как и в большинстве случаев, сформулирован-

³ Узбекистан — Турция: новый этап партнерства. Беседа с Бахтиёром Эргашевым // Информационно-аналитический портал // URL: <https://kaktakto.com/analitika/uzbekistan-turciyanovuyj-etap-partnerstva-beseda-s-baxtierom-ergashevym> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ Цит. по: От вражды к братству: турецко-узбекские отношения // Интернет-газета ZONAKZ. URL: <https://zonakz.net/2019/07/22/ot-vrazhdy-k-bratstvu-turecko-uzbekskie-otnosheniya> (дата обращения: 20.07.2020).

⁵ Туркия ва Ўзбекистон ҳамкорлигидан ким кўпроқ манфаатдор: Эксперт фикри // UzAnalytics. 21.02.2020. URL: <https://uzanalytics.com/siyosat/6784> (дата обращения: 20.07.2020).

ные на бумаге решения так и не были претворены в жизнь, напротив, 2000-е годы были отмечены снижением результативности узбекско-турецких связей.

Охлаждение отношений между Ташкентом и Анкарой усилилось в 2005 г. после событий в Андижане, когда Турция в числе первых выступила с жесткой критикой узбекской власти и общей ситуации с правами человека в Узбекистане. Узбекско-турецкие отношения оказались в глубоком кризисе: Ташкент отказался от присутствия на отдельных встречах, отменил визит турецкого президента Абдуллоха Гула в страну⁶, а также расторг договоренности в военной сфере. Несмотря на стабильность торговых, транзитно-логистических и других экономических связей, конфликт в политической сфере негативно влиял на общее состояние двусторонних отношений в 2008–2013 гг.

Кризис был обусловлен несколькими факторами:

- 1) Как уже упоминалось выше, в 1993 г. лидер оппозиции М. Салих покинул страну и получил политическое убежище в Турции. Турецкие полномочные органы не реагировали на официальные требования Ташкента. Кроме того, Анкара критиковала руководство Узбекистана за применение силы во время Андижанских событий 2005 г., в том числе во время Генеральной Ассамблеи ООН⁷.
- 2) Возникли проблемы с валютной конвертацией в Узбекистане, выплатой заработной платы работникам совместных узбекско-турецких предприятий и преподавателям узбекско-турецких лицеев, получением виз, покупкой авиабилетов и оказанием медицинских услуг.
- 3) Некоторые турецкие компании оказались под подозрением в сотрудничестве с международными террористическими организациями, в частности с Движением Гюлена⁸, и ввозе на территорию Узбекистана запрещенной литературы. В результате были закрыты узбекско-турецкие общеобразовательные школы («турк-лицеи»), которые были открыты компанией SILM.

⁶ Цит. по: От вражды к братству: турецко-узбекские отношения // Интернет-газета ZONAKz. URL: <https://zonakz.net/2019/07/22/ot-vrazhdy-k-bratstvu-turecko-uzbekskie-otnosheniya> (дата обращения: 20.07.2020).

⁷ Туркия ва Ўзбекистон ҳамкорлигидан ким кўпроқ манфаатдор: Эксперт фикри // UzAnalytics. 21.02.2020. URL: <https://uzanalytics.com/siyosat/6784> (дата обращения: 20.07.2020).

⁸ Это террористическая организация нового поколения, которая сформировалась в Турции в первой половине XX в. и чья деятельность направлена главным образом на реформирование турецкого государства и других стран. Лидер — Фетхуллах Гюлен. С 1970 г. он занимался распространением своих идей через открытие частных школ и пропаганду в различных учебных заведениях. На сегодняшний день его деятельность прекращена.

4) Нарушение турецкими компаниями норм и предписаний при организации совместных узбекско-турецких предприятий на территории Республики Узбекистан. Например, по этой причине в 2008 г. были закрыты торговые центры Turkuaz⁹ в Ташкенте. Кроме того, турецкие партнеры были уличены в поставках некачественного или устаревшего турецкого оборудования.

К 2010 г. узбекско-турецкие отношения в политической сфере находились в замороженном состоянии. Однако вместе с тем экономическое сотрудничество показывало положительную динамику. По большей части это было связано с тем особым местом, которое занимал турецкий бизнес в текстильной отрасли Узбекистана. Кроме того, нельзя не отметить деятельность узбекско-турецкого банка UTBANK в сфере коммерции и банковских операций¹⁰. Поэтому нельзя говорить о полной приостановке узбекско-турецкого сотрудничества: турецкий бизнес продолжал работать на рынке Узбекистана¹¹.

Поворотным моментом в развитии двусторонних отношений стал визит турецкого министра иностранных дел Ахмета Давутоглы 10–12 июля 2014 г., когда после тринадцатилетнего перерыва между Турцией и Узбекистаном состоялась встреча на уровне министров иностранных дел. Однако полноценное сближение началось лишь после смены власти в Узбекистане. 14 декабря 2016 г. Шавкат Мирзиёев после кончины бывшего президента Ислама Каримова стал президентом Узбекистана. Новый этап узбекско-турецких отношений начался с изменений в нескольких сферах сотрудничества — культурной, политической, экономической, внешнеполитической и в сфере безопасности.

В октябре 2017 г. Шавкат Мирзиёев посетил Анкару, что являлось признаком восстановления отношений между двумя государствами. Накануне своего визита президент Узбекистана подписал указ об упрощении порядка выдачи виз для турецких граждан и предоставлении визы в течение трех дней. Уже 3 февраля 2018 г. парламент Узбекистана утвер-

⁹ Туркия — Ўзбекистон иқтисодий ва сиёсий алоқаларида “эримайётган музлар” // BBC Узбекистан. 01.04.2011. URL: https://www.bbc.com/uzbek/uzbekistan/2011/04/110401_cy_turkey_uzbekistan (дата обращения: 20.07.2020).

¹⁰ В декабре 2017 г. Узбекско-турецкий UTBANK переименован в Ziraat Bank Uzbekistan: Турецкая компания T. C. Ziraat Bankası A. Ş., владеющая половиной доли в UTBANK, выкупила оставшиеся 50% доли у Агробанка, став единственным акционером узбекско-турецкого банка. Таким образом, Ziraat Bank Uzbekistan стал первым действующим турецким банком и вторым иностранным банком страны после KDB Bank Uzbekistan (Южная Корея).

¹¹ Узбекистан — Турция: новый этап партнерства. Беседа с Бахтиёром Эргашевым // Информационно-аналитический портал. URL: <https://kaktakto.com/analitika/uzbekistan-turciya-noviy-etap-partnerstva-beseda-s-baxtiyrom-ergashevym> (дата обращения: 20.07.2020).

дил безвизовый режим для граждан Турции. Таким образом, период охлаждения узбекско-турецких отношений, продолжавшийся более 20 лет, подошел к концу.

В ходе этого визита также было налажено сотрудничество в области туризма: облегчено паломничество турецких верующих к исламским святыням на территории Узбекистана, а также достигнуты договоренности, направленные на интенсификацию туристического потока из Узбекистана в Турцию. Кроме того, были заключены соглашения о сотрудничестве в военно-технической сфере.

В Указе Президента РУз № УП-5400 «О мерах по коренному совершенствованию системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности» от 5 апреля 2018 г. были обозначены задачи по защите и продвижению внешнеэкономических интересов Узбекистана, развитию торгово-экономических связей, активному привлечению иностранных инвестиций¹² и охвату других сфер, что продемонстрировало решительное настроение нового главы государства. Усилия по реализации указа привели к появлению важного транзитного пути в рамках проекта «Один пояс, один путь», нацеленного на экономическую и коммерческую интеграцию между Востоком и Западом и восстановление Китаем своего статуса на историческом пространстве Великого шелкового пути¹³.

В апреле 2018 г. по приглашению президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева с государственным визитом прибыл президент Турецкой Республики Ражаб Тойиб Эрдоган. В ходе переговоров были достигнуты договоренности о тесном сотрудничестве в сфере развития инфраструктуры и налаживания деятельности Международной исламской академии Узбекистана, Международного исследовательского центра Имама Бухари и Центра исламской цивилизации. За прошедшие три года открытая и прагматичная внешняя политика Узбекистана, основанная на принципах взаимного уважения и признания интересов других стран, способствовала расширению взаимовыгодного и многопланового сотрудничества не только с международными организациями, но и с государствами ближнего и дальнего зарубежья.

¹² Қонун хужжатлари маълумотлари миллий базаси, 06.04.2018-й, 07/18/3654/1024-сон; 30.05.2019-й, 06/19/5733/3216 сон) 2018йил 5-апрел, PQ-3654-сон // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3107036> (дата обращения: 20.07.2020).

¹³ Ünal Çeviköz Türkiye — Özbekistan ilişkilerinde yeni dönem. 26 Ekim 2017. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/unal-cevikoz/turkiye-ozbekistan-iliskilerinde-yeni-donem-40622869>.

В феврале 2020 г. по приглашению Р. Эрдогана с ответным визитом в Турцию прибыл Шавкат Мирзиёев. 19 февраля того же года в Анкаре состоялось первое заседание Узбекско-Турецкого совета по стратегическому сотрудничеству на высшем уровне. Данный орган стал новым форматом для узбекско-турецкого диалога, он осуществляет свою деятельность под сопредседательством президентов Узбекистана и Турции.

Стратегия Узбекистана в укреплении партнерских отношений с Турцией основывается на доброй воле, прагматичной, очень активной и открытой внешней политике Узбекистана не только во взаимосвязях с государствами Центральной Азии, но и в отношениях с географически более отдаленными странами. Б. Эргашев следующим образом охарактеризовал узбекско-турецкие отношения на современном этапе: «В сотрудничестве между Узбекистаном и Турцией всегда был достаточный потенциал, что, несомненно, является результатом инициатив Узбекистана. Если бы Ташкент остановился на полпути в восстановлении этих отношений и не активизировал бы их, они (связи. — А. М.) остались бы на прежнем уровне»¹⁴.

Осуществленные за прошедшие полтора года в Узбекистане экономические реформы и структурные изменения также сыграли важную роль в развитии экономического сотрудничества. Среди них внедрение свободной конвертации узбекского сума в иностранную валюту, стимулирование экспорта и экспортоориентированного производства, создание свободных экономических зон с большими налоговыми преференциями для инвесторов и другое — все это, несомненно, послужит основой для создания благоприятного инвестиционного климата в стране и привлечения инвестиций из Турции. Вместе с тем, основываясь на негативном опыте прошлых лет, необходимо уделить внимание и предотвратить чрезмерную политизацию двусторонних отношений и усиление пантуркистских и панисламистских факторов. Турция сделала соответствующие выводы из ошибок, допущенных в 1990-х годах: политического давления в экономическом сотрудничестве между странами и стремления Турции стать идеологическим наставником. Опыт постсоветского развития показал, что страна не потерпит политического наставничества с чьей-либо стороны. Этот урок должны учесть все текущие и будущие партнеры Узбекистана¹⁵.

¹⁴ Узбекистан — Турция: новый этап партнерства. Беседа с Бахтиёром Эргашевым // Информационно-аналитический портал Kaktakto. URL: <https://kaktakto.com/analitika/uzbekistan-turciya-novuj-etap-partnerstva-beseda-s-baxtierom-ergashevym> (дата обращения: 20.07.2020).

¹⁵ Там же.

Ш. Икромов полагает, что Турция имеет огромный опыт в области образования, науки и техники, инноваций, здравоохранения и туризма. Сотрудничество в указанных сферах окажет положительное влияние на развитие Узбекистана. По мнению Ш. Икромова, при реализации перспективных направлений сотрудничества также не стоит забывать о некоторых аспектах, связанных с историей двусторонних отношений. Необходимо извлечь уроки из ошибок прошлого в рамках данного сотрудничества и не допустить их повторения, безотлагательно и по справедливости решить вопрос проживания в Турции оппозиционных в отношении политической системы республики групп, избежать проблем старой системы на примере Turkuaz и, таким образом, не допустить негативного влияния подобных обстоятельств на взаимоотношения между странами. Целесообразно также формировать связи с Турцией не на идеологической основе, а на приоритете экономических интересов¹⁶.

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что в исторической перспективе доверие и сотрудничество между Турцией и Узбекистаном во многом обусловлено взаимодействием лидеров двух стран и их политических элит. Состояние двусторонних отношений в конкретный момент времени зависит от умения понимать и уважать интересы государства-партнера, не навязывать ему какую-либо линию поведения. В настоящее время преодолевшие многие трудности узбекско-турецкие отношения имеют хорошую перспективу для дальнейшего динамичного развития.

¹⁶ Туркия ва Ўзбекистон ҳамкорлигидан ким кўпроқ манфаатдор: Эксперт фикри // UzAnalytics. 21.02.2020. URL: <https://uzanalytics.com/siyosat/6784> (дата обращения: 20.07.2020).

К. Г. МУРАТШИНА, М. В. ВАЛЕЕВА

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Сотрудничество России и стран постсоветской Центральной Азии в сфере информации и массовых коммуникаций в рамках СНГ

В статье рассматривается сотрудничество между Россией и странами постсоветской Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) в сфере информации и массовых коммуникаций в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Для анализа выбрано последнее десятилетие (2010–2020 гг.). Изучены нормативно-правовая база взаимодействия, его основные механизмы и имеющиеся результаты. Авторами использовались такие источники, как дипломатические документы, отчеты органов СНГ, актуальные новостные материалы СМИ. Сделан вывод о развитости институциональной структуры взаимодействия, в то же время отмечена неравномерность вовлечения центрально-азиатских стран в сотрудничество. Туркменистан пока предпочитает не участвовать в большинстве проектов, а Узбекистан участвует не во всех, что в целом может снижать эффективность взаимодействия.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Центральная Азия, СНГ, сотрудничество, СМИ.

Финансовая поддержка: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19–78–10060.

Российскую Федерацию и страны СНГ исторически связывает экономическое, военно-политическое, культурное сотрудничество, а также совместное строительство евразийской интеграции. Согласно Концепции внешней политики РФ, «приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками СНГ и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием <...>. Россия работает

над дальнейшей реализацией потенциала СНГ, укреплением Содружества в качестве влиятельной региональной организации, форума для многостороннего политического диалога, а также в качестве механизма многопланового сотрудничества в сфере экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами и угрозами»¹.

Важным в развитии связей является гуманитарное сотрудничество. По Соглашению о гуманитарном сотрудничестве в СНГ, в гуманитарную сферу входят следующие области взаимодействия: культура, образование, наука, информация и массовые коммуникации, спорт, туризм и работа с молодежью². Данное исследование выполнено в рамках проекта по изучению современных гуманитарных связей между Россией и странами постсоветской Центральной Азии (ЦА), и в ней будут проанализированы многосторонние механизмы, действующие в СНГ и используемые Россией и ее центрально-азиатскими партнерами для осуществления сотрудничества по одному из направлений гуманитарной сферы — информации и массовым коммуникациям.

Нужно отметить, что гуманитарное сотрудничество между участниками СНГ в данной области является практически неизученным. Из опубликованных ранее исследований, имеющих отношение к теме, можно отметить лишь статью В. И. Ступакова, которая затрагивает тематику связей в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), но с экономической точки зрения и в части информационной безопасности³. В исследовании М. С. Якушкиной, И. М. Якушкиной и А. И. Смирновой упоминается распространение в странах СНГ просветительских телепрограмм⁴, а в статье А. М. Темирбулатова освещается информационный дискурс прикаспийских стран СНГ⁵.

Обратимся к основным документам, определяющим и регулирующим взаимодействие стран СНГ в области информации и массовых ком-

¹ Концепция внешней политики РФ // МИД РФ. 01.12.2016. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6Bz29/content/id/2542248 (дата обращения: 24.01.2019).

² Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств — участников СНГ // МФГС СНГ. URL: http://mfgs-sng.org/sgs/gum_sotr (дата обращения: 29.05.2020).

³ Ступаков В. И. Перспективы сотрудничества евразийских государств в развитии информационного общества: новые векторы сотрудничества стран СНГ, БРИКС в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 57–69.

⁴ Якушкина М. С., Якушкина И. И., Смирнова А. И. Динамика трендов просветительства на пространстве СНГ // Научный диалог. 2017. № 5. С. 386–398.

⁵ Темирбулатов А. М. Дискурс информационного пространства Каспийского региона: международные аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 231–236.

муникаций. Первый из них — Соглашение о сотрудничестве в области информации 1992 г. По его условиям «стороны рассматривают все виды информационных обменов как важнейшую форму сотрудничества. Участниками обменов являются граждане, их объединения, редакции СМИ, государственные и правительственные учреждения, а также их представительства на территории государств-участников... Стороны будут содействовать всем формам сотрудничества между различными СМИ своих стран», «созданию необходимых условий для профессиональной деятельности представителей СМИ», «доступу к официальным, общественным и другим источникам информации, а также распространению приобретенной на законных основаниях информации представителями СМИ каждой из Сторон»⁶.

Далее в 1993 г. было подписано Соглашение о международно-правовых гарантиях беспрепятственного и независимого осуществления деятельности межгосударственной телерадиокомпании «Мир»⁷. Таким образом, сотрудничество начало осуществляться уже непосредственно на практике. К действующим документам относятся и другие соглашения, регулирующие области практического сотрудничества: Решение о Положении о порядке получения и использования информации от государств — участников СНГ 1993 г.⁸ и Соглашение о создании Совета руководителей государственных информационных агентств (Информсовета) СНГ 1995 г.⁹

В 1996 г. была принята Концепция формирования информационного пространства СНГ, основывающаяся на достигнутых ранее договоренностях¹⁰. Далее нужно отметить Стратегию сотрудничества стран СНГ в сфере информатизации 2003 г. Основная ее часть посвящена техническим и экономическим аспектам информатизации стран — членов Содружества. Что касается гуманитарного взаимодействия, то в Стратегии говорится о содействии применению ИКТ в сфере образования,

⁶ Соглашение о сотрудничестве в области информации // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901737874> (дата обращения: 30.04.2020).

⁷ Соглашение о международно-правовых гарантиях беспрепятственного и независимого осуществления деятельности Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900566> (дата обращения: 03.05.2020).

⁸ Решение о Положении о порядке получения и использования информации от государств — участников СНГ // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901771431> (дата обращения: 03.05.2020).

⁹ Соглашение о создании Совета руководителей государственных информационных агентств СНГ // Консорциум «Кодекс». URL: <http://http://docs.cntd.ru/document/1900986> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁰ Концепция формирования информационного пространства СНГ // Законодательная база РФ. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/41929> (дата обращения: 30.04.2020).

унификации законодательства в информационной сфере, прямых связях организаций, работающих в данной области, и равном доступе граждан к информации¹¹.

В 2004 г. было заключено Соглашение о создании Ассоциации национальных информационных агентств (АНИА) СНГ¹². На официальном сайте ассоциации¹³ публикуются материалы входящих в нее агентств, в том числе российского ИТАР-ТАСС, таджикского ХОВАР, киргизского КАБАР и казахстанского «Казинформ». В том же году была подписана Конвенция о статусе корреспондента, представляющего СМИ государства — участника СНГ в других государствах Содружества¹⁴. В 2005 г. — уже упоминавшееся Соглашение о гуманитарном сотрудничестве в рамках СНГ. Магистральные направления, предписанные сторонам: «развитие взаимодействия в области теле- и радиовещания, в том числе с учетом потенциала телерадиокомпаний „Мир“; проведение совместных мероприятий, включая тематические фестивали, телефорумы, интернет-форумы; укрепление взаимодействия СМИ Сторон в целях формирования в мировом сообществе объективного и полного представления о социально-политической, экономической и культурной жизни стран Содружества; создание с учетом национального законодательства условий для деятельности СМИ любой Стороны на территории каждой из Сторон»¹⁵. В 2006 г. приняты еще два документа — Соглашение о Совете по гуманитарному сотрудничеству (СГС) СНГ¹⁶ и Договор о создании Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) СНГ¹⁷. Нужно отметить, что именно МФГС занимается организацией и финансированием большинства мероприятий.

¹¹ Стратегия сотрудничества стран СНГ в сфере информатизации // Исполнительный комитет СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page/3558> (дата обращения: 29.05.2020).

¹² Соглашение об учреждении Ассоциации национальных информационных агентств государств — участников СНГ // Официальный сайт АНИА. URL: http://www.ania-news.info/text?text_id=2 (дата обращения: 29.05.2020).

¹³ Ассоциация национальных информационных агентств государств — участников СНГ. URL: <http://www.ania-news.info> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁴ Конвенция о статусе корреспондента, представляющего СМИ государства — участника СНГ в других государствах Содружества // Консорциум «Кодекс». URL: [http:// docs.cntd.ru/document/901960662](http://docs.cntd.ru/document/901960662) (дата обращения: 02.05.2020).

¹⁵ Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств — участников СНГ.

¹⁶ Информация о Совете по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3211/78388> (дата обращения: 30.04.2020).

¹⁷ О деятельности МФГС СНГ // МФГС СНГ. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=26636> (дата обращения: 13.09.2019).

На основе этих договоренностей можно выделить институты сотрудничества в области информации и массовых коммуникаций на пространстве СНГ. Это общие институты гуманитарного сотрудничества (МФГС и СГС) и специализированный — Информсовет СНГ. Кроме того, действует Постоянная комиссия Межпарламентской ассамблеи (МПА) СНГ по культуре, информации, туризму и спорту.

Об участии сотрудничающих сторон в механизмах взаимодействия можно судить на основе подписанных многосторонних документов и представительства в органах. Странами ЦА в основном были подписаны все многосторонние документы сотрудничества и осуществляется участие во всех упомянутых органах СНГ, однако есть исключения. Туркменистаном не подписаны соглашения о телерадиокомпаниях «Мир», о создании Информсовета СНГ и МФГС, о СГС. Как следствие, Туркменистан не принимает должного участия в работе этих органов. Узбекистаном не подписано Соглашение о создании Информсовета СНГ. В работе Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту Республика Узбекистан начала участвовать лишь с 2019 г., после присоединения к Конвенции о МПА СНГ¹⁸. Однако, даже подписав соответствующее соглашение, страна не участвует в работе СГС¹⁹. Все это может указывать на нежелание указанных государств обеспечивать необходимую открытость своей информационной сферы для партнеров по СНГ, что, безусловно, затрудняет процесс взаимодействия.

В остальном все государства ЦА, кроме Туркменистана, представлены в упомянутых органах и документах и на регулярной основе участвуют в тематических мероприятиях вместе с другими странами СНГ. Рассмотрим имеющиеся результаты сотрудничества за последнее десятилетие.

С 1995 г. на регулярной основе работает Информсовет СНГ. Его функции — обсуждение наиболее важных вопросов в информационной сфере, в том числе процесса освещения работы органов Содружества²⁰.

С 2000 г. при поддержке МПА СНГ ежегодно проводится международный телекинофорум «Вместе». Он представляет собой фестиваль

¹⁸ Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 10.10.2019. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020).

¹⁹ Информация о Совете по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3211/78388> (дата обращения: 30.04.2020).

²⁰ См., напр.: Крупнейшие СМИ Содружества за развитие информационного пространства // МПА СНГ. 04.10.2013. URL: https://iacis.ru/novosti/partneri/krupneyshie_smi_sodruzhestva_za_razvitie_informatsionnogo_prostranstva (дата обращения: 29.05.2020).

телепрограмм, телесериалов, теледокументалистики и игровых фильмов. Больше всего участников обычно бывает от России, но география форума — широкая, включает СНГ и страны дальнего зарубежья. Что касается государств ЦА, то практически от каждого из них в разные годы работали представители в жюри, а в конкурсной программе участвовали работы кинематографистов Казахстана и Киргизии²¹.

С 2006 г. при поддержке МФГС ежегодно проводится Белорусский международный медиафорум. В нем участвуют общественные деятели, представители медиасообщества из стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья. Обсуждаются тематические вопросы, например социальная ответственность СМИ, роль СМИ в эпоху глобализации и т. д.²²

С 2010 г. работает созданный МФГС Пресс-клуб журналистов стран СНГ, Балтии и Грузии. Его задачи — обмен опытом и взаимодействие с ведущими вузами стран СНГ, осуществляющими подготовку журналистов²³.

В 2011 г. в Астане МФГС была проведена Международная школа молодых журналистов стран СНГ²⁴. В том же году в Москве прошел конкурс мастерства журналистов стран СНГ «Лучший в профессии». На него было прислано около 1300 работ из 15 стран²⁵. В число лауреатов вошли представители России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и других государств²⁶. Кроме того, с 2011 г. в Москве начал проводиться ежегодный Международный конгресс русскоязычных вещателей, собирающий для обмена мнениями и обсуждения наиболее актуальных проблем представителей печатных и электронных изданий, телеканалов и радиостанций стран СНГ и дальнего зарубежья²⁷.

С 2011 г. МФГС и Фондом «Академия российского телевидения» при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуника-

²¹ Результаты поиска // Телекинофорум «Вместе». URL: itcf.ru/?s=Казахстан (дата обращения: 29.05.2020).

²² Досье: XI Белорусский международный медиафорум // Белта. 11.05.2016. URL: <https://www.belta.by/society/view/dose-hi-belorusskij-mezhdunarodnyj-mediaforum-partnerstvo-vo-imja-buduschego-192771-2016> (дата обращения: 29.05.2020).

²³ Пресс-клуб СНГ объединил журналистов Содружества // МФГС СНГ. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/media/457.html> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁴ Проекты МФГС СНГ в странах Содружества в 2010–2011 гг. // МФГС СНГ. URL: http://www.mfgs-sng.org/local/images/mfgs/14-proekty_mfgs_pdf_1337066112.pdf (дата обращения: 29.05.2020).

²⁵ Стали известны имена лучших журналистов Содружества // Фонд «Русский мир». 30.03.2011. URL: <https://russkiymir.ru/news/29109> (дата обращения: 29.05.2020).

²⁶ Объявлены победители журналистского конкурса «Лучший в профессии» // МФГС СНГ. URL: <http://www.mfgs-sng.org/activity/media/591.html> (дата обращения: 29.05.2020).

²⁷ В Москве открылся III Международный конгресс русскоязычных вещателей // Фонд «Русский мир». 26.10.2013. URL: <https://russkiymir.ru/news/54172> (дата обращения: 29.05.2020).

циям РФ (Роспечать) проводится ежегодный международный телевизионный фестиваль «ТЭФИ-Содружество». В нем регулярно принимают участие в том числе представители России и стран ЦА, кроме Туркменистана. Мероприятия фестиваля включают смотр лучших телевизионных программ, а также мастер-классы, круглые столы и встречи с деятелями телевидения²⁸.

В 2012 г. при поддержке МФГС был снят четырехсерийный документальный фильм о выдающемся казахском поэте, дипломате, общественном деятеле О. Сулейменове. Премьерный показ фильма состоялся в июне 2012 г. на ВГТРК «Культура»²⁹.

В 2013–2016 гг. Постоянной комиссией МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту были рассмотрены проекты модельных законов «Об использовании ИКТ в системе образования» и «Об основах регулирования Интернета»³⁰. Модельный закон об ИКТ в образовании также был вынесен на обсуждение в Экспертном совете МПА СНГ в области связи³¹.

В 2014 г. при поддержке МФГС в Москве была проведена международная конференция «Каспий — общее информационное пространство». Примечательно, что в ней участвовал Туркменистан. Кроме

²⁸ Международный телевизионный фестиваль ТЭФИ-Содружество // Фонд «Академия Российского телевидения». URL: <http://old.tefi.ru/proekty/tefi-sodruzhestvo> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁹ Информационный отчет о деятельности МФГС СНГ в 2012–2014 гг. М., 2015. С. 75.

³⁰ Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 11.10.2013. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020); Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 12.03.2014. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020); Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 11.10.2014. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu_baku (дата обращения: 29.05.2020); Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 12.03.2015. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu_minsk (дата обращения: 29.05.2020); Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 20.05.2016. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020).

³¹ Заседание Экспертного совета МПА СНГ и Регионального содружества в области связи // МПА СНГ. 25.11.2013. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_ekspertnogo_soveta_mezhparlamentskoy_assamblei_gosudarstv_uchastnikov_sng_i_regionalnogo_s2013 (дата обращения: 29.05.2020).

того, в 2014 г. в Москве на базе информационного агентства «Россия сегодня» состоялась Школа высшего журналистского мастерства стран СНГ и Балтии³².

С 2015 г. в Астрахани при поддержке МФГС проводится ежегодный Каспийский медиафорум. В нем участвуют журналисты и политологи из России, Азербайджана, Ирана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Это важное событие в общественной жизни, площадка, которая позволяет осуществлять обмен мнениями по актуальным вопросам информационной повестки дня³³.

В 2017–2018 гг. Постоянной комиссией МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту был обсужден проект «Рекомендаций по использованию инструментария и результатов регионального мониторинга инфокоммуникационного развития государств — участников СНГ»³⁴. Обсуждение Рекомендаций продолжилось в Экспертном совете МПА СНГ в области связи³⁵. В 2019 г. Комиссией был обсужден проект модельного закона «О цифровом развитии»³⁶.

В 2019 г. в Москве прошла международная конференция «Взаимодействие местных властей и СМИ в интересах устойчивого развития городов: практика решений», организованная Ассамблеей столиц и крупных городов СНГ. По ее итогам было принято решение о создании Ассоциа-

³² Информационный отчет о деятельности МФГС СНГ в 2012–2014 гг. С. 76–77.

³³ Подведены итоги прошедшего в Астрахани V Каспийского медиафорума // Каспийский вестник. 29.09.2019. URL: <http://casp-geo.ru/podvedeny-itogi-proshedshego-v-astrahani-ryatogo-kaspijskogo-mediaforuma> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁴ Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 17.11.2017. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedaniepostoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020); Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 09.10.2018. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020).

³⁵ Заседание Экспертного совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ и Регионального содружества в области связи // МПА СНГ. 23.05.2017. https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_ekspertnogo_soveta_mezhparlamentskoy_assamblei_gosudarstv_uchastnikov_sng_i_regionalnogo_s (дата обращения: 29.05.2020).

³⁶ Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 14.03.2019. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020); Заседание Постоянной комиссии МПА СНГ по культуре, информации, туризму и спорту // МПА СНГ. 10.10.2019. URL: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/zasedanie_postoyannoy_komissii_mpa_sng_po_kulture_informatsii_turizmu_i_sportu (дата обращения: 29.05.2020).

ции региональных и местных СМИ СНГ³⁷. Еще одно крупное мероприятие в 2019 г. прошло в Новосибирске — медиафорум «Большая Евразия — диалог без границ. Медиатренды: новые возможности и вызовы», организованный политологическим центром «Север-Юг» и Экспертным клубом «Сибирь-Евразия» при поддержке МФГС³⁸.

В 2020 г. государственными информационными агентствами стран СНГ подготовлен совместный проект к 75-летию Победы — фотокомпозиция, включающая более 90 снимков на основе документальных кадров периода Великой Отечественной войны³⁹.

На основе приведенных данных можно сделать следующие выводы. На протяжении последнего десятилетия Россией и странами ЦА осуществлялось участие в регулярных форматах сотрудничества в области информации и массовых коммуникаций в рамках СНГ. Каждый из этих форматов имеет свое значение. Журналистские форумы и конференции обеспечивают площадку для обмена мнениями, общения представителей СМИ государств СНГ, обсуждения наиболее актуальных проблем. Проекты модельных законов — инструмент, призванный задавать стандарты для унификации и гармонизации национального законодательства стран-участниц. Их появление означает, что со временем, после согласования всеми сторонами, могут быть приняты либо унифицированные национальные акты, либо некая многосторонняя конвенция. Фестивали-конкурсы содействуют не только сотрудничеству в области информации, но и культурному обмену. Молодежные образовательные проекты обеспечивают возможность сотрудничества в подготовке кадров.

Основную активность в сотрудничестве проявляет российская сторона, и она же несет наибольшие финансовые расходы, в частности по деятельности МФГС (76,4 %) ⁴⁰. Страны ЦА принимают участие в сотрудниче-

³⁷ «Вечерний Ставрополь» получил высокие награды // Московский дом национальностей. 28.02.2019. URL: <https://mdn.ru/digest/dajdzhest-za-28-fevralya-2019-goda> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁸ Завершился медиафорум «Большая Евразия — диалог без границ. Медиатренды: новые возможности и вызовы» // Содружество народов Евразии. 27.11.2019. URL: <http://evrazia-ural.ru/meropriyatiya/zavershilsya-mediaforum-bolshaya-evraziya-dialog-bez-granic-mediatrendy-novyue> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁹ Государственные информагентства стран СНГ подготовили совместный проект к юбилею Победы // Белта. 04.05.2020. URL: <https://www.belta.by/society/view/gosudarstvennye-informagentstva-stran-sng-podgotovili-sovmestnyj-proekt-k-jubileju-pobedy-389513-2020> (дата обращения: 07.05.2020).

⁴⁰ Аудиторское заключение по деятельности МФГС за 2016 г. // Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Москва, 2017. С. 4. URL: www.mfgs-sng.org/local/files/mfgs/АУДИТОРСКОЕ%20ЗАКЛЮЧЕНИЕ%202016%20г.pdf (дата обращения: 29.05.2020).

стве, но в меньшей пропорции, сообразно своим финансовым возможностям. Кроме того, играет роль и политический фактор: известный своей закрытостью и нейтралитетом Туркменистан не участвует в большинстве форматов взаимодействия. Узбекистан участвует не во всех органах, но его представители присутствуют на конкурсах, форумах и т. д.

Средства массовой информации, без сомнения, играют значительную роль в укреплении межкультурного диалога на постсоветском пространстве. Сформированный уровень и система связей позволяют говорить о достижимости цели единого информационного пространства стран СНГ, хотя, безусловно, таковое возможно только при желании и совпадении интересов всех участников. Кроме того, очень важно, чтобы в СМИ стран СНГ было представлено больше информации о повседневной жизни и культуре государств-участников. Разнообразие механизмов связей свидетельствует о взаимной заинтересованности сторон в сотрудничестве, что крайне важно, и информация об этих контактах должна распространяться, чтобы привлекать новых участников из числа граждан стран СНГ и обеспечивать социальную базу прочной и эффективной евразийской интеграции.

Сведения об авторах

БАХАРЕВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, младший научный сотрудник, аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

БЕНЕВАЛЕНСКАЯ ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА, канд. ист. наук, научный сотрудник Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул),
e-mail: rabota-ben11@yandex.ru

БЕСПАЛОВА КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА, аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: v199162@mail.ru

ВАЛЕЕВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА, канд. соц. наук, младший научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: cherbakova_marina@mail.ru

ГОЛЕВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ, магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: ivan.golev.2016@mail.ru

ДЕНИСОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва),
e-mail: densera@yandex.ru

ДОРОНЕНКО ИЛЬЯ АЛЕКСЕЕВИЧ, студент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского,
e-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

ЕМЕЛЬЯНОВА АННА ВЯЧЕСЛАВОВНА, ведущий документовед Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: annet1986@list.ru

ЕРМОЛОВА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, аспирант, ассистент Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: mery-05@mail.ru

ЕФИМОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, канд. ист. наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, e-mail: aaefimov5@gmail.com

ЖИРОВ АНТОН АНАТОЛЬЕВИЧ, младший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград),
e-mail: ananzhirov@gmail.com

КАЛАШНИКОВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул),
e-mail: astralnykeks@gmail.com

КАЛЮГА АНТОН АНДРЕЕВИЧ, магистрант Иркутского государственного университета, e-mail: a.kalyuga38@gmail.com

КАРАЧЕНЦЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ, аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета, e-mail: ivankarachencev@gmail.com

КОЖАЕВА АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА, студент Новосибирского государственного университета, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

КОЗЛОВА МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА, студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: cozlowa.marya2018@yandex.ru

КОНЕВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, канд. ист. наук, ассистент Национального исследовательского Томского государственного университета, e-mail: konev-k-92@rambler.ru

КОРЖЕНЕВСКИЙ КОНСТАНТИН БРОНИСЛАВОВИЧ, аспирант Нижневартовского государственного университета, e-mail: KOnstantin_Lg@mail.ru

КУРГАНСКИЙ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, аспирант, младший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград), e-mail: anatkurg@yandex.ru

ЛАНКОВА КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА, студент Дальневосточного федерального университета (Владивосток), e-mail: dream.99.99@mail.ru

ЛАПЕРДИН ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: laperdin2011@mail.ru

МАМАДЖОНОВ АДХАМ, магистрант Ташкентского государственного университета востоковедения, e-mail: adkham.mamadzhonov.91@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, аспирант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, e-mail: elizaveta-mihailenko@mail.ru

МУРАТШИНА КСЕНИЯ ГЕННАДЬЕВНА, канд. ист. наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

НАКИШОВА МАРИНА ТАЗАБАЕВНА, аспирант, младший научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: m-nakishova@mail.ru

НОЛЕВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), e-mail: nolev@inbox.ru

Ожиганов Владислав Вячеславович, магистрант Новосибирского государственного университета, e-mail: ozhiganov.v@mail.ru

ПАРФЕНЯ МАРИЯ ИГОРЕВНА, магистрант, стажер-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), e-mail: maryaparfenya@gmail.com

Попов Дмитрий Константинович, магистрант Новосибирского государственного университета, e-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

Попова Елизавета Михайловна, младший научный сотрудник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород), e-mail: lizzavetapopova@gmail.com

ПЛЕХ ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА, канд. ист. наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), e-mail: plekh@mail.ru

РОМАНОВА ВЕРОНИКА БОРИСОВНА, магистрант Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, e-mail: roveronicka@yandex.ru

САВВИНОВ ПАВЕЛ ОЛЕГОВИЧ, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: pavel_savvinov@mail.ru

СЛУГИНА ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, ассистент Новосибирского государственного университета, e-mail: slugina881@gmail.com

СОСНИЦКИЙ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, канд. ист. наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: st003114@spbu.ru

СТРЕКАЛОВ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ, канд. ист. наук, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, e-mail: strekalov4@gmail.com

ТИШКИНА КСЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА, канд. ист. наук, научный сотрудник Сибирского федерального университета (Красноярск), e-mail: ksetishkina@mail.ru

ТОРИКАИ МАСАТОМО, аспирант Токийского университета (Япония), e-mail: masatomo.torikai@gmail.com

УСКОВ ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ, аспирант, младший научный сотрудник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, e-mail: ggu-03@mail.ru

ФИЛИМОНОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ, канд. ист. наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, e-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru

Филиппенко Ольга Вячеславовна, аспирант, научный сотрудник Йенского университета им. Фридриха Шиллера (Германия),
e-mail: olga.kanyshkova@mail.ru

Холматов Темурмалик Комилджонович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва),
e-mail: timur.kholmatofff@yandex.ru

Чеботарева Александра Викторовна, старший преподаватель Донецкого национального университета (Донецк),
e-mail: abc5071@mail.ru

Чупин Максим Юрьевич, магистрант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского,
e-mail: maxim.chupin.1998@gmail.com

Шматов Михаил Юрьевич, ассистент Новосибирского государственного университета,
e-mail: shmatov2009@yandex.ru

Юсупова Сабир Анарбоевна, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва),
e-mail: syusupova@gaugn.ru

Янь Миньсян, аспирант Фуданьского университета (Шанхай, Китай),
e-mail: ymxfdu@yandex.ru

Содержание

От редколлегии..... 3-4

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. А. СЛУГИНА

Вопросы политической инкорпорации народов Урала и Сибири
в Российское государство в XVI–XVII вв.:
новейшая отечественная историография..... 6-19

М. Янь

В. В. Горский и его вклад в изучение истории
маньчжурской династии Цин..... 20-27

М. Т. НАКИШОВА

С. Н. Шубинский и история Санкт-Петербурга первой четверти XVIII в.... 28-35

И. С. КАРАЧЕНЦЕВ

Российские университеты и государственная политика
в сфере высшего образования XVIII — начала XX в.:
отечественная историография 36-42

К. Б. КОРЖЕНЕВСКИЙ

Историография национально-территориального размежевания
Сибири с Казахстаном в 1917–1936 гг. 43-53

К. А. БЕСПАЛОВА

Деятельность Французской коммунистической группы РКП(б):
историография проблемы..... 54-61

Е. Н. БЕНЕВАЛЕНСКАЯ

Местное историописание и конструирование региональной памяти
в Алтайском крае в 1945–1985 гг..... 62-70

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. В. НОЛЕВ

Хроники династии Цин об установлении и восприятии
маньчжурского правления в политической культуре
монгольских народов XVII в..... 72-79

А. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

Мемуарные свидетельства о негосударственном обучении
иностранному языку в российских столицах в XVIII в. 80–88

О. А. ПЛЕХ

«Милостивый государь Михайло Матвеевич...»:
письма к первенствующему директору Российско-американской
компании М. М. Булдакову в первой четверти XIX в. 89–98

С. А. ЮСУПОВА

«Туркестанские ведомости» как источник изучения деятельности
городского самоуправления на рубеже XIX–XX вв. 99–106

В. Б. РОМАНОВА

Журнал «Иллюстрированная Россия» как источник изучения жизни
русских эмигрантов «первой волны» в 1917–1939 гг. 107–111

М. Ю. ШМАТОВ

Конформизм как форма восприятия гражданами
массовых политических кампаний в Западной Сибири
(1936–1937 гг.): источники и подходы к изучению 112–121

Т. К. ХОЛМАТОВ

Эвристические возможности источниковедения историографии
в реконструкции интеллектуальной биографии С. Б. Веселовского
(1876–1952 гг.) 122–128

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

И. А. ДОРОНЕНКО

Преторианская гвардия на полях сражений II в. н. э. 130–138

Г. В. УСКОВ

Роль *praefecti gentis* в системе взаимоотношений римлян
и североафриканских племен (II в. н. э.) 139–147

Е. М. ПОПОВА

Следственная процедура в Великом Новгороде начала XVII в.:
опыт изучения некоторых отписок воевод 148–154

М. И. ПАРФЕНЯ

Мирское самоуправление в Сибири во второй половине XVII в.:
выборные и выборщики Верхотурского и Иркутского уездов 155–164

Е. И. МИХАЙЛЕНКО

Чиновник в общественной и научной жизни: научные эксперты
Главного управления Западной Сибири (1858–1881 гг.) 165–173

А. В. ФИЛИМОНОВ Вклад начальников Алтайского округа в развитие деятельности общественных неполитических организаций в конце XIX в.	174–180
М. Ю. ЧУПИН Самопрезентация переселенческих чиновников в справочниках для переселенцев (конец XIX — начало XX в.): «обновленный бюрократ» или «чиновник для народа»	181–188
А. В. ЧЕБОТАРЕВА Учет партийно-советских кадров Донбасса (1921–1925 гг.).....	189–199
А. А. КОЖАЕВА Борьба лишенных избирательных прав женщин Сибири против правовой дискриминации (1928–1936 гг.)	200–208
И. Н. СТРЕКАЛОВ Разработка вопроса о формах взаимодействия власти и общества в рамках подготовки проекта третьей Конституции СССР (январь — апрель 1962 г.).....	209–216
В. В. ОЖИГАНОВ Институт губернаторов в Западной Сибири в 1991–1996 гг.....	217–229
М. ТОРИКАИ Местное самоуправление в Новосибирской области: сравнительный анализ (1991–2020 гг.)	230–236

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

С. А. ДЕНИСОВ Судовы под властью Тевтонского ордена в 1280–1370 гг.: практика инкорпорации.....	238–248
А. А. ЕФИМОВ Взаимоотношения августейших заказчиков с подрядчиками по поводу финансирования строительства великокняжеских дворцов в середине XIX — начале XX в.....	249–256
Д. С. БАХАРЕВ Северное Зауралье в конце XIX в.: опыт этнодемографического анализа.....	257–265
П. О. САВВИНОВ Борьба органов городского самоуправления с подорожанием и дефицитом продуктов питания в г. Якутске в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.).....	266–275

К. А. Тишкина Сибирские врачебно-питательные отряды и оказание поддержки беженцам в прифронтовых зонах Европейской России (1915–1916 гг.).....	276–284
А. А. Калашников Направления деятельности земельно-лесных советов в Алтайском округе (январь — июнь 1918 г.).....	285–295
В. Б. Лапердин Нереализованные проекты аграрного освоения Западно-Сибирского края в 1930-х годах.....	296–305
О. В. Филиппенко Члены и кандидаты в члены ВКП(б) — КПСС на спецпоселении в Западной Сибири (середина 1940-х — середина 1950-х годов)	306–316

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Д. А. Сосницкий Образы русской истории в популярных художественных произведениях второй половины XVIII в.	318–327
М. А. Козлова Понятия «конституция» и «революция» в отражении русской периодической печати первой четверти XIX в.	328–335
И. А. Голев Вклад Г. Н. Потанина в формирование фондов Ботанического музея Императорского Томского университета.....	336–342
К. А. Конев Политическая символика как фактор формирования образа иностраных союзников антибольшевистского движения на востоке России (1918–1920 гг.)	343–352
А. А. Жиров Реполонизация культурного ландшафта Воссоединенных земель в составе Польши после Второй мировой войны (1945–1956 гг.)	353–361
К. С. Ланкова Образ человека труда на страницах ханкайской районной газеты (Приморский край, 1953–1985 гг.)	362–369
А. И. Ермолова «Трудиться — нельзя лениться», космос, кукуруза, «хрущевки»: репрезентации практик и образов томского детства в местной прессе (1961–1964 гг.)	370–376

ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Д. К. Попов

Декларация «государевой милости» в дипломатии Московского государства с центрально-азиатскими кочевниками в XVII в. 378–385

А. А. Курганский

Дипломат Юзеф Липский и его роль в подготовке Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией 1934 г. 386–395

А. А. Калюга

Дипломатическая служба и внешнеполитическая система Республики Польша: эволюция и современное состояние 396–404

А. Б. Мамаджонов

Узбекско-турецкие отношения: новый взгляд на историю и современное развитие 405–412

К. Г. Муратшина, М. В. Валеева

Сотрудничество России и стран постсоветской Центральной Азии в сфере информации и массовых коммуникаций в рамках СНГ 413–422

Сведения об авторах 423–426

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник материалов
Международной молодежной научной
школы-конференции
(12–14 октября 2020 г.)

Литературный редактор *О. А. Персидская.*
Корректурa: *Д. В. Ильина, Е. М. Уварова.*
Верстка: *А. В. Ульверт.*

Подписано в печать 23.10.2020 г.
Формат 60 × 84/16. Уч.-изд. л. 27. Усл.-печ. л. 25,11.
Тираж 150 экз. Заказ № 194.
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.